

П. Д. К. - 84
К - 4114

Абдулла Киндаров

**ИСПОВЕДЬ
ЧЕЧЕНЦА**

A. Krivopof

ББК-84
10-412

АБДУЛЛА КИНДАРОВ

ИСПОВЕДЬ ЧЕЧЕНЦА

(Воспоминания и размышления)

КНИГА ВТОРАЯ

Грозный
2008

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИТУМКАЛИНСКОГО РАЙОНА

ББК 84 (2Рос.-Чеч.)-6-44

УДК С2 (Чеч.)

К – 412

**Киндаров А.Г. Исповедь чеченца. – Грозный, ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий», 2008. – 432 стр.**

ISBN – 978-5-900231-50-1

© А.Г. Киндаров, 2008

© ГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2008

*Къоламо шен дена шен дакъа карадойту.
Къолано шен дена шен дакъа карадойту.*

Слово к открывающему книгу

Думаю, будет правильным, если переведем эпитафию на русский язык для тех, кто не владеет чеченским.

Арабское слово «калам» (по-русски – карандаш) в широком смысле означает «знание».

Известный богослов, просветитель и поэт Сугаип Гайсумов, более известный как Сугаип-мулла Шалинский, двумя строчками выразил глубинную и истинную мысль:

Знание помогает обладателю найти свою долю.

Воровство помогает занимающемуся им найти свой труп.

Здесь в чеченском тексте в обоих строках разница лишь в одной букве: къоламо – знание и къолано – воровство. Но как разительно меняется смысл заложенного в них назидания!

Думаю, понятно, что речь здесь идет не о простом житейском понимании слов, а о высоких философских категориях.

Под «знанием» Сугаип-мулла имеет ввиду накопление опыта, образованность, овладение наукой, культурой современным человеком в интересах обеспечения собственного и общественного благополучия, свободной и мирной жизни.

Смысл слова «воровство» не ограничивается простым хищением кем-то чего-то у кого-то, а подразумевает жизнь одних людей за счет других, присвоение незаслуженных благ, эксплуатация слабых и беззащитных, несправедливость вообще.

Трупом же может быть любой, в том числе и живой, если он бесполезен другим и, тем более, отравляет им жизнь.

Жизнь отдельного человека часто зависит от того, какую цель укажут родители, воспитатели или внешние обстоятельства в

раннем детстве или с возрастом выберет сознательно он сам. Но и здесь может сыграть свою благодатную или зловещую роль чей-то пример, долгое внушение, даже одна фраза.

Жизнь семьи, общества и тем более народа во многом определяют те люди, политические группы, которые, в силу разных обстоятельств, оказываются в лидерах.

Так сложилась наша национальная судьба, что на протяжении длительного исторического времени основные силы народа уходили на борьбу за свободу и независимость, на выживание и восстановление. А будущее наше по-прежнему оставалось в чужих руках. И каждый раз, когда у народа просыпалось сознание необходимости изменить ситуацию, ему навязывали войну на новое истребление.

Большевики и советская власть выдвинули перед угнетенными народами тезис об идеальной будущей жизни. Несмотря на то, что сотворил сталинский режим, советская власть с нашим народом в предвоенные и военные годы (истребление моральных и духовных лидеров, коллективизация, выселение), после восстановления национальной автономии и возвращения на родину, мое поколение искренне поверило в то, что сможем построить у себя новую жизнь. Перед нами была четкая и зовущая цель. На пути к ней нам приходилось преодолевать немало естественных, а еще больше искусственных, преград.

Мы упорно трудились над возрождением и дальнейшим развитием родной республики. Теперь мы были другими: возмужали, многому научились, поумнели.

Нам радовал каждый успех, даже в малом деле. Нам казалось, что приближаемся к заветной цели, той черте, за которой наш единый чечено-ингушский народ вступит в полосу мирной, дружной, обеспеченной и счастливой жизни, что будет жить равным среди равных.

Но цель оказалась иллюзорной, а заветный горизонт – миражом. Осознав это, народ отшатнулся назад, словно перед пропастью. Однако нашлись в нем авантюристы и демагоги, которым удалось вывести часть обманутых людей на путь, чреватый войной.

А имперские силы в России не просто ждали этого, они долго и хитро подталкивали наших авантюристов к этой безумной, истребительной войне. Она загорелась, опалила-обожгла весь народ и никак не потухнет до сих пор.

Обо всем этом, разумеется, со своей личной точки зрения, я попытлся рассказать во второй книге повествования под общим названием «Исповедь чеченца».

Исповедь, как учит В. Даль, – форма покаяния, честный рассказ, объяснение своих убеждений и дел, повесть о том, что видел, пережил, чему свидетелем был. Этого я и хотел сделать. Как это удалось, судить не мне.

Искренне благодарный за внимание

Абдулла Киндаров

Часть I

Гудермес – город доброй памяти

Проснулся от ощущения провала в фантастическую бездну. Самолет делал крутой вираж у оконечности Сунженского хребта над селением Брагуны и поселком психбольницы. Внизу четко выделялась великолепная панорама слияния Сунжи и Терека, далее виднелись очертания рисовых чеков вдоль Терека и ряды виноградников у подножия Качкалыковского хребта.

Слева по борту лежал Гудермес с ровными улицами, утопающими в зелени фруктовых деревьев.

Промелькнули паутины железнодорожных путей, коробки главного корпуса локомотивного депо, цехов завода медицинских инструментов, труба кирпичного завода. Здесь мне предстояло работать.

Мысли мои вернулись на землю: самолет резко коснулся колесами бетонки, подпрыгнул, а потом побежал, сбавляя скорость.

Меня встречали. Младший сын Муслим, семи лет, и дочь Зарема, одиннадцати, бежали навстречу, отталкивая друг друга. А старший Асланбек неподвижно стоял рядом со своим дядей – Бароном, стесняясь в свои тринадцать лет выглядеть перед старшими несолидным. Подбежав ко мне, Муслим остановился и застыл на месте, не решаясь при посторонних проявить свои чувства.

Зато дочь, не задумываясь, бросилась ко мне на шею, крепко прижалась, не скрывая своей радости. Прежде, постоянно уезжая и возвращаясь в семью, я не испытывал такого облегчения и радости, как в этот раз.

«Все! Я дома, наконец, и никаких учеб, длительных командировок мне не надо», – думал я, обнимая родных и друзей.

Прямо из аэропорта мы поехали в село, к матери.

– Никакой учебы и службы больше, если даже пообещают сде-

нить из тебя генерала, я больше не допущу, – заявила мать, встречая меня. – А вы что молчите? Неужели не хватит ему тех знаний, что получил за тридцать лет учебы и службы? – обратилась она к дяде и старшему сыну, как всегда, молчаливо наблюдавшим за тем, как командует мать.

– На мужчине, Хижан, – медленно заговорил дядя, – если он, конечно, не какой-нибудь лентяй-слонтяй, лежат не только обязанность кормить семью, но и особый долг. Похоже, он теперь принадлежит не только нам, и с этим придется смириться.

– Да ладно тебе, мать. Затеяла тут грустный разговор. Теперь твой сыночек дома, он будет работать в Гудермесе. Туда ехать столько же, сколько до Грозного – полчаса, – вмешался Барон.

– Ну да. Я и говорю, раньше вы вместе хоть на выходные приехали, а теперь будете ездить: ты на полчаса из Грозного и он на полчаса из Гудермеса. А я должна буду сидеть здесь и ждать вас. Сердце матери все равно грустит, независимо, где ее дети: в Москве, Грозном или Гудермесе, раз они не рядом с ней, чтобы видеть их утром и вечером. Вот, когда вырастут ваши, поймете меня, да сохранит вас Аллах. Я постоянно молю Его, чтобы Он дал вам ума и силы быть полезными для бедных и всех нуждающихся в помощи честных людей. Идите, занимайтесь гостями. Я задержала вас своим стариковским ворчанием, – обратилась она к нашим друзьям, все это время уважительно слушавшим наш разговор. – Извините меня. Отдыхайте, угощайтесь, чем Бог послал. Когда же веселиться, как не в молодости?

– Рассказывают, наша мать в молодости сама была веселой – на гармонии играла, пела и танцевала. И за отца нашего убежала из Чечен-Аула, перейдя вброд буйный Аргун, хотя их настойчиво преследовал один парень с винтовкой из ее родного аула. Он потом из нее всю черепицу на крыше нашего дома разнес.

Гости оживились в ожидании веселой концовки разговора, явно не случайно начатого шутником Бароном.

– Мы как-то спрашивали у нее, почему она тогда не вышла замуж за того односельчанина, если он так сильно ее любил. И знаете, что она ответила? У него «пасматри» было некрасивое, так она по-русски обрисовала «портрет» незадачливого ухажера.

Присутствующие весело передавали другим бесхитростное признание старой женщины.

На следующее утро я входил в кабинет председателя Гудермесского горисполкома. Здание было выстроено недавно по типовому проекту. В этом далеко не шедевре архитектуры все-таки были предусмотрены необходимые условия для работы исполнительного органа власти небольшого города, которым был Гудермес, служивший одновременно и «столицей» одноименного района.

Переступая порог кабинета, я произнес:

– БисмиллахИррахьманиррахьми!

Произнес так, чтобы со стороны это выглядело невинной шуткой, ибо ни на секунду не сомневался, что кто-нибудь из сопровождавших меня работников донесет об этом в горком партии.

Когда я огляделся и сел за стол, ответсекретарь спросил:

– Что прикажете, Абдулла Гарсиевич? Вынести отсюда что-нибудь, заменить или по-новому обставить весь кабинет?

– Ничего менять не надо, – сразу же ответил я. – Здесь работали мои друзья: Даурбеков Сайд-Али Гайрбекович, Ахмадов Зилаудин Ахмадович, Исмаилов Убайд Ахмадович и Дадагов Бадруддин Дадагович, пусть все это останется доброй памятью о них. А если что и начнем менять, то работу.

– Собрать аппарат? Все на местах и ждут вызова.

– Нет. Я намерен побеседовать с каждым непосредственно на его рабочем месте. Сначала я хочу встретиться с Анатолием Анатольевичем, а потом поговорим о наших делах.

Я был знаком с А.А.Чайкиным и прежде. У него приближался пенсионный возраст, но выглядел он еще бодро и гораздо моложе своих лет. Среднего роста, подтянутый, одетый в строгий серый кос-

ном, с внимательным взглядом голубых глаз, Анатолий Анатольевич был довольно видным мужчиной.

До Гудермеса он возглавлял парторганизацию Каргалинского района, который в период хрущевских реорганизаций объединили с Шелковским, а его перевели в Гудермес. Здесь он работал первым секретарем горкома вот уже восемнадцать лет. Не помню, какая у него была профессиональная подготовка, но предпочтение он отдавал сельскому хозяйству.

Когда я вошел, у него находились двое других секретаря горкома, председатель комитета народного контроля и заведующие отделами. Насколько я понял, они были предусмотрительно вызваны, чтобы поздравить меня с завершением учебы и вступлением в должность.

Выслушав и приняв поздравления новых товарищей, я подал Анатолию Анатольевичу свой диплом.

— О, диплом-то не только цветом обложки красный, но и содержанием. Диплом с отличием, — прочитал он, вновь пожимая мне руку.

Первый секретарь горкома предложил мне сесть за столом заседаний по правую сторону от себя, заметив, что это мое постоянное место.

В хозяйствах района уже началась уборка колосовых и шла подготовка к жатве риса. Для меня эта культура была новой. Еще в детстве, в Казахстане, я видел рисовые поля, но, кроме того, что рис растет и созревает в воде, ничего об этой культуре не знал. В Гудермесском районе в шестидесятые годы специально соорудили полную инженерно-оросительную систему для выращивания риса общей площадью десять тысяч гектаров. Говорили, что на ее проектирование и строительство потрачено более тридцати двух миллионов рублей, что по тем временам даже для всей республики было огромным вложением капитальных средств.

Мы с первым договорились, что сегодняшней день я проведу

в исполкоме, а завтра пораньше выедем в хозяйства района, чтобы посмотреть ход уборки озимых.

Район компактно расположен на востоке Чечено-Ингушетии, на границе с Дагестаном, и занимает всего шестьсот квадратных километров площади. Его административные границы с севера идут вдоль Терека от железнодорожного моста у станции Червленной (по часовой стрелке) до впадения в него реки Аксай. По Аксаю пролегает граница с Дагестаном. На меже, между землями Ишхой-Юрта и Мескеты (Ножай-Юртовский район), линия границы резко поворачивает на запад и по Качкальковскому (Гудермесскому) хребту отделяет территорию района от Курчалойского района.

Однако иласханюртовские земли входят в состав Гудермесского района, хотя они размещены на противоположном – южном, склоне хребта и тяготеют к Курчалюю. От места слияния трех рек – некогда знаменитой Мичиг, своенравной Хумдык и мутной Гумс – граница доходит до речки Джалка, отделяющей Гудермесский район от Шалинского.

Вот таким четырехугольником почти правильной формы, с иласханюртовской «бородавкой» по южной линии, можно представить себе на карте Гудермесский район. В него в то время входило восемнадцать населенных пунктов, с общим населением около восьмидесяти тысяч человек. Из них порядка тридцати пяти–сорока тысяч проживало в райцентре, городе республиканского значения – Гудермес.

Такой двойной статус Гудермеса объяснялся его важным значением. Он расположен почти в центре района, является крупнейшим узлом на Северо-Кавказской железной дороге. Через город проходит федеральная автодорога Ростов – Баку.

Так в общих чертах обрисовал мне район А.А. Чайкин, пока мы ехали в совхоз «Восточный», чтобы оттуда начать его объезд.

Машина мчалась по красивой автотрассе, вдоль которой росли абрикосы вперемешку с ореховыми деревьями, а по обе стороны располагались аккуратно возделанные плантации винограда.

Анатолий Анатольевич пристально разглядывал чудесный вид утренней панорамы. Впереди по чистому небу поднималось солнце, освещая справа лесистую горную грядку, а слева – простор полей, разделенных, словно гигантская шахматная доска, на желтые и зеленые квадраты.

– Желтые – это поля с поспевшим хлебом, а зеленые – рисовые чеки, – объяснял мне А.А. Чайкин.

Все поведение этого строгого вида человека говорило о его тесной привязанности к этой земле.

– Вот справа знаменитый источник минеральной воды – Исти-Су. Сюда для лечения ревматических болезней приезжают люди, можно сказать, со всего Союза, особенно много из Средней Азии. Даже из Алтая и Якутии добираются сюда, чтобы принять десять ванн. Я не раз обращался в Минздрав и Госплан республики с предложением исследовать эти воды, чтобы построить, если не курорт, то хотя бы лечебницу, но там что-то долго чешутся. Будет хорошо, если ты поглубже изучишь этот вопрос. Ведь ты работал в правительстве, знаешь людей, даже дома окружен медиками, – показал он свою осведомленность обо мне.

– Да, у гудермесских источников давняя история. Я читал, что царь Петр Первый, во время похода на Дербент, побывал в Брагунах и купился в здешних источниках. А его личный лекарь академик Гунденштедт очень высоко оценивал лечебные качества этих вод. Может, действительно пора заняться ими по-серьезному, по-хозяйски, – показал и я свои познания.

– Вот поселок Новогрозненский. В нем живут наши нефтяники. Раньше здесь было целое нефтедобывающее управление, а сейчас остался лишь цех. А слева – наш новый винзавод. Село Суворово-Юрт образовано после восстановления республики, заселено в основном выходцами из Ножай-Юртовского района.

– Будучи в то время секретарем райкома партии в Ножай-Юрте, я принимал непосредственное участие в агитации жителей тамошних аулов перебраться сюда, – похвалился я.

— Вот теперь будешь сам решать их проблемы. Народ работающий, но есть горлопаны, требующие решить все вопросы быстро и сразу. А так у нас не бывает, — не то с сожалением, не то осуждающе заметил он.

— Мне говорили, что здесь крепкий винсовхоз, да и винзавод должен давать немалые доходы. Они что, не помогают селу? — задал я вопрос.

— Помогают, конечно. Здесь сейчас директором работает Волков Александр Владимирович, человек молодой, энергичный, неплохо ведет хозяйство. Надо потребовать с хозяйственников, чтобы больше помогали сельским советам решать бытовые вопросы, которых накопилось много.

— Без решающей помощи хозяйств сельские советы, с их нищенским бюджетом, ничего не смогут сделать. Я намерен быть в этом вопросе достаточно требовательным, и прошу вашей поддержки. В рамках закона, разумеется, — обратился я к партийному руководителю.

— За поддержкой дело не станет. Но наши советские работники слишком робко ставят эти вопросы, держатся, будто зависимые от хозяйственников, слишком открыто, грубо говоря, заглядывают им в рты.

— Это мы переломим. Кстати, я неоднократно говорил об этом работникам горисполкома и сельских советов, будучи куратором от Совета Министров.

— Вот тебе и карты в руки, — засмеялся Анатолий Анатольевич. — Посмотрим, как ты расшевелишь наших директоров, — подзадорил он меня.

Мы подъезжали к селению Кошкельды. Я издали всматривался в склон горы справа в надежде увидеть минарет старинной мечети. Он стоял, по-прежнему красуясь в гордом одиночестве, на фоне зеленого хребта.

— Вот эту кошкельдинскую мечеть из станицы Старогладковской

рассматривал в бинокль сам Лев Николаевич Толстой. Кстати, он упоминает ее в одной из своих повестей. Жаль, саму мечеть разрушили, говорят, она была одной из красивейших во всей Чечне. Устоял лишь минарет, – заметил я с сожалением.

– Ты, я смотрю, любишь историю, хотя юрист по образованию, – отозвался Анатолий Анатольевич, бросив равнодушный взгляд в сторону памятника.

– Я люблю старину. Но с каждым годом его наследие тает на глазах. Однажды мы все схватимся, но боюсь, будет поздно. Я был в Прибалтике и позавидовал им белой завистью. Там взят под государственственный учет и охрану каждый камень, свидетельствующий об истории края, а за разрушение или нанесение вреда памятникам истории, архитектуры и культуры строго наказывают по закону. В Москве тоже потихоньку просыпаются. А у нас еще глубокий сон и полное безразличие, – добавил я, глядя на А.А. Чайкина.

Но он на мое беспокойство не отреагировал.

В хозяйственном дворе совхоза «Восточный» на утреннюю пятиминутку собрался весь актив. Представлять меня А.А. Чайкину не пришлось.

– Мы Киндарова хорошо знаем еще с тех пор, когда он работал секретарем обкома комсомола, а потом секретарем Ножай-Юртовского райкома партии.

На меня надвигался крупный детина, распахнув объятия и широко улыбаясь. Это был Султан Межидов, в прошлом известный в республике боксер.

– Здешний председатель сельсовета, – представил его Чайкин.

Ко мне подошел и тепло по-чеченски приветствовал старый механик Мовлади Цуруев. Я знал его не только как передового тракториста и комбайнера, но и как весьма грамотного арабиста и человека с поэтическим даром.

Посмотрев уборочные работы в совхозе, мы переехали на поля единственного в районе колхоза «Дружба». Я уже знал, что это хозяйство, как и село, в числе отстающих по всем статьям.

Ишхой-Юрт, расположенный на левом, высоком и крутом, берегу реки Ясси (Аксай) у самого подножия лесистых гор, издавна славился дерзкими джигитами, совершавшими отчаянные набеги на Хасавюрт и другие степные аулы, а также затеречные станицы, Малоземелье, а отсюда и бедность, толкали местных мужчин и разношерстные банды от политического до уголовного толка. Установить, чего здесь больше – правды или вымысла, было трудно, но нелестное мнение об ишхойюртовцах было устойчивым в чиновничьей среде.

Этому в немалой мере способствовали и сами «отцы» аула, пытавшиеся списать на «непослушных» односельчан собственные грешки.

Встречи и беседы с колхозниками на зерновом току и в поле показали, что ишхойюртовцы не испытывают особого дружелюбия к своему районному начальству. Не заметил я оптимизма от появления среди них и новой фигуры в моем лице.

Их можно было понять. Колхоз бедный, за работу люди получают гроши, и то раз в год. Хозяйство сильно задолжало по кредитам госбанка, социально-культурное и бытовое обслуживание населения запущено. Сам исполком сельского совета ютится в аварийном помещении. В таком же состоянии находились школа, сельский клуб, фельдшерско-акушерский пункт и почтовое отделение. Лишь подвыпивший сапожник был доволен своей жизнью и пытался поговорить с начальством и все время интересовался:

– Как там Сашка живет?

На обратном пути молчавший до сих пор водитель сообщил, что так все зовут Волкова Александра Владимировича, работавшего здесь, после окончания сельхозтехникума, агрономом.

А.А. Чайкин похмыкал, покачивая головой, но ничего не сказал.

В Кошкельдах я пожелал увидеть своего старого знакомого Заки Ибрагимова, работавшего в период вхождения села в Ножай-Юртовское производственное управление председателем здешнего

Анатолий Анатольевич, увидев, как я обрадовался доброй вести, приказал шоферу ехать на мельницу.

Нас встретил крупного роста пожилой человек с усыпанной мучной пылью головой. Усы и ресницы у него были словно покрытые шеем. Комично выглядел он, когда, широко улыбаясь почти беззубым ртом и расставив руки, пошел навстречу, чтобы обнять меня.

— Я всегда знал, что он выбьется в начальники, — обращаясь к А.А. Чайкину, ткнул он кулаком в меня. Чувствовалось, что они с первым хорошо знают и уважают друг друга.

Сгрязнув с себя мучную пыль, Закри сел рядом с водителем в машину и по-свойски приказал:

— Поехали домой.

Стол вынесли в хорошо ухоженный сад под тенистую черешню. Крупные спелые ягоды ее свисали над нашими головами, достаточно было протянуть руку, не вставая со стула.

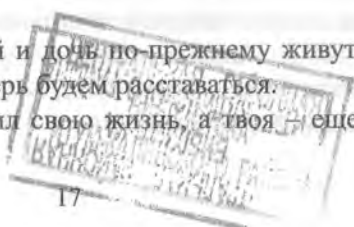
Пока подавали еду, Закри заговорил о Сайд-Али Даурбекове. Они дружили еще с Казахстана, где жили рядом, а потом сотрудничали, когда Сайд-Али работал в Ножай-Юрте, а позже — и в Гудермесе. А.А. Чайкин, разумеется, хорошо знал его.

— Да, Сайд-Али был порядочным и мудрым человеком, — подтвердил он. — Однако прогрессирующая болезнь не позволяла ему обеспечить далеко не простую работу председателя горисполкома.

Я рассказал им о последнем периоде жизни С-А. Даурбекова, о том, как мы оказались по соседству, на одной лестничной площадке. Я, как мог, держал его в курсе общественной жизни республики, которую он преданно любил и которой долго и честно служил. Умер Сайд-Али 15 января 1975 года и похоронен на кладбище его родного села Верхний Наур.

— Жена, трое сыновей и дочь по-прежнему живут в той же квартире. Не знаю, как теперь будем расставаться.

— Он достойно прожил свою жизнь, а твоя — еще впереди.

Хорошо, что ты стариков не забываешь. Важно, чтобы вы, молодые, знали, что ваше нынешнее преимущество, я имею в виду молодость, пройдет, и тогда вам тоже понадобится чья-то помощь и поддержка.

Анатолий Анатольевич и Закри призадумались, каждый о чем-то своем, стариковском.

– Говорите, как восточный мудрец, Анатолий Анатольевич, – попытался я перевести разговор. Но старик оставался задумчивым.

Завернув на короткое время в винсовхоз «Новогрозненский» и на пустующий еще винзавод, мы поехали в Гудермес.

– Хватит с тебя сегодняшних впечатлений, – сказал Чайкин и пожелал встретиться у него в конце рабочего дня.

Когда я уже выходил из машины у горисполкома, он, будучи вспомнив о чем-то, сказал:

– Я совсем забыл, что сегодня суббота, а тебе надо ехать к семье. Встретимся в понедельник.

В моей семье к предстоящему переезду относились по-разному. У Асланбека в Грозном образовалась своя компания. Он смотрел на Гудермес свысока и не хотел менять свою столичную жизнь.

– А может, я у Ваши останусь, – осторожно намекнул он, явно рассчитывая, что я не стану возражать против того, что он останется в семье брата.

– Вот тогда бы вы с Зауром зажили на славу, гоняя день и ночь свой футбол. Нет, парень, ты мой старший сын – наследник и опора, так что должен находиться рядом, в семье. Я буду очень занят, постоянно в разъездах, а ты в это время будешь охранять младшего брата и наших женщин.

– Не нужен мне такой охранник, чуть что, сразу по шее. Я и сам не маленький, нынче в школу пойду, – надулся Муслим.

– Мы с мамой никого и ничего не боимся. Так что, гуляй, выбирай, – заявила Зарема, показывая брату язык. – В Гудермесе тетя Хава живет, а у нее – Элка, Тома, Малика, Роза, Зина и Айка, вот сколько дочерей. Да, мама?

– Правильно, Зарема, с ними мы не соскучимся. У папы в Гудермесе тоже много друзей и знакомых. Мы часто будем приезжать в Грозный к деду-бабе и дяде с тетей.

– Насчет «часто» я бы не зарекался, – заметил я. – Послушай, Зарема, в Гудермесе заканчивается строительство четырехквартирного дома рядом с горисполкомом. Мы, наверное, пока поселимся там. Я присмотрел трехкомнатную квартиру на втором этаже. Это через дорогу от железнодорожной школы. Вот только обе больницы по противоположным окраинам города, и для тебя далековато будет ездить.

– У тебя же служебная машина, – напомнила Тамара.

– Намек понял, но не рассчитывай, – отрезал я.

– Да я так, пошутила, не волнуйся. Что-нибудь придумаем. Помнишь! Там же две поликлиники в центре города! Интересно, есть ли у них физиотерапевтический кабинет? Если нет, создадим.

– Ну да, я начну с устройства на работу жены. Лучшей пищи для местных светлиц и не придумаешь.

– Друг мой, я же не прошусь на должность главврача, а устраиваюсь на рядовую работу по своей специальности. У меня на это имеется конституционное право, а ты, по долгу службы, обязан меня трудоустроить. Вот времена! Раньше жена окружного начальника установилась первой светской дамой, занималась всякими приемами, балами и благотворительностью, – размечталась Тамара.

– Ага, это мы проходили. Но Вы, мадам, советский врач, хотя и осколок от провинциальной аристократии.

– А вот и не совсем провинциальной, – не согласилась жена.

– Виноват, брызги московские, запах парижский, но все остальное грозненского, атагинского и дойкурэвлинского пошива, – поправился я.

– Ладно тебе, бюрократ советского производства, и помечтать тебе нельзя.

– Сколько угодно душе твоей. Однако не забывай реальную должность: ты жена члена партии, сама член партии, врач, мать...

– Договаривай уж. Только поторопи там строителей. Я устала жить порознь, да и дети растут без отцовской руки.

– Боюсь, что и там мои руки будут заняты другими делами. Так что, все по-прежнему будет зависеть от тебя, подруга моя. Крепись и дыши носом.

Так, шутя и подтрунивая друг над другом, мы стали готовиться к переезду. Хрупкая на вид, прожившая всю жизнь с пороком сердца, Тамуся жаловалась на здоровье и жизнь исключительно редко. Она не только сама держалась стойко, а постоянно успокаивала и поддерживала меня. Больше всего я благодарен был ей за детей. Они росли здоровыми, послушными и прилежными. А ведь рожала она их, буквально рискуя жизнью. Не забуду, как врач-еврейка, подруга жены, набросилась на меня с упреками:

– Не думала никогда, что вы такой черствый эгоист. Заставляете жену с пороком сердца рожать второго ребенка. А вы не подумали, чем это может обернуться для нее? Что вы тогда с двумя малышами станете делать?

– Вы зря упрекаете меня. Я, хотя и не врач, понимаю всю опасность такого шага. Но это, на все сто процентов, ее собственное решение. Вся надежда на судьбу. Надеюсь, она будет благосклонной к нам, – отбивался я.

Моя искренность растрогала женщину.

– Извините меня, – сказала она. – Решать, конечно, вам обоим. Мы же сделаем все зависящее от нас, чтобы роды прошли благополучно.

И действительно, все прошло, как нельзя хорошо. Родилась дочь, как я и хотел. У нее были серые глаза и нос с горбинкой, как у моей матери. Большого подарка, чем дочь, похожая на мою мать, и быть не могло.

Мой друг, замечательный поэт-песенник Магомед Дикаев, настоял, чтобы имя ей дали как пушкинской героине – Зарема.

– Я хочу отомстить Тамусе за то, что она отбила у меня друга, которого хотел женить на своей студентке Зареме, – признавался он, захмелев окончательно, когда мы отмечали рождение дочери.

Р. Нашхоев (справа) и А. Киндаров (слева) на свадьбе М. Дикаева

– Принимаю, но не как мечь, а как свидетельство своей победы. – нашла Тамуся, показывая гостям пухленькую дочурку.

После рождения Заремы жена пополнела, похорошела, обаятельней, как говорили карабалтинские кумушки. И сердце беспокоило ее не так часто. Она отважилась до того, что решила рожать третьего ребенка.

На рассвете 9 августа 1971 года она разбудила меня и попросила отвести ее в роддом. Я бросился к телефону, но она попросила не вызывать скорую, а отвести ее пешком.

– Тут недалеко, да и мне полезно пройтись, – сказала она.

– А как же быть с детьми? – забеспокоился я, но тут же нашел выход. – Скажу соседке Хаве.

Оставив спящих детей соседке, мы пошли в роддом.

Благополучно доставив и передав жену дежурному врачу нового республиканского роддома, я побежал домой. Только я поставил

на плиту чайник и начал приготовления на работу, как раздался телефонный звонок. Женский голос, поинтересовавшись с кем говорит, сообщил:

– Поздравляю, ваша жена родила сына и чувствует себя хорошо.

– Уже? – только и нашелся я, что сказать.

– Уже, уже, – подтвердила она. – Долго ли нам, умеючи. Так что, с вас подарок, папаша.

– Непременно! – прокричал я в трубку. – А кому я обязан радостной вестью?

В трубке раздался сигнал отбоя.

«А голос у нее приятный, – вспомнил я, возвращаясь в ванную. – Да и не лишена скромности: на вопрос о подарке не ответила. Черт-те что в голову лезет, – укорил я себя. – Тоже мне, отец троих детей. Это я балдею от радости», – признался я сам себе и пошел будить детей. Асланбек молча сидел в постели, хлопая огромными, как у девчонки, ресницами, видимо, переваривая мое сообщение. Дочь, не найдя рядом мать, захныкала. А когда я попытался втолковать ей, что мама скоро вернется с маленьким братиком, она заплакала в голос.

– Не надо, у меня уже есть Аслаша, – ревела она, растирая по лицу обильные слезы.

– Молчи, дуреха, – произнес молчавший сын. – У меня теперь будет брат, а ты будешь одна.

Он скорчил сестренке рожу и, растянув свои и без того лопушистые уши, показал язык. Та заревела еще пуще.

За этой шумной возней застала нас племянница Билкыс, младшая дочь моей сестры. Вид у нее был расстроенный. Решив, что что-то случилось с сестрой, я бросился к ней, но та, сквозь слезы, сообщила, что не прошла по конкурсу на биофак в пединститут.

– Тоже мне, нашла из-за чего плакать в столь радостный день. Тамуся только что родила мне сына! Теперь у тебя появился еще один

попородный брат. А в институт еще поступишь – какие твои годы!

Через годы, уже сама став матерью, Билкыс уморительно рассказывала, как глупо я выглядел тогда в ее глазах и каким, оказывался, счастливым бываешь в такой день.

Теперь Муслиму было уже семь лет и ему предстояло пойти впервые в школу. Он сознавал важность события и серьезно обсуждал с матерью список всего необходимого к первому сентября.

Новоселье было «рабочим» – привезли детей, расставили свой «бомсомольский» гарнитур и начали жить.

В Гудермесе несколько торгующих организаций: райпо по линии «Респотребсоюза», горсмешторг от Министерства торговли, ОРСы Северо-Кавказской железной дороги, Министерства лесного хозяйства и Министерства водного хозяйства и мелиорации, а в поселке Новогрозненском – ОРС объединения «Грознефть». Мне сразу же поступило несколько предложений приобрести, разумеется, вне очереди, дефицитную мебель. Я отказался и совсем скоро убедился, что поступил правильно. Об этом необычном поступке нового начальника один из торговых работников рассказал в своей компании.

– Что, денег не было? – с ехидной улыбкой спросил у меня один из моих старых приятелей-хозяйственников перед каким-то совещанием.

– Да, – ответил я, глядя ему в глаза, – и денег не было, и в зависимость ни к кому попадать не хотел.

– Выходит, ты откажешься, если я предложу тебе необходимую сумму?

– Ты неглупый парень, – ответил я и ушел к себе.

Через несколько дней в коридоре Совмина я повстречался с бухгалтером Симой – так все звали эту пожилую скромную женщину. Я же с детства был приучен в семье называть людей их полными именами. Поэтому я называл ее Серафимой Филипповной и видел, что женщине это приятно.

– А Вы почему не приходите получать подъемные? – спросила она, остановив меня.

– Какие подъемные? – удивленно спросил я.

– Обыкновенные. Вам по закону полагаются подъемные, в связи с переводом на работу из одного района, в данном случае из Грозного, в другой – Гудермес. Причем, не только на вас лично, но и на всех членов семьи.

Так совершенно неожиданно я получил сумму, достаточную, чтобы приобрести приличный мебельный гарнитур. Однако купил я его лишь тогда, когда на новый год перешел в постоянную квартиру, выделенную за счет квоты Горисполкома, в доме завода Медицинских инструментов.

Закончив рабочий разговор с председателем Совета Министров Мусой Абдурахмановичем Керимовым, я спросил его:

– А можно я задам один шкурный вопрос?

Он вскинул взгляд из-под очков и произнес:

– Шкурный? Валяй.

Сообщив, что получил квартиру в Гудермесе, я признался ему, что не имею приличной мебели. Неудобно как-то перед семьей, навещающими родственниками и новыми товарищами жить по-солдатски. Я и подъемные получил.

– С тебя причитается, – улыбнулся председатель в усы, – я подписал сегодня тебе премию в размере месячного оклада за победу в соцсоревновании по сбору металлолома в третьем квартале.

– Спасибо, конечно, но это все-таки не мебель.

Муса Абдурахманович нажал клавишу громоздкого телефонного аппарата. Раздался щелчок и динамик ответил:

– Слушаю, Муса Абдурахманович.

Это был председатель «Чечингреспотребсоюза» М.А. Мамаев.

– Магомед Абдухалимович, – обратился к нему Керимов, – вы Киндарова знаете?

– Которого, Барона или Абдуллу? Знаю хорошо обоих, очень достойные ребята, – ответил тот.

— Так вот, Абдулла получил квартиру в Гудермесе, а грозненское сдал, что наши работники делают редко и неохотно, а мебели для новой квартиры у него нет.

Я вас понял, Муса Абдурахманович. Это проблема всех бакинских работников, я через это сам прошел. «Мираж» русский его устроит?

Председатель посмотрел на меня.

— Понятия не имею. А сколько он стоит? — задал я неуместный вопрос.

На том конце мой вопрос был услышан.

— Что-то около двух с половиной тысяч рублей, — был ответ. — Совершить или помочь?

— Спасибо большое вам обоим. Сегодня у меня везучий день. Деньги я найду. У меня родни много.

— Не скромничай, у тебя и друзей много, — отозвался в трубке Магомед Абдулхалимович.

— Все? — спросил председатель, надевая очки.

— Нет, не совсем. Я не такой скупой, чтобы приходить к начальству с одной просьбой. Вы, конечно, знали своего земляка Сайд Али Даурбекова, — начал я. — Его, как вам известно, уже нет, но простит ему Аллах все прегрешения, — машинально произнес шеф. Шеф промолчал. — Но у него осталось трое сыновей. Старший сын, имеет детей.

— Знаю, — сказал председатель, — он у нас в комендатуре работает. Воспитанный молодой человек.

— Совершенно верно. Так вот, Сайд-Ахмед нуждается в квартире, он и в очереди стоит. Со мной в моей двухкомнатной квартире проживает сестра, она по закону имеет право на жилплощадь. Было бы здорово, если бы Вы дали Даурбековым мою квартиру, а моей сестре — однокомнатную в любом новом доме.

— Подумаем, — сказал Муса Абдурахманович, вставая и протягивая руку. — Такой вопрос я сам не решаю.

* * *

Первый секретарь горкома партии А.А. Чайкин продолжал со мной объезд района, знакомя со всеми сколько-нибудь важными предприятиями, организациями и учреждениями.

Он, наверное, параллельно присматривался и изучал человека, которым ему предстояло работать. Меня это не смущало, а наоборот, устраивало вполне, ведь я тоже получал возможность узнать поближе человека, от которого во многом зависел. Одновременно я мог показать ему себя, свои возможности. Они у меня, естественно, были, и я не собирался их скрывать. «Пусть лучше узнает меня от меня самого, чем от всяких слухачей и стукачей», – решил я и был с Анатолием Анатольевичем предельно откровенным.

Мои друзья – Убайд Исмаилов, Тапа Герзелиев, Алаудин Хадисов, Усман Осмаев, Хизир Гехаев, Мурат Шамурзаев и другие – характеризовали А.А. Чайкина как весьма культурного и добропорядочного руководителя. Пока я получал этому лишь подтверждения.

Я быстро входил в жизнь района. Соответственно, чем больше я узнавал о состоянии дел, тем больше открывались мне нерешенные проблемы. Главной из них я считал острейшую нехватку питьевой воды, а это в условиях жаркого климата чревато многими опасностями. В южной, нагорной части города, называемой здесь аулом, люди годами жили на привозной воде из реки Гумс: ее пили, на ней готовили, ею поливали овощи на небольших приусадебных участках в том числе и знаменитые гудермесские помидоры.

В северной и восточной частях быстро разрастался частный сектор, однако новые улицы и целые кварталы оставались без водопровода, канализации и твердого покрытия дорог. Уже несколько лет остались разрытыми центральные улицы – на завершение городской канализации не хватало средств. По улицам Школьной и Железнодорожной глубина траншеи достигала трех и более метров, люди переходили их по самодельным мосткам, переброшенным доскам.

Серьезную опасность представляли железнодорожные пере-

завод медицинских инструментов, поселок Кундухова и на ПМТ-6 у центральной усадьбы совхоза «Дружба».

Старейшины аула пришли с просьбой помочь в расширении кладбища.

— Все наши предки похоронены здесь. Во время нашего выезда рядом с кладбищем, захватив часть его территории, была построена молочная ферма. Сейчас мы вынуждены хоронить своих предков там, где еще недавно были навозные и силосные ямы. Ферма давно находится в ветхом состоянии. Здесь богатый винсовхоз, но на наши просьбы вынести МТФ за черту города руководство совхоза и «Чеченингушвино» отделяются заявлениями об отсутствии средств, — говорили они.

В городе было полно бродячего скота и еще больше бездомных собак.

Я уже побывал во всех отделах, ознакомился с состоянием материально-технической базы служб, обеспечивающих жизнь города. Положение было непростым.

Кто-то может подумать: ну что там за проблемы у городка с населением в сорок тысяч человек? Однако, проблемы здесь те же, что и у любого большого города, зато возможностей их решать у такого города гораздо меньше, даже не только в абсолютном, но и в пропорциональном отношении.

Гудермес юридически был городом республиканского значения, но фактически, по реальному отношению к нему Госплана и Минфина, оставался обычным центром сельского района. Эту ситуацию необходимо было переломить, а для этого, как минимум, необходимо было утвердиться в своем новом положении.

Вот здесь я допустил свой первый ляп. В зале заседаний собрались руководители отделов и управлений, организаций и учреждений города и района. На меня изучающе смотрели сотни глаз, а я, в свою очередь, внимательно всматривался в зал, кивая и улыбаясь знакомым.

Заметив, что многих здесь знаю давно и по-доброму, я коротко представился.

– Уверен, что общее дело и совместная работа нас познакомит лучше. А пока сразу же хотел бы обратить ваше внимание на то, что я являюсь законником по образованию, убеждению и характеру. Ошибиться может любой, но когда должностное лицо нарушает закон или пытается сознательно обойти его, я не стану терпеть, а поступлю максимально строго. У въезда в Гудермес, на самом видном месте, будто нарочно демонстрируя возможности своего хозяина, построена двухэтажная дача. В общем-то, она скорее напоминает будку регулировщика дорожного движения, чем дачу. Но при ее строительстве грубо нарушено действующее положение. Мне сказали, что она принадлежит Куразову, директору «Гортопсбыта». Здесь товарищ Куразов?

– Здесь, – поднялся седой и грузный человек.

– Сколько времени вам потребуется, чтобы привести строгость в норму?

– Дня три, – спокойно отвечает ее владелец.

– Даю неделю, садитесь, – говорю, крайне недовольный собой и своим тоном. Но слово не воробей – верно замечено.

На третий день шофер обратил мое внимание: дачка была уже без верхнего этажа и выглядела еще уродливее.

– Поезжай на топливную базу, – приказал я шоферу.

Я решил извиниться перед человеком за свою бестактность и поблагодарить за исполнительность.

Г. Куразов вышел мне навстречу, поздоровался и стоял, словно провинившийся школьник.

– Гани, я пришел извиниться за свое поведение. Я не должен был публично поднимать тебя из-за этого скворечника. Но, убрав второй этаж, ты поступил правильно и поддержал меня одновременно. Спасибо тебе.

Этого скромного человека с широкой орденской колодкой на груди я с тех пор зауважал и оберегал, как мог, до его ухода на пенсию.

Председатель Госплана – многоопытный и хитроумный Елизаров

ний Васильевич Брыксин принял меня приветливо. Узнав о цели моего визита, он пригласил своих замов, руководителей соответствующих служб, и я подробно изложил им все проблемы второго города республики. Мне казалось, что сам статус Гудермеса должен произвести соответствующее впечатление.

Однако председатель Госплана, кисло улыбнувшись, заметил:

– Второй среди трех и без перспективы стать первым.

– Евгений Васильевич, я вас лично знаю давно, ценю и уважаю, чего не могу сказать о Госплане в целом. Все годы пребывания в аппарате правительства, признаюсь, я со стороны, можно сказать внешне, учился у вас и кое-что перенял. За Гудермес я намерен бороться и поэтому честно заявляю: уже с сегодняшнего дня, с этого момента я «иду на вы».

Евгений Васильевич принял мой шуточный тон.

– Ну, помилуй, Абдулла, – сказал он, – меня, старика, ты легко одолеешь, но не станешь же ты, джигит, воевать с моими женщинами.

Действительно, в кабинете, кроме нас двоих, находились еще три дамы, в том числе моя коллега по обкому комсомола – Света Черненко.

– Нет, конечно. Но я постараюсь завербовать их и перетянуть на свою сторону. А если серьезно, Евгений Васильевич, давайте вопрос о Гудермесе, не о районе в целом, а о городе отдельно, подготовим и внесем в Совет Министров, тем более, что вы работаете над планом 1979 года, а там и новая пятилетка недалеко.

– А ты хорошо подготовился к разговору, – похвалил Евгений Васильевич.

Он поддержал мое предложение и дал поручение своим помощницам посмотреть, чем можно помочь Гудермесу еще до конца текущего года.

Результативными были переговоры с министром жилищно-коммунального хозяйства Александром Кирилловичем Зязиным и министром финансов Петром Ивановичем Голещихиным.

Мне всегда импонировал Александр Кириллович. Простой на вид и в общении, он великолепно разбирался в городском хозяйстве и находил решения в сложных переплетениях коммуникаций созданных в течение многих десятилетий без единого генплана.

– Я тебе дам один совет, но ты не выдавай меня, – сказал он заговорщически понизив голос и подмигнув. – Мы ежегодно делим средства между районами по принципу: всем сестрам по серьгам. Но большинству районов своевременно их освоить не удастся. У многих нет проектно-сметной документации, других подводят подрядчики, а третьи используют средства не по назначению, а затыкают ими разные дыры. Главное, проследить за ходом освоения, не допустить разрыва цепочки: деньги – объект – подрядчик – своевременное освоение. Тогда тебе из квартала в квартал удастся освоить выделенное. Лучше, если ты в первом полугодии освоишь годовой фонд. По итогам первого полугодия по республике остается много неосвоенных средств, и мы сможем помочь тебе, причем существенно.

Совет этот мне очень пригодился.

В свою очередь, Петр Иванович Голещихин, мужчина сурового вида, немногословный, деловито поделился «секретом» увеличения доходной части бюджета:

– Первое – добивайся выполнения доходной и расходной части по каждому кварталу; второе – обеспечь полный сбор налогов, при этом удели самое серьезное внимание местным налогам и сборам. Слышал, наверное, выражение: с миру по ниточке и голому рубашка. А здесь наберешь не только на рубашку. Третье – держи под личным контролем инкассацию денег; четвертое – ищи дополнительные источники дохода за счет обеспечения сборов на рынках, расширения и улучшения бытового обслуживания и других услуг; пятое – не снижай требовательности к своему финотделу. Этим ты вызываю огонь по «своим», – пошутил министр.

– Извините, – не согласился я. – Финотдел – наша епархия, это отдел исполкома, а не министерства.

– Согласен, сочтемся, – протянул руку Петр Иванович.

Должен сказать, что в течение всех лет работы в должности председателя горисполкома я находил поддержку от обоих весьма компетентных министров.

Проблемы малого города, воистину, оказались большими. Более того, их накопилось много. Гудермес – крупнейший железнодорожный узел на Северо-Кавказской железной дороге, через него проходит автотрасса Ростов-Баку. Сюда охотно шли министерства и ведомства российские и даже союзные, чтобы разместить здесь крупнейшие предприятия.

Был построен завод медицинских инструментов, созданы строительномонтажное управление (СМУ-11) Чечено-Ингушского управления строительства, передвижная механизированная колонна (ПМК-7) министерства водного хозяйства и мелиорации, ПМК-6 объединения «Чечингсельстрой», ремонтно-строительный участок (РСУ) министерства жилищно-коммунального хозяйства.

Северо-Кавказская железная дорога имела свои строительные мощности, однако, полагаясь на свое союзное подчинение, руководители этих организаций мало участвовали в жизни города. Предусмотренное при закладке новых предприятий жилье строилось медленно, крайне плохо обустраивали отведенные и прилегающие территории, всячески уклонялись от развития материальной базы для сферы обслуживания населения. На предприятиях железнодорожного узла работало до шести тысяч горожан, а это означало, что более половины населения города было связано с дорогой. А раз так, то ССЖД можно было принимать за градообразующее предприятие со всеми вытекающими из этого выводами.

Обо всем этом и своем видении, как переломить ситуацию, я подробно изложил первому секретарю горкома КПСС.

– Я несколько не сомневаюсь, Анатолий Анатольевич, что вы лично досконально знаете эти проблемы и активно занимались их решением, – подчеркнул я, видя, как лицо «хозяина» начинает цвести бирзовым цветом, а голова заметно подергиваться.

Я уже успел заметить известную всем горкомовцам особенность реакции его на неприятную информацию или какие-то раздражающие моменты.

– Возможно, я, как новый человек, несколько обостренно реагирую на состояние городского хозяйства, но улучшить его, поставить на ноги и планомерно развивать без помощи и участия всех предприятий, организаций и учреждений, а также горожан, мы не сможем. Для того чтобы без раскочки приступить к делу, мне необходимо ваше личное понимание и поддержка, – закончил я.

– Хорошо, – сказал он, помедлив. – Я целиком разделяю твою оценку и видение. Считаю, что понимание и поддержку с моей стороны ты имеешь. Только не спеши, не дергай людей, а объясняй и доказывай им, что город у нас один на всех, а значит и заботы о его содержании и развитии должны стать общими.

Не будучи строителем и, тем более, коммунальщиком, не имея возможности поспеть везде, я занялся выбиванием дополнительной единицы заместителя председателя горисполкома по строительству и городскому хозяйству, а также созданием в городе проектно-сметного бюро. А «пробить» такие вопросы в то время было делом непростым.

Но Е.В. Брыксин и П.И. Голещихин поддержали меня, а М.А. Керимов вскоре подписал соответствующее постановление Правительства ЧИ АССР.

На новую должность сразу же возник конкурс. Я пригласил молодого инженера-строителя Хусейна Садыкова, работавшего в недавних пор инструктором в горкоме партии и не претендовавшего на эту должность.

Молодой? Повзрослеет. Неопытный? Опыт – дело наживное. Не умеет? Научим. Примерно так отменял я все возражения и сомнения горкомовских «кадровиков». Забегая вперед, скажу: Хусейн Садыков не подвел, быстро освоился и стал надежным помощником. Впоследствии он стал председателем горисполкома, а напоследок, уже к закату всеилия партии, по совместительству был избран первым

секретарем горкома КПСС, причем первым из числа чеченцев.

После обращения аульских старейшин я не забывал проблему городского кладбища. Удалось договориться с директором совхоза «Дружба» Тапой Герзелиевым и начальником производственно-союзного объединения «Чеченингушвино» Даудом Хаматхановым о том, что срочно будет подготовлена проектно-сметная документация, а в 1979 года начато строительство новой молочно-товарной фермы в городской черте. Таким образом, аульское кладбище могло быть значительно расширено, но и это не решало всей проблемы.

За городом, по дороге на Курчалой, был отведен земельный участок для нового кладбища, там уже начали хоронить, но ограда, начатая строительством, была приостановлена, а каких-либо других работ по его благоустройству и не начинали.

Первое поручение Хусейну Садыкову было – лично заняться этим делом.

– Я здесь человек временный, – сказал я своему молодому заму, – и в любом случае меня похоронят в моем родном Белгатое, а ты обречен на Гудермес. Так что сделай все, как для себя. И еще, немедленно займись подготовкой документации на благоустройство русского городского кладбища.

Еще до наступления холодов кирпичная ограда южного (августовского) кладбища была готова. У въезда, с внутренней стороны, был сооружен добротный навес, официально – для хозяйственных нужд. На деле, мы хорошо осознавали это, верующие использовали бы его для совершения коллективной заупокойной молитвы в непогоду. Об этой стороне дела мы, естественно, умалчивали. В КГБ и горкоме уже интересовались, а зачем кладбищенский навес для хозяйств такой большой и капитальный.

По этому поводу у нас состоялся занятный разговор с начальником горотдела КГБ подполковником О.Р. Лазаревым, с которым у меня со временем сложились довольно приятельские отношения. Он часто звонил к концу рабочего дня, и мы совершали вечерний

«променад» по короткому центральному «проспекту» и скверу перед Домом пионеров.

Олег Родионович был южанином русского происхождения, родился, вырос и получил образование в Грозном, владел чеченским языком, хотя скрывал это. Сухощавый, по-спортивно подтянутый, черноволосый и смуглый, он был общительным, начитанным, мог выдать по любому случаю уморительный анекдот.

– Ты знаешь, я при тебе в роли пугала огородного, – удивил он меня однажды и пояснил: – Люди увидят меня рядом и будут осторожны с тобой – поймут, что ты под защитой.

– Да брось ты. Скорее наоборот: увидят тебя рядом и решат, что я ваш, и не станут мне доверять, не говоря уже об уважении и любви.

– Тогда почему ты так открыто общаешься со мной? – в своем очерде удивился он.

– Потому что ты умный и образованный мужик, импонируешь, нравишься мне по-мужски. По-моему, ты порядочный человек, и это для меня – главное. А твоя должность меня не пугает, ибо я не собираюсь вредить государству, жульничать и обирать людей, равно как и пользоваться по-другому своим служебным положением в корыстных целях. Я человек идейный и патриот своего народа.

– Ты не сомневайся, Гарсиевич, на мой счет. Если бы я даже захотел, нам категорически запрещено собирать компру против двух лиц в районе: первого и предРИКа.

– Так я тебе и поверил. Ваша «контора» должна «бурить» не только и под любого. Это – непреложный закон для спецслужб всякого государства. А я за крепкое, правовое государство, в котором закон превыше всего. Так что делай свое дело, но по совести.

Когда вошел Олег Родионович и присел к приставному столу, я положил перед ним книжку «Законы о районном и городском Совете народных депутатов», открытую на странице, где говорилось об обязанностях горрайисполкомов по содержанию кладбищ и обеспечению ритуальных услуг.

– Прочитай, там подчеркнуто.

Он прочитал указанные статьи и уставился на меня.

– А кто спорит или сомневается?

– Да вот, кто-то из твоих пинкертонов был на мусульманском кладбище и интересовался, почему там соорудили такой забор с колючим и откуда средства.

– Вот засранцы, – вспыхнул подполковник. – Я им вправлю мозги, не сомневайся.

Он подумал и добавил:

– Хотя им могли назудеть наши славные ветераны Ветров и Русаков. Не знаком с ними? Нет? Еще познакомишься!

Я нажал на клавишу внутреннего телефона.

– Хусейн, документация по русскому кладбищу готова? Занеси, пожалуйста. Пусть приходят, я готов к беседе с ними, – сказал я, выйдя перед ним папку с проектом и сметой.

Действительно, в следующий понедельник на прием пришла смешанная делегация «от русского населения», как заявил возглавлявший группу Ветров.

– Раз вы – «делегация», то вас, наверное, кто-то и где-то официально избрал. Хотел бы я видеть ваши мандаты или хотя бы протокол собрания, – прикинулся я чинушей.

От удивления челюсть Ветрова отвисла, обнажая остатки зубов. Сопровождающие вопросительно уставились на своего добровольного тамаду.

– Как это, мандаты? – опомнился тот наконец.

– А вот так. Вы же представились как «делегация от русского населения»? Или я вас неправильно понял?

– Вечно ты нас впутываешь в какую-нибудь историю, товарищ Ветров, – упрекнул его один из стариков с орденами на груди. – Никто нас не избирал и не просил. Он заморочил нам голову, мол, чеченское кладбище горисполком приводит в порядок, а за наше некому замолвить слово. Вот мы и пришли к вам спросить, когда поправят ограду, отремонтируют ворота и сторожку на нашем кладбище, товарищ ордынский представитель.

– Вот теперь понятно. Все мы смертные, а кладбище – дело святое. Однако, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Приглашаю вас поехать на Северное кладбище и вместе посмотреть, как там обстоят дела. Согласны? Хорошо. Пусть Махмуд подготовит машину и найдет еще одну, на полчаса, – поручил я секретарю по внутреннему телефону.

– Честно говоря, я уже встречался со старейшинами многих населенных пунктов района, обязательно проведем такую встречу и в городе. А пока подготовят машины, задавайте другие вопросы, я постараюсь ответить.

Пронзительный взгляд Ветрова сверлил меня. Мне говорили, что это человек с внутренней установкой на конфликт, матерый лоббист, нелишенный склонности к шантажу. Такие формируются из людей с неудавшейся карьерой. Надо было его нейтрализовать, пока не испортил настроение.

– Среди ваших фамилий я увидел знакомую – Попович. Со мной в Сибири служил парень из Гудермеса по имени Евгений. Уж не родственник вы ему? Хороший был товарищ, отличный спортсмен.

– Это мой сын, – как-то нехотя признался грузный старик, мрачно молчавший до этого. – Женя рассказывал о вас, говорил, что вы неглупый человек, – добавил он как бы в похвалу.

– Неглупый – еще не умный, – заметил я. – А что же он не заходит? Я буду рад увидеть сослуживца. Передайте ему привет.

Доложили, что машины у подъезда. Мы вышли под удивленные взгляды посетителей, ожидающих приема. Я извинился перед ними, обещал вернуться через полчаса и принять всех.

На русском кладбище кипела работа. Каменщики уже выложили метров пятьдесят фасадной части ограды. Были сняты ворота, их увезли на сварку во двор ПУЖКХа, разобрана была и крыша сторожки.

Старики были явно обескуражены увиденным.

– Твою мать, – выругался один из них, – мне же говорили

...а, будто слышала, что на кладбище ведутся работы, а я решила, что речь идет о чеченском.

— Ну что, товарищи, вы удовлетворены ответом? Надеюсь, мы еще не раз встретимся. Вот только жаль, что не все у нас будет получаться вот так хорошо. Однако, будем стараться. Это я вам твердо обещаю. Кому до пути в горисполком, прошу в мою машину, а остальных развезут по домам на второй. До свидания!

И пожал руку каждому из остающихся, и вернулся в горисполком.

Поздно ночью зазвонил телефон. В трубке раздался басовитый голос:

— Это квартира председателя горисполкома?

— Да.

— Это сам Киндаров?

— Да.

— У вас свет горит?

— Да.

— А вот у меня, работяги, нет.

— Так в чем дело? Позвоните в «Горэлектросеть». Я же не электрик.

— Ты артист. Устроил, понимаешь, сегодня цирк для старых людей, заслуженных ветеранов войны. Но больше тебе это не удастся. Мы знаем, кто ты. Махровый националист и религиозник — вот кто ты.

И окончательно проснулся. Голос говорящего мне показался знакомым. Чтобы протянуть время, я задал вопрос:

— А кто это «мы»? От имени кого вы говорите?

Проснувшейся жене я сказал по-чеченски:

— Поднимись быстро к Кучиевым и попроси от моего имени дежурную телефонистку выяснить, откуда к нам звонят.

Но она отказалась беспокоить людей в столь поздний час. А в том конце, видимо, догадавшись о моем намерении, положили трубку на рычаг.

Я тут же набрал дежурную на телефонной станции, представился и потребовал выяснить, откуда звонил говоривший только что абонент.

— Да тут и выяснять нечего, — ответила она. — Это Голубев мается по пьяной дури.

Вот тут я вспомнил этот голос. Работавший многие годы швортделом в горкоме КПСС Голубев недавно был освобожден от должности и отправлен на пенсию. Это был законченный национал-шовинист, паразитировавший на слабости национальных кадров. Тактика его была простой до примитива: за взятки проталкивал желающих на «хлебные» должности — заведующими базами, складами, магазинами, учреждениями бытового обслуживания, рынками и т.д., а потом нещадно «доил» их.

Одновременно он, с помощью дружков-собутыльников, умело дискредитировал любого из местных, кто осмеливался поднять голос или заявить о себе как о самостоятельном и перспективном работнике. Пример с Голубева, по рассказам пострадавших, брали начальник горотдела милиции, некоторые работники прокуратуры и других структур, в том числе и горкома партии.

Теперь большинство из них утратили свои должности: кто вынужденно ушел на пенсию, кого освободили за систематическую пьянку, кого — за то, что явно не справлялся с работой в новых условиях. Однако зубы свои они нередко показывали, действуя коварно, исподтишка.

— Справочник, подай телефонный справочник, — поторопился я жену и, найдя нужную фамилию, набрал номер.

Трубку сняли сразу.

— Слушаю, Голубев, — привычно ответил знакомый голос.

— Надеюсь, вы, как мужчина, не станете отрицать, что только что звонили мне? — стараясь быть как можно спокойнее, спросил я.

— Кто это? — помедлив, спросил он.

— Неужели так быстро забыли? Тот, кому минуты три назад вы хамили по телефону — Киндаров.

Я не знаю никакого Киндарова.

Обещаю тебе, рыло свиное, познакомить с ним так, что до гроба не забудешь.

Прозвучал отбой. Я был оскорблен до глубины души и не мог успокоиться.

Набрал телефон Лазарева.

— Ты до сих пор бдишь? — спросил я, услышав его быстрый ответ, и рассказал подробно о случившемся.

— Давай успокойся, а его оставь мне, — коротко сказал Олег.

Однако я не мог успокоиться и набрал домашний номер А.А. Чайкина. Выслушав меня, тот сочувственно произнес:

— Что поделаешь — такова наша доля, еще не такое услышишь. Будь выше этих глупостей, ты же умный человек, Абдулла.

Я извинился за ночное беспокойство и положил трубку. Выходя, я не защищен от злых и мстительных людей? Что же делать? Где и не найдя вразумительных ответов на эти вопросы, я уснул лишь под утро.

Вызвав машину на дом и не заходя на работу, уехал в Энгельс-Юрте в совхоз «40 лет Октября». Там, на самой большой в районе плантации сахарной свеклы, в самом разгаре была уборка.

На весовой в Кади-Юрте встретил главного агронома совхоза Хункарпашу Дуруева. Мы были дружны еще по Ножай-Юрту. Вышедшего роста симпатичный мужчина с коротко стриженной и рано поседевшей головой, он располагал к себе добрым и внимательным отношением, редкой предупредительностью и готовностью быть полезным. Я ему очень обрадовался и честно признался, что хотел бы уехать куда-нибудь на Терек.

— Нет ничего проще, — спокойно сказал Хункарпаша. — Только нет машины.

Мы объехали свекловичные поля, поговорили с женщинами. Мне я уже неоднократно бывал, и меня встречали приветливо.

— Киндаров, — по фамилии обращались они ко мне, — проследи,

пожалуйста, чтобы на заводе нам не снижали сахаристость свеклы. Сколько можно терпеть этих жуликов? Что, нам самому Брежневу жаловаться? – подбоченясь, размахивала руками звеньевая Кока.

Всем щедро одарил ее господь – и статью, и красотой, и широкими карными смолистыми косами, но характер дал мужской.

– Кока, ты бы сама хотя бы раз наведалась к директору сахарного завода. Уверен, у него у самого поднялся бы сахар в крови, – подрачивая ее агроном.

– Я бы хоть сейчас, – с вызовом заявила женщина, – если бы нашелся хоть один мужчина, который отвез бы меня в Аргун.

– Слушайте, подруги, она, никак, хочет сбежать от нас? Там нас таких, готовых сбежать, здесь немало. Учти это, Хункарпаша.

По полю прокатился залиvistый смех, переходя от одной группы женщин к другой. Я знал старую мать Коки и спросил у звеньевой, жива ли она.

– Жива, слава богу, – ответила Кока. – Когда я сообщила, что теперь у нас председателем горисполкома, обрадовалась. Хочу опеть на коня и возглавить сельсовет, – говорит. – Да куда там? Здешние мужчины не только ее, девяностолетнюю, не допустят к должности, но и нам, молодым, ходу не дают.

Есимаг, мать Коки, была старейшим в Ножай-Юртовском районе членом партии и долго председательствовала в Беноевском сельском Совете. Лишь недавно она переехала в Кади-Юрт к дочери и внучке. Я передал ей привет и обещал проведать.

– А еще говорят, что наши женщины забиты, – смеялся Хункарпаша, садясь в машину.

– К сожалению, мы не хотим ценить их и по-настоящему защищать от жизненных тягот.

– Воистину так, – согласился Хункарпаша.

Мы посидели на берегу знаменитого Терека. Глядя в медленный здесь, на равнине, поток мутной воды, я вспомнил, как с Абдуллой Саидовым и Али Тимирсултановым были в горах Грузии,

своего его истока. Там это был всего-навсего говорливый ручеек чистой воды, весело бегущий вниз, чтобы влиться в древний Терек и пополнить своей энергией тающие силы море-озера. Тогда скрытно сфотографировал своего товарища, справляющего легкую прогулку на фоне той речки и, по возвращению, подарил снимок его жене с надписью-отчетом: «Мы Терек пили и в Терек лили». Об этом эпизоде я рассказал Хункарпаше.

— А я и не знал, что ты такой шутник, — сказал он, не то осуждая, не то одобряя мой поступок.

— Ты слышал, Хункарпаша, что в сухой год эта мощная река и до моря не доходит? Ее воды разбирают на орошение, испаряются под жарким солнцем, пополняют многочисленные болота в широкой долине или уходят в песок. Вот так и мы: бегаем, суетимся, стараемся достичь какой-то цели во имя высоких идеалов, а потом выясняется, что результаты твоих усилий, твоего пота и крови кто-то спокойно пропил, безжалостно осквернил, разрушил твою веру в добро, порядочность. Что нужно сделать, чтобы честный человек, его честное служение людям и честный труд были всем видны и достойно оценены современниками? Или это невозможно?

— Боюсь, моего ума не хватит, чтобы дать тебе толковый ответ. По моему, главное в том, чтобы, несмотря ни на что, оставаться честным перед Богом и собственной совестью. Бог рассудит и оценит — это несомненно. Но и люди, уверяю тебя, все видят и верно оценивают, — заговорил Хункарпаша. — Думаешь, мы не видели, как ты сидел костью в горле, по-русски говоря, кос-кому там, в Ножай-Шарте, как потом им удалось надолго выбить тебя из седла? Здесь у тебя противники посильнее. Учти это. Там мы варились в своем собственном соку и в любом случае тебя не могли обвинить в национализме, этим липким и несмываемым клеймом, которым умело пользуются наши казачки. Я бы дал тебе один совет, если позволишь. Только не обижайся. Не берись решать сразу много дел, не старайся все успеть сам, не открывай всем свой ум и свои знания. Люди этого не любят, даже те, кого ты считаешь своими друзьями.

– Нас ищут по рации, – сказал водитель Махмуд. – Ответь?
– Конечно, – сказал я. – Если это Чайкин, скажи, что мы через десять минут будем на току в Азамат-Юрте.

С Анатолием Анатольевичем мы объехали рисовые и свекловичные поля совхозов «40 лет Октября» и «Гудермесский». Вернулись в город поздно вечером.

– Ну как, отошел? – спросил он, когда мы вышли из его машины возле горкома.

– Спасибо. Я в норме. Не сомневайтесь, – ответил я.

– Молодец. Пошли отдыхать.

Мы молча дошли до своего двора и, пожав руки, разошлись. «Старик устаёт, однако форму держит, – думал я, шагая в дом. – Но почему он так меня опекает? Может, он видит во мне своего сменщика? Нет, пожалуй. Он опытный аппаратчик и понимает, что в Гудермесе чеченца первым не поставят, во всяком случае, в ближайшем будущем».

– Ну, как ты? Неужели за целый день нельзя было хотя бы раз позвонить? У тебя же в машине рация, – начала жена.

– А что, у тебя тоже есть рация на этой частоте? Хорошо устроилась жена председателя горисполкома, ничего не скажешь. Даже в поле контролирует своего мужа. Не волнуйся, я в порядке. И голодный, как стая волков. А где мой старшой? – заметил я отсутствие Асланбека за ужином.

– Где-то носится с друзьями. Я видела его на чужом велосипеде. Может, ему тоже купим?

– Да, папа, здесь у всех ребят есть велики. Они на них катаются по улицам, ездят купаться, на рыбалку, – охотно поддержал мать младший. – Мне тоже купите.

– А ты еще маленький, сиди уж, – отмахнулась мать.

– Я тоже хочу велосипед, между прочим. У единственной дочери вашей ничего нет – ни красивых платьев, ни туфель, ни велосипеда. Вам об этом известно, Абдулла Гарсиевич? – Зарема стояла подбоченясь, уставившись на меня своими серыми глазами.

– Бедная ты моя сиротинушка, – прижал я ее к себе. – У тебя нет школьной форма, как у всех: не хуже и не лучше. Так и будет, пока не кончишь школу. А велосипеда у тебя не будет никогда. Ты девочка, а чеченки на велосипедах не катаются. Это стыдно для тебя и позорно для меня. Ты же не станешь позорить меня?

– Нет, папа, никогда.

Пришел Асланбек.

– А ты, парень, на чужом велосипеде был сегодня на большом центральном канале, в пяти километрах от города. Ты у кого-нибудь спрашивал? Мать предупредил?

– Нет, – ответил он, глядя в глаза. – Больше не поеду.

– Я не против, чтобы ты с друзьями пошел искупаться или пообщаться. Но мы должны знать, где ты, с кем ты. Ясно? И помни: ни одного твоего дурного поступка плохо будет не только тебе самому, но и всем нам, нашим родственникам и близким. И наоборот: ни хороших твоих дел будет всем хорошо. Ты понимаешь, о чем я говорю? Отлично! Тогда не заставляй меня повторять одно и то же, ты уже не маленький.

Когда мы остались одни, жена спросила:

– А не слишком ли мало ты уделяешь внимания детям?

– Во-первых, у меня есть ты. Меня мать воспитала и, как видишь, кое-что получилось. Во-вторых, у меня нет больше ни сил, ни времени. Ты это тоже видишь. В-третьих, я рос в бедности, без отца. Но я помнил всегда, каким меня и нас всех он хотел видеть. А мои дети находятся, слава Богу, в достатке, знают, что я хочу и каким вижу их будущее. Ты же можешь и должна объяснять им, что ответственности, по примеру других «начальственных» детей, я не потерял. И помни: поддерживая мой авторитет даже в мое отсутствие, ты поддерживаешь, прежде всего, свой авторитет. В этом, если хочешь знать, секрет нашего национального воспитания.

На сей счет есть замечательная чеченская притча. У одного всеми уважаемого и авторитетного мужа спросили: в чем тайна твоего всеобщего почитания? Что ты для этого сделал?

– Это целиком заслуга моей жены, – отвечал он. – Она постоянно и всячески поддерживала мой авторитет в семье. Оттуда он перешел к соседям, а от них распространился по селу, из села – по округе и так далее.

– Бедные чеченские женщины, теперь и авторитет ваш, оказывается, должны создавать и поддерживать мы, – деланно удивилась жена.

– А как же? Вы нас рождаете, воспитываете и делаете из нас достойных мужей, или никчемных муженьков, так будьте последовательны до конца. Если вы эту свою роль принизите, мужчины деградируют не только как защитники и кормильцы, но и как биологические особи, самцы то есть.

– Мрачная перспектива вырисовывается, – заметила Тамара.

– Особенно с учетом того, что, эмансипируясь, женщины все больше начинают заботиться лишь о себе, – горячо поддержала ее жена. – К сожалению, официальная пропаганда все делает, чтобы разрушить тысячелетнюю мораль, этику и культуру поведения вообще во имя ложно понимаемой свободы и равноправия женщины. Положение женщины в обществе должно определяться материальным достатком, уровнем образования и культуры, а не голым отрицанием опыта прошлого, утверждением вседозволенности в быту и обществе. Я всей душой за то, чтобы чеченки активно приближались к знаниям, культуре, общественной и политической жизни, но не в счет утраты языка, наших обычаев, традиций и всей национальной культуры. Вот откуда главная опасность. Она может наступить на нашу дочь, моих племянниц, всю нашу женскую молодежь.

Мы часто беседовали о будущем народа между собой и в компании близких людей. Здесь, в Гудермесе, круг нашего общения сузился, и нам обоим не хватало своей привычной среды. Даже необразованный чеченец любит помудрствовать, а если он окончил школу, то это уже ученый. О человеке, окончившем институт, и говорить нечего: он и спец, и мудрец, и философии отец.

Наверное, это свойственно любому народу младописьменной культуры, когда истинные знания подменяются информацией в книжках. Получается по-пушкински: мы все учились понемногу, кому-нибудь и как-нибудь. Я тоже один из них. Уметь говорить и думать обо всем на свете в общем и не знать ничего досконально или глубоко, до конца – настоящая беда. Человек думает, что знает, но заблуждается, сам не понимая этого. В юриспруденции это называется добросовестным заблуждением. По-настоящему знает, то есть, умен, не тот, кто накопил много разнообразной информации, а тот, кто из оптимального ее количества умеет делать правильные и глубокие выводы и принимать верные решения.

Эту истину я пытался донести до сознания своих детей. Об этом развивал мысли на августовском совещании учителей, на встречах с учащимися и преподавателями в Гудермесском педагогическом училище, где вновь директорствовал мой предшественник на посту председателя горисполкома Бадруддин Дадагов.

В Гудермесе жил и работал мой друг по комсомольской юности Габи Герзелиев. Основатель фамилии Герзелиевых – царский офицер – и свое время создавал и долго возглавлял укрепленный пункт, а затем небольшую крепость Герзель на реке Аксай, разделяющей Чечню и Дагестан.

С приходом советской власти род Герзелиевых сильно пострадал от репрессий за принадлежность к царскому офицерскому сословию. Был репрессирован и отец Тапы. Кстати, имя свое он получил в честь Тапы Чермоева, с семьей которого Герзелиевы состояли в родстве.

Тапа Герзелиев – секретарь Гудермесского РК ВЛКСМ, Абдулла Киндаров – секретарь Шалинского РК ВЛКСМ, Сайд-Эми Бердукаев – секретарь Надтеречного РК ВЛКСМ (г. Грозный, Чечено-Ингушский обком ВЛКСМ, семинар секретарей, 1958 г.)

В Казахстане Тапа с раннего детства зарабатывал самостоятельно на жизнь, учился в горном техникуме, работал бухгалтером, увлекался общественной работой. В период восстановления республики он был направлен на учебу в Московскую высшую комсомольскую школу. По окончании ВКШ работал вторым секретарем Гудермесского горкома, а затем первым секретарем Курчалойского райкома ВЛКСМ. Именно в эти годы мы познакомились и близко подружились. Позже я был призван в армию, а Тапа направлен в высшую партийную школу в Ростов-на-Дону. В 1963 году мы оба оказались на партийной работе в Ножай-Юртовском районе. Близость судеб, взглядов и интересов с годами укрепили нашу дружбу.

В середине шестидесятых Тапе удалось перевестись в Гудер

... где он работал в горкоме партии, а вскоре был рекомендован председателем колхоза, объединявшего его родовой Герзель-Аул с соседний Ишхой-Юрт. Теперь мой друг был признанным организатором сельхозпроизводства, возглавлял винзавод «Дружба» с центральной усадьбой в пригороде Гудермеса. Тапа великолепно разбирался в вопросах экономики села, отлично владел агротехникой возделывания винограда, знал животноводство. Как опытный бухгалтер, он досконально знал, из чего и как складывается себестоимость продукции, как сделать отрасль доходной, заработать средства на строительство жилья, магазина, столовой, детского сада, помощь больным и другие социальные нужды.

Он подсказывал мне варианты подходов к директорам совхозов, чтобы заставить их строить объекты социального и культурно-бытового назначения, при этом сам показывал пример. Именно при нем был построен целый жилой поселок при центральной усадьбе совхоза с клубом, магазином, детским садом и фельдшерско-акушерским пунктом. Благодаря Т. Герзелиеву мы начали и осуществили вывод МТФ с территории, непосредственно примыкающей к городскому кладбищу, что позволило потом его расширить.

Я называл его Гагановым в брюках, за то, что горком партии часто перебрасывал его из одного отстающего хозяйства в другое. И каждый раз Тапа быстро находил пути вывода его в число доходных. За тридцать лет он руководил шестью из двенадцати хозяйств района.

— Другие зарабатывают себе ордена и депутатские мандаты, работая подолгу в одном хозяйстве, а ты вкалываешь на износ, без сна и отдыха. Не надоело? — посочувствовал я ему однажды, когда уже не работал в районе.

— А разве помочь рабочим, их семьям и населению тех селений, которые отстают, не было нашим долгом? Разве положительный результат не награда? — вопросами ответил он.

С ним нельзя было не согласиться.

Его жена Зина, как и моя, врач по образованию, общительная и хлебосольная, всегда приветливо встречала нас. Наша дружба передалась детям. Мы часто встречались семьями, иногда удавалось вырваться куда-нибудь на природу.

Тапа был замечательным собеседником, немного ироничным и умеющим незлобно подшутить и разыграть товарища. Он великолепно знал кумыкский и казахский языки, помнил множество народных преданий, притчей и примет, умел при случае рассказать уморительный анекдот.

Однажды на колхозном току Тапа показывал молодому рубильнику, как обращаться с новым агрегатом по очистке початков кукурузы. Объясняя устройство агрегата, Тапа опирался рукой на ленту транспортера. Рабочий без предупреждения включил рубильник и рука Тапы оказалась зажатой между движущейся лентой и металлическим бортом. Он сжал зубы и помаха́л свободной рукой, стремясь отключить агрегат. Но парень растерялся и замешкался. Все время пока тот понял, что от него требуется, Тапа, преодолевая нечеловеческую боль, удерживал руку, не позволяя затянуть ее в зубастую пасть очистного механизма.

Рука была сильно пожевана жестким полотном. Врачам удалось сохранить ему пальцы, но они были уже непослушными, так как ткань на руке вместе с сухожилиями была истерта.

– Мне почему-то запомнился запах горящего собственного мяса, он был почти шашлычным, но без специй, – шутил он над собой в больнице. – А я оказался слабаком. Когда остановил агрегат и удалось вытащить руку, я увидел это кровавое месиво и отключился. Хорошо, что потерял сознание, а то бы расплакался перед женщинами на току.

– Ты знаешь, сюда приходил следователь, спрашивал насчет того мальчишки на току. По-моему, они там что-то затевают. Скажи им, пусть ловят жулье, а этого несчастного не трогают. Агрегат включил и руку нечаянно поставил на ленту я сам и не хочу, чтобы из-за меня плакала его мать. Достаточно того, что плачет моя.

Личная скромность и достоинство были его главными чертами. Большинство директоров совхозов, не успев занять кресло, торопиться обзавестись новой конторой, служебной черной «Волгой» и собственным домом. У Тапы не было ни первого, ни второго, ни третьего.

Вспоминаются такие моменты. В те годы практиковалась провозка вне очереди легковых машин «ИЖ», «Москвич», «Жигули» и «Волга» передовикам сельского хозяйства. Руководители хозяйств тоже приобретали автомобили в личную собственность. Мы с А.А. Чибриковым предложили Т.С. Герзелиеву, как передовому руководителю, приобрести «Волгу», но он отказался в пользу одного из лучших внедорожников своего совхоза.

Тапа с семьей жил в старом сборном щитовом доме, состоявшем на балансе совхоза и подлежащем сносу. Ему был предложен отличный участок для строительства собственного дома. От такого варианта он тоже отказался, попросив выделить его семье квартиру на общих основаниях.

В его положении это были поступки глубоко порядочного человека.

Прошло время, и я с большой радостью узнал о том, что мой старший сын Асланбек и дочь Тапы и Зины – Тамила решили пожениться. Шел беспокойный 1993 год. Дудаевцы объявили Чеченскую Республику Ичкерией, предельно испортили отношения с Россией и вели дело к разрыву с ней. Российские генералы и новоиспеченные ичкерийские полковники метали огни и молнии, пока еще на фронтах, однако пахло порохом.

И, тем не менее, молодежи захотелось устроить настоящую свадьбу. Она состоялась 5 июня 1993 года в нашем родовом селе. Гости были много. Особенно приятно было видеть у себя старых друзей и добрых товарищей из Шалинского, Ножай-Юртовского и Черкесского районов.

...А пока до этого дня было еще много времени, и наши дети

бегали друг к другу в гости, обедались кушаньями своих матерей и купались в Гумсе и ели черешню в саду у тети Зины.

Большинство работников аппарата горисполкома я знал с тех пор, как начал курировать район, будучи инструктором орготдела Совмина республики. Но одно дело знать «на расстоянии», по коротким служебным эпизодам, и другое – при «полной выкладке», как говорил наш старшина.

Работать в исполкоме местной власти непросто, но престижно потому что в условиях небольшого населенного пункта ты на виду при деле. По образовательному уровню, стажу работы и характеристикам в моей команде все как будто обстояло нормально. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что многие приучены исполнять лишь конкретные поручения. Ни у кого, например, я не обнаружил личного плана работы, дневника или регулярных записей о том, что сделано за день, неделю, месяц, инструкций по делопроизводству или должностных обязанностей, утвержденных в надлежащем порядке. Отделы исполкома очень слабо взаимодействовали с постоянными комиссиями горсовета, плохо опирались на депутатов.

Большинство депутатов лишь номинально принимали участие в сессиях Совета, а регулярной работы ни в комиссиях, ни в округах своих не проводили. А ведь двести пятьдесят депутатов представляли собой большую силу, если, конечно, грамотно ее использовать. Депутатами были избраны лучшие люди города и района – руководители различных предприятий, организаций и учреждений, ведущие специалисты передовики производства, служащие местных органов управления. По идее, они, от имени населения района, должны были осуществлять власть, контролировать работу исполкома и его отделов. На деле же всю организационную работу тянули штатные работники. Аппарат самого горисполкома состоял из восьми человек: председатель, два заместителя, ответсекретарь, инструктор по организационной работе, секретарь-машинистка, секретарь приемной и водитель.

Отраслевые отделы были больше озабочены не столько улучшением содержания работы, сколько обеспечением своевременной отчетности перед соответствующими министерствами. Из бесед с руководителями и работниками отделов горисполкома я вынес удививший немало вывод: они осознавали себя больше структурными подразделениями министерств и ведомств, чем горисполкома. Об этом же говорили вывески на отделах. «Гудермесский городской отдел народного образования» гласила специально изготовленная в художественной мастерской «под золото» массивная вывеска, прикрепленная в крыле на первом этаже, где размещался отдел горисполкома. На здании, где размещалось управление жилищно-коммунального хозяйства, вывеска прямо гласила, что это орган министерства ЖКХ.

Тюкой же понятийной неграмотностью в обозначении правового положения, то есть статуса учреждения, отличались многие вывески, печати, штампы и бланки других отделов и служб горисполкома. Не исправив такого положения, невозможно было бы изменить их работу в соответствии с требованиями закона, времени и денег. И сделать это предстояло с помощью ныне работающих людей, других не было. А значит, необходимо было объяснить им, зачем, чтобы не могли не понять, в чем суть новых требований. Ведь приращение надписей на вывесках, бланках и штампах не могли изменить существенно самого содержания работы.

Где-то в конце октября, почти через три месяца с тех пор, как приступил к практической работе, я собрал всех работников горисполкома, его отделов и управлений, а также председателей и секретарей исполкомов Новогрозненского поселкового и сельских советов, всего около двухсот человек.

Свое выступление я начал с того, что попросил собравшихся обратить внимание на то, как много нас, платных работников исполнительных органов местных советов района.

— Мы большая сила и можем делать гораздо больше и лучше

того, что делали, – начал я совещание и пригласил его участником к откровенному и честному разговору. Свой предваряющий доклад я сделал умышленно без письменного текста и бумажек, обращаясь лишь к двум законам Чечено-Ингушской АССР – о сельском (поселковом) и районном (городском) Советах народных депутатов.

Всем присутствующим было предложено представить себе мысленно, что в данный момент каждый из них приходит на работу, входит в свой кабинет и занимает свое рабочее место.

– Признайтесь, кто из вас испытал при этом удовлетворение? – спросил я своих коллег.

В зале молчали.

– Я так и думал, что мало кто. А почему? Да, зарплата небольшая, полномочий мало, средств тоже. Но это от вас не зависит. А вот вспомните, что не сделано и не делается из того, что напрямую зависит от вас самих, каждого персонально. Что мешает, например, подсыпать песок и заровнять дорожку к зданию, где работаете, выкопать, посадить деревце, кустарник и цветы под окнами, побелить стены, покрасить полы – словом, создать определенный уют в своих кабинетах, на своих рабочих местах?

Многие из вас, особенно в сельских Советах, на работу приходят, в чем попало, небритыми, непричесанными, как будто прямо из хлева или огорода. Внешний вид советского работника свидетельствует, прежде всего, о его культуре, самоуважении и отношении к своей службе.

– А на чем вы только не пишете свои справки? – задал я еще один вопрос.

– А если нет бланков и нормальной бумаги? Мы не имеем средств на приобретение самых простых канцелярских товаров пишущих машинок, – посыпались реплики.

Мы договорились, что вывески и бланки различных документов будут изготовлены централизованно на средства горисполкома.

– Исполнение обеспечат ответсекретарь и отдел финансов, – сказал я.

— А на это средства не предусмотрены бюджетом, — заявила ведущая финоотделом, вальяжно сидевшая в президиуме.

— Вот для того, чтобы изыскать непредусмотренное, исправить опущенное, изыскать недостающее, вы и назначены заведующей финоотделом, товарищ Сафронова. Если вы до сих пор этого не усвоили, печально, — быстро отреагировал я. — И вообще, мне показалось, что вы чувствуете себя больше уполномоченным Минфина по экономии расходной части, чем руководителем отдела горисполкома, назначение которого — формирование бюджета, его перевыполнение и получение за счет этого доходов для всяких неплановых расходов. И правильно понимаю ваши задачи, Нина Васильевна?

— Да, — был короткий ответ.

— Так давайте вместе и постараемся безусловно обеспечивать четкое и качественное выполнение. Давайте здесь же договоримся: мы все, присутствующие здесь, одна команда. У нас одни цели и задачи. От наших знаний, опыта и конкретных дел, от нашего понимания своего единства, общности целей и задач, отношения друг к другу напрямую будут зависеть наши успехи в работе, авторитет советов и их исполкомов, наш с вами, наконец. Отныне два раза в месяц мы будем специально собираться здесь, чтобы учиться работать. В первый и третий четверг каждого месяца с одиннадцати часов будем заниматься по два часа. После обеденного перерыва то, что касается повестки дня, останутся для участия в заседании горисполкома.

— Мы должны сначала навести у себя порядок во всем, начиная с мелочей, а потом требовать его от других, — эту мысль я в эти дни постоянно повторял. — Порядок освобождает мысль — эти слова принадлежат французскому философу Декарту, жившему три с половиной столетия назад, однако они актуальны и сегодня. Чтобы порядок в своих планах, на своих рабочих местах, во всем, что обеспечивает нашу работу, мы освободим мысли и время для других, более важных и значительных, дел. Мне бы очень хотелось, чтобы вы правильно поняли меня и поверили в то, что я хочу быть полезным для вас в вашей нелегкой работе.

Мои слова звучали пафосно, но были искренними. Мне повезло, что я был услышан и понят своими новыми товарищами. Последовавшая совместная работа подтвердила это.

В те дни повсеместно и, как всегда, шумно обсуждали материалы очередного Пленума ЦК КПСС. Мне позвонил А.А. Чайкин и попросил принять участие в общем собрании коммунистов железнодорожного куста.

– Там более четверти состава районной парторганизации и железнодорожники – народ серьезный, так что советую подготовиться, – сказал он.

– Я же не член бюро, – напомнил я ему. – Как же я буду там представлять горком?

– Все нормально, ты законно избранный председатель горисполкома. Там понимают, что на предстоящей партконференции тебя изберут в состав нового горкома и его бюро.

Клуб локомотивного депо на четыреста мест, как мне сообщили, был заполнен полностью. Меня избрали в президиум собрания и посадили рядом с начальником депо Степановым. Михаил Игнатьевич держался хозяином и демонстративно покровительствовал гостю.

Секретарем парткома депо оказалась родная сестра моего заместителя Ткаченко – Лариса Георгиевна Калоша. Она сделала доклад, и начались прения. Выступали, разумеется, заранее подготовленные люди, которых вызывали по списку. Но было и другое общее для всех: все они, едва сделав обычное вступление, переходили на состояние дел в городе, делая острые и едкие выпады в адрес горисполкома. В зале я увидел Ветрова, Рускова и других ветеранов, бывших тогда у меня на приеме. Они сидели вместе и о чем-то живо переговаривались.

– Вы, Абдулла Гарсиевич, привыкайте. Народ у нас строгий, и бы сказал, ершистый, – посочувствовал мне начальник депо.

– Мы тоже, Михаил Игнатьевич, не пальцем деланные и зубы у нас на месте, – коротко ответил я.

Каждый раз, перед объявлением очередного оратора, старик Попович, сидевший в группе ветеранов, поднимал руку, но на него в притом не обращали внимания. Видя это, Попович крикнул в зал:

– Председателя горисполкома давайте послушаем.

Его дружно поддержали. М.И. Степанов и Л.Г. Калоша посмотрели на меня.

– Я выступлю, но с вашего разрешения, попозже, ведь вопросы могут задать и другие выступающие.

Присутствующие в зале согласились.

Когда я подходил к трибуне, в зале наступила тишина. Даже когда за ней, я еще не знал, как и с чего начать свое выступление. Вопросы нашлись как-то сами собой, но не те, что ожидали в зале.

– Когда я слышу словосочетание «железная дорога», в памяти всплывают длиннющие эшелоны из вагонов для перевозки скота, в которых нас увезли в Казахстан и Среднюю Азию через станцию Гурьевск. А когда слышу «железнодорожник», вспоминаю Волошина Антоша Григорьевича, начальника небольшой станции Джусалы, что на Кляшкской железной дороге, который буквально спас нашу семью от голодной смерти и плакал над телом нашего умирающего отца.

Перед собранием я немного прошелся по территории и целый шинного депо – это же целый завод. Говорят, наш узел один из крупнейших на всей Северо-Кавказской железной дороге. Так что мне есть, чем гордиться, если доверили возглавить город с таким большим железнодорожным узлом.

Выступавшие здесь адресовали мне лично много вопросов: о неудовлетворительном состоянии городского хозяйства, плохом снабжении, перебоях с обеспечением питьевой водой и других проблемах, накопившихся здесь за многие годы. Вы хорошо понимаете, как я не сумею ответить на все заданные и поставленные вопросы, да и не могу отвечать за тех, кто работал до меня, в прежние годы. А вам не нужны мои обещания, какими бы радужными я их не называл. Как же быть? Предлагаю договориться так: я отвечаю на

ваши вопросы с точки зрения своего видения проблем и способов их решения. Если у вас есть или возникнут лучшие варианты, предлагайте, я готов выслушать, сколько бы это не заняло времени.

Я почувствовал, что между мной и залом постепенно устанавливалась живая связь. И все же задающие вопросы нажимают на слово «ваши», когда говорили о бродячей скотине, потравах на цветочных клумбах и в палисадниках, других недостатках и нерешенных вопросах.

– Для меня нет деления на наших и ваших, а есть жители города с одинаковыми правами и обязанностями, – заявил я. – В городе тысяча двести дойных коров с соответствующим шлейфом. Их можно ликвидировать, тогда чьи-то цветники, возможно, сохранятся, но в вам в очередь за молоком, маслом и другими молочными продуктами в магазинах встанут члены семей, которых пока обеспечивают эти коровы. Сколько их будет, нетрудно подсчитать: помножьте тысячу двести на пять, это состав средней чеченской семьи, и получите шесть тысяч дополнительных покупателей. Но тогда то небольшое количество продуктов, которое вы сегодня можете приобрести в магазинах, сократится вдвое. Вряд ли кто из вас захочет этого. А ведь фонды нам выделяют исходя из общего количества живущих в городе, а не на железнодорожников отдельно.

Мы предлагаем другое решение. На запасных городских землях создано товарищество по заготовке кормов для скота в личных подворьях. Восемьдесят процентов из вас живет в индивидуальных домах, с небольшими, но все же реальными приусадебными участками земли. Я видел, что у некоторых сохранились старые хозяйственные постройки. Заведите скот, а мы поможем вам кормить. Если трудно содержать корову, приобретите по паре поросят, козу, птицу.

В зале возникло оживление, раздались аплодисменты, но были и такие, которые фыркали и качали недовольно головами.

– У нас в районе практически нет выпасов для индивидуального скота. Мы думаем создать в каждом сельсовете, аналогичные

ремесленному городскому, товарищества по заготовке кормов, что способно содействовать увеличению поголовья скота, а значит – молочно-мясной продукции на базаре. Одновременно в совхозы завозится молодой высокопродуктивный скот, принимаются другие меры по увеличению продукции животноводства.

Развитие города и коммунального хозяйства, конечно, дело, которое лежит не в компетенции горисполкома и его служб. Однако, от него не могут отставать в стороне предприятия, организации и учреждения, расположенные здесь, а также жители города. До сих пор железнодорожники жили особняком, как бы городком в городе: со своими скважинами, магазинами, школами, больницами и т.д. Это было оправдано в период восстановления народного хозяйства, когда железная дорога определяла успех дела. Сейчас развитие получили автомобильные дороги, авиация, продуктопроводы и другие коммуникации. Связующими и определяющими субъектами для всех становится города общего назначения, которые будут зависеть не от отдельных отраслей, а сами будут диктовать условия им.

Так что, давайте дружить, жить общими нуждами и интересами. Другого пути у нас просто нет. Я надеюсь, что скоро наступит момент, когда вы будете присваивать кому-то из нас звание «Почетный железнодорожник», а мы вам – «Почетный гражданин города (района)».

В зале захлопали, а потом раздались дружные аплодисменты.

Поворачиваясь за стол президиума, я чувствовал усталость.

– Вот это да, – пожимая мне руку, говорил Михаил Игнатьевич. Он посмотрел на часы. – Почти два часа вы отвечали на вопросы. Вытираю! Здесь многим доставались не аплодисменты, а «на вопросы», как говорится.

– Ну что, товарищи, – обратился он к залу. – По-моему, наш кандидат экзамен выдержал. Как смотрите вы?

– Выдержал, молодец, – закричали одни.

– Посмотрим, цыплят по осени считают, – ворчали другие.

– У меня не было необходимости сдавать вам экзамен. У нас получилось что-то вроде встречи с самыми активными гражданами горкома. Не знаю, как вы, но я удовлетворен. Всего вам доброго, – простился с железнодорожниками.

С тех пор многие железнодорожники Гудермеса обращались ко мне по отчеству – Гарсиевич, что было для меня признаком признания.

Зимой состоялась отчетно-выборная городская партийная конференция. Неожиданностью, даже для самого А.А. Чайкина, оказалось то, что обком КПСС выдвинул на должность второго секретаря горкома партии Александра Владимировича Волкова, директора винсовхоза «Новогрозненский».

Волков начал работать в районе по окончании Назрановского сельхозтехникума. Родом он был с Кубани. Его семья переехала сюда сразу после нашего выселения. Говорили, что в молодости Саша Волков не был пай-мальчиком, отрочество его прошло на железнодорожном вокзале и базаре. В нем еще оставалось немало от улицы в манерах и обыденной речи. Став секретарем горкома партии, он поддерживал тесные отношения с друзьями по молодости и оказывал им поддержку.

Чуть выше среднего роста, хорошо сложенный, с длинными прямыми светлыми волосами, он, наверное, нравился женщинам, однако, разборчивостью не отличался.

Непривычно было видеть в роли партийного лидера человека, которого вчерашняя шпана считала своим, а бывшие товарищи по работе и жители сел, где он работал, открыто звали Сашкой. И, тем не менее, Александр Владимирович был не лишен хороших качеств и человеческого достоинства.

Работая агрономом в колхозе, в управлении сельского хозяйства и директором совхоза, он показал себя способным специалистом и организатором производства. Волков был заботливым руководителем, отличался своей обязательностью перед рабочими и товарищами.

А.А. Чайкин считал А.В. Волкова крепким хозяйственником, лично, насколько я мог заметить, никак не видел его в роли партийного вождя. При мне Анатолий Анатольевич никогда не характеризовал его с отрицательной стороны, но чувствовалось его внутреннее пристрастие к нему.

Лично ко мне новый секретарь горкома с первых же дней отнесся товарищески, подчеркнуто уступая мне старшинство по возрасту и образованию.

Первое дело, с которым мы столкнулись в одной упряжке, было преобразование Ишхойюртовского колхоза «Дружба» в совхоз. Вопрос этот стоял на повестке уже давно. Единственный колхоз в районе находился в глубоком провале, задолжал государству только банковским кредитам около трех с половиной миллиона рублей. Различные способы выправить положение и рассчитаться с долгами многочисленные экспертные комиссии не находили. Хозяйство оказалось в руках пяти-шести нечистоплотных людей, крепко привалившихся к коллективной собственности, и умело паразитировавших на родственных связях и круговой поруке. За свой труд ишхойюртовцы ничего не получали, а тех, кто начинал роптать и завываться, тайно и жестко преследовали и притесняли.

Подавляющее большинство жителей села в неофициальной обстановке высказывалась за преобразование колхоза в совхоз с тем, чтобы можно было списать долги, а затем получать регулярную зарплату, как во всех других селениях района, где были совхозы. Но чтобы собрать ишхойюртовцев на общее собрание, как того требовал устав колхоза, так сторонников преобразования не оказывалось.

Многоопытный А.А. Чайкин решил бросить на «ишхойюртовский фронт» меня и А.В. Волкова. Полагаю, что он думал при этом так: Киндаров – человек в районе новый, его не грех еще раз испытать на прочность, а Волков там «свой», его помнят многие с детства, как он, еще совсем юным человеком, пришел сюда работать подростком, жил с ними, неплохо выучил язык и местные обычаи.

Мне по этому поводу рассказали один эпизод ишхойюртовской жизни Александра Владимировича. Группа специалистов колхоза в один ненастный осенний день возвращались с поля, изрядно замерзшие и проголодавшиеся. В селе они встретили своего товарища, завмага. Остановив машину, они приветствовали его, он пригласил их «на чай». Не заставляя себя уговаривать, друзья вышли из машины, и пошли в дом, не приглашая агронома. На замечание хозяина, что надо бы позвать и гаски (от слова «казак» – чеч.), все леги ответили:

– А что, его надо особо приглашать? Если захочет, сам придет.

Услышав эти слова, А.В. Волков, недолго думая, выскочил из машины и со словами: «А что, по-вашему, гаски не мерзнет?» – первым вошел в дом.

Так ишхойюртовцы узнали, что Сашка-агроном понимает их язык. Местные жители шутили по этому поводу, вспоминая слова ставшие крылатыми. Узнав, что приезжий «казачок» изучил чеченский язык, один старик, якобы, сказал:

– Изучив наш язык, он становится опасным для нас, теперь его поставят начальником над нами.

А пока собравшиеся на общее колхозное собрание ишхойюртовцы обращались к нему, теперь уже второму секретарю горкома партии, по-прежнему простодушно.

– Привет, Сашка, – издали кричали ровесники.

– Издрасти, Сашка, – бойко приветствовали женщины.

А Александр Владимирович и не пытался изображать из себя важную фигуру.

Обшарпанный зал сельского Дома культуры со сломанными креслами и провалившимися полами наполнился людьми. Между рядами сновали несколько человек неопределенного положения, о чем-то шушукались с участниками собрания.

– Шестерки, – негромко произнес Александр Владимирович показывая на них взглядом.

Собрание открыл председатель колхоза – пожилой благообразный человек с мягкими манерами, поставленной улыбкой и цепким взглядом.

– Пахан, – прошептал Волков.

Слово предоставили начальнику управления сельского хозяйства. Я пожалел, что еще вчера не поинтересовался, что и как собирается говорить колхозникам мой заместитель. А тот бесцветным голосом сыпал цифрами, свидетельствующими о провальном состоянии хозяйства, огромных долгах и прочих безобразиях. И чем больше плохих цифр он называл, тем больше накалялась обстановка в зале.

Крупнотелая розовощекая женщина, похоже, на последнем месяце беременности, с самого начала собрания вела себя довольно агрессивно, покрикивала на соседок, несколько раз пыталась прервать докладчика.

– Когда докладчик закончит, мы дадим тебе слово, Кемси, а пока помолчи, – не раз обращался к ней председательствующий.

Но женщина не стала ждать, а встала и громко выкрикнула:

– Что ты нам о долгах говоришь? Ты лучше говори, чем вы нам помогли. Вы хотите получать от нас хлеб, мясо, молоко, а отдавать не хотите!

В зале зашумели. Порядок на собрании срывался на глазах. В основном кричали женщины, мужчины же сидели молча и улыбаясь, лишь некоторые неодобрительно покачивали головами.

Выступил заместитель Министра сельского хозяйства республике Умалат Льянов. Он, со знанием дела, стал делать анализ хозяйственной деятельности колхоза за последние пять лет. Картина оказалась удручающей. Умалат Макшарипович сообщил, что за отчетный период с колхоза дважды списывали крупные суммы задолженности по кредитам, колхозу оказывалась помощь семенами, молодым крупным рогатым скотом, в разных других формах. Однако она не улучшились.

Ему не дали толком закончить выступление. Потом говорили А.В. Волков, но его тоже затюкали.

Я стал объяснять преимущества совхоза для рядовых тружеников и специалистов, о больших капитальных вложениях, перспективах для вновь создающихся винсовхозов. Я искренне и достаточно эмоционально заявил, что не стал бы агитировать простых тружеников за совхоз, если бы хоть немного сомневался, что предлагаемое преобразование не гарантирует существенного улучшения их жизни.

Наконец, я привел последний, казалось бы, неотразимый аргумент

– Что вам досталось от прежнего колхоза, когда вернулись из выселения? – спросил я собравшихся.

– Ничего, – хором ответили они.

– А что каждый из вас вложил в его восстановление? Я имею в виду скот, деньги, сельхозоборудование – то, что должно обобществляться в виде собственности при создании коллективного хозяйства

Зал молчал.

– Ничего, – за присутствующих отвечал я. – Все, что у нас сегодня есть, приобретено за счет государственных средств, государственной безвозмездной помощи и т.д. Сегодня вы работаете в так называемом колхозе, но все, что вы производите, продается небольшой группой людей. И вы все об этом хорошо знаете, об этом нам и между собой говорите, но поставить вопрос открыто и ребром не решаетесь. Вы хотите, чтобы такое положение продолжалось и дальше? Если да, то почему большинство из вас в неофициальной обстановке жалуется на безобразия, творимые здесь, а помочь нам отстранить жуликов и исправить положение отказываетесь?

При очередном голосовании за совхоз руки подняли почти половина присутствующих, однако для принятия решения о преобразовании колхоза в совхоз требовалось квалифицированное большинство: пятьдесят процентов плюс один голос. Выступления пошли по второму кругу.

Вновь слово взял «земляк» ишхойнуртовцев – А.В. Волков

На этот раз он говорил довольно эмоционально, часто употребляя эмоциональные слова и выражения. Свой спич Александр Владимирович закончил словами:

— Разрешите выразить уверенность в том, что ишхойюртовцы, ставшие мне близкими еще в молодые годы, работавшие вместе с моим новым председателем горисполкома в бытность его секретарем Ногай-Юртовского райкома КПСС, когда Ишхой-Юрт входил в состав того района, сегодня поддержат нас как настоящие мужчины и достойные женщины.

Зал, по советской привычке, дружно захлопал Волкову, а я тут же обратился к участникам собрания со словами:

— Разрешите, друзья, ваши аплодисменты принять за согласие преобразовать колхоз «Дружба» в совхоз. Давайте вместе придумаем название хозяйству и новое название. Как вы посмотрите, если мы предложим название «Правда»? Пусть в окончательно состоявшемся советском хозяйстве утвердится и восторжествует настоящая правда.

На этот раз в ладоши били по-настоящему. Время клонилось к вечеру. Все устали. Я объявил собрание закрытым. Люди спокойно разошлись и стали подниматься с мест, когда та же Кемси по-бабьи повела и привычно заорала:

— Нас обманули! Эй, люди, нас обманули! — она вскочила и быстро пошла к сцене, где еще находились члены президиума собрания.

Председатель колхоза и его свита немедленно покинули зал. Неостановившись рядом со мной остался лишь председатель сельсовета Иван Ежнев.

Кемси стала размахивать кулачищами перед носом А.В. Волкова. На меня медленно шла разъяренная женщина. Ее щербатый рот был широко раскрыт, глаза ошалело таращились, руки были раскинуты вперед, казалось, она была готова вцепиться мне в плечи. Но мне внезапно возникла, нет, не злость, а жалость к этой щербатой женщине, слепо действовавшей по чьей-то указке. Именно в таком темном человеке сказал некогда великий мудрец — святая правда.

Не отдавая отчета, я обнял старушку.

– Клянусь Аллахом, мать, – сказал я, – ты не знаешь разницы между колхозом и совхозом, а выполняешь чью-то волю. Ты лучше скажи, в чем твоя главная нужда сегодня, а я постараюсь помочь.

Бедняжка тут же сникла и присмирела.

– Ты прав, сынок, – произнесла она сквозь слезы, – какими же ты будешь, старшой, разница, колхоз здесь будет или совхоз? Но родственники покойного мужа пригрозили прогнать меня со двора, если я продолжу лосую за совхоз.

Поднялись молчавшие до сих пор старики, подал призыв к жизни участковый милиции, и женщины были вытеснены из двора. Не обращая внимания на предостережения товарищей, я вышел из клуба и обратился к мужчинам, толпившимся во дворе.

– Я до сих пор думал, что в этом селе живут достойные мужчины, а вы натравили на нас, своих гостей и людей, находящихся при исполнении служебных обязанностей, обманутых женщин и отгоняете в сторону. Слава Богу, нынче не тридцатые годы, а то плакали бы ваши жены. Мы никому не хотим зла, но запомним сегодняшнюю дату и постараемся вынуть из ртов некоторых из вас соски от колхозного вымени.

В ответ – полное молчание. Один старик начал, было, но обрывается, жайтесь, мол, на бедных и темных людей, но на него зашикнули.

С этого дня в моем сознании стали возникать серьезные сомнения в том, что простые люди, из которых складывается наш народ, хотят знать правду и драться за нее. Большинство стремится устроиться на корабле, который мы называем сладким словом «спокойная жизнь». Им нет особого дела до того, кто управляет этим кораблем, куда он плывет и что с его пассажирами будет завтра, через месяц, год, лишь бы сегодня было удобно и сытно, и ничто бы не угрожало их личной шкуре.

Из Ишхой-Юрта посыпались жалобы и заявления: десятки, сотни, может, тысячи. Писали в ЦК, Совет Министров СССР, Правительство РСФСР, в союзное и республиканское министерство

ского хозяйства, в центральные газеты и т.д. и т.п. Под ними были подписи десятков реально живущих в том селе людей. Тон был общий: караул, спасите, грабят, насилюют честных тружеников. Главным преступником и врагом ишхойортовцев объявлялся новый председатель горисполкома, то есть я. Это была хорошо организованная акция.

Я не стал оправдываться, ссылаться на кого-то, а четко и кратко изложил ситуацию, сложившуюся за период с момента образования колхоза и подтвердил свое мнение о том, что преобразование колхоза в совхоз отвечает, прежде всего, интересам рядовых тружеников и всех жителей села.

Я признал, что при принятии окончательного решения, голосованием путем поднятия рук, действительно, не было. После дружных аплодисментов, последовавших за выступлением второго секретаря райкома КПСС А.В. Волкова, я предложил принять их за согласие ишхойортовцев преобразовать колхоз в совхоз. Мое предложение было встречено новыми аплодисментами. При этом мною была сделана ссылка на практику принятия решений подобным образом на различных собраниях, конференциях и даже съездах различного уровня.

Аргументация в пользу преобразования, на мой взгляд, была убедительной. В колхозе давно уже не соблюдался Устав, систематически не выполнялись производственно-финансовые планы, фактически падало производство продукции. Рядовые колхозники ничего не получали за свой труд, а большие суммы денег, выделяемые ежегодно из государственного бюджета, расходовались на необоснованное или присваивались небольшой группой недобросовестных людей. За последние годы были приняты различные организационные и другие меры по изменению ситуации, однако они результатов не дали. Преобразование колхоза в совхоз и специализация его на возделывание виноградника был единственно возможным выходом из создавшегося положения.

Для проверки заявлений была создана комиссия обкома партии,

приезжали из Москвы, в том числе из центральных газет, в частности «Сельской жизни». Всеми ими, без исключения, преобразование было признано целесообразным и правильным решением проблемы. По фактам незаконного расходования государственных средств в колхозе были возбуждены уголовные дела, приняты другие меры.

Директором совхоза был назначен местный молодой специалист Лечи Гайтукаев. Долги были списаны, выделены средства на оплату долгов по зарплате и другие нужды. Постепенно страсти улеглись, люди ощутили на себе, что совхозная форма хозяйствования несравнимо больше отвечает их личным и общественным интересам. В село пошли средства на строительство промзоны, ремонт МТФ, начали строить жилые дома. Через год-два в Ишхой-Юрте появился новый фельдшерско-акушерский пункт, Дом быта, почтовое отделение, административные здания совхоза и исполкома сельского совета, были отремонтированы школа, сельский клуб, дороги, водопровод. Такого внимания это селение и его жители получали от государства за все годы своего существования.

Для меня лично перемены в Ишхой-Юрте дались ценой больших усилий, послужили серьезным жизненным уроком. Активная как сторонников колхозного строя в отдельно взятом селе – Кемал, оказалось, решила отомстить мне весьма оригинальным способом. Родившегося вскоре после того собрания сына она назвала по моей фамилии. Да, да, именно по фамилии, а не по имени. В сельсовете ей оформили рождение сына, которого официально нарекли Кемалдаровым.

С тех пор прошло много лет, произошли серьезные события. Теперь, говорят, в Ишхой-Юрте живет молодой человек с такой фамилией. До сих пор по всей Чечено-Ингушетии наша фамилия была единственной. Теперь она может повториться. В добрый час!

Семья моя быстро «огудермесилась». Тамара работала в городской поликлинике физиотерапевтом. Дети учились в железнодорожной школе № 116. Проблем с их поведением у нас никогда не возникало, учились они на «хорошо» и «отлично», любили читать книги.

слушать музыку, пробовали музицировать. Мы с женой старались приучить их к самостоятельности, поощряли дружбу с ровесниками, подвижные игры и занятия физической культурой.

Как и в Грозном, святым делом для семьи оставались поездки на выходные дни к бабушке и родственникам в Белгатой. Правда, по субботам мне теперь приходилось работать, но воскресенье удавалось посвятить матери.

Я не знаю, какой ты там начальник, – часто повторяла она, – но все говорят, что ты можешь помочь бедным и нуждающимся. Не забывай, что самое главное и святое дело – помощь сиротам и немощным старикам. Будь справедливым. Сто раз лучше потерять должность, чем совесть и совесть. Помни, главное богатство в жизни и на том свете – это уважение простых людей, его надо заслужить.

Мать, – лениво отбивался я, – если все делать так, как ты говоришь, то мне следует стать святым. Но я простой государственный служащий, чиновник, у которого мало возможностей, зато очень много обязанностей.

Никто не может больше того, что ему дано, это разумные люди понимают. Но ты можешь внимательно выслушать человека, поверь, тем, чем можешь, и честно сказать, если не можешь, – не поступала мать.

Я стараюсь, но часто вижу, что люди, обращающиеся ко мне с различными просьбами, неверно думают, что председатель горисполкома может все. Например, дать вне очереди квартиру, увеличить пенсию, заставить мужа не пить, а преступника-сына освободить из-под уголовной ответственности. Такие люди пишут жалобы или пытаются дать взятку. Ты понимаешь? В честность человеческую, особенно людей при должности, у нас не верят. Вот это страшно и обидно.

И все равно, главное, оставаться честным, а неразумных людей рассудит Аллах, – стояла на своем моя святая мать.

Я долго и упорно добивался того, чтобы приучить аппарат и исполнителей к тому, чтобы прием в горисполкоме проходил строго

и неукоснительно в назначенные дни и часы. У меня прием был по понедельникам с двух часов дня. В другие дни недели прием посетителей проводили заместители председателя, ответсекретарь и ведущий плановым отделом – члены горисполкома. Таким образом жители города и района могли обратиться в исполком горсовета в любой день в течение рабочей недели и по любому вопросу.

Распорядок этот был опубликован в районной газете «Красное знамя» и вывешен во всех сельских советах, на предприятиях, в учреждениях и организациях района.

Не без труда и нервоотрепки, но нам удалось наладить четкую организацию приема. Теперь люди старались попасть «к самому». Бывали дни, когда секретарь приносила книгу с записями на прием до тридцати и более человек. А люди подходили и во время приема.

Я где-то прочитал очень понравившуюся мне фразу: «Человеку надо объяснить так, чтобы он не мог не понять». С тех пор я твердо решил сделать эти слова правилом своего общения как с подчиненными по службе, так и с гражданами, обращавшимися с разными вопросами.

Однако это оказалось крайне сложно осуществить. Объяснить коротко свой отказ человеку, пришедшему с жизненно важным вопросом, не получалось, многословие люди откровенно принимали за бездушие, да и отнимало время. Так что понедельник для меня понемногу становился не просто тяжелым днем, а настоящим испытанием на выносливость как в физическом, так и в психоневрологическом отношении. В этот день я возвращался домой буквально выжатый, как лимон, и в семье старались создать обстановку, способствующую моему нормальному отдыху.

Кроме ежедневного приема у себя, в горисполкоме, мы установили порядок, при котором все руководство, заведующие отделами и службами раз в неделю, по графику, выезжали в села района для проведения встреч с жителями района по месту жительства и работы.

Действовала договоренность с редактором местной газеты

А.В. Издравным о том, что председатель горисполкома, его заместители и заведующие ведущими отделами будут систематически выступать с ответами на вопросы жителей через газету.

Таким образом, мы еще в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов пытались построить свою работу на принципах прозрачности, которая с приходом к власти М.С. Горбачева была объявлена официальной политикой.

В этом же русле было и еще одно мероприятие, которое я предложил и провел сразу после очередных выборов в городской и районские советы народных депутатов.

Несмотря на очевидность для всех того факта, что местные советы во многом лишены реальной власти на своих территориях, желающих быть избранными туда бывало много. Руководители различных клубов, обладатели теплых местечек, просто желающие быть поближе к центру, развивали невиданную активность, чтобы быть избранным в городской или сельский советы народных депутатов.

Прибегали для этого к самым ухищренным способам. Однако, обратившись в тот или иной совет и нацепив маленький значок на левый выходной пиджака, многие из них затихали, нехотя появляясь на сессиях Советов.

Мне показалось весьма интересным использовать для повышения депутатской активности метод тимуровцев, когда они на домах дружинников рисовали красные звезды. Только на доме депутатов было решено прикрепить специально изготовленные таблички.

В этих целях заведующему ПУЖКХа Базарову А.А. было поручено найти жесть для изготовления табличек, аналогичных табличкам с названиями улиц города. С начальником локомотивного депо Степановым М.И. договорились, что эту жесть разрежут у себя в цеху по форме и размерам, предложенным художником. Он же выполнит нужное количество специальной светоотражающей краски. Заведующему орготделом горисполкома Джамалову Идрису было поручено обеспечить совместно с ПУЖКХ установку этих табличек на домах и квартирах вновь избранных депутатов.

Менее чем через месяц после выборов на стенах домов и дверях квартир двухсот пятидесяти депутатов Гудермесского городского совета, семидесяти пяти депутатов Новогрозненского поселкового и четырехсот пятидесяти депутатов сельских советов района появились красочные таблички с яркими надписями красной краской на желтом фоне: «Депутат городского совета», «Депутат поселкового совета», «Депутат сельского совета».

Население проявило к этим указателям большой интерес. Однако некоторые депутаты насторожились. Даже в горком партии обратились, мол, пионерскую игру Киндаров затеял.

– Что могут дать эти таблички, почему из депутатов делают посмешище? – возмущались они.

– Зачем эти метки на наших домах? У нас значки есть, – так дипломатично выразил свое отношение к табличкам один хозяйственник, больше всех раввавшийся в депутаты.

Заранее предполагая такую реакцию со стороны отдельных «хитроумных деятелей», я поручил И. Джамалову проследить, кто из депутатов первым снимет указатель. Долго ждать не пришлось. Пять или шесть депутатов горсовета не захотели «светиться» и таблички убрали. А мы – тут как тут. Целой комиссией выехали на места, составили соответствующие акты, справки и предложения в избирательные комиссии соответствующих округов, чтобы те начали процедуры по отзыву этих депутатов.

У нас не было цели добиваться их действительного отзыва, но обратить внимание избирателей и общественности на то, как собираются исполнять свои обязанности и обещания люди, которым они доверили, было очень важно и необходимо. Должен сказать, что эта чисто организационно-техническая мера, сыграла большую роль в значительном оживлении и активизации работы депутатов в своих округах и постоянных комиссиях советов. Но мы не ограничились этой мерой. Решением сессии городского совета был установлен порядок: на каждой очередной сессии двое-трое депутатов выступают с информацией о своей работе.

В 1980 году я был избран депутатом Верховного Совета ЧИССР седьмого созыва, а на первой, организационной сессии, введен в состав его Президиума. Работа Гудермесского горисполкома и отсутствием среднего и низового звена была замечена, а вскоре рассмотрена Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Мы с А.А. Чайкиным почти ежедневно по утрам встречались для обмена информацией и согласования действий. В один из таких дней, около девяти часов, раздался звонок прямой связи с первым заместителем обкома КПСС. Я сделал движение, чтобы подняться и уйти к себе, но Анатолий Анатольевич сделал рукой знак: сиди.

А.В. Власов поздоровался, спросил о делах в районе, а после короткого доклада А.А. Чайкина о чем-то спросил его.

Чайкин А.А. покраснел и ответил:

Да, я один, состояние здоровья нормальное.

Произнеся эти слова, Анатолий Анатольевич весь напрягся, потому его задержалась сильнее обычного. Я осторожно поднялся, взял в стакан воды и поставил перед ним.

Он отвечал односложно:

Да, так. Понимаю. Правильно.

А потом, вздохнув тяжело, произнес:

Я думал, Александр Владимирович, с вашего согласия, доработать до отчетной конференции, осталось меньше полугода.

Я понял, о чем идет речь и почему А.А. Чайкин так взволнован.

Хорошо, Александр Владимирович. Так и будет, не сомневайся. Кто? А вы хорошо подумали, Александр Владимирович? – задал мне вопрос. И, выслушав ответ, произнес: – Ну что же, вам виднее. До свидания.

Чайкин положил трубку и уставился на меня. Он старался овладеть собой и оставаться, как обычно, спокойным и уверенным в себе человеком.

Ты все понял? – спросил он.

Кажется, да, Анатолий Анатольевич. Неужели они не могли

подождать до очередной конференции? – только и нашелся я, что сказать.

– Давай, Абдулла, не будем обсуждать это. И вообще, пусть это пока останется между нами. А сейчас поехали куда-нибудь на Терек, надо успокоиться. Вот жизнь – ведь давно готовился к этому, а пришло время, оказалось – не готов.

На живописном берегу Терека, за селением Комсомольское, где некогда располагались шамурзаевские хутора, мы побыли немногим более часа. От спиртного А.А. Чайкин отказался. Он забросил удочку, но что-то на крючок ничего не шло.

– Погуляли, хватит, – сказал он. – Поехали, дела ждут, – и сел в машину.

– Я тебе не сказал, кто меня сменит? – заговорил он, когда мы вышли из машины во дворе горкома.

– Это ни для кого не секрет, – ответил я, – место забронировано еще полгода назад.

– А у меня был другой вариант, несравненно лучший, – глядя мне в глаза, сказал Анатолий Анатольевич.

– Он был нереальным, – ответил я и, пожав дрожащую руку, пошел к себе.

Срочно собранный внеочередной Пленум горкома КПСС избрал первым секретарем Волкова Александра Владимировича, почти полного тезку самого первого, сидевшего тут же, в президиуме. Жизнь продолжалась, улыбаясь кому-то до ушей, а кому-то – корня комическую рожу.

В те годы в партийной иерархии происходила смена поколений. Поколение политически закаленных, прошедших войну и школу восстановления республики, сдавала смену молодым. Новые были более грамотными, закончили нормальные школы, у всех были институтские дипломы, за плечами – партийные школы, опыт руководства определенными участками работы, особенно на производстве. На селе в руководство райкома партии пошел мощный корпус директоров и председателей колхозов. Они знали, как организо-

производство мяса, молока и хлеба, заготовку кормов, умели считаться наверх, принять хлебосольно начальство. Они жили по принципу поговорки: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». По нему они придерживались железного правила: не переставать начальству, а стараться задобрить его, едва уловив нотку неодобрения в его голосе, маленькую косинку во взгляде.

Оттого, но в еще большей степени, они требовали от подчиненных в отношении себя.

Хорошо зная, что век партаппаратчика на первых ролях недолюбивших и желающих «сыграть» в них много, почти каждый, кто проходил закрытый конкурс, стремился, прежде всего, устроить свои личные дела. Однако, даже на триста пятьдесят рублей, очень хорошей по тем временам зарплате первого секретаря, создать особого благополучия все же было невозможно. У председателей райгорисполкомов были аналогичные оклады, и я знаю, что говорю.

Выход был стандартный: через несколько месяцев, не более полугодия, вокруг нового первого формировалась группа «своих» людей, голодных, наглых, готовых переступить через труп любого, кто осмелится выступить против босса и интересов команды.

Бывало, что в кресле первого оказывался умный и осторожный человек. Тогда интересы дела выдвигались несколько вперед. Однако команда тоже возникала и начинала действовать в собственных интересах. Устроившись поудобнее, ее члены начинали наводить в районе свои порядки. Кого они не устраивали, должны были уйти от них «уходили».

Я постарался трезво оценить создавшуюся обстановку, а также объективное положение в ней, свои объективные и субъективные возможности. Все обстояло сложно, запутанно и почти безнадежно. Мечтать, ломать свои убеждения и принципы ради того, чтобы закрепиться в должности и стать марионеткой, я бы не смог.

Уходить, не успев толком начать настоящую работу, испугавшись чьих-то теней, не хотелось. А вдруг новый первый окажется, пусть не идеальным, не опытным, но все же порядочным челове-

надежным товарищем. А это дорого стоило по тем временам. Да и по нынешним стоит немало. За этого человека мне все это пришлось бороться с его окружением.

Карьеру А.В. Волкову в конце концов погубили прежде всего его помощники и дружки, входившие в ближний круг. Они шли за со своего доверчивого босса все, что могли, беззащитно исповедывая его слабости, и предали. Словом, действие развивалось и закончилось по законам классической драматургии.

А пока оно только начиналось.

В то время все усилия мощной партийной организации, советов народных депутатов, хозяйственных органов были направлены всецело на одно – выполнение планов.

За невыполнение квартального и полугодового плана можно было схлопотать выговор в обкоме партии, а если разово срывал годовой план, могли лишиться должности. Объективно планы бывали небольшими в расчете на гектар пашни, на голову крупного рогатого скота, дойную корову, несушку и так далее. Однако урожайность зерновых, овощей, винограда, привесы скота, надои молока и яйценоскость птицы оставались низкими, а потери – высокими.

Все это получалось из-за низкой культуры хозяйствования, слабой заинтересованности работников в результатах труда, низких закупочных цен и многих других причин.

Сверху постоянно навязывались всевозможные эксперименты по «совершенствованию» управления, технологии возделывания, специализации, оплаты труда, материальной заинтересованности, обеспечению сохранности и т.д. Однако состояние дел в общем и целом улучшалось медленно и далеко не везде. Получалось, как в поговорке: хвост вытащишь, нос воткнешь, нос вытащишь – хвост воткнешь.

Все меры и средства использовались на то, чтобы любой ценой обеспечить план, но и это не спасало. Не успеешь отчитаться в местном отделении ЦСУ (центральное статистическое управление) о выполнении плана, как тут же получаешь дополнительное задание.

И конце брежневской эпохи ввели в практику так называемые «закупки у населения излишков сельхозпродукции». По сути, то же возвращение к послевоенным налогам на сельхозпродукцию, когда платились не только земля, поголовье скота и птицы, но и каждое лишнее дерево в саду.

Однако эти закупки были возложены не на колхозы и совхозы, а на население. Были хотя бы некоторые условия и специалисты для этого, а на селе не было никаких советов.

О каких излишках мяса, масла и молока у населения можно было говорить в условиях Чечено-Ингушетии? В наших горных районах сельское хозяйство было малопродуктивным, а земли в личном пользовании крестьян мало. В плоскостных подворьях можно было содержать максимум одну корову с приплодом текущего года, но и для этого скота кормовых ресурсов хватало выпасов и кормов.

Закупки же, в любом случае, — не дело советов. В центральной России такие излишки, если они имелись, у населения закупали организации потребительской кооперации. Советы лишь помогали им и одновременно обеспечивали контроль за законностью, качеством и ценами. Поэтому мы в горисполкоме заняли позицию всемерного вмешательства сельских советов от несвойственных им дел. Однако условия были неравными. Нам противостояли директор всех двенадцати совхозов района и горком партии, подгоняемый и поощряемый в лице его сельхозотдела и секретаря, курирующего агропромышленный сектор республики.

У населения реальных излишков не было, и быть не могло, однако по отчетам статуправления выходило, что у населения было закуплено до четверти заготовленного количества сельхозпродукции. При ближайшем изучении этого феномена я сделал для себя удивительное открытие. Оказалось, что был запущен подпольный рынок «закупок» мяса, молока и яиц у населения — простой по структуре и безотказный в действии, но пустой по реальным результатам. Более того — преступный. А делалось это так. Брали во внимание весь административный, управленческий и хозяйственный

актив села и облагали его денежным «налогом». Сумма «налога» зависела от положения активиста, то есть его зарплаты, возможностей левого дохода, а также доведенного объема закупок. Деньги собирали несколько доверенных лиц из числа заготовителей. Они ехали в город Аргун и там на мясокомбинате покупали за деньги и квитанции за якобы сданный скот. Аналогичные квитанции покупали на молокозаводах. Для этого на мясокомбинате и молокозаводах создавались запасы излишков за счет снижения веса и упитанности скота, объема и жирности молока, принимаемых от тех же совхозов и колхозов. Реально ни мяса, ни молока нигде не увеличивалось, зато закупщики и приемщики наживались баснословно.

Мне позже рассказывали, как в Гудермесе «крутили» одну машину яиц, закупленных на Ставрополье. По бумагам эту партию яиц сначала оформляли как проданную в магазинах райпо, а потом за наличные их опять выкупали оттуда и опять продавали заготовителям. Куплю-продажу «яиц у населения» продолжали до тех пор, пока не оказывался выполненным план.

В конце каждого квартала и особенно года в горкоме начиналась настоящая лихорадка. Линия связи между статотделом райкома и заведующим сельхозотделом горкома Ахмадом Амерхановым раскалялась до красноты его упитанной шеи. Исполнительный Ахмад бывал по настоящему счастливым, докладывая первому об успешном завершении отчетного периода по «закупкам» сельхозпродукции.

А в это время директора совхозов, не выполнившие планы по производству и продаже государству мяса, молока и другой продукции, с легким сердцем продумывали, как оправдаться при очередном подведении итогов. Уж это они умели делать.

При разработке и утверждении плана работы на 1980 год я договорился с А.В. Волковым внести на обсуждение сессии горсовета вопрос о состоянии и использовании потенциала района по развитию сельскохозяйственного производства. Темой этой я занимался с начала работы в районе: собирал статистику, справки, делал записи, поднял учебники, конспекты по академии. Вначале я

не удалось написать статью в местную газету, но собранный материал содержал много интересной информации, требующей серьезного и вдумчивого разговора.

Я никогда не поручал никому писать для себя доклады или выступления. И на этот раз свой доклад я написал от первого и до последнего слова сам. В течение двух-трех месяцев, ушедших на подготовку сессии, я советовался с опытными хозяйственниками, специалистами, бригадирами, звеньевыми, передовыми рабочими, опытными выращиванием хлеба, сахарной свеклы, винограда, содержанием скота. В непринужденной беседе человек, зачастую, говорит такое, что не скажет с высокой трибуны. Люди подсказывали, как лучше, по их мнению, решить ту или иную производственную проблему, увеличить урожайность полей и продуктивность скота, обеспечить сохранность произведенной продукции от воров и потерю по другим разным причинам, как поощрить и заинтересовать тружеников, дали много других советов.

Некоторых депутатов горсовета, с кем беседовал и советовался, я попросил подготовиться и выступить на сессии. Повестка дня депутатам была заблаговременно разослана, ряду постоянных комитетов было рекомендовано обсудить вопрос на своих заседаниях и подготовить соответствующие предложения. В районной газете заблаговременно было опубликовано приглашение принять участие в обсуждении важного вопроса на страницах газеты, а также прислать свои предложения и замечания в редакцию или горисполком.

Честно скажу: я и сейчас, по прошествии более четверти века, с удивлением вспоминаю тот доклад, его аналитическую часть и предложения по улучшению дела в аграрном секторе района.

Без серьезного повышения культуры производства на всех стадиях невозможен подъем сельского хозяйства – был один из главных тезисов. Материальная заинтересованность работника в значительном результате своего труда – основа успеха, – таков был другой основной тезис. Предлагалось изучить и внедрить сезонный подряд, договорную практику и оплату труда по конечному

результату, а также другие новшества в организации сельскохозяйственного производства.

В наших селах плохие дороги, нет воды, газа, бань, других бытовых услуг, не хватает детских садов и ясель, слаба материальная база школ, учреждений культуры и здравоохранения, говорится в докладе. Огромные средства расходуются на содержание рисовой инженерно-оросительной системы, расширение площадей под виноградом, а настоящей заботы о людях пока нет, она лишь в планах и обещаниях.

Давно известна истина: сколько не говори халва, халва, но ртуть сладко не бывает. Если мы всерьез хотим поднять производство, надо заботиться о людях, прежде всего, о детях и молодежи.

Хозяйствующие субъекты на территории города и района призывались к непосредственному и активному участию в создании условий для нормальной жизни населения, а органы местной власти – к обеспечению постоянного контроля за неукоснительным выполнением требований действующего законодательства на своей территории.

Надо прямо сказать, что по Конституции и законодательству Союза, Российской Федерации и Чечено-Ингушской АССР местные советы были наделены немалыми правами, однако они их зачастую не реализовывали в силу причин, независимых от них. На мой взгляд, главным здесь было то, что конституционное положение, провозглашающее КПСС руководящей и направляющей силой в обществе, понималось слишком буквально, в силу чего все и вся было подмито под партийные органы. При этом сами они не несли никакой ответственности за неверные указания и волевые решения.

Труднее всего мне удавалось терпеть, когда любой работник аппарата брал трубку и давал указание от имени горкома партии. Став членом бюро горкома, я сразу же открыто заявил, что не намерен больше соглашаться с такой практикой.

– Как член партии, лично отвечающий за работу советских органов района, – заявил я, – ничего не имею против того, чтобы товарищи давали советы и вносили свои предложения по любому

в любое время. Однако принимать телефонные указания отдельных лиц к исполнению не намерен. Если это официальное решение бюро или горкома в целом, оно должно быть соответствующим образом принято и оформлено письменно.

Такую принципиальную позицию я занял не в силу своей слабости или безрассудства, а сознательно, в силу Устава КПСС, решений съездов партии и Пленумов ЦК. Ее легко было занимать, читая книгу или глядя из зрительного зала на поведение киногероя. На практике все было гораздо сложнее.

Заняв такую позицию, ты подставлялся, как Матросов под пули. Даже «оставшись в живых» ты больше не имел права на ошибку, не мог даже случайно оступиться. Любое твоё решение, вынесенное подчиненным, высказанное мнение келейно обсуждалось и могло быть интерпретировано по своему усмотрению в горкомовских кабинетах. Дело прошлое, но наиболее пристальное, прямое и решительное отношение к своей персоне я чувствовал со стороны первого секретаря А.В. Хадзарагова. Люди утверждали, что он наотрез отказывается рвется на должность первого секретаря горкома, и поэтому ему хотелось убрать или хотя бы нейтрализовать председателя горисполкома, как возможного конкурента. Вначале он назойливо пытался вмешиваться в работу горисполкома, но, получив твердый отпор, притаился и пакостил по мелочам.

Внешне он держался со мной по-товарищески, но я постоянно чувствовал его недружелюбие к себе. Перед чеченцами Анатолий Владимирович представлялся сыном осетина, почти своим, а перед русскоязычными – русским, по матери. Ему были характерны пофигистский взгляд, подобострастная улыбка и слащавые слова, когда он находился перед начальством. В разговоре с рядовыми людьми он становился высокомерно-покровительственным. Более беспринципного человека я не встречал. Особую настойчивость он проявлял в стремлении настроить против меня А.В. Волкова и, надо отдать должное, ему это нередко удавалось.

Вполне вмняемый и рассудительный, однако, выпив чуть выше нормы, наш первый секретарь становился совершенно не-

управляемым, превращался в настоящего самодура. А поили его дружки по поводу и без такового. О характере проведенной им ночи можно было безошибочно узнать сначала по черным очкам, которые он надевал на следующее утро, независимо от времени года и погоды. А в течение дня город узнавал, где и с кем «изволил откушать водку», как выражался он сам, наш «товарищ Сашка».

Нередко его компания, начав пить днем где-нибудь на природе, вечером возвращалась в город и продолжала свое гульбище у кого-нибудь из подчиненных, куда они заявлялись без приглашения и спроса. Хозяева, разумеется, безропотно просыпались, вставали, накрывали стол, улыбаясь, обхаживали ночных гуляк.

Однажды в час ночи Волков с товарищами нагрянул и ко мне. Проснулись, конечно, не только мы с Тamarой и дети, но и все соседи по подъезду. Что делать, гости есть гости. Быстро накрыли стол, поставили выпивку, однако «хозяину» вдруг захотелось, чтобы Тамара села с нами за стол и налила ему «водочки».

— Что это такое, — шумел он, — я пришел к ^{вам} в гости, а хозяйка не желает меня уважить?

Я заметил, с каким вниманием при этом наблюдали за мной Хадзарагов и Гезимиев, заведделом промышленности горкома. Но смотрел на жену, однако та выглядела спокойно.

А гость продолжал капризно настаивать на своем. Я уже начал терять терпение, когда жена как-то незнакомо подбоченилась, сузив свои близорукие глаза и заговорила, чеканя слова.

— Знаете что, Александр Владимирович? — начала она. — Вы ошиблись адресом, я Тамуся вот для него. А для вас я Тамара Сувантановна, мать троих детей, врач и, к вашему сведению, такой же член партии, как и вы. Да будет вам известно, что к тому же я внучка полковника Адуева, правнучка генерала Чермоева и известного арабиста и просветителя Сугаипа-муллы Шалинского. Впрочем, вы о них вряд ли что-нибудь знаете, так что наливать вам водочки я не стану. И, пожалуйста, в другой раз к нам так беспардонно не заявляйтесь. Извините, — бросила она и вышла из зала.

Волков слушал ее внимательно и напряженно, что даже

...они приходили. Он хотел было прервать Тамару, но сдержался. Магарагов весь съезжился и вдавился в кресло. Шейх-Магомед тоже быгровый, виновато глядя на шефа, а потом вопросительно на меня.

Александр Владимирович неожиданно расхохотался.

— Вот это да! Вот это отчитала! Как это она? Внучка полковника, принючка генерала... Слушай, где ты ее нашел? Вот это молодца! Тамара, Тамара Султановна, — стал он звать ее, — ты думаешь, я обиделся? Совсем нет. Так нам и надо, мужикам непутевым. Давай, Абдулла Гарсиевич, выпьем за твою жену, за детей. Пусть в вашем доме вечно пребудут благополучие, здоровье и счастье.

Он стал трезвым, как стеклышко. Я удивился такому перевоплощению, но ничем не выдал своего отношения к поступку жены. Гости ушли также быстро, как и появились. Жена сидела на кухне, вытирая голову руками и силилась унять дрожь. Срывающимся голосом Тамара спросила:

— Ты ругаешь меня? Наверное, я сильно навредила тебе, ведь теперь они станут мстить.

— Успокойся. Ты их не оскорбила, а просто здорово поставила на место. Я горжусь тобой, твоей смелостью и чувством достоинства. Думаю, они тоже оценят, если, конечно, не дураки.

На следующий день Александр Владимирович принес мне извинения за ночной визит.

— Замечательная у тебя жена, — похвалил он Тамару. — Мне, правда, очень пеловко перед ней. Передай ей мои искренние извинения. Я сегодня утром рассказал Маше о своем дурацком поведении. Они, как коллеги, хорошо знакомы. Жена, конечно, отчитала меня и обещала поговорить с Тамарой. Знаешь, что? — выдержав паузу, спросил он. — Давай дружить семьями. Я хочу, чтобы мы стали друзьями.

— Я тоже хочу, — ответил я. — Но вокруг тебя много холуев, они никого к тебе не подпускают и сами дружить по-настоящему, по мужски, не в состоянии — порода не та. Так что «борз» может потерять шкуру, если будет продолжать полностью доверяться им.

Я намекал на его фамилию: борз с чеченского — волк.

К сожалению, мне не удалось вырвать этого сильного и способного человека из-под влияния подхалимов, из гульбищенского угара и безрассудного опьянения властью. Однако наши личные отношения, в общем, выдержали все испытания и до конца оставались по-мужски достойными. В этом человеке, воспитанном послесоветской средой, где уважались сила и твердость воли и мало думали о морали и справедливости, не было высокомерия в отношении людей другой национальности или других черт шовинизма.

Он неплохо относился к людям, с которыми общался, изучил наш язык и обычаи. Христианин по рождению, стихийный атеист, безбожник по должности, он шел на похороны чеченцев с покрытой головой, не боясь пересудов и гнева начальства.

Чувство товарищества и простого человеческого долга в нем было больше и крепче, чем партийная идеология. По своему характеру и внутренней культуре он был анархистом и, оказавшись в соответствующих условиях и времени, стал бы их масштабным вождем. Однако качеств партийного лидера в коммунистическом понимании в нем было немного. Это хорошо знали и умело эксплуатировали его дружки. Именно дружки, а не друзья. Узнали об этом довольно скоро и в обкоме партии, но дело было сделано, человек попал в орбиту, в номенклатуру, как тогда говорили, а снять его быстро с должности значило признать свою собственную ошибку.

По этой причине многие случайные люди тогда подолгу оставались в руководящих должностях. В этом была слабость кадровой политики компартии, приведшей, в конечном итоге, к деградации партийного аппарата, а затем и к утрате власти КПСС и самой власти.

Несмотря на наши внутренние «страсти-мордасти», дела в районе шли неплохо. Нам удалось значительно повысить активность депутатов городского и сельских советов в постановке и решении вопросов благоустройства населенных пунктов, строительстве дорог, прокладке водопроводов и санитарной очистки.

В городе Гудермес удалось завершить строительство городской инженерной канализационной сети, что само по себе было делом

Великим. С помощью Министерства жилищно-коммунального хозяйства и лично министра А.К. Зязина из Джалкинского водозабора был проложен новый водовод, обеспечивающий в целом нужды населения города в качественной питьевой воде.

По настоянию горисполкома пробурили новые скважины на водозаборах локомотивное депо, завод медицинских инструментов и консервный завод.

Директор завода «Мединструмент» Сергей Андреевич Казарян в отношении горисполкома, охотно откликался на наши просьбы и сам проявлял инициативу в строительстве жилья для рабочих завода и расширении соответствующих городских коммуникаций. Мы жили в одном доме. Жена его, Эльза Леонидовна, — замечательный врач и общительный человек, была в добрых отношениях с Тамарой.

Встреча делегации из Венгрии на Гудермесском заводе мединструментов.
Слева направо: А. Хатуев, С.А. Казарян, А.Г. Киндаров, Ференц, А.В. Волков,
Р.А. Сайханов, переводчик Ласло.

В то время любое назначение и освобождение руководителей даже незначительного уровня, производились лишь через партийные органы. Пользуясь таким щитом, отдельные должностные лица пытались смотреть на горисполком с некоторым высокомерием, считали необязательным для себя его решения, несмотря на то, что они всегда принимались в рамках закона и предоставленных советам полномочий.

Особенно выделялись своей «независимостью» начальники станции Гудермес и некоторые директора совхозов.

У меня была информация о серьезных недостатках в обеспечении сохранности грузов на станции Гудермес, а также наличии значительных площадей неучтенной земли, полученной за счет заготовки леса в водоохранной зоне в совхозе «Джалка». На директории совхоза «Белореченский» люди давно жаловались за то, что он не выдает ссуды, выделенные объединением «Чеченингушвино» специально для переселенцев по оргнабору.

В ходе проверок, проведенных силами постоянных комиссий горсовета и отделов горисполкома, были подтверждены эти и обнаружены другие серьезные нарушения закона во всех этих хозяйствах. Материалы проверки по станции были переданы прокурору района.

Начальник станции Коско Н.Г. был привлечен к уголовной ответственности и осужден судом к заключению. Многолетний директор совхоза «Джалка», подведомственного Северо-Кавказской железной дороге, А.И. Травкин отделался выговором, но был предупрежден о том, что лишится должности, если впредь будет игнорировать местные советы и их исполнительные органы. Неучтенные земли были учтены и включены в промфинплан со всеми налогами и планами.

Директор совхоза «Белореченский» попробовал было спрятаться за руководство всевышнего «Чеченингушвино». Тогда вопрос о его ответственности был рассмотрен на заседании горисполкома, на котором все одиннадцать его членов, в том числе и А.В. Волков

протестовали за предложение: считать невозможным дальнейшее пребывание З. Мусаева в должности директора. Получив соответствующее предложение руководству объединения «Чеченингушви» решить данный вопрос в установленном законом порядке, Дауд Магомедович Хаматханов весьма удивился:

— Если наших директоров станут освобождать теперь и райгорисполкомы, то объединению делать нечего.

— Мы, на основе неопровержимых фактов о грубом нарушении законов, высказали свое официальное мнение, а решать вопрос по существу оставили за вами, — был наш ответ. — Если горисполком процесс предвзято и принял несправедливое решение, опротестуйте в Совет Министров ЧИ АССР. Докажите нашу неправоту, и тогда мы отменим свое решение и извинимся перед человеком.

Однако решение горисполкома пришлось реализовать.

Твердая позиция, основанная на действующих законах и в пределах своих полномочий, серьезно подняли вес и авторитет горисполкома и всего городского совета.

Самыми трудными во всех отношениях были квартирные и земельные вопросы. В Гудермесе люди стояли в очереди на жилье по десять-двенадцать лет. Острота проблемы толкала их на разные пути решения, самым верным из которых считались блат и взятка. Взятки у меня в Гудермесе не было, взятку я ненавидел всеми жилками тела и фибрами души. Оставался еще один метод давления — сверху. Кто-то находил заступника в начальственных кабинетах Грозного, другие «жалобили» горкомовских.

Мои «доброжелатели» попытались столкнуть меня с первым секретарем, теперь уже на этом вопросе.

Вначале ко мне стали приходиться, не считаясь с регламентом приема, «от имени». Не прошло. Я спокойно выкладывал на стол своего важного посетителя пухлую папку с фамилиями очередников и предлагал в них найти свою фамилию с порядковым номером. Они заявляли, что их в списках нет, другие недовольно говорили, что ждать не могут и если им откажут, обратятся в горком КПСС.

На это следовала короткая лекция о требованиях закона на сей счет и элементарной справедливости. Как-то первый поступил довольно оригинально. Он позвонил мне по открытой связи и дал прямое указание тоном, не терпящим возражений, чтобы «человеку, которому сейчас придет к тебе, была выделена квартира».

Пока он это проговаривал, в динамике четко слышались женские голоса и смех. Не давая ему отключить связь, я ответил в микрофон:

– Надеюсь, что обладательница такого приятного голоса состоит в очереди нуждающихся. Если нет, то перед тем, как очеловечить меня своим визитом, ей надо будет подать документы в квартирную комиссию.

Возникла пауза, затем раздался щелчок отключения связи. При встрече он высказал недовольство, мол, мог бы хоть пообещать.

– Я же первый секретарь, – напомнил он мне.

– А мы договорились быть друзьями, но ты устроил целый концерт. Это пижонство, – глядя в глаза, ответил я.

В следующий понедельник секретарша сообщила, что на прием просится врач поселковой больницы. В кабинет вальяжно, словно к давнему приятелю, вошла женщина неопределенного возраста, в наряде ночной бабочки и в облаке резкого запаха духов.

– Здравствуйте, присаживайтесь. Я слушаю вас, – постарался я быть галантным.

Посетительница поохала, закатывая глаза и теребя платочек, и сообщила, что раньше жила в Гудермесе и работала врачом в районной больнице, потом уехала на Крайний Север.

– Теперь я вернулась и устроилась в поселковую больницу. Мне срочно нужна квартира. Вам звонили, – напомнила она.

– Помню. Однако, к тому, что ответил по селекторной связи, добавить ничего не могу.

– Но как же? Ведь я вернулась, я специалист, вам звонили.

– Мадам, не трудитесь. Я немного в курсе ваших дел. Вы действительно работали здесь, но уехали на Север, не забронировав и

стандартном порядке и не сдав государственную квартиру. Если вы подадите заявление, комиссия рассмотрит его в установленном порядке. Сожалею, передвинуть очередь из двух с половиной квартир человек, даже для вас, не смогу.

— Ну, что ж, — сказала она, кокетливо улыбаясь, — я буду добиваться своего другим способом, — и выпорхнула из кабинета.

Через несколько дней жена, заговорщически понизив голос, сообщила, что одна дама, ее коллега, недавно вернувшаяся в город, рассказала своей подруге, что завоюет твое сердце.

— Так что, берегись, друг мой. А может, ты обрадуешься? — прищурилась она.

Я не люблю острые духи. К тому же специалисты утверждают, что так пахнут лишь ядовитые цветы, а я еще жить хочу, — мрачно подумался я.

Авторитет Советов растет

Во время встречи с населением жители Азамат-Юрта пожаловались на то, что сельский совет расположен от них на расстоянии доброго десятка километров, дороги грунтовые, в непогоду — непроходимые, автобусного сообщения нет, нельзя ли образовать у них свой сельсовет. Просьбу односельчан поддержали: мой добрый друг Ахункарнаша Дуруев и директор совхоза «Терек», мой старый друг по юмеемолу Усман Осмаев.

Вопрос был заслуживающим внимания. Во время консультации в Совете Министров и Президиуме Верховного Совета республики я нашел понимание. Так появился новый, тринадцатый, сельский совет в районе. Услышав об этом, захотели выделиться от Энгель-Юртовского сельсовета и жители Кади-Юрта. Это село возникло в конце XIX столетия у железнодорожного разбеда на перекрестке между станциями Гудермес и Хасавюрт. После восстановления республики селение разрослось, сюда переехали жители беновских хуторов из Ножай-Юртовского района, многих из которых я

помнил по работе там. Здесь кадиюртовцев поддержал известный в республике передовой бригадир колхоза «40 лет Октября», депутат Верховного Совета СССР Хамзат Алакаев. В Кади-Юрте тоже был образован свой сельский совет.

Меня откровенно коробило то, что многие низовые органы власти в районе ютились в ветхих помещениях, никак не способствующих ни видом своим, ни условиями работы престижу советской власти. Строить же административные здания за счет государства еще со времен Н.С. Хрущева, было строго запрещено. Этот путь решения проблемы был практически закрыт.

Тапа Герзелиев подал мне дельный совет, как привлечь к этому решению совхозы объединения «Чеченингушвино», а их в районе было девять из двенадцати. Идея состояла в том, чтобы склонить директоров винсовхозов построить по одному двухквартирного жилого дому коттеджного типа, но использовать их под исполкомы сельских советов. В них можно было разместить еще почту, фельдшерско-акушерский пункт или приемный пункт бытового обслуживания, а этим одновременно решалось несколько задач.

Здесь нам навстречу пошли Д.М. Хаматханов и сменивший его на посту начальника «Чеченингушвино» Александр Михайлович Конев. Они выделили для наших винсовхозов необходимые средства. Теперь надо было «помочь» директорам хозяйств в осуществлении их ускоренного строительства. В качестве «стимулятора» было выбрано предложение, от которого, как говорят нынешние «крутые дядьки в кино, нельзя было отказаться.

– Где, Гелани, твоя семья? Почему ты никогда не приглашаешь в гости? – задал я, как бы между прочим, вопрос директору совхоза «Черногорский».

Тот замялся, покраснел, а потом попросил квартиру в Гудермесе.

– Знаешь, Абдулла, – перешел он на ты, – детям нужна школа да и с водой здесь, сам знаешь...

В общем, парень сказал именно то, что я хотел услышать.

– Так вот в чем дело. Я своих детей вырвал из лучшей школы

школы, а ты считаешь, что школа в Исти-Су недостойна своих детей. Но есть выход: сделай так, чтобы и здесь у детей была нормальная школа и другие условия. Ты хоть знаешь, что у вашего объединения денег куры не клюют? Я помогу тебе их получить. Построй здесь жилье, клуб, ФАП, капитально переделай школу, построй квартиры для учителей. Таким образом, создай себе прижизненный капитал. Таких шансов у тебя больше может и не быть, – подзадо- ровал я его. – Но ждать, пока ты все это построишь, нельзя. Семью надо немедленно перевозить. Кстати, надо проверить, где живут семьи других директоров.

На следующей неделе у меня побывали чуть ли не все руко- водители винсовхозов. Их вдруг заинтересовало мое здоровье, са- мосохранение, обеспеченность семьи и многое другое в моей личной жизни. А я, улыбаясь в усы, стал торговаться с каждым: кто, что и когда начнет строить в своих базовых селах в обмен на спокойствие в их семьях. В расчете на два-три года получалась целая программа комплексного обновления многих населенных пунктов района. Каж- дому из них после «беседы» отправлял к председателю плановой комиссии Цакаеву Абдул-Вахиду, чтобы «предложения хозяйств» были учтены и включены в народно-хозяйственный план следую- щего года.

Выяснилось, что только два директора из двенадцати прожи- вают с семьями по месту работы – директор совхоза «Семеновод» К. Дуруев в Азамат-Юрте и директор винсовхоза «Правда» Л. Гай- теев в Ишхой-Юрте. Семьи остальных оставались в Грозном или Сабарнесе.

А. П. Волков поддержал мой «партизанский рейд» и на заседа- нии бюро открыто заявил об этом, что было очень важно для меня.

В центре села Исти-Су молодой и энергичный председатель сельского совета Султан Аюбов подобрал и расчистил участок, на котором началось строительство первого коттеджа. Он был постро- ен довольно быстро. Прораб, местный житель, сделал внутрен-

нюю перепланировку двухквартирного коттеджа так, что в центре аккуратного строения оказался парадный вход в сельский совет с кабинетами для председателя исполкома, секретаря, бухгалтерии, с залом заседаний на пятьдесят мест и даже кабинетом для участкового РОВД. Справа по торцу здания был вход в фельдшерско-акушерский пункт, слева – в почтовое отделение.

Мы с Султаном договорились, что работы по благоустройству прилегающей территории произведем методом субботника – пусть жители села почувствуют свою сопричастность к этому делу. Открытие нового здания сельского совета мы провели празднично. В течение 1980-1984 годов в районе аналогичным способом были построены новые здания для исполкомов Белореченского, Ишхой-Юртовского, Азамат-Юртовского и других сельских советов. Всего было отпраздновано девять новоселий.

Я считал и продолжаю считать очень важным, чтобы органы власти, в том числе и на местах, размещались в добротных и красивых помещениях. Власть должна уважать себя везде и во всем, лишь тогда ее будет уважать и простой народ.

Еще два населенных пункта оставались без своей собственной власти – это старинное чеченское селение Ханкиш-Юрт с новым русским названием Степное и другое, с совершенно оригинальным, хотя и неофициальным названием – Психбольница.

Дело в том, что на Брагунских термальных источниках уже многие годы функционировала республиканская психиатрическая больница, вокруг которой образовался населенный пункт. Со временем он разросся. Люди охотно селились здесь, отдельные деловые люди возвели даже по несколько строений, правда, на подставных лиц. Стимулом такому ажиотажу служили источники термальной воды. Известные с давних времен, они притягивали сюда людей, страдающих ревматизмом и другими заболеваниями суставов, рук, спины. А так как ни санатория, ни лечебницы здесь не было, некоторые предприимчивые люди организовали подпольный бизнес.

предоставляя приезжим ночлег и простейшие услуги. Некоторые, по указанию налоговых агентов, умудрялись размещать у себя одновременно по двадцать и более приезжих. Такие деловые люди за это могли получить доход, достаточный для того, чтобы построить новый дом или приобрести легковую машину.

Брагунский сельский совет, расположенный за семь-восемь километров от психбольницы, оказался не в состоянии обеспечить контроль за застройкой и соблюдением законности в стихийно образовавшемся поселке. Решено было создавать и здесь самостоятельный сельский совет. Для этого надо было дать название селу. Я предложил название Дарбан-хи, что с чеченского переводится как лекарственная или лечебная вода.

Брагунцы, которые первыми заселили источники, хотя теперь не составляют большинства, захотели назвать поселение Новыми Брагунами. Однако мы демократично объяснили, что одни Брагуны есть и теперь создается новое селение, где почти девяносто процентов – чеченское население, а остальные владеют чеченским языком как своим родным, что предлагаемое название нейтрально к вопросам межнациональных отношений – Дарбан-хи. Сход граждан принял такое название. Все необходимые материалы были оформлены должным образом и внесены в правительство республики на утверждение.

При рассмотрении этого вопроса на заседании Совета Министров ЧИАССР возник запомнившийся курьез.

Заместитель председателя Совмина Надирбек Байбулатов был из чеченцев-аккинцев, проживающих на территории нынешнего Дагестана, имел близкое родство с кумыками. Мы с ним были знакомы по комсомольской работе. Огромного роста, добродушный, но отличался некоторой замедленностью реакции. В компании он обычно начинал смеяться, когда остальные, отсмеявшись, переходили к другой теме. В правительстве он, филолог по образованию, кандидат наук и доцент, занимался вопросами социально-культурного развития.

Когда председательствующий огласил наш проект, Н. Байбулатов недоуменно спросил:

– Дарбан-хи, гх-м, а что это такое?

Сидевшие в зале чеченцы, посмеиваясь, переглянулись, и русские обернулись ко мне.

– Как это что? Ты же филолог и считаешься чеченцем! Дарбан-хи – самое простейшее сочетание слов, понятных ребенку и любому неграмотному человеку: дарба – лекарство, а хи – вода, то есть лечебная вода. Что же тебе здесь непонятно?

– Ах, это! – дошло до него. Он громко рассмеялся, кивая согласной головой.

Муса Абдурахманович, улыбаясь в усы, показал мне на место, мол, садись и успокойся. Уже присев, я не удержался и по-чеченски бросил:

– Вот ты и показал, какой ты чеченец.

Но тот невозмутимо промолчал, возможно, и на этот раз не понял.

На заседании правительства в это время находилась наш куратор из Совмина Федерации Надежда Николаевна Лященко. Она поймала мой взгляд и покачала головой, укоряя за некорректность. После заседания, в присутствии управделами Николая Ивановича Перцева, она рассказала, что Байбулатов лично ей говорил о своем кумыкском происхождении.

– Вот такой он у нас интернационалист: душой кумык, а по должности – чеченец, – заметил я.

– Ну и язва же ты, Абдулла, – по-матерински потрепала меня за волосы Надежда Николаевна. – Я же тоже такая: хохлушка – по отцу, русская – по матери.

– Поздравляю, – нашелся я, что сказать. – Тогда я тоже тоже интернациональный: моя фамилия происходит от персидско-турецкого – Искандер, а те, как известно, так называли Александра Македонского.

Восело смеющимися застал нас зашедший за Надеждой Николай Муса Абдурахманович.

— За что ты такое перо вставил моему заму? — упрекнул он меня шутливо. — Он тебе за это ответит.

— Сочтемся, — отмахнулся я, — но, скорее всего, мой друг об этом уже и не помнит.

Вспомнилось, как мы создавали новый сельский совет на базе поселения Ханкиш-Юрт. Его чеченское название было изменено после нашего выселения на русское — Степное.

По преданию, его основал богатый купец-кумык из Гудермеса почти перстах ниже по течению Терека от места, где стоял некогда разрушенный и сожженный дотла царскими войсками 15 сентября 1819 года. Никаких заслуг, кроме первоначального, Ханкиши не имел, его поселение оставалось небольшим хутором до строительства здесь инженерной рисовой системы. Сейчас здесь располагалось крупное отделение совхоза «Гудермесский», жили рисоводы, механизаторы и животноводы, а также рыбаки-браконьеры, промышлявшие красную рыбу в Тереке.

Учитель местной школы Ваха Алапаев и бригадир Хабибулла Шамурзаев водили меня на место, где стоял Дади-Юрт, показали брошенное кладбище, где похоронены его славные защитники и рассказывали немало из того, что хранили в памяти жители окрестных аулов.

От них я впервые услышал о подвиге девятнадцати девушек из Дади-Юрта, которых казаки решили переправить к себе, на левый берег, в качестве живых трофеев. Девушки были связаны толстыми веревками и погружены на большую ладью. Когда лодка достигла середины могучего потока бурлящей реки, старшая из девушек запела прощальную песню. Она обращалась к Богу всевидящему, к синему небу над головой, к горам высоким, к степным просторам, к душам погибших и к родным пепелищам, прощаясь с ними, призывая их свидетели жестокости врага и своего унижения. Она обратилась к связанному с нею подругам грустным напевом:

«Мы росли в отечестве любимом счастливыми и свободными. Не познавши счастья любви и радости материнства, нам предстоит неволя на чужбине. Неужели мы покорно примем позорную долю такую? Не лучше ли нам последовать за погибшими в жестокой бою отцами и матерями, братьями и любимыми? Прости нас, Аллах великодушный! Прими нас, Терек могучий!»

С этими словами девушка шагнула в бурлящий поток, увлекая за собой все живое ожерелье. И каждая из девушек покорно сползла за борт, пока все девятнадцать не скрылись в мутных водах Терека.

Бывалые воины-казаки заворожено смотрели, как их пленницы, одна за другой, скрывались под водой и, когда не стало видно последней, вскрикнули разом и потупили суровые лица.

— О том, как девушки Дади-Юрта смерть предпочли жизни в неволе и бесчестье, наши бабушки рассказывают своим внукам и сегодня, — печально поведал Ваха.

— Известно ли вам, друзья, что в Дади-Юрте родился мальчик, ставший по воле судьбы известным российским художником-академиком живописи Петром Захаровым? — поинтересовался я своих проводников.

Оказалось, что они читали в газетах о своем земляке.

— Может, попробуем воскресить и закрепить в памяти широкое его имя? Ваши люди неоднократно просили меня создать здесь отдельный сельский совет. А что, если мы переименуем село и Захаров-Юрт и назовем этим именем и новый сельский совет?

Ваха и Хабибулла горячо поддержали эту идею и заверяли, что ее одобряют все жители села. У здорового Хабибуллы с мужественными чертами лица глаза заблестели от предательских слез.

— А что ты так обрадовался? — спросил я его. — Ведь село отделяется от твоего родного Комсомольского сельсовета?

— Нет, — не согласился он. — Наши предки жили в Дади-Юрте, а потом нашему прадеду, Боте Шамурзаеву, дали казенные земли вдоль Терека на запад вот от этого кладбища. Здесь, вплоть до 30-х годов,

жили коллективизации, были наши хутора, тут малая родина Шахариевых, а не в Комсомольском.

Мы договорились совместными усилиями сделать ограду кладбища Юртовскому кладбищу и начать дело по созданию Захаров-Юртовского сельского совета, как отдельной самостоятельной административной единицы.

— Это вернет многих односельчан, которые разбрелись по свету, — обрадовался Ваха.

Через семь лет я сам нашел тому подтверждение. В 1989 году, будучи в Сирии, мне оказывал гостеприимство генерал Джамаль Оздемир. Он учился в Киеве, хорошо владел русским, английским, французским и, разумеется, арабским языками, но не знал языка своих предков — чеченского. Его прадед Оздемир был подобран недалеко от уничтоженного русскими Дади-Юрта, потом долго скитался по Востоку, пока не поступил в турецкую армию и не осел в городе Гюльйатра на Голанских высотах, ныне занятых израильтянами.

Я выехал в Степное, чтобы принять участие в сходе граждан для рассмотрения вопроса о переименовании села и образовании сельского совета. День был ненастный, с утра моросил холодный мелкий дождь. На повороте с трассы на Энгель-Юрт стоял одинокий старик. Он даже не поднял руку, видимо, не надеясь, что его остановят в «Волгу». На таких машинах в те годы ездило, в основном, население.

— Останови машину, — сказал я Махмуду.

— Но он же весь мокрый, — забурчал недовольный шофер.

— Ничего, высохнет. Ты что, своего отца тоже оставил бы на дороге в такую погоду?

Перед тем, как сесть в машину, старик стряхнул папаху, снял и перекинул плащ, затем произнес «биссмиллахиррахьманиррахьми», и начал сидение.

— Ассаламу Галейкум, — приветствовал он нас и признался в своих сомнениях, что ему остановят машину такие важные люди.

– Здесь только один он важный, – указал я на Махмуда. Тот сидел, надувшись, и казался от этого еще больше в своих размерах.

Узнав, что мы едем в Ханкиш-Юрт, старик обрадовался.

– Воистину, мне повезло. Вы, должно быть, добрые люди. дай вам Аллах всего хорошего на этом и на том свете, – распалился он в благодарностях.

Оказалось, что он родом из этого села, но давно живет в Наурском районе. Его звали, как и моего шофера, Махмудом. Старик не успокоился, пока не узнал о цели нашей поездки в его родное село.

– Хорошее дело, – сказал он. – До нашего выселения у нас было все: сельсовет, колхоз, школа.

Позже я увидел его в клубе, где проходил сход граждан. Мой короткий доклад и предложения присутствующие встретили с открытым энтузиазмом. Наш старик в это время о чем-то переговаривался с соседями, а потом поднялся и недовольно спросил: зачем это нам понадобилось чеченское село Ханкиш-Юрт переименовывать на русский лад Захаров-Юртом?

– Эй, Махмуд, – попробовал я отшутиться, – а зачем это нам понадобилось тебя привозить сюда? Лучше бы я оставил тебя на Энгель-Юртовском повороте под холодным дождем.

В зале засмеялись, но старик шутку не принял и продолжал стоять в ожидании серьезного ответа. Пришлось рассказать более подробно историю Петра Захарова с тех пор, как мальчишку повзбрал русский солдат после боя за Дади-Юрт, как он рос и семья богатого офицера, учился, стал известным художником. Имя Петра Захарова знает весь культурный мир. Он свои картины подписывал словами «Чеченец из Дади-Юрта».

– А знаете ли вы, что до выселения ваше село официально называлось Амир-Аджи-Юртом и сельсовет здесь был Амир-Аджи-Юртовский? После нашего выселения его переименовали в Степное. Вы же называете его Ханкиш-Юртом. Я не знаю, как

вещи Амира-Аджи и Ханкиш. Ничего они после себя не оставили. Это эпидемик живописи Петр Захаров, к сожалению, мы не знаем, кто был его отцом, к какой фамилии он принадлежал, оставил нам какие-либо доказательства о том, что и чеченец может стать талантливым художником, известным во всем культурном мире. А если вам и кому-то из вашего села привычнее называть свое село Ханкиш-Юртом, так и продолжайте делать это до конца дней своих. Ведь в прошлом же мы свой главный город по-чеченски – Соьлжа-Гала, а теперь остальной мир знает его под русским названием Грозный.

– Ну, если так можно, я не против, – смирился, наконец, упрямый старик.

– Спасибо тебе, Махмуд, – сказал я под дружный смех будущих захаровюртовцев. – Но если ты захочешь с нами вернуться обратно, ничего не выйдет.

Так, на шутливой и веселой ноте, закончили мы сход. Село было переименовано в Захаров-Юрт, а на его базе создан Захаров-Юртовский сельский совет.

Однако прошло не так много времени, прежняя власть развалилась на глазах изумленного мира, а новые власти Чеченской Республики, объявившие себя самыми верными патриотами Чечни, прилепили к ее названию ярлык на чужом языке – «Ичкерия» и вернули селу его прежнее сыромятное название, в котором нет ни одного звука из чеченского языка. Ну что ж, воистину – каждому свое.

После образования Захаров-Юртовского сельского совета свои собственные администрации имели шестнадцать населенных пунктов района, кроме Ной-Берды и Нижнего Герзеля. Первый практически слился с Суворов-Юртом, а во втором проживало много выходцев от самого Герзель-Аула. В любом случае, тогда жители обоих сел никакой инициативы в этом отношении не проявляли, и вопрос о создании в этих селах сельских советов в повестке не стоял.

Однако, к тому времени я уже был убежденным сторонником того, что местная власть должна быть в каждом населенном пункте,

где проживает хотя бы пятьсот человек и имеется производственное подразделение в виде отделения совхоза, бригады или молочно-товарной фермы. В Чечено-Ингушской АССР, по состоянию на 1970 год, на пятьсот населенных пунктов приходилось всего сто семьдесят три сельских и четыре поселковых совета. Даже в соседней Осетии, а также в Кабардино-Балкарии, где населения было вполонину нашего, низовых органов власти было больше. В этом проявлялась забота их властей о собственном населении. Низовые органы самоуправления можно сравнить с кровеносными сосудами, доставляющими кровь к периферийным органам человека. Через них верховная власть в государстве имеет возможность доводить свою политику до каждого гражданина и человека, проявлять реальную заботу о населении, а также иметь постоянную обратную связь.

В свою очередь низовой орган не только представляет на своей территории действующую власть, но проявляет посильную заботу о населении, организует его хозяйственную и социальную жизнь, контролирует соблюдение законности и правопорядка.

Михаил Иванович Калинин, человек из народа, весьма мудрый и постоянно связанный с простыми людьми, говорил, что председатель сельского совета «и жнец, и швец, и на дуде играет». Как человек, имевший непосредственные рабочие контакты с людьми на этой должности на протяжении почти сорока лет, могу подтвердить правильность этих слов. Поэтому важным было не только организовать в том или ином населенном пункте орган власти, но найти и поставить во главе его достойного человека. Именно председатели сельского совета были на селе решающей фигурой. Не зря чеченцы эту должность исстари называют «кюьртан да», что буквально переводится как «отец села». Селам, как и детям, отцы попадаются разные. Однако сознательное население, в отличие от детей, может выбрать себе «родителя» само, если, конечно, ему сверху не навязывают отчима.

Насмотревшись в бытность работником организационно-инст

инструкторского отдела Совмина республики на то, как часто решались вопросы подбора и избрания председателей сельских советов в разных районах республики, я занял сразу же твердую позицию: не мешать людям выбирать себе руководителей в селах. Это можно было сделать разными путями. Совершенно нетрудно узнать, кто в данном селе является ложным, а кто действительным авторитетом.

И первых, и вторых бывает не по одному. Мне претили публичные болтуны и навязчивые подлизы, коих всегда у нас было много. Конечно, работать с ними легче, они никогда не перечат, не обижаются на грубость, легко сносят даже публичные оскорбления. Но это до поры, до времени. Они первыми предадут, отомстят при первом же удобном случае. Верно замечено о таких людях у русских: волк перед овцой и овца перед волком. Их трудно распознать вдали, тем более, среди незнакомых людей.

Остается доверять простым людям, не рвущимся на глаза на показуху и живущим своим трудом. Они всегда подскажут верное решение. Я давно заметил, что на председательские должности не рвались и неохотно шли люди наиболее самостоятельные, грамотные, уважающие себя и уважаемые односельчанами. Причиной тому было то, что у нас эта должность не ценилась, как сверху, так и снизу, да и с боков тоже. От председателя сельского совета все только требовали, им помыкали, затыкали всякие дыры, им прикрывались при опасности сверху.

Представьте себе картину: совхоз или колхоз расположен на территориях двух, трех, четырех, а то и большего числа сельских советов. Другими словами, сельский совет охватывает лишь отделение, бригаду или ферму, напрямую и жестко подчиненную руководителю хозяйства, находящемуся на территории другого совета и являющегося депутатом того совета.

Еженедельно, а то и чаще, на центральной усадьбе совхоза или колхоза проводились производственные совещания, планерки и прочие организационно-управленческие мероприятия. Сюда вмес-

те с руководителями производственных подразделений вызывали председатели сельских советов, и руководители хозяйств устраивали им головомойки, как своим подчиненным, давали указания, грозили освобождением с должности. И нередко им это удавалось. За них особенно никто и не заступался: не сработался с директором совхоза – уходи.

– Стоп! – сказал я в прямом и переносном смысле этого слова. – А почему председатель сельского совета должен срабатываться с хозяйственником? Кто и у кого находится? Территория государства по Конституции разделена на республики, края, области, города, районы и сельские советы. Колхозам и совхозам выделены земли на их территориях. Именно советы осуществляют контроль, разумеется, в рамках Конституции и законов, за деятельностью совхозов и колхозов, а не наоборот.

К сожалению, этот контроль осуществлялся плохо и неумело. Этим и пользовались хозяйственники.

– Мы научим работников и депутатский актив, разъясним им законные права и обязанности и поставим дело с головы на ноги.

Такое мое заявление на городской партийной конференции хозяйственники сначала встретили ухмылками. Теперь у них были озабоченные лица. Их можно было понять. С них теперь строго спрашивали не только городской совет и его исполком, но и сельские советы: за выполнение производственных планов, за создание условий труда работникам совхозов, за правильное использование земли, оросительных каналов, химических удобрений, обеспечение сохранности окружающей среды и многое другое.

Теперь на совещаниях в Гудермесе директора совхозов сидели не отдельной группой в передних рядах, а рядом со своими председателями сельских советов. Это был серьезный поворот.

Я считаю, мне повезло, что довелось работать вместе с председателями сельских советов: Азамат-Юртовского – Ахмадоном Ризваном, Брагунского – Хубиевым Ахматом, Герзельского – Мажидовым Султаном, Джалкинского – Мисирпашаевым, Захаров

Итисуевского – Алапаевым Вахой, Итисуевского – Абуевым Султаном, Итисуевского – Эскиевым Вахой, Новогрозненского – Арсалиевым Реши, Энгель-Юртовского – Бойсуевым Ибрагимом и другими замечательными людьми. Все годы совместной работы я ощущал с их стороны понимание, твердую поддержку и бескорыстное сотрудничество.

На посту председателя горисполкома мне не раз приходилось сдавать нелегкие экзамены.

С самого начала работы я обратил внимание на недостроенное пятиэтажное здание на восточной окраине города. Выяснилось, что в местной «отрыжка» хрущевской политики создания агрогородков Объединение «Чеченингушвино» начало здесь строительство здания для совхоза «Дружба», но после возведения бетонного каркаса первой пятиэтажки Н.С. Хрущева сняли, политика резко изменилась, и строительство забросили. Уже полтора десятилетия стояла наглухо кирпичная коробка, демонстрируя бесхозяйственность руководства совхозом и объединения, бесконтрольность горисполкома.

Комиссия, направленная для обследования долгостроя, дала заключение о пригодности объекта для завершения строительством. Была достигнута договоренность, использовать первый этаж под магазин, кафе и бытовку, на втором поместить контору совхоза, а на третьем-пятом этажах открыть школу виноградарей с общежитием. Была заказана и изготовлена соответствующая проектно-сметная документация, назначен прораб и намечен срок начала работ.

В разгар рабочего дня сообщили о том, что «дом Павлова», так это прозвали горожане, рухнул. Особенно взволновала весть о том, что под развалинами могут быть дети, которые играли здесь в «войнушку».

На месте выяснилось, что один мальчик, действительно, не успев выскочить, когда другие дети, услышав треск ломающихся перекрытий, выбежали из здания. Совсем молодые отец и мать десятилетнего мальчика находились здесь и безмолвно смотрели на стену бетона и кирпича, над которым еще не осела серовато-рыжая

пыль. Надежды на то, что под этой тяжестью могло сохраниться что-то живое, не было никакой, но стоять в бездействии тоже было нельзя.

В вагончике, оборудованном под прорабскую, был немедленно развернут штаб Гражданской обороны, подведена телефонная связь, приняты другие организационные меры. Спасательные работы были начаты сразу силами техники и рабочих совхоза «Дружба». Через час сюда была подогнана довольно мощная техника. Особенно удивили меня возможности железнодорожников. На путь, протянувшийся в сотнях метров от места катастрофы, подали специальный строительно-монтажный поезд. Мощный кран и тягач, сошедшие с него, стали поднимать и растаскивать железобетонные плиты, а люди с невероятной быстротой подбирали вручную кирпич и куски бетона.

Тело мальчика достали лишь поздно ночью. Он лежал на полу первого этажа, закрыв голову руками и подогнув ноги. Видимо, в последнюю минуту он так «спрятался» от надвигающейся опасности. Тяжело было смотреть на родителей, обезумевших от случившегося на них несчастья.

Я и сейчас вспоминаю этот случай с болью в сердце. Несмотря на отказ родителей написать заявление, я настоял на возбуждении уголовного дела. Но ничто не могло уже вернуть ребенка родителям.

Это был несчастный случай, однако он обратил наше внимание на состояние службы Гражданской обороны. Мы провели тщательную ревизию всех строений, мест, опасных для детских игр и купаний.

Любимым транспортным средством для гудермесцев традиционно был велосипед. Одновременно он был и самым опасным. На окраинах города – многочисленные водоемы, совершенно непригодные для купания.

Начальник штаба ГО района Зами́д Эльдаров довольно хорошо организовал целый комплекс организационно-воспитательных мероприятий по работе среди детей и школьников.

За годы моей работы председателем горисполкома и одновременно начальником Гражданской обороны, Гудермес пять лет занимал первое место в республике. Я был награжден Знаком «Отличник Гражданской обороны СССР», очень похожим на Звезду Героя.

Настоящее испытание на возможности Гражданской обороны впервые преподнесла нам погода.

Не могу припомнить точно, 1980 или ближайший год выдался сухим и знойным. В тот день ничто не предвещало, что за каких-то тридцать-сорок минут ливневые потоки затопят почти весь город.

Я возвращался в Гудермес, когда у поселка Новогрозненский начался дождь, довольно быстро перешедший в настоящий ливень. Проезжая к городу, машина с трудом преодолевала мощный поток воды, переливающейся через дорогу. Огромная территория низинной, юго-восточной части города – Яттогле (в народе – Обрыв) – была затоплена. Дождь лился такой плотной стеной, что тормозил машину и придавливал ее к дороге, что казалось, вот-вот раздавит кузов.

В горисполкоме доложили, что затоплены пищекомбинат, железнодорожная средняя школа № 7 и весь жилой сектор вокруг. Переодевшись в дождевик и резиновые сапоги, я выехал к месту происшествия. Картина предстала жуткая.

Со стороны хребта на город широкой полосой катил целый вал воды. Седьмую школу заливало через окна, частные дома наполовину скрылись под водой, люди все вышли на улицы и стояли, не зная, что делать. А небо низвергало новые потоки.

– Еще час такого потопа, и вода зальет весь железнодорожный район – станцию, локомотивное и вагонное депо, движение поездов будет остановлено, – тревожно говорил пожилой мужчина в форменной тужурке и фуражке.

– Что же делать? – спросил я окруживших меня жителей улицы Ватутина.

– Чуть ниже есть старый сбросной канал железнодорожной станции. Надо срочно пробить дорогу воде в тот канал. Оттуда она

через виадук уйдет на поля. Для рытья канала можно привлечь экскаваторы ПМК-7, совхоза «Гудермесский» и дорожно-строительного участка, – предложили сопровождавшие меня заместители Хусейн Садыков и Анатолий Миронович Мишустин.

– Оба возвращайтесь в горисполком. Садыков организует связь, Мишустин – технику. Пришлите гидротехника для прокладки трассы сбросного канала, – дал я команду.

Минут через двадцать ливень прекратился, будто там, наверно, выключили какой-то огромный кран. Еще через полчаса небо очистилось и засияло солнце. Оно, казалось, насмеялось над людьми неожиданно оказавшимися во власти невиданной стихии.

Мотор машины отказался заводиться, и я пошел по воде в конец улицы, откуда предполагалось начать прокладку сбросного канала.

Я видел, как из ворот центральной усадьбы винсовхоза «Дружба» вышел экскаватор на тракторе «Беларусь» и двинулся к месту затопления. Поравнявшись со мной, трактор остановился, из его кабины вышел Тапа Герзелиев.

– Мне Хусейн Садыков сообщил, что ты здесь. Тамара волнуется, ты бы ей позвонил, – сказал он.

Выслушав о наших планах действий по отводу воды, Тапа сказал, что его люди уже очищают виадук под железной дорогой, сейчас сюда подойдут большой экскаватор и бульдозер. Однако напрямую вода из низины до виадука не пойдет, ибо здесь ниже. Канал надо прорыть до обрыва, а воду из этого озера поднимать насосами.

– А где мы такие мощные насосы возьмем, ты же видишь, на какую высоту надо поднимать воду из этого «моря»? – удивился я.

– У нас в каждом винсовхозе есть очень мощные гидронасосы. Их почти не используют, а здесь они пригодятся. Три-четыре таких насоса за сутки-двое выбросят вверх всю эту воду, – заверил меня мой опытный товарищ.

По рации были даны распоряжения директорам ближайших совхозов срочно доставить в район бедствия необходимую технику с запасом топлива и обслуживающим персоналом.

Через час на трассе канала работали четыре экскаватора, несколько бульдозеров, подошли машины скорой помощи, пожарной службы, автолавка, установили и опробовали пять гидронасосов для откачки воды, был организован пункт питания для людей, занятых на аварийных работах.

К утру канал протяженностью свыше шестисот метров был очищен и включены насосы. Они удивили своей мощностью. Каждый из трех включенных насосов всасывал в широкий рукав и выбрасывал вверх поток воды толщиной в человеческое тело. Через считанные минуты по каналу потекла целая река.

На следующее утро к месту ЧП подъехала большая кавалькада техники с правительственными номерами. Первую вел сам председатель Совета Министров республики М.А. Керимов. С ним прибыли министр ЖКХ Зязин Александр Кириллович, водного хозяйства и лесничества Бамаггереев Магомед Ширваниевич, председатель «Госстроя» Спихозтехники» Аванесов Иван Алексеевич, начальник штаба Гражданской обороны ЧИ АССР полковник Бормотов Владимир Михайлович и группа специалистов из разных ведомств.

Муса Абдурахманович молча осмотрел панораму затопленного города, работающую технику и занятых делом людей, потушил в кармане урленную сигарету, достал тут же новую и глухо спросил:

— Что надо?

— Пока ничего, — ответил я. — Ребята обещают за сутки перебраться воду, а там обойдем дома, учреждения и организации, подсчитаем нанесенный ущерб и доложим.

В районе затопления находились, в основном, частные дома строителей-подорожников, собранные из шпал, пропитанных гудроном, они должны были выдержать. Ниже, в конце улицы, были дома переоселенцев из Ножай-Юртовского района, в основном из самана и местного кирпича такого же качества. Их стены могли не выдержать. У людей пропали запасы из погребов, посадки овощей, картошки, свеклы. Мне доложили, что где-то утонуло несколько овец, свиньи

с поросятами, куры. Пока не сойдет вода, точного ущерба нанесено было невозможно.

– Ну что, товарищи, – оглядел предсовмина своих спутников, нам здесь, кажется, делать нечего. Как по-вашему, Иван Алексеевич?

– Молодцы! Ей-богу, молодцы! Все задействовано, все предусмотрено, люди спокойно делают дело. И пострадавшие, смотрите, не паникуют, не окружают нас. Значит, видят, что руководство города делает все правильно и быстро, верят им.

– Наши здесь задействованы, – коротко заметил Магомед Ширваниевич.

– Ну а жекаховские все, как утки, в воде, – довольный увидевшим сообщил Александр Кириллович Зязин. – Я с вашего одобрения Муса Абдурахманович, дам им новую спецтехнику.

– Добро, – ответил М.А. Керимов.

– Держи меня в курсе, – это уже мне, – у нас и в других местах непросто.

Гости укатили.

От трассы к нам спускался табачного цвета «Москвич-111» («Барон!») – узнал я его машину.

– Вот и спасительная медицина прибыла, – сказал я товарищам.

Брат мой работал заместителем министра здравоохранения по гражданской обороне. Что он поспешил сюда, услышав о ЧП в Гудермесе, меня не удивило. Но из машины сначала покачалась огромная папаха, а потом вылез с трудом наш дядя Сайд-Ахмад. Он бросился к нему, упрекая Барона за то, что побеспокоил старика. Тот, увидев меня, широко улыбнулся, обнажая вставные челюсти, обнял и так подержал дрожащими руками.

Оказалось, что слух о потопе в Гудермесе, пока дошел до Белгагая, за тридцать километров, успел обрасти чудовищными слухами.

– Говорили, что здесь обрушились многие дома, есть жертвы, а я знал, что он окажется в самом центре, – оправдывался дядя за свою слабость к племяннику перед подошедшими моими товарищами.

В течение этого и следующего дня в штабе побывали многие представители гражданской обороны республики, друзья и сотни любопытствующих из Грозного, Аргуна, Шали и соседнего Дагестана.

– Киндаров? Абдулла, дорогой, а ты что здесь делаешь? – услышал я неповторимый дагестанский акцент. Раскинув руки, на меня шел крепкий мужчина с рыжеватыми волосами и голубыми глазами на красноватом лице.

– Ахмед, вах, а ты откуда взялся? Ты же, говорили мне, в Грозном?

– Да, я работаю там, дома, – уточнил он. – Подожди, я вспомню, ты же был отозван сюда председателем горисполкома.

Мы крепко обнялись с товарищем по учебе в Москве, представив друг друга товарищам. Это был Ахмед Абдусамадов, родной брат бывшего секретаря Дагестанского обкома партии, а теперь заместителя министра сельского хозяйства РСФСР.

После «походного» гостеприимства мой друг уехал в Махач-Калу, оставив ящик чудесных ботлихских персиков.

Я строго посмотрел на своего Махмуда.

– А что я мог сделать? – меланхолично пожал он плечами. – Этот человек и слушать меня не стал.

– А ты, похоже, очень сильно отказывался, – съехидничал я.

Хорошо зная моего водителя, товарищи посмеивались.

– Не беспокойся, мы в долгу не остались, я положил ему в чемодан три коньяка «Вайнах», – с гордостью ответил Махмуд.

– Ну, тогда они подорвутся, не доезжая до Сулакского моста.

Я удивленно посмотрел на Ваху Басханова, инженера-технолога Махачкомбината, затопленного водой. Он был большим шутником.

– Я прикинул расстояние, за которое взболтается эта гремучая смесь, – сказал он деланно печальным голосом. – Теперь будем ждать тревожной вестки. Боюсь, дагестанцы объявят нам кровную месть. И все из-за тебя, Махмуд.

Уставшие за сутки люди долго не могли успокоиться, смеясь

над незадачливым Махмудом. А тот, отойдя к машине, что-то бормотал про себя, жестикулируя огромными ручищами. Его закиданный друг Ваха, поглядывая в его сторону, благоразумно зашел за мою спину.

Махмуд был большим оригиналом, можно сказать, достопримечательностью района. Он работал горисполкомовским шофером почти двадцать лет. Его крупная фигура выглядела весьма представительно. На смуглом лице лежала печать значительности и глубокой мысли. Говорил он медленно и внушительно. Всегда был опрятно одет, носил шляпу. В таком виде его часто принимали за самого председателя. Об этом ходили забавные истории.

– Ты у меня уже седьмой, – сказал он как-то, когда мы, уставшие и голодные, возвращались домой.

– Что, седьмой? – не понял я.

– Начальник, – недовольно пояснил Махмуд. – Но ни с кем не приходилось мне мотаться голодным по району, стараясь постыдиться всюду, как с тобой.

– Знаю об этом немного сам и слышал от товарищей, – медленно заметил я. – Запомни, Миша, я не собираюсь доставлять тебе довод пьяного, как делали некоторые до меня. Если замечу, хоть один раз, что ты выпил, в какой бы компании мы не оказались, какой бы важный дядя не настаивал, это будет последним днем нашей совместной работы. Другим товарищам по работе я доверяю дело, а тебе – только то есть свою собственную жизнь. Запомни это крепко. Тебя дома ждут отец, мать, большая жена и дети, меня тоже – мать, жена и трое детей. Понял? Больше объяснять не стану. В нерабочее время, когда ты не за рулем, дело твое.

Месяца через два ко мне пришел солидный старик. Он оказался отцом Махмуда.

– Я пришел поблагодарить тебя за сына, – сказал он. – Он сильно изменился, теперь мы спокойны.

Тапа, любивший подтрунивать над медлительным Махмудом, не оставил без внимания изменения в его поведении.

– Эй, чернявый, ты что, заболел? – спросил он Махмуда, видя, как тот отказывается от выпивки.

А потом, обращаясь уже ко мне, заметил:

– На твоём месте я бы и дня не держал рядом с собой этого глупоумного.

Все рассмотрели на Махмуда, ожидая, что он ответит, но тот промолчал, словно не слышал. Провокация Тапы не прошла, и разговор переключился на другую тему.

Вдруг Махмуд, перебивая чей-то тост, сказал:

– Типа, чтобы снять меня, надо быть председателем горисполкома, а ты им никогда не будешь.

Рядом хохот.

– Ты смотри, – оценил Тапа слова Махмуда, – твоё «зажигание» всё же исполнилось. Нет, я передумал, – сказал он опять, обращаясь ко мне.

– Оставь его. У Махмуда есть одно незаменимое качество: что бы ты от него похорил или не делал, он ничего не поймет, а когда поймет – поздно уйдёт, то есть он забудет то, что понял. Очень удобный шофер.

Шутки шутками, а Махмуд был надёжным товарищем и добрейшим человеком.

К вечеру третьего дня все в районе затопления выглядело так, как обычно бывает после дождя. Воду откачали полностью. Лишь оставшаяся лужа оставалась около одного из гидронасосов. Липучка жигу из нее не прокачивала даже эта мощная машина. Дома, словно одетые в юбки, стояли мокрые до окон. Учителя и ученики сельской школы выносили ил из классных комнат и коридоров. Здесь же был главный инженер Управления СКЖД из Ростова-на-Дону. Через него я передал начальнику дороги письмо с просьбой помочь авариям и железнодорожникам, пострадавшим от стихии.

Комиссия горисполкома обошла пострадавший район, составила акты по каждому объекту и подворью. С людьми была проведена разъяснительная работа индивидуально и на собраниях жителей. Цитатки никакой не было. Я сам переписал всех, кто был все это

время на спасательных работах, и объявил, что с завтрашнего дня штаб переносится в горисполком.

Люди разошлись по домам.

Весной 2000 года мне довелось быть в Гудермесе, тогда временной столице республики, собираемой Ахмадом Кадыровым после разрушительной войны. Я побывал со своим другом Тимом Герзелиевым на месте того затопления.

– Ездить и ходить опасно, могут быть неразорвавшиеся снаряды, мины, а вот взглянуть с трассы можно, – сказал он.

Ятгоге выглядела, как в военной хронике. Средняя школа № 7 была разрушена. Стояли без окон и крыш многие частные дома. Людей на улицах не было. За последними домами, по полю, где еще недавно сеяли хлеб, были видны большие воронки. Между ними четко виднелись очертания того канала, по которому мы отвели воду из города.

– Радуевцы занимали здесь оборонительную линию, – выслушав в гиды случайный прохожий.

– А мы строили этот канал совершенно для других целей, – обрывал его Тапа. Мужчина внимательно оглядел нас и пошел своей дорогой. Отойдя метров на пятьдесят, он остановился, будто решая, вернуться к нам или уйти. Но мы сели в машину и уехали. Вонистину, не думали мы тогда, что вот таким образом воспользуется кто-то плодами наших трудов.

Тогда, после затопления, город начал обустриваться достаточно быстрыми темпами. Появились новые асфальтированные и освещенные улицы, открылись городская поликлиника, ряд магазинов и кафе, ресторан. Педучилище получило новое общежитие и бытовой корпус, заработал новый узел междугородней связи.

Моя семья полностью вписалась в местное общество. Тимару Султановну уважали на работе. Я слышал от жителей города и тех, которым приходилось обращаться к ней за врачебной помощью, много лестного о ее участливом отношении к пациентам, культуре общения с простыми людьми, прекрасном знании языка и обычаях своего народа.

К ним теперь чаще навевывалась из Грозного ее мать Бирлант. И в ранние видела глубокую воспитанность и внутреннюю добропорядочность в этой аристократке по рождению. До смерти мужа она находилась как бы в тени его личности, всячески поддерживала его авторитет, главенство в семье, сама же оставалась едва заметной для окружающих, не знающих близко эту семью.

В тридцатые годы ее многочисленная родня по отцу и матери подверглась жестоким репрессиям. Не пожалели ни детей, ни женщин. Два ее брата были кадровыми офицерами и оба пропали без вести на войне. Дочь одного из них – Магомеда – Хава жила в Гувернесе, была замужем за Мурадом Шамурзаевым, правнуком известного Боты Шамурзаева.

В Кавказскую войну, еще будучи ребенком, Бота попал в русскую плен, стал офицером царской армии, но пожелал вернуться на родину. Узнав о нем, Шамиль приблизил его, сделав своим наибом. После пленения имама Бота Шамурзаев снова оказался на царской службе, его возвысили, наделили землей. Однако для Советской власти потомки его оказались классово-чуждыми элементами со всеми вытекающими последствиями.

В 1980 году мне посчастливилось уехать с семьей в отпуск в самый курортный месяц. Но 23 августа он был прерван звонком из Грозного: скончалась моя глубокоуважаемая теща – Бирлант Хамиева.

Ее родословной могли бы позавидовать аристократы любого дива. Отец ее – Абдулла Вагапович Адуев – всю жизнь посвятил службе в Российской армии. На овальном бронзовом подносе, подаренном ему в день проводов в отставку 16 апреля 1912 года однополчанами, выгравированы стихи, в которых названы места, где он служил и участвовал в боевых действиях:

*Ахал-Теки, Согратль, Тлох,
Гуниб, Салты, Койсу и Чох –
Все промелькнуло перед нами
Своими громкими делами.*

А.В. Адуев был комендантом крепости Батал-пашинской (ныне г. Хасавюрт), а перед отставкой командовал полком в Грозном. Барлант получила прекрасное воспитание, училась в гимназии, любила и хорошо знала русскую классическую литературу. Мало кто из родственников умер своей смертью: одних репрессировали, другие разбрелись по белу свету и сгинули в неизвестности.

Получив сообщение о смерти тещи, я попросил прислать мне навстречу в Минводы машину и немедленно выехал на такси домой. Ехали тяжело: жена была в прострации, дети трудно переносили машину, их постоянно тошнило, часто рвало. А я торопил шофера, зная, что там, дома, поспешат похоронить покойную, согласно мусульманскому обычаю. Для Тамуси это было бы убийственно. Но выручили автотуристы. Заметив нашу проблему, одна из женщин дала какие-то таблетки, после приема которых дети почувствовали себя лучше.

Слава Аллаху, мы успели. Жена долго и тяжело выходила из свалившегося горя, но жизнь, а главное – дети, требовали свое.

Признаться, я находил огромное удовольствие в том, что участвую в улучшении жизни гудермесцев и жителей района, был откровенно влюблен в свою работу, уважал товарищей, чувствовал их постоянную поддержку и понимание. Может быть, именно поэтому сильно задевало меня, когда некоторые «коренные» гудермесцы называли меня «пришлым». Я знал, их тайно поддерживают отдельные товарищи, занимающие определенные должности. Нет, сами они ничего плохого не предпринимали и не говорили, но позволяли делать незаслуженные выпады другим.

Гудермесцы испытывали трудности с качественной питьевой водой с тех пор, как здесь поселились. До советской власти воду брали из речки Гумс и некому было жаловаться на ее качество. И после воды в кранах в летнее время не бывало, а свои знаменитые помидоры жители аула поливали привозной водой и не жаловались на местное начальство.

При мне подача воды только за счет Джалкинских источников увеличилась в разы, однако ее все равно не хватало. Причина была банальной: все обзавелись многометровыми шлангами и начали день и ночь поливать огороды. Раньше для этих целей воду здесь копали.

Кто-то сгорел один из моторов на водозаборе и подача воды остановилась. На другой день у горисполкома собрались женщины с пустыми ведрами и устроили мне шумную встречу у подъезда.

Из толпы слышались слова «пришлый», «чужой», «гость» и другие выражения, намекающие на то, что я не гудермесец и поэтому только забочусь об их нуждах. А в это время неподалеку, на расстоянии видности и слышимости, толпились мужчины, посмеиваясь и пересылая впечатлениями. Многих из них я знал теперь в лицо, они были из аула.

Пождав, пока женщины утихнут, я обратился к ним:

— Что же вы, мужчины, не подходите? Ведь вы же их натравили и смотрите, что из этого выйдет.

Никто не стал подходить, а некоторые отошли за деревья и начали с наглядной агитацией.

Тогда я обратился к женщинам:

— Что же вы, уважаемые, так мало говорите о воде и так много говорите, что я не местный, не из Гудермеса? А до меня у вас питьевой воды было больше? Да, я родом из соседнего района, из села, что в тридцати километрах отсюда. Но я такой же чеченец, как вы и ваши мужья. Запомните и другим передайте, что я под любым дуном в Чечено-Ингушетии чувствую себя дома. А если говорить до конца, вы такие же пришлые здесь, как и я. Ибо нет у чеченцев слова гудермесцев, а есть гильной, чартой, алерой и т.д. Запомните это и передайте мужьям своим. Ну, а по поводу конкретного вопроса давайте сделаем так: кто желает поговорить со мной по делу и с достоинством, прошу в кабинет. Я не намерен устраивать с вами встречи на улице.

Несколько женщин зашли ко мне, но уже без ведер и шумов. Они извинились за поведение своих товарок, заверили меня в том, что не имеют лично ко мне никаких претензий и пожаловались на острую нехватку воды.

– Не знаю, как вы, но я человек верующий, – заговорил я, немного удивив женщин таким началом. – Я боюсь суда божьего и суда людского, особенно из-за лжи. Уверен, что вы тоже не безбожница.

– Вай, вай, что он говорит? Конечно, мы верующие. Как мы можем? – заволновались женщины.

– Тогда поклянитесь, хотя бы одна, что сейчас в ваших огородах не лежат, подключенные к кранам, шланги для полива помидоров и других овощей. Вы, похоже, не знаете, что, поливая свои помидоры, лишаете питьевой воды сотни семей, а это тысячи людей, живущих в многоквартирных домах здесь, в городе. Ведь из-за ваших помидоров они не могут даже напиться или приготовить еду. Это по-человечески, по-человечески?

– Мы не станем давать клятвы тебе, коммунисту, – заявили одна из них, но на нее прикрикнула молчавшая до сих пор пожилая женщина.

– Остановись! – приказала она. – Человек поделом стыдится нас. Извини нас, Киндаров. Нам говорили, что ты очень гордый человек и не станешь с нами говорить. Мне стыдно. Я ухожу. Пусть мои помидоры, чтобы их собаки съели, высохнут, но больше шлангов в моем огороде не будет.

Женщина вышла. За ней, бормоча слова извинений, вышли остальные. Лишь та, остроносая, сморкаясь в ладонь, слезливо спросила:

– А как мне прокормить детей без этих помидоров?

Но что я мог сказать ей в ответ? Я понимал ее. Сам шесть лет выращивал их в родном селе, чтобы построить дом для старшей матери.

Мне было по-человечески жаль эту бедняжку и других многих детских матерей. Однако нельзя было оставить без должной реакции эту, несомненно, устроенную кем-то провокацию.

Пригласив с собой двух-трех работников из коренных гудермесцев и фотокорреспондента местной газеты, я поехал в аул. Начиная с крайнего дома по улице Чайковского, мы стали обходить подворья, фотографируя длиннющие шланги, тянущиеся от кранов к дворам. По каждому факту составлялся акт. Не дошли мы и до середины улицы, как собралась толпа.

Пришлось сделать ложный маневр: сели в машину и переехали в другой конец аула. Также поступили во второй и третий раз. Из десяти из каждых десяти обследованных подворий были обнаружены шланги. Мы не стали прибегать к штрафным или иным мерам, а просто объяснили жителям аула и всего города, что в Гудермесе подается чистойшей питьевой воды гораздо больше, чем требуется по нормам для населения в сорок тысяч человек. Однако люди, которые круглосуточно расходуют воду для полива огородов, выкапывают тех, у кого огородов нет.

Через местную газету, сходы граждан, подворные обходы мы призывали горожан к дисциплине общежития, экономии электричества, газа и воды. «Благополучие населения города в наших собственных руках и возможностях», – был главным идеологическим лозунгом нашей организационной работы.

В 1981 году мы отпраздновали сороколетие города Гудермес. Говорились к юбилею основательно. Впервые было учреждено звание «Почетный гражданин города» и принят «Наказ гражданину города», в текст которого я постарался включить побольше души.

Во всех учреждениях и организациях города состоялись праздничные мероприятия, концерты художественной самодеятельности, спортивные соревнования, награждения передовиков производства, ветеранов войны и труда. При подготовке и проведении праздника мы всемерно старались внушить всем жителям одну важную мысль: слава и слава города, у них должна быть гордость за свой город, общая ответственность за его чистоту и красоту.

Я написал статью в городскую газету. В ней приводилась легенда возникновения Гудермеса.

Когда-то здесь возникла небольшая крепость у отрогов песчаного хребта, на высоком берегу речки с глубоким песчаным руслом. Она оказалась на пути монгольского войска. Песок по-тюркски звучит также, как и по-чеченски, – гюм.

Крепость отказалась сдаваться. Ее обстреляли горящими стрелами, однако глинобитные стены укреплений не загорелись. Присутствие монголов тоже не имел успеха. Монголы спешили и не стали тратить время и силы на ее осаду. Занесли ее на карту под названием «Гумасей», что означает «несгораемая», и пошли дальше, оставив для взятия ее на измор небольшой отряд. Защитники крепости погибли, а это место чеченцы заселили позже вновь и назвали на свой лад – Гюмсе. «Так что название нашего города, – писал я, – не от речки Песчаная, а от слова «несгораемый»».

Юбилей города праздновался впервые, и этим праздником мы заложили новую традицию в его жизни.

С юбилеем города совпало и наше семейное торжество. Наш старший сын Асланбек окончил школу и поступил учиться в Краснодарский политехнический институт. Он учился охотно и хорошо, активно занимался спортом, участвовал в художественной самодеятельности, увлекался КВН, рос веселым и общительным. Я даже не заметил, как мой сын вырос и стал студентом. Не успели мы привыкнуть к этой мысли, как он окончил первый курс и нам сообщили, что его призывают в армию. Мы с женой поехали в Краснодар.

Город я знал хорошо, сюда на факультет Всесоюзного юридического заочного института, по два раза в год, я приезжал в течение пяти лет. Мне нравилась своеобразная кавказско-казачья атмосфера этого города, чистые зеленые улицы, богатые базары и красивые люди.

При всех различиях в культуре у горцев и казаков много сходного в быту, общении, семейном укладе, в характерах людей. Только многие из нас, и с той и с другой стороны, к сожалению, не замечают этого, а еще хуже – не желают замечать.

Проводив сына, мы с Тamarой вернулись домой и через неделю узнали, что Асланбек попал служить в г. Хабаровск.

Прощание сына Асламбека (впереди на корточках второй справа, за ним стоит мать — Тамара) на службу в ряды СА. (Краснодар. Июль 1983 г.)

— Ну что же, я служил в Барнауле, а сын должен пойти дальше в армию, и поэтому оказался в Хабаровске. Как сказал товарищ Ленин, «армия далекий, но нашенький».

Гудермесу было сорок лет, но он оставался центром сельского района со многими чертами крупного села. Большая часть горожан жила в индивидуальных домах, имела приусадебные участки, держали скот и птицу. В городе действовала старая оросительная сеть, нормы для живности люди приобретали в окрестных селах. Большим подспорьем для обладателей скота служило товарищество по подготовке кормов, созданное на городских запасных землях, еще в

бытность председателем райисполкома Убайда Ахмадовича Исмаилова, работавшего теперь первым секретарем в «моем» Шалинском районе.

Аналогичное товарищество мы создали и в поселке Новогорненский, где также имелись запасные земли площадью около ста гектаров. Товарищества явно оправдали себя. Опыт работы уже двух кооперативов толкал к мысли о создании таких товариществ и в других селах района, где практически не было выпасов, но люди содержали скот. Корма они, естественно, доставали любыми путями с полей совхозов, существенно сокращая их для общественного скота.

Решение виделось таким: взять в аренду земельные участки в совхозах и создать на них такие же товарищества. Против стенкой встали директора хозяйств, которые подняли на свою сторону горком партии, объединение «Чеченингушвино» и министерство сельского хозяйства. «Наши земли не трогать!» – такова была их позиция.

– А люди, что работают в совхозах, чьи? – задали мы в ответ не менее политизированный вопрос. – Где они берут корма для своего скота? У вас же в совхозах. А сколько денег поступило в ваши кассы за сено, солому, хлеб, который они взяли с государственных полей? Ноль целых и... Так что вы, уважаемые сельскохозяйственники, ежегодно наносите огромный вред государству, транжири корма не по назначению. В этом ваша прямая халатность, а за это по закону полагается уголовная ответственность. Или вы торгуете этими кормами сами или потворствуете бригадирам и управляющим, продающим корма частникам, что также преследуется законом.

– Если хотите, – сказали мы, – горисполком, руководствуясь законами о сельском, районном и городском Советах народных депутатов, может начать ревизию земельных фондов, выделенных вам официально, и сравним с фактически используемыми в ваших хозяйствах. В итоге выяснится, кто стоит на страже государственных интересов, а кто – шкурных.

Директора присмирили, ибо знали, что у них есть неучтенные земли. Горкому ничего не оставалось, как поддержать нас, а республиканские сельхозведомства отошли в сторону.

Так в районе возникло еще двенадцать товариществ. В каждом из них был принят свой Устав, избрано правление, установлены нормы паевых взносов и цены на корма. Даже самые привередливые сельчане, подсчитав, увидели, что приобретать корма через товарищества на порядок выгоднее, чем воровать или приобретать в полчищные, опять же тайно, у бригадиров или управляющих отделений совхозов.

Наш опыт поддержали отдел сельского хозяйства и заготовок – начальник Серафдин Касумович Гериханов и организационно-инструкторский отдел – начальник Кузнецов Михаил Алексеевич, управления экономики Совета Министров ЧИ АССР, а затем и газетчики. Специальный корреспондент газеты ЦК КПСС «Сельская жизнь» Сайд-Ахмед Барсанукаев написал статью об опыте работы наших товариществ и к нам посыпались письма со всех сторон. Была организована моя статья в той же газете с ответами на поступившие вопросы, но и после этого нам часто писали, приезжали за опытом из многих областей и краев РСФСР.

Наш опыт по оказанию помощи населению в увеличении поголовья скота в личных подворьях был одобрен Правительством Российской Федерации.

Однако, не зря замечено, что всякая инициатива наказуема. Поголовье скота, особенно коров, у населения района росло. Заметив такую тенденцию, хозяйственники забросили в горком партии новую «инициативу» – предложение увеличить задание сельским советам по заготовкам мяса, молока и яиц. А там эту идею подхватили, как смертельную, и начали выкручивать нам руки. Началась сначала тихая, а затем и открытая борьба.

В горкоме сельское хозяйство курировал сам первый. Неглупый человек и опытный хозяйственник, Александр Владимирович прозрачно сознавал, что, заставляя местные органы власти заниматься незаконными заготовками, действует безнравственно. Но обдумывать эту тему он не хотел.

Надо! Мы должны выполнять планы сдачи мяса и молока. Надо! Выполняйте! – командовал он.

Его поведение становилось невыносимым, он стал допускать грубые выпады на бюро и рабочих совещаниях, ставших в последнее время частыми. Я, в свою очередь, в долгу не оставался. Попытки поговорить лично, с глазу на глаз, ни к чему не привели. Я ушел в отпуск, так и не подписав решения по увеличению заданий сельским Советам на закупку животноводческой продукции у населения. Первые мои были на пределе, кризис мог наступить в любой момент. Я боялся, что однажды не выдержу и сорвусь. Дело дошло до того, что в очередном ночном загуле А.В. Волков начал заочно оскорблять меня. Один из товарищей, оказавшийся в той компании, позвонил и передал мне обо всем, что там творится. Я оделся и помчался туда. Сам тамада и его дружки сначала удивились моему появлению, но потом очухались, зашумели и стали приглашать за стол.

– Кое-кто только что на словах делал со мной, что хотел. Теперь я здесь. Давай выйдем, двор закрытый, попробуем, кто кого уделает, – выпалил я.

Наступила тишина. Хозяйка с плачем кинулась ко мне.

– Абдулла, перестань, ты же умный, ты же трезвый, – уголаривала она. – Ну, что возьмешь с этих пьяных дураков?

Волков сидел, вцепившись руками в подлокотники кресла и уставившись перед собой в стол. Он поднял на меня выпученные глаза, и мы встретились взглядами. Вдруг в них появились признаки сознания. Неожиданно расхохотавшись и распахнув объятия, он пошел на меня расталкивая дружков.

– Абдулла Гарсиевич, ты что не идешь к нам, брезгуешь, да? Ты знаешь, как я рад, что ты пришел, – он меня обнял, расцеловал и затем обернулся и четко заявил: – Это мой друг. Вы поняли? Вы знаете, какой он умный? Ни хрена вы не знаете, а только завидуете. Пошли отсюда, Гарсиевич. Отведи меня домой.

– Тебя отведут те, кто привел. Надеюсь, желающие найдутся.

Я ушел. Впрочем, меня никто и не удерживал. «Дурак, – ругал я себя, шагая домой. – Герой нашелся. А если бы он, по пьяной дури, поднял руку? Тебя же провоцировали. Забыл, как сказал поэт: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глушай».

выходило, что я сам оказался глупцом. А если об этом узнают в обкоме? Конечно, обвинят меня».

Тамара стояла у подъезда, кутаясь в жакетку.

— Ты почему оставила детей одних? Они же могут проснуться, испугаться.

«Это было все, что я нашел в этот момент ей сказать. Просто я был уверен, что она понимает меня и без слов. В общем-то, она все и поняла. Ей позвонила хозяйка того дома. Она успокоила жену, сообщив, что я пошел домой.»

Снова в армейской шинели

В феврале 1982 года я находился на шестидесятидневных сборах в 10-м Центре курсов усовершенствования политического состава Вооруженных сил СССР в городе Киеве.

Это был подарок во многих отношениях: перемена обстановки, новые люди, общение, информация, знакомство с древним Киевом.

Из обкома сообщили, что со мной едут еще двое коллег: инструктор обкома партии Ахмед Тагиров и председатель Веденского районного полкома Александр Шаршавых.

Курсы размещались в небольшом военном городке почти в центре Кисва. Теоретические занятия проходили на первом этаже двухэтажного особняка, а на втором и третьем были гостиничные номера, в которых нас разместили. В одном крыле здания был спортивный зал с душевыми, в другом — стрелковый тир.

При регистрации мне сообщили, что назначен командиром роты из четырех рот нынешнего сбора. Я попробовал было увернуться, но полковник категорически заявил:

— Капитан, вы что, забыли? В армии приказы не обсуждаются.

В нашей роте были коллеги из Северо-Кавказских республик, Ростовской области, Сумской, Киевской, Черниговской и Хмельницкой областей Украины. При заполнении журнала поднялся коренастый крепень с копной волнистых волос.

– Таратута Иван Афанасьевич, – представился он, – председатель Лебединского райисполкома Сумской области.

– У меня две специальности, – ответил он по-украински, когда я спросил о гражданской профессии, – могу копать и могу не копать.

– Строитель что ли? – уточнил я серьезно.

– Эге ж, инженер-строитель, – согласился он.

– Тоже мне, Максим Перепелица из Сумской области. Ты что по-русски не говоришь? – вмешался А.В. Шаршавых.

– Я и по-русски говорю, а вот ты, Шершавый, по-украински не можешь точно, – ответил он.

– Моя фамилия Шаршавых, – уточнил Александр Васильевич.

– А я что говорю? Ты Шершавый, – не унялся Иван Афанасьевич.

С этого часа эти двое: один – украинец из Сумской области, другой – русский родом из Тамбовской области, все шестьдесят дней нашего пребывания на курсах, оставались в состоянии озорного соперничества, по-мальчишески пикируясь друг с другом.

Как-то в компании они опять сошлись и начали довольно остро подкалывать друг друга.

– Хочешь свежий анекдот? – хитровато посмотрев на Шаршавых, спросил Иван.

– Валяй, – нехотя ответил тот, не ожидая ничего хорошего от «этого хохла».

– Прибегает из школы внук и с порога кричит: «Диду, а диду, слухай, що кажу». А дед уставился в телевизор и не обращает внимания на пацана.

– Ну, слухай, диду, москали в космос польгитыли. – Дед не реагирует.

– Чуешь, диду? Москали в космос польгитыли.

– Чи, вси? – наконец откликнулся старик.

– И все? – насмешливо спрашивает Ивана наш тамбовско-лебединский собрат.

– Все, – скромно отвечает Ваня.

А компания взрывается мощным мужским хохотом. Из коридора заглядывают товарищи и, узнав в чем дело, тоже начинают весело смеяться.

– Твою мать, хохол, ты меня уже достал, – замахивается на него Александр Васильевич, но, покачав головой, сам начинает смеяться.

Режим на курсах был довольно демократичным. Подъем в 7.00. Занятия с 8.00 до 15.00, с перерывом на обед. С 17.00 мы могли переодеться в гражданское платье и выйти в город.

Мы договорились максимально воспользоваться таким расписанием с тем, чтобы посетить памятные места Киева, его музеи, театры и концертные залы.

Переподготовка в Советской Армии, г. Киев.

Слева направо: А. Тагиев, А. Киндаров, А. Шаршавых, М. Аушев

Первым мы посетили комплекс «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», открытый всего год назад. Побывав в Киево-Печерской лавре, основанной еще в XI веке, осмотрев ансамбль ближних и дальних пещер. При всем величии и блеске архитектурного комплекса мы с Ахмедом воспринимали его как чужую культуру. Среди посетителей музейного комплекса верующих было мало. Однако даже нам, мусульманам, было неприятно видеть на лицах многих экскурсантов признаки неуважительного отношения к духовным ценностям своей культуры.

Увидев выставленную из-под покрывала высохшую руку киевского-то святого, здоровенный посетитель громко произнес:

– Вот бы с пивом.

Все, кто слышал, спереди и сзади, ржали до самого выхода над этой пошлой шуткой.

Незабываемое впечатление у меня оставили Музей западного и восточного искусств, Музей народной архитектуры и быта, Музей истории Киева, знаменитый Крещатик и другие памятники культуры древнего города.

Киевляне относятся к своему городу с трепетной любовью. Особенно чувствительными они оказались к любому сравнению Киева с Москвой. Основанный еще в V веке, как центр славянского племени полян, он был стольным градом Киевской Руси, а с 1654 года оказался в составе России на положении провинциального города.

Как-то мы ехали в троллейбусе к центру города. Вошел старик. Машинально уступив ему место, я стоял возле него и, глядя в окно, заметил, обращаясь к А.В. Шаршавых и А. Тагирову, что брусчатка на дороге, должно быть, старая.

– В Москве на Красной площади старее, – громко и безапелляционно заявил Александр Васильевич.

Только что любезный с нами старик вскипел.

– Вы еще скажите, что Москва старее Киева, – гневно бросил он.

– А что, нет, что ли? – без тени сомнения, удивился А. Шаршавых.

Этого старик выдержать не смог.

– Я подумал, что вы культурные люди, – произнес он, встал и пошел вперед по салону.

Там он что-то говорил пассажирам, а те недобро разглядывали его, пока мы не сошли. Перед тем, как выйти из троллейбуса, я обратился к сидевшему насупленно старику:

– Извините, папаша, товарищ пошутил. Историю Киева и Москвы мы знаем настолько, чтобы не путать, какой из них старше.

– Шутить надо умеючи, а этому, – кивнул он на А. Шаршабых, – не мешает знать, где и как это делать.

Он махнул рукой: да что с вами говорить.

Нас возили за город на полевые занятия по военной топографии, рекогносцировку местности, стрельбище, танкодром и автодром. Мы имели возможность видеть новые населенные пункты, жизнь людей, окружающую природу.

Наше пребывание в Киеве совпало с проведением Всеукраинского фестиваля самодеятельного искусства. Каждую субботу во Дворце культуры «Украина» проходили смотры коллективов художественной самодеятельности по областям. Мне удалось просмотреть и прослушать концерт самодеятельных артистов Полтавской, Хмельницкой и Черниговской областей. Это был замечательный праздник украинской народной культуры. Я словно возвратился в свою карабалтинскую юность. Потом мне удалось вытащить туда своих друзей, которые проявили живой интерес к народной культуре Украины.

С тех пор, как я узнал, что И.А. Таратура из Сумской области, мне хотелось спросить у него о своем сокурснике по ВПШ – АОН Николае Минченко.

– Я его хорошо знаю. Он работает председателем областной плановой комиссии. А жена его – моя землячка, мы с ней учились вместе в одной школе, – сказал Иван Афанасьевич.

По субботам он отпрашивался домой. Однажды в понедельник он передал мне письмо от Микола, который с первых строк

выговаривал мне за то, что, находясь в Киеве, не сообщил ему себе. «Это нечестно, товарищ чечен, и непохоже на тебя. Чтобы в следующую субботу с Иваном Афанасьевичем приехал, а то мы с Шурой крепко на тебя обидимся», – писал мой друг.

Мы поехали поездом до Конотопа, где нас встретил Николай. До учебы он работал здесь председателем горисполкома. Город оказался во многом похожим на наш Гудермес: крупный железнодорожный узел, электромеханический завод, зелень, население – около семидесяти пяти тысяч человек. Старые друзья Николая нас угостили, и мы, уже на машине, поехали в Сумы.

Небольшой, чистый, с аккуратными строениями и ухоженными улицами, Сумы встретил нас ясной солнечной погодой. С женой Николая, Шурой, я был знаком по Москве, куда она часто приезжала к мужу. Такая же дородная, как и Николай, она была очень доброй и общительной женщиной.

Передав меня супругам Минченко, Иван Афанасьевич уединился себе в Лебедин. Они перед тем о чем-то «погутарили» с Николаем – до побаченья, – бросил он на прощание.

После короткого отдыха мы пешком осмотрели центр города. Побывали у Николая на службе, где он представил меня председателю облисполкома и товарищам по работе.

– Вечером посидим дома «без никого», – сказала Шура. – И ты и поговорить не дадут мужики. Человеку отдохнуть надо. А что? Он же целый месяц в армии, вне семьи, – упреждая возможные возражения мужа, сказала она.

– А я ничего, – пожал тот плечами и, моргнув мне, добавил: – Мы свое завтра наверстаем.

Мы замечательно посидели втроем весь вечер, сын и дочь Минченко, очень воспитанные и симпатичные подростки, ушли в кому-то на день рождения и вернулись поздно. Шура приготовила мне ванну и вообще сделала все, чтобы я чувствовал себя свободно и непринужденно. Спал я чудесно. Меня разбудил Николай.

– Вставай, чечен, нас ждут великие дела, – сказал он.

– Представляю, какие. Я заметил, как вы с Иваном о чем-то шептались, договорились, заговорщики.

Через час-полтора езды по живописной дороге мы были на окраине райцентра Лебедина. Дома, ворота, ограды выглядели как в фильмах: раскрашенные, нарядные. Мы подъехали к одному из домов. Из распахнутых ворот проворно выскочил Иван Афанасьевич, и с ним степенно выплыли три женщины в национальных нарядах. Одна, что в центре, держала в руках огромный каравай на вышитом пологотенце.

Женщины церемонно, с глубоким поклоном, преподнесли мне хлеб-соль.

– Дякую, дякую, гарна поляныця, – попробовал я поблагодарить так, как это делали среднеазиатские хохлы.

– Тю-ю-ю, – произнесла та, что держала хлеб, – та вин по-нашому балакает, а говорили, що чоловік с Кавказу.

– Ну, Иван, ты без своего цирка не можешь, – рассмеялась Шура.

– Знакомьтесь. Эта мать Ивана Афанасьевича, эта теща его, а эта законная жена, – представила Шура мне женщин.

Стояла ранняя весна. Травка уже зеленела, день был ясный.

По-крестьянски обильный стол был накрыт в саду. Посередине стола я увидел жаренного поросенка, вокруг много мясных блюд, холодцов, пельменей и прочей снеди. Остерегаясь свинины, я положил себе немного винегрета.

– Это что за мужик, который не ест мяса?

Надо мной нависла теща Ивана с большой тарелкой мяса. Я запростовал было, но тетка поставила блюдо передо мной и отошла.

Николай подозвал жену Ивана и, смеясь, сказал:

– Он же басурман, свинину не ест. У вас курятина найдется?

– Ой, – всплеснула та руками, – меня же Иван предупреждал. Конечно, есть и курятина, и гусь, запеченный с яблоками.

Тут же передо мной появилась всякая всячина, что хватило бы на неделю.

Я не сумею передать словами всю прелесть украинской народной песни, особенно вот в исполнении людей, собравшихся по-семейному, знающих друг друга с детских лет. Ничего более гармоничного и глубоко душевного невозможно представить. Разве что грузинскую и родственную с ней нашу, чеченскую. Лебединские пели и песни, знакомые мне по далекой Киргизии. Я с наслаждением слушал и, как умел, подпевал этим замечательным людям.

– Слушай, Абдулла, покажи этим хохлам класс. Спой нашу песню восемнадцатой гвардейской.

Находясь в достаточной «кондиции», я запел:

– Ой, за горы казаки йдутъ, а по-пид горою, ярим долиною тай жинцы жнуть.

Я, к сожалению, не владею украинской грамматикой и пишу эти слова на слух, поэтому прошу простить мне ошибки. Но песня у нас получилась. Женщины Ивана Алексеевича тут же расцеловали меня.

– Спой, пожалуйста, что-нибудь свое, национальное, – попросила меня Шура.

Я спел песню Беки Эльмурзаева «Зама» – «Время» и тут же произвольно перевел куплет на русский язык.

*Вечер, о, прекрасный вечер,
Почему ты так быстротечен? Моя милая
Еще не успела прийти к роднику,
А ты уже проходишь мимолетно.*

– Дальше герой, от лица которого ведется рассказ, обращается к весне: я не успел объясниться в любви своей милой, а ты торопишься уходить. В конце влюбленный умоляет само время, я не успел насладиться своей любовью, а ты быстротечно проходишь, время.

– Душевная песня, – призналась Шура, другие женщины поддерживали ее.

И вечера признаний, и время любви, действительно, уходят быстро и безвозвратно, – согласились они с грустинкой.

Прерывать застолье никто не торопился, и мы засиделись довольно долго.

В Киев я вернулся с незабываемыми впечатлениями.

Барон предупреждал меня, что здесь, в Киеве, служит его хороший друг, сокурсник по медицинскому институту Николай Китов, но дать его адрес позабыл. Я хорошо знал Николая, он гостил у нас в Карабиштах, и мы неоднократно встречались с ним во Фрунзе. В 1960 году, получив внеочередной отпуск, я поехал к Барону. Шариповши Алиев, Саид-Усман Джабраилов и Николай Китов, друзья Барона, оказали мне радушный прием. Тогда же я познакомился и с будущей женой Николая – Алей.

Вечером, когда мы с товарищами собирались в город, в дверь постучали. Дежурный по КПП пригласил в номер незнакомого военного.

– Вот, товарищ полковник, Киндаров находится на месте. Проводите. – И тут же мне: – Принимайте гостя.

Вошедший поздоровался и остановился, глядя на меня. Из-под полковничьей папахи на меня смотрели, по-прежнему озорные, глаза Николая.

Товарищ полковник, капитан Киндаров готовится к увольнению в город, – продемонстрировал я свое знание Устава и, совсем не по-военному, бросился обнимать гостя.

Ты, оказывается, здесь уже две-три недели, а я узнаю об этом из Грозного. Я такого неуважения не заслужил, – выговорил он мне.

Винюват, – признался я. – Барон мне говорил, что тебя переводят сюда из Германии, но в последний момент забыл дать мне твой адрес.

Я познакомил Николая с товарищами.

– Ну что, мужики, вы на службе, а я старший по званию, хотя

– Подожди, внук, когда ты подрастешь, а твой отец состарится, наступит твой черед плести корзину для него, тогда вы оба все поймете.

Услышав такие слова, сын, говорят, отложил начатое и больше никогда не притрагивался к прутьям лещины, из которых плели корзину. С тех пор наши старики остались жить в семьях до самой смерти, под заботой и вниманием родных и близких.

– Красивое и мудрое предание, – призналась Нина Николаевна. Барон прислал со мной небольшой сувенир и просил передать привет своему научному руководителю. Мне сообщили, что она в заграничной командировке. Сразу же по возвращении она разыскала меня и повезла нашу неразлучную тройцу на свою дачу, расположенную в районе Подола, на живописном правом берегу Днепра. В компании Нины Николаевны и ее дочери мы пили горилку, вели светские беседы, попробовали профессорские соленья и маршированные грибы. Александр Васильевич сделал шашлык из колбасы с помидорами, правда, это «творение рук» своих он вынужден был съесть сам.

Так бежало время, днем – занятия с картами, стрельбы, вождение БМП, БТРов или танков, а вечером – театр или концерт. Однажды я совершенно случайно приобрел билеты на концерт органной музыки и потащил упиравшихся ребят в отреставрированный польский костел, где был недавно установлен новый орган из Чехословакии. Никогда до этого я этот инструмент не видел, а когда полилась непривычная музыка, был разочарован.

Видимо, организаторы концерта правильно оценили уровень музыкальной подготовки аудитории, в программу были включены не самые сложные произведения, а ведущая старалась предварить каждое новое исполнение небольшой аннотацией.

Постепенно музыка овладела моим вниманием, затем подключилось и воображение. Фуги, кантаты, инструментальные концерты И.С. Баха, Л. Ван Бетховена, Г.Ф. Генделя и других композиторов органистов как бы приглашали к размышлениям о жизни и смерти,

любви и ненависти, о душевном и телесном. Мне сложно было постигнуть свои ощущения, но это был другой мир, другое ощущение музыки, гармонии и чувств. И этот мир постепенно становился для меня интересным своей космической новизной. И пугал, ибо я был чужаком другой музыкальной культуры, хотя наша религия, казавшаяся, полна философии, мистицизма и космогонии.

До конца сборов оставалось мало времени, когда А. Шаршавых решил идеею поехать в Кишинев. У него там были друзья, семейная жизнь. У меня тоже были в столице Молдавии друзья-однокашники из Академии Райса Осмонеску, Иванэ Чобану, Николай Бондарь и другие.

Ехать предстояло всего девять часов, так что, вечером сев на поезд, утром мы были в Кишиневе. Нас поразила схожесть здешней толпы с нашей грозненской. Такая же пестрота в одежде, разные манеры поведения, громкий говор, бесцеремонность.

Нас встречали друзья Александра Васильевича, а также Рая и брат Николай, хорошо знакомый мне по Москве. Друзья показали нам Кишинев, вечером пригласили в театр оперы и балета на концерт с участием знаменитой Марии Биешу. Сюда стоило ехать ради одного этого удовольствия! Наш приезд совпал с праздником «Марцишор», широко отмечаемым здесь весной.

Честно говоря, наша поездка всего на одни сутки из Киева в Кишинев была слишком авантюрной, но мы это сделали с каким-то юношеским азартом и потом несколько не жалели. Наоборот, мы почувствовали, что решились на это.

Последняя неделя ушла на зачеты и экзамены. По окончании сборов нас собрали в актовом зале. С напутственным-прощальным словом выступил начальник курсов генерал-майор М. Кречетов.

Мне была оказана честь выступить с ответным словом от имени всех участников сбора. Речь, естественно, получилась в духе советского патриотизма, однако, искренней в полной мере. Иначе быть не могло. Я был членом коммунистической партии, верил в идеалы социализма.

Прадед Сату и дед Киндар служили в составе царской иррегулярной туземной милиции, отец пошел воевать на стороне Советской власти в составе шариатского полка, созданного Сугаип-муллою Шалинским, а сам я отслужил в Советской Армии срочную и уже третий раз был на переподготовке. Мой старший сын с институтской скамьи был призван и служил в Хабаровске, отслужил позже и младший.

Никто из нас не думал и не мог представить себе даже в страшном сне, что всего через десять лет Советскую власть так легко развалят и разрушат, а нас, детей разных народов, растащат по национальным углам и уголкам, сделают недоброжелателями, а даже врагами. Я не мог предположить, что советская по-существу, но переименованная в российскую, армия так долго будет бомбить и расстреливать в упор мою республику, мой народ, преследовать всех лишь за то, что посмели подумать и заявить вслух о своем желании быть хозяевами на своей земле; что нас, чеченцев, по одной только принадлежности к этой нации, объявят террористами, нашу веру – экстремистской, обычаи и национальную культуру – нецивилизованными. Но все так и получилось.

А дома все по-прежнему

В Гудермес вернулся полный сил и планов. Мне присвоили майорское звание, а на случай военного времени включили в резерв на должность начальника политотдела бригады или дивизии, чем я, безусловно, гордился. Но радоваться мне не дали. Дома мои заместители и работники аппарата что-то не договаривали или явно скрывали от меня.

Через пару дней меня вызвали на совещание в Грозный. В машине я «прижал» своего шофера, бесхитростного и верного Махмуда.

– Что здесь случилось, что вы все от меня скрываете? – спросил я его прямо.

– А тебе твои заместители не доложили? – ответил он вопро-

— Я ничего конкретно не знаю. Но горкомовские мучили Галину Георгиевну целый месяц, она не раз плакала и все спрашивала, не пошли ли ты и когда приедешь. Говорили, что работает какая-то комиссия по проверке правильности выделения квартир и земельных учетков.

Махмуд действительно знал немного. Потом выяснилось вот что.

Второй секретарь горкома с компанией собутыльников решил воспользоваться моим отсутствием и накопать «компру». Для этого срочно была создана комиссия для проверки соблюдения в горисполкоме порядка выделения квартир и земельных участков индивидуальным застройщикам. В партийном порядке в комиссию включили работников правоохранительных органов, даже прокурора. Однако когда «накопали» проверяющие, не хватило бы даже «воробушка на двоих». Оставшаяся за председателя, Г.Г. Ткаченко со слезами рассказывала, как некоторые члены комиссии старались найти хотя бы что-нибудь, чтобы «сломать гордеца Киндарова», как выразился один из них.

При первой встрече в горкоме я ни одним словом не показал, что знаю о проверке, хотя прекрасно знал, что это была попытка задеть меня в спину. Но на очередном заседании бюро горкома я официально внес предложение заслушать итоги проверки, ознакомив меня, как положено, со справкой комиссии для подготовки к отчету.

А.В. Волков удивленно посмотрел на А.В. Хадзарагова и спросил:

— Какой проверки? Почему я не знаю?

Но тот подобострастно улыбнулся и поспешил сказать:

— Это была не совсем проверка. Я вам доложу. Абдулла Гарсинович видимо, неверно информирован.

— У меня абсолютно верная информация, и ты об этом прекрасно знаешь. Я настаиваю, чтобы результаты проверки узнали все члены бюро. Если этого не сделаете, я обращусь в обком. Заявляю об этом открыто, чтобы потом не объявили меня жалобщиком.

Прошло время, но никакого вопроса на бюро не поставили. На мою настойчивость А.В. Волков выразил недоумение:

– Ведь там никаких нарушений не обнаружили, что ты так переживаешь?

– Я переживаю не из-за возможных нарушений. Рассуди об этом. В плане работы горкома такого вопроса не было. Так?

– Так, – согласился первый.

– Ты, как я понял по твоей реакции, поручение проверить работу горисполкома не давал и даже не был в курсе работы комиссии. Так?

– Так, – согласился он.

– В то время, когда был на месте ты, второй секретарь не имел ни юридического, ни морального права создавать комиссию по проверке работы исполнительного комитета городского Совета. Так?

– Думаю, что так.

– Теперь я, как член бюро горкома, возглавляющий этот горисполком от имени и по поручению партии, хочу знать результат этой проверки. Имею я на это право?

– Но зачем надо собирать бюро, если нет к тебе претензий? – не понимал или делал вид, что не понимает, А.В. Волков.

– Для того, чтобы все члены бюро, а также коммунисты и граждане района узнали, что закрытая комиссия, искавшая компромат в первую очередь, на меня, никаких нарушений в работе горисполкома по распределению жилья и земельных участков не нашла и таким образом, все оскорбительные подозрения с нас снимаются. Надеюсь, что излагаю свои мотивы достаточно ясно.

Видно было, что в этом человеке боролись противоречивые чувства. Он ясно видел и понимал, что мною движут не оскорбленное самолюбие и не мальчишеское упрямство, а принципиальность честного человека, хорошо знающего свои права. Но он не хотел ничего сделать, чтобы восторжествовала элементарная справедливость.

Однако на очереди были дела поважнее личных обид. Предсто-

для уборки хлебов, и приходилось мотаться по полям, мастерским
и токам, проверяя, все ли готово.

Вглянув перед обедом в горисполком, я обомлел. В моем каби-
нетном столом заседании восседал сам Махмуд Эсамбаев, как всегда,
в шикарном костюме, в своей неизменной папахе, при звезде Героя и
почетом депутата Верховного Совета СССР на лацкане пиджака.

— А вот и мой ученик. Правда, артистом балета он не стал, ноги
оказались кривые. Зато председателем горисполкома стал.

Он картинно обнял меня и расцеловал. А я смотрел на сидя-
щих за столом и не мог поверить своим глазам. Владимир Этуш,
Анатоний Папанов, Юрий Никулин, Александр Ведерников, Георгий
Виноградов пили кофе и спокойно смотрели, как Махмуд тискает меня,
словно девушку.

— Здравствуйте, — оторвавшись от своего учителя, стал я здоро-
ваться со знаменитостями, стараясь не показать свое волнение.

— Собрать такую компанию может только Махмуд, — сказал я,
приветствуя гостей. — Но почему так инкогнито? У тебя что, телефон
отключили? — обратился я к Махмуду.

— Пусть попробуют, — встал тот в позу тореадора.

Как я понял, артисты ехали в Хасавюрт на какой-то левый
концерт. В те годы московские артисты, в том числе и знаменитос-
ти, широко практиковали такой «бизнес».

Гостей повезли в ресторан «Шовда» в Джалкинском лесу.

Без грима московские гости выглядели обыденно и старовато.
Когда мы садились в машину, мимо горисполкома проходил мой
родной сын Муслим. Я пригласил его с собой, — когда он еще уви-
дит таких людей в жизни! Первоклассник Муслим по голосу узнал
дедушку — Папанова.

Папанов и Вицин уделили мальчику внимание, показывая
известные моменты из своих популярных ролей. А великолепный
Ведерников провел несколько пассажей своим неповторимым ба-
рдаком. Муслим таращил глаза, но держался смело и узнал почти все
«номер» концерта-экспромта для него.

таря Алтайского крайкома комсомола Вшивкова, – поинтересовался я, успокоившись.

– Толю? Конечно, знал, и очень хорошо. Он сейчас тоже на партийной работе. А ты откуда его знаешь?

Братья Киндаровы (1996 год)

– Служил в Барнауле инструктором политотдела части по комсомолу, меня призвали с должности секретаря райкома комсомола, уже членом партии. Так вот там мы и познакомились, а потом подружился. При демобилизации он предлагал мне работу в крайкоме комсомола. Но я сказал: лучше маленький Кавказ, чем большая Сибирь, и уехал. Через полгода мы с ним встретились на совещании в ЦК. Я уже работал вторым в нашем обкоме комсомола. «Так ты знал, где будешь работать, и поэтому убежал», – шумел Анатолий, представляя меня своим сибирским коллегам. Я, конечно, не знал и предположить не мог тогда, что жизнь сложится именно так. Ну вот, я опять разболтался.

– Ничего, мне интересно, но ты говоришь, как будто сожалел о чем-то, – заметил А.В. Власов.

– Честно говоря, иногда, по ночам, приходят мысли, лучше бы я занимался каким-нибудь одним, конкретным, зависящим от меня делом, от моих знаний, опыта, рук и мыслей делом.

– Нормальные мысли. Однако ночью надо крепко спать, чтобы утром быть в форме. Знаешь, наверное, как говорят у русских: «Ищи за гуж, не говори, что не дюж».

Так, беседуя непринужденно, перескакивая с одной темы на другую, мы объехали почти весь район, посидели на тихом берегу Терки, посмотрели, как созревает рис, опрыскивают виноград, обкапывают, готовясь к уборке зерновых, хлебные поля.

Видя меня одного рядом с А.В. Власовым, некоторые директора попросительно заглядывали мне в глаза, но, не найдя ответа, оставались в неведении.

Александр Владимирович, отказавшись от обеда, уехал. Проводив его до границы, я вернулся в горисполком.

– Абдулла Гарсиевич, у нас все на ушах, узнав, что вы вдвоем с Власовым ездите по району. Лучше пойдите домой, поешьте, отдохните. Чувствуется, вы устали, – заботливо суегилась Галина Георгиевна.

– А откуда ты знаешь, что я не обедал? – удивился я.

– Да голодного мужика видно насквозь.

– И то верно, – согласился я и поплелся домой.

– Телефон, наверное, горячий, все время звонили, тебя искали, – сказала Тамара, подавая обед. – Что же от тебя хотел первый?

– А что ему может понадобиться от меня? Никаких вопросов по работе он не задавал. Все это время мы говорили о своей вольготной молодости, об общих знакомых и других вещах, не связанных с работой. В общем, это был вполне светский разговор обо всем и ни о чем.

– Может, тебе другую работу предложат? Семь лет такой нагрузкой может сломать любого, – говорила Тамара.

– Это что, медицинское заключение? Я, по-твоему, сломлен или близок к тому?

– Нет, нет, что ты! Ты у меня сильный и крепкий. И все-таки, если бы тебе предложили работу полегче, было бы лучше.

– Легкой работы у управленцев, дорогая, не бывает, тем более, если делать ее честно и добросовестно. А я по-другому не могу и не хочу.

Позвонили из приемной горисполкома: меня ждет в моем кабинете А.В. Волков. Когда я вошел, он стоял у окна, и сквозь черные очки смотрел во внутренний двор горисполкома.

– Хорошо, что ты оказался на месте и встретил Александра Владимировича, – сказал он, – я сегодня, как видишь, не в форме.

Он действительно выглядел, мягко выражаясь, неважно: нет памяти, лицо опухшее, голос хриплый.

– Слушай, давай по-мужски, начистоту. Чего тебе не хватает, почему ты губишь себя, почему не порвешь с этой босотой, которая тебя окружает? – засыпал я его вопросами. – Неужели ты не понимаешь, что это кончится плохо? Очень плохо! И не только для тебя, но и твоей семьи, твоего единственного сына.

– Я все понимаю, Абдулла, – выдал он, тяжело вздохнув. – Но у меня, наверное, не хватает силы воли. Сам обо мне спрашивал? – и дал он мучивший его вопрос.

– Нет. И я ничего не говорил, можешь не сомневаться, – успокоил я его.

– А я и не сомневаюсь, – сказал он глухо, и, подумав, добавил: – Читает, на мне поставлен крест. Давай поедem куда-нибудь на речку, – так бы страшивая какую-то свою мысль, предложил он.

– Только без пьянки и твоих дружков, – предупредил я.

– Да, – согласился он твердо, – только мы, сами.

Посидев в тени деревьев и искупавшись в холодной и чистой воде Черной речки, мы вернулись в город с наступлением сумерек.

– Что-то серьезное случилось или должно произойти, – сказал

молчаливо выговаривая слова, молчаливый обычно Махмуд. – Волков впервые возвращается домой трезвым.

– Поезжай, давай, не умничай, – оборвал я его.

«Чудеса в решете», – думал и я, заходя к себе в подъезд. Я ждал испышку гнева и ревности, а получил благодарность от своего партайгеноссе.

Тот год мы завершали сложно. Совхозы срывали планы производства государству мяса и молока. Горком опять обложил сельские советы «данью в натуре». Председатели сельисполкомов, не смея возражать там, повалили со слезами ко мне.

– Вы избраны своим населением, а боитесь слово сказать против незаконных вещей. Предупреждаю, если узнаю, что собираете деньги, передам материалы в прокуратуру. Если у кого есть излишки, помогите продать их заготовителям.

Такой была моя позиция, которую я занимал в горкоме и перед сельскими Советами.

Годовые планы мы кое-как натянули, а вот первый квартал 1984 года провалили с треском. На бюро обкома под председательством моего друга Лечи Дабачевича Магомадова, мне объявили выговор, а горком даже не упомянули. Это был сигнал: не смей перечить партийному руководству, что бы оно не требовало. Выговор был просто протокольным, но меня такая предвзятость сильно обидела. Впервые в жизни я не находил радость от работы даже тогда, когда удавалось расшить очередной узел районных проблем, например завершить асфальтирование дорог на Энгель-Шорт и Брагуны.

В Президиуме Верховного Совета и Совете Министров ЧИ АССР я был на хорошем счету, в моем кабинете стояло пять переливавших знамен, в том числе за первое место по благоустройству и улучшению санитарного порядка во всероссийском соревновании с населением до ста тысяч человек. Все шестнадцать сельских советов района были размещены в добротных помещениях,

обеспечены мебелью, оргтехникой, справочной литературой и всеми атрибутами местной власти.

Ко мне лично и к горисполкому не было каких-нибудь серьезных претензий с какой-либо стороны. Но я сильно устал от борьбы с теньями, постоянной необходимости держать стойку, не зная, с какой стороны ожидать удара.

В таком состоянии застали меня нагрянувшие внезапно секретари обкома партии по идеологической работе Зинаида Ахметовна Яндиева и заместитель председателя Совета Министров республики по социально-культурным вопросам Тамара Усамовна Махмудхаджиева.

– Не дрожи, мы с тобой ничего не сделаем, – сказала бойко на язык Зинаида Ахметовна. – Мы хоть и современные женщины, но вполне мирные.

Увидев их, я поднял руки:

– Сдаюсь на милость красивейших женщин республики. Однако, мне стало боязно от того, что вы вместе.

– Конечно, по одной бы тебе легче было разговаривать. Да садись ты, дело есть.

Вот так, неформально, по-свойски начался разговор, изменивший мои планы, да и всю оставшуюся жизнь.

Зинаида Ахметовна до прошлого года работала председателем Малгобекского горисполкома. Малгобек так же, как и Гудермес, был республиканским городом, но оставался центром одноименного сельского района. По Зинаиде Ахметовне, статной красавице, я знал, сохли многие мужчины, но она после первого брака предпочитала свободу и независимость от мужской власти. По моему мнению, теперь она занимала достойное ее уму и характеру положение.

Тамара Усамовна – женщина миниатюрная и улыбчивая – еще недавно была первой из числа женщин коренной национальности первым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ. Ее муж, Адам Махмудхаджиев, был врачом и нашим с Бароном приятелем.

– Ты сколько лет здесь торчишь? – задала вопрос секретари обкома.

– А поправить вас можно? – продолжал я шутливый тон.

– Не надо, я уже вся правленная, – отрезала она, разглядывая кабинет. – Скромно живешь. Так сколько?

– Уже семь. Вернее, в мае будет семь лет.

– Засиделся. Согласна, Тамара Усамовна?

– Конечно, – согласилась та. – Семь лет – это срок. Пора менять квартиру.

– Ты хотела сказать, кабинет и квартиру, так ведь?

– Именно так.

– Короче, Абдулла, свет наш Гарсиевич, мы приглашаем тебя в свою команду и предлагаем должность министра культуры. На размышление, – она посмотрела на часы, – пять минут. Мы говорим тебе от своего имени, так что, сам понимаешь, это разговор предварительный и неофициальный.

– Так вот чем заканчивается этот «Галх», – озадачился я, переходя на чеченский.

– Какой «Галх»? – удивленно переспросила З.А. Яндиева.

– Да так. Шел себе по аулу достойный муж. Из-за ворот с шумом выскочила собака, но горец не мог показать свой страх и шел себе, подняв нос. А пес подскочил сзади и порвал ему штанину. А штаны у него были единственные. Тогда нохчий клант изрек свои знаменитые слова: «Эх, собака. Я сразу, как ты только гавкнула за воротами, понял, что ты порвешь мне штаны».

– Но, но, без намеков, – ошетинилась Зинаида Ахметовна. – Мы же тебя министром культуры приглашаем.

– Да к тому же ты извратил сочный язык нашего фольклора. Герой твоего рассказа сказал так: «Как только ты первый раз твякнула, я сразу понял, что ты сука и порвешь мне штаны», – поддержала ее Тамара Усамовна.

– Bravo, Тамара, – похвалила ее секретарь обкома, – два-один в нашу пользу. Мы тоже знаем свой фольклор!

– Как только вы вошли, я понял, что прибыли по мою душу. Я же говорю, какой из меня министр культуры? Ошибиться не боитесь?

– Не боимся. Во-первых, все эти годы, что ты работаешь здесь, ты находишься в резерве обкома на эту должность. Не знал? Так вот, знай. Во-вторых, мы знаем, что ты и в школе, и в армии, и в Ножай-Юрте руководил самодеятельностью. В-третьих, ты забыл, как лихо танцевал со мной и Розой Дадаевой в Белгороде? А потом спел какую-то арию в ночном городе. Даже милиционеры хлопались, вместо того, чтобы забрать нас на пятнадцать суток.

Мы вспомнили и вместе рассказали Тамаре Усамовне случай в гостиничном ресторане Белгорода. Большая делегация Чечено-Ингушетии, во главе с Мусой Абдурахмановичем, находилась там на всероссийском совещании по свекловодству, который проводил председатель Совета Министров РСФСР, член Политбюро ЦК КПСР М.С. Соломенцев.

Вечером в ресторане мы попросили сдвинуть столы так, чтобы вся делегация оказалась в единой компании. Неподалеку также устроилась дагестанская делегация, в соседнем зале – кабардинцы и осетины.

Как водится, обменялись коньяками. Когда мы собирались покинуть зал, заиграл оркестр. Начались танцы. Мы с Муратом Бажаевым попросили оркестрантов сыграть лезгинку и подговорили Розу Дадаеву пригласить на танец М.А. Керимова. Я помнил его еще по ансамблю нефтяного института, где он прекрасно плясал.

Когда заиграла музыка, я вышел и пригласил Розу. Пройдя с ней круг, я поблагодарил ее и вышел из танца. Роза, как мы с ней и договаривались, подошла к месту тамады за столом и стала крутиться перед М.А. Керимовым, приглашая его на танец. Он помогать головой, мол, как это можно: у чеченцев девушка не приглашает мужчину, но в круг все же вышел. Станцевали они здорово. Муса, должно быть, вспомнил свои студенческие годы и выдавал такие выверты, что Роза не знала, куда деваться.

Подключились дагестанцы, потом осетины, кабардинцы. Все сошлись в нашем зале, образовав большой круг.

Один из дагестанцев подошел ко мне и, извинившись, сказал, что председатель их Совмина хотел бы станцевать с Розой.

Я шутливо заявил, что, если он станцует лучше нашего, мы загорбимся и объявим месть.

– Нет, что вы, – опешил тот, – ваш профессионал, с ним наши танцы не сравнятся.

– Тогда пусть выходит в круг, мы выведем свою девушку, – заявили мы с Муратом.

Дагестанский предсовмина танцевал довольно лихо, но ему не хватило того темперамента и куража, которые показал Муса Керимов. Победа осталась за нами. Потом была ночная прогулка по городу, танцы у какого-то памятника и песня из фильма «Вернись в Сорренто».

Все это мы с Зинаидой Ахметовной рассказали Тамаре Усаиной, перебивая друг друга.

– Ты что это, друг, нам зубы заговариваешь, – вернулась к основному вопросу З.А. Яндиева. – Не пять, а пятнадцать минут уже прошло. Так можем мы говорить с руководством о твоём переводе?

– У меня два брата, причем оба старше меня, дядя, жива еще мать, своя семья, наконец. Я вам очень признателен за то, что вспомнили обо мне и предлагаете, по сути, повышение. Но мне все-таки хочется посоветоваться с родными, подумать. Дайте мне время до понедельника, – попросил я их.

На том и договорились.

В субботу вечером у матери собрались близкие родственники. Все высказались за то, чтобы я не отказывался от сделанного предложения.

– А как ты сам относишься к этому? – спросил старший брат Харон.

– За семь лет работы в Гудермесе я устал. Нового для себя здесь ничего не вижу. Культура мне интересна и, кажется, я бы нашел себя в ней с пользой для дела. Однако в нашей республике к этой сфере

относятся, как к праздному, вовсе не обязательному делу, а мною даже с нескрываемым высокомерием. Культура, как отрасль, у нас бедна в материальном и кадровом отношениях. Работы будет много. Но я, наверное, соглашусь.

Зинаида Ахметовна на мой звонок сообщила, что уже согласовала мое назначение с А.В. Власовым. В тот же день мне позвонил М.А. Керимов и пригласил к себе. Он, разумеется, был в курсе сделанного мне предложения и не возражал. Вызвав Тамару Усамовну, председатель поручил ей согласовать с Министерством культуры Российской Федерации дату моего выезда в Москву на собеседование. Я был предупрежден, что о целях командировки в Гудермес должен знать только А.В. Волков.

После майских праздников я вылетел в Москву. Меня определили в гостиницу «Россия», рядом с министерством.

Куратор по Чечено-Ингушской АССР Лариса Евгеньевна Домрачева в начале представила меня Алексею Александровичу Понько, начальнику организационно-инспекторского управления, члену коллегии министерства.

Полковник, политработник, недавно вышедший в отставку и майор запаса, тоже политработник, мы быстро нашли общий язык и с удовольствием поговорили около часа. В лице этого симпатичного, открытого и умного человека я нашел замечательного товарища и советчика на все годы моей работы в должности министра.

Потом состоялись беседы с начальниками других управлений и заместителями министра. Знакомства, собеседования и инструктажи заняли целых три дня. Старые работники помнили Ваху Ахмедовича Татаева, работавшего министром культуры Чечено-Ингушетии с 1957 по 1972 год.

Профессиональный актер с великолепными внешними данными, Ваха Ахмедович был словно рожден для этой должности. Крупного роста, с лобастой головой, открытым приятным лицом и широко расставленными большими глазами, он имел обыкновенные

...речь четко, громко и убедительно. Работавший начальником управления культуры и искусства еще до войны и вплоть до нашего освобождения, он великолепно знал состояние дел в каждом учреждении культуры, не только творческую интеллигенцию, но и почти всех работников культуры.

Несмотря на то, что его называли здесь, в Москве, большим министром культуры республики. Я с гордостью слушал добрые отзывы о человеке, которого знал многие годы и глубоко уважал.

Наконец сам А.А. Понько повел меня на встречу с министром. Секретарь, как только мы вошли в приемную, сообщила:

Юрий Серафимович ждет вас.

На встречу из-за массивного стола вышел русоволосый мужчина в очках. Я ощутил его крепкое пожатие руки и цепкий взгляд.

Мне звонил Муса Абдурахманович, – четко назвал он имя и фамилию Керимова, – и сказал, что рекомендует на должность министра культуры лучшего председателя горисполкома.

Это меня обязывает, – коротко отреагировал я.

Я просмотрел ваше дело, у вас отличный послужной список, у вас поступили хорошие отзывы и от товарищей, с которыми вы много встречались. Но вы, извините за откровенность, не работали в культуре, и образование у вас несколько иное. А творческая интеллигенция и работники культуры – довольно своеобразная и непривычная публика. Не будет ли вам трудно управлять ими? – задал он вопрос.

Мы задали прямой вопрос. Спасибо. Я теперь также прямо на него отвечу. Еще недели две назад я и мысли не имел такой, чтобы стать министром культуры. Инициатива эта исходит от двух очень симпатичных и не менее симпатичных дам: секретаря обкома партии и заместителя председателя правительства республики. Можно сказать, что меня «бросают на культуру» в партийном порядке. Вместе с тем, смею думать, что я не Огурцов, а такой же интеллигент в партийном поколении, как и все наши режиссеры, актеры, художники, драматурги и, тем более, культработники.

– Как вы сказали, интеллигент в первом поколении? – спросил Ю.С. Мелентьев.

– Ну да. Все мы дети крестьян, в лучшем случае, рабочие. Может, несколько человек найдется детей учителей. Лишь у сестер Исаевых родители были артистами, но и они не имели художественного образования.

– Кстати, я с сестрами Исаевыми и некоторыми другими артистами нынешней труппы Чечено-Ингушского драмтеатра поступил в Ленинградский институт театра и кино имени А.В. Луначарского в 1957 году, будучи секретарем райкома комсомола. Отлично сдав экзамены, но мать не пустила меня в артисты, и я, задрав штаны как сказал Есенин, пошел за комсомолом. – Мои собеседники весело переглянулись, а я продолжал: – Есть еще пара штрихов в моей биографии. Я окончил балетную студию в Киргизии, где мы находились в выселении, и не у кого-нибудь, а у самого Махмуда Эсамбаева и не менее популярного тогда артиста Киргизского балета Александра Кебекова. В школе, в армии и будучи секретарем райкома комсомола, мне приходилось руководить кружками художественной самодеятельности. Могу похвалиться тем, что ребята из далекого горного Ножай-Юрта, с которыми я занимался, будучи уже секретарем райкома партии, дважды выступали на сцене Кремлевского дворца съездов.

Я хочу сказать всем этим, что не считаю себя в культуре совсем уж посторонним человеком. Естественно, если меня назначат министром, я не собираюсь ставить спектакли, дирижировать или танцевать. Я вижу себя в роли управленца, задача которого, главным образом, создание материальной базы, обеспечение оборудованием, инвентарем и инструментарием, а также подготовка кадров. Здесь у меня есть опыт, этому меня учили в Академии общественных наук.

И, наконец, даю вам слово мужчины, что уеду спокойно, если вы сочтете мою кандидатуру неподходящей. Извините за многословие, коротко ответить, как писал Маркс, не было времени на подготовку.

— Какков, а? — смеясь, обратился Юрий Серафимович к начальнику управления. — Что скажете?

— По-моему, собеседование состоялось. Абдулла Гарсиевич изложил все четко и убедительно, — в тон ему ответил Алексей Александрович.

— Передайте Мусе Абдурахмановичу, что он выбрал вполне достойную кандидатуру. Поздравляю вас. А теперь приглашаю отобедать с нами.

Мы прошли в комнату отдыха, выпили по рюмке коньяку и спустились на первый этаж, в малый, министерский, зал столовой.

— Вы бы нас отпустили, не отобедав в это время? — спросил Юрий Серафимович, когда я попытался уйти.

— Я вернулся из Москвы в состоянии сумбура в голове. За годы работы в Гудермесе город и район стали для меня очень близкими, я привык к ним и сдружился со многими интересными людьми. Здесь выросли и окончили школу двое моих старших детей, учился даже в восьмом классе младший сын. Много было сделано с моим участием и по моей инициативе, а еще больше было начато.

Что только стоило дать согласие на строительство биохимического комбината. Гудермес, как перспективная стройплощадка, привлекала многие ведомства как российского, так и всесоюзного значения. Нам сватали целые гиганты промышленного производства, такие, как завод тяжелых станков, комбинат дорожной и строительской техники, сажевый комбинат.

БХК обещал изменить жизнь города и всей округи. Чтобы повысить степень вредности производства, в разные города союза выезжали наши работники. Заключение санэпидемиологических экспертиз, научных институтов, экспертов свидетельствовали о безвредности производства. Город же, вместе с новыми, от шести до десяти тысяч, рабочими местами (по мере расширения производства) получал жилье на восемьдесят—сто двадцать тысяч жителей, завод, молзавод, горбольницу, поликлинику, две-три школы, кинотеатр, профтехучилище, городской Дворец культуры, троллейбус

и многое другое, что не под силу было бюджету республики даже на многие десятилетия вперед.

Заказчик принял главное условие города: впереди идет строительство инфраструктуры и жилья, а затем производственные объекты. Созданная дирекция немедленно начала выделять средства, некоторые жилые дома и жизненно важные объекты уже были заложены.

Город получил уже генеральный план застройки и развития на период до 2000 года, выполненный институтом «Ленгипроград». Учитывая наличие железной дороги, соединяющей не только наше Закавказье, но Иран и Ближний Восток со всем остальным Союзом и Европой, автомагистрали Ростов–Баку и трудовые ресурсы, будущее Гудермеса рисовалось захватывающим.

Покидать его не хотелось: Рядом с большими делами были более мелкие, но не менее приятные для сознания.

Например, мне удалось добиться переименования восстанавливаемого в поселке Новогрозненский совхоза «Степной» в совхоз «Ойсангурский». В наших условиях такая мелочь имела довольно большое морально-политическое значение.

Шел 1982 год. В республике шумно готовились отметить шестидесятилетие Чечено-Ингушской АССР и двухсотлетие «добровольного» вхождения Чечни и Ингушетии в состав России. О том, что и первое, и второе – стопроцентная фикция, чистейшей воды политический трюк, знали все: начальство и простые люди, образованные и неграмотные.

Но игра шла серьезная, и несдобровать было тем, кто решится нарушать ее правила. Однако можно было немного подыграть с пользой для другого дела. Жители старинного чеченского аула Ойсаро, переименованного после выселения чеченцев в поселок Новогрозненский, очень желали вернуть ему прежнее историческое название. И я их желание разделял целиком и полностью. Однако, в отличие от большинства ойсаринцев, я знал, что по действующему законодательству переименовать населенный пункт очень сложно. Сделать это может только Президиум Верховного Совета РСФСР после

многочисленных согласований с международными организациями, а также союзными ведомствами: от Министерства путей сообщения до Всесоюзного Комитета по картографии и геодезии.

Когда созрел вопрос о разукрупнении совхоза «Терек» и восстановлении совхоза «Степной», родилась идея использовать политический момент, связанный с предстоящим юбилеем.

На совхозном току было много народа, и меня сразу же окружили рабочие, кто приветствуя, а кто затем, чтобы задать вопросы, выслушивали случаем.

Подозвал Гици. Мы с ним были давние приятели. Участник Великой Отечественной войны, живой и подвижный, он всегда интересовался общественными делами в поселке и районе.

Он предложил пройти в тень и ответить на ряд вопросов.

— Мы давно настаиваем на восстановлении совхоза, насильно отобранного у десяти тысяч жителей поселка, — начал Гици. — Но мы настаиваем одновременно и на том, чтобы имя его было «Ойсангур-Тарба» — по чеченскому названию аула.

Я, не раздумывая, согласился и пообещал хлопотать.

— Абдулла, — обратился ко мне Гици, — вот при свидетелях закрепили: если совхоз будет назван по-чеченски, с меня белый баран с роговой породы.

Присутствующие шумно поддержали обещание старшего товарища.

— А если не получится, я тебе справлю в Хасавюрте каракуле-вую шапку, — заверил я.

Достойный ответ, — отметили ойсхаринцы.

Пари укрепили рукопожатием.

Со осуществить задуманное, да так, чтобы избежать нового обострения и национализма, надо было суметь.

Проект решения горисполкома был кратким. «В ознаменовании шестидесятилетия ЧИ АССР и двухсотлетия добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России и отмечая большие заслуги жителей селения Ойсхара (Ойсангур) в налаживании первых контактов с российской администрацией в XVI веке, просить Совет

Подготовленные материалы поручили доставить во Фрунзе (ныне Бишкек) специально уполномоченной для этого сходом граждан делегации. Посланцы наши были любезно приняты в Верховном Совете и Верховном суде Киргизии, внимательно выслушаны, материалы приняты к рассмотрению с твердым обещанием тщательно разобраться и помочь.

У меня была уверенность в том, что вопрос о восстановлении Хансолты Дачиева в звании Героя Советского Союза на этот раз будет решен положительно. Так и случилось.

Кризис районного масштаба

Вопрос о моем назначении завис. О моей поездке в Москву уже знали в министерстве культуры республики, а оттуда — и в Гудермесе. Я оказывался в весьма пикантном положении.

При встрече А.В. Власов успокоил меня.

— Есть некоторые организационные моменты, — сказал он, — Наше решение остается в силе, но ты продолжай работать в прежнем режиме. Ответственность за район с тебя никто не снимал.

В городе поползли слухи о том, что коммунисты железногорского узла на своем объединенном собрании приняли решение просить бюро обкома партии освободить Волкова А.В. с должности первого секретаря горкома КПСС, как неоправдавшего доверия и утратившего моральный облик партийного руководителя.

Некоторые работники горкома, входившие в его ближайшее окружение, пытались заговорить со мной по поводу этих слухов, но я резко пресек все разговоры. Сам Александр Владимирович внешне держался спокойно и со мной на эту тему не заговаривал.

В Гудермес нагрянула комиссия обкома. Десятка полтора ответственных работников из всех отделов, парткомиссии и комитета народного контроля республики тщательно проверяли состояние дел в районе.

Проверкой работы горисполкома, городского и сельских советов, с группой помощников из Совета Министров и Президиума

Первоначального Совета занимался первый заместитель заведующего отделом оргпартрabajo обкома Сулейман Ахмадович Шаипов. Небольшого роста, худощавый, не очень общительный и очень официальный, Сулейман Ахмадович внушал уважение своей щепетильной ответственностью, скрупулезностью и цепкостью. Рассчитывать на его содействие в серьезных вопросах не приходилось.

Комиссия довольно быстро закончила проверку.

Претензий к работе горисполкома проверяющие не предъявили. Председатель Комитета народного контроля ЧИ АССР, член бюро обкома КПСС П.Г. Кашеев – руководитель комиссии – в беседе с докладчиком выразил удовлетворение работой горисполкома и местных советов района.

В начале июня членов Пленума горкома партии собрали в срочном порядке. Второй секретарь обкома партии Д.Г. Завгаев удивил всех уже тем, что сам открыл заседание Пленума, хотя Волков находился в Президиуме.

Выйдя к трибуне, Доку Гапурович зачитал заявление А.В. Волкова с просьбой освободить его от занимаемой должности первого секретаря Гудермесского ГК КПСС «по состоянию здоровья». Это заявление еще сильнее.

Без каких-либо комментариев и не спрашивая, есть ли вопрос, Завгаев поставил вопрос на голосование. Я обратил внимание, как впереводные друзья Волкова, сидевшие в переднем ряду, мгновенно подняли руки. Это не удивило.

– Кто против? – спросил Д.Г. Завгаев. – Нет.

– Кто воздержался?

Я поднял руку в печально-гордом одиночестве.

Так, за каких-то пять минут, была решена судьба этого самолюбивого человека, чувствовавшего себя здесь полным хозяином в течение пяти последних лет.

– Вопрос о первом секретаре горкома партии будет решен поз-же, – сообщил секретарь обкома и закрыл Пленум.

Задержав меня, он предупредил:

– Сам понимаешь, ответственность за дела в районе на тебе.

Я кивнул. Пожав руку мне и второму секретарю горкома Хм
зарагову, растерянно стоявшему тут же, Доку Гапурович уехал

Дела в районе шли нормально. Никто не дергал, не кричал
срывая голос на планерках и совещаниях. Даже сплетни утихли

Полугодие мы закрыли по всем позициям.

– Оказывается, нам первый секретарь и не нужен был, – в оче
редной раз попытался втянуть меня в разговор второй секретарь.
Но я его не поддержал.

Третий квартал был завершен еще лучше.

– Ты что такой кислый? – спросил А.В. Власов при очередной
встрече в Президиуме. – Я слежу, все нормально, полугодие и девять
месяцев закрыли хорошо. Как с уборкой?

Я коротко доложил обстановку.

– Ты смотри, ничего не упускай из рук. Все будет хорошо, – под
бодрил он меня.

Через несколько дней по центральным новостям передачи
состоялся Пленум Ростовского обкома КПСС, рассмотревший орга
низационный вопрос – первым секретарем обкома партии избран
Власов Александр Владимирович, работавший до этого первым
секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС.

Вот тебе и на! Выходит, я опять зависаю. А впрочем, будь что
будет.

Ко мне уже приходили с «дружеским» советом «приделать ноги
к вопросу о назначении на освободившуюся должность.

– Неужели ты не понимаешь, почему тянут с этим делом? Оно
давно созрело, нужен «один толчок с твоей стороны, чтобы шарик
упал к твоим ногам», – советовал мне один из доброхотов.

– Никаких толчков с моей стороны не будет, так и передали
если тебя кто прислал, – был мой ответ.

– Говорят, это место стоит сорок пять тысяч. Если у тебя денег
мы соберем, – предлагал другой.

– Не пойдет, – ответил я. – Если бы у меня были такие деньги,
я бы сел писать диссертацию. Вы деньги соберете, не сомневайтесь.
Только потом станете двери моего кабинета и квартиры ногами от

вращать. Хренушки. Я предпочитаю спокойно спать и ни от кого не зависеть.

В Грозный прислали нового первого секретаря обкома – Фотия Владимира Константиновича.

Здоровенный мужчина с крупными чертами лица, он выглядел несколько растерянным. До назначения к нам В.К. Фотеев, сын и А.В. Власов, работал в аппарате ЦК КПСС. Менять кадры и формировать как-то свою команду он не стал, был достаточно демократичным, однако особой активностью не отличался.

Я продолжал работать, но все больше по инерции, в силу обязанности и привычки. Переживаний, что мое назначение не состоится, не испытывал, но и прежней радости от своей работы тоже не было. Видимо, мое внутренне состояние как-то проявлялось и внешне. Тамара моя беспокоилась, консультировалась с коллегами, брала меня разными пилюлями. У меня действительно появилось некоторое депрессивное состояние, боли в груди и страхи по ночам. Друзья старались отвлечь, часто навещали, вытаскивали на природу. Товарищи по работе были предельно исполнительны и предупредительны.

Горкомовские явно выжидали. По-моему, там допускали мысль, что меня могут предложить Пленуму первым секретарем, а это означало, если не конец карьеры, то серьезные изменения по службе для многих из них. И они это сознавали предельно четко.

Сам я знал, что на эту должность и вообще партийную работу они не возьмут, и никаких иллюзий на сей счет не строил. Мне казалось, нет, я был уверен, что смог бы много полезного для города и района сделать на этом посту. В принципе, занять эту должность даже в той ситуации я, наверное, смог бы, выполнив известные условия. Но это означало измену самому себе, своим принципам, чести и достоинству. Такую цену я не хотел платить ни за какую должность.

С другой стороны, я был уже не восторженный юноша и безоглядный романтик. Жизнь не раз показывала мне, идеалисту, свою обманку. Я прошел кадровую школу, увидел клубок прочных коррупционных связей, почувствовал хитроумную и циничную работу

мастеров по «формированию национальных кадров». Я понимаю, что мне довелось заглянуть лишь в небольшую щель этой потайной политической кухни.

Она не предназначалась для постоянного роста и развития национальных кадров, а лишь регулировала процесс, главным образом в сторону сдерживания, чтобы при первых же признаках утраты контроля вмешаться в процесс чисто хирургическим способом.

Согласно этой политике, в руководстве, особенно на решающих участках, нужны были люди, готовые шагать по трупам своих конкурентов. Я не подходил на эту роль, и об этом, даже лучше меня самого, знали кукловоды.

Я как в воду глядел! На должность первого секретаря горкома партии нам привезли – сказали бы, не поверил – Шаршавых Александра Васильевича!

Отслужив на флоте, весьма амбициозный Саша вернулся к себе в деревню на Тамбовщине и стал комбайнером. Старательного парня заметили, оценили за то, что не убежал в город, приняли в партию, выдвинули в бригадиры, а потом и вовсе повысили – избрали секретарем партийной организации колхоза. Войдя в начальственный вкус, Александр Васильевич пожелал на партийную учебу. Обучаясь в партшколе, сметливый своим крестьянским умом, парень понял, что одной этой школы маловато будет: турнут за что – куда денешься – и поступил параллельно на заочное отделение университета. В один год он закончил партшколу и экономфак Ростовского госуниверситета. Сам себя сделал человеком. А тут заманчивое предложение: ехать в Чечено-Ингушетию, удерживать в узде тамошних собратьев.

Так, в очередной партии политических волонтеров, постоянно прибывающих к нам «на ловлю счастья и чинов», приехал и А.В. Шаршавых. Попав в Ведено, бывшую столицу имама Шамиля, Александр Владимирович не растерялся. По этому поводу я в Киеве шутил: тамбовский волк прижился на своей прародине. Сначала его поставили вторым секретарем райкома партии, потом пересадили в кресло председателя райисполкома и быстро сделали первым секретарем райкома партии. Звезд не хватало, да и что в ус

...горного безземелья можно было сделать, но и от других не отказался. Завел друзей, стал изучать чеченский язык. Редкий случай, когда кто-либо из «братьев старших» открыто проявлял интерес к чеченскому языку. А он не только сам понял, но и сыну растолковал, что знание языка может очень пригодиться. Тот внял совету отца и научился говорить на приличном уровне. Я встречался с ним, беседовал – неглупый и приятный парень.

А.В. Шаршавых не проявлял шовинизма в политическом понимании этого слова, но в личном плане был довольно «шершавым», как быстро и точно поставил ему диагноз Иван Сумской, иронично-насмешливым, даже нередко желчным. И своенравным. По сравнению с А.В. Волковым он был, что называется, хрен редьки не слаще, во всяком случае, для меня, но пьяницей и самодуром не был.

– Велет же мне на Александров, – пошутил я, пожимая руку своего первого. – Главное, что даже по определению вы должны быть победителями – имя обязывает. Теперь ты будешь Саша-бис. А я постараюсь долго не докучать тебе, так что малость потерпи.

– А что так мрачно?

– Ди укатали меня твои тезки. А впрочем, сам виноват: Дон-Кихоты нынче не в моде. Я, с твоего разрешения, возьму отпуск. Район совсем.

– Подожди хоть неделки две, хотя бы в курс меня введешь, – попросил он.

– Две недели – не срок, можно. Однако вряд ли тебе нужны мои знания и советы, ты, уверен, хорошо проинструктирован. Ну ладно, не будем об этом. Я искренне поздравляю тебя. Район – хороший, люди – замечательные, перспектива – захватывающая. Только внимательнее покруж себя, если позволят.

– Позволят, – уверенно сказал Александр Васильевич.

В оставшееся время он меня особенно не беспокоил, редко приглашал, ко мне зашел лишь один раз.

– Ну и ладно, – думал я. – Значит, моя судьба предрешена, мой клуб в Гудермесе заканчивается.

В эти дни я подписал заявление об увольнении с работы по

собственному желанию начальника ПУЖКХа Г.И. Ходак и постановление горисполкома о назначении на эту должность А. Акбичева. Вопрос этот был обговорен в горкоме заранее.

Узнав об этом, Александр Васильевич позвонил и категорически потребовал:

– Ты так больше не делай, кадры назначаются и освобождаются в горкоме партии.

– Я тоже часть горкома и кадры горисполкома подбираю сам и назначаю в установленном законом порядке. При этом мы, конечно кандидатуры согласуем с горкомом. Так поступили и здесь, только еще до тебя, – в тон ему официально ответил я.

Перед самым моим отпуском позвонил Д.Г. Завгаев.

– Ты не передумал насчет перевода? – спросил он.

– А я думал, что этот вопрос уже снят. Ведь после согласования в Москве прошло уже полгода.

В моих словах был явный упрек.

– Ты же знаешь, почему затянулось решение, – напомнил он.

– Я знаю, а вот как людям объяснить? В телефонном справочнике Минкультуры РСФСР я с начала года министр культуры ЧИАССР, но до сих пор сижу в Гудермесе.

– Вот и хорошо, – сказал Доку Гапурович, поняв юмор. – Значит, и указ не нужен. Так что я докладываю первому, что ты даешь согласие?

– Да, – ответил я, – только одна личная просьба.

– Слушаю.

– Сделай, пожалуйста, так, чтобы я сейчас ушел в отпуск, а то уже два года не отдыхал и путевка горит. До середины января я буду дома.

– Договорились, – сказал второй секретарь обкома партии, – только с Керимовым согласуй сам.

Черт возьми, не так уж плохо складывается жизнь.

На Черное море! В Архипо-Осиповку, всей семьей! Махмуд, машину!

Часть II

Культура: судьба или призвание?

— Ну, вот, ты все пел, а теперь придется и поплясать, — незлобно потрунивал я над собой, ожидая в первой приемной Совмина, пока Муса Абдурахманович освободится, чтобы представить меня аппарату Министерства культуры.

Что это, судьба моя — работать напоследок в культуре, слепой случай, зигзаг в карьере, или все же мое призвание? Наверное, не случайно меня с детства тянуло к музыке, песне, танцам, художественному слову — ко всему прекрасному, что окружало меня.

Я помнил ошеломившее впечатление от звукового кино, которое впервые увидел и услышал в сельской мечети, превращенной в клуб комсомольцами, прибывшими, как оказалось, выселять нас в 1944 году. В мечети была оркестровая музыка, услышанная впервые из черной Африки, установленной в 1948 году в нашей хате в Киргизии.

Взродившийся тогда интерес привел меня в кружок художественной самодеятельности в школе, а потом в колхозном клубе. С тех пор я танцевал, пел, играл в самодеятельных спектаклях в школе, в танкуме, армии, на комсомольской работе, и даже став секретарем райкома партии. Детско-юношеский интерес со временем перерос в необходимость помочь молодежи организовать содержательный досуг, сделать все возможное, чтобы духовная культура стала насущной потребностью для всех наших юношей и девушек.

Наконец, именно такое мое стремление заметили товарищи по работе, именно это сыграло роль в том, что на должность министра культуры республики выбрали мою персону.

— Назвался груздем — полезай в кузов, — говорят русские в таких случаях.

В зале заседаний на третьем этаже дома № 103 по улице Гвардейской, бывшей до революции 1917 года гостиницей «Гранд

Отель», а с 1936 года размещались Управление по делам искусства потом Наркомат, теперь Министерство культуры ЧИАССР, собран весь цвет культуры республики.

Со многими из присутствующих я был знаком – встречался по комсомольским делам в пору молодости, потом нас часто сводили разные обстоятельства жизни, многих принимал в составе творческих коллективов, будучи на работе в Шали, Ножай-Юрте, Гудермесе, имел удовольствие видеть на сцене в качестве театрального и концертного зрителя, читателя библиотек, посетителя музеев и выставок. Теперь мне предстояло с ними работать, тесно сотрудничать: слушать, смотреть, оценивать, соглашаться, отвергать, приказывать.

Говорю честно, без ложной скромности и, не принижая свои возможности: во мне не было самоуверенности и снобизма. Я достаточно трезво оценивал ситуацию, понимал, что большинство из представителей творческой интеллигенции и работников культуры помнят Ваху Ахмедовича Татаева на этом посту, работали под руководством опытного партработника Руслана Алаудиновича Сайханова, а затем тонкого интеллигента, театроведа и журналиста Абдуллы Гапаева. Им было с кем сравнить меня, соизмерить и сопоставить мои возможности и качества. Я просвечен, виден им со всех сторон, а они для меня, как сказал поэт: лицом к лицу лица не увидать.

Муса Абдурахманович коротко представил меня собравшимся, выразил, как водится в таких случаях, уверенность, пожелал успехов и ушел, заявив шутливо:

– Теперь на ваши вопросы будет отвечать вот он – ваш новый министр. Так что любите и жалуйте.

Соблюдая протокол, я рассказал, где учился, работал, о своей семье, пристрастиях.

– Люблю музыку, народную песню – чеченскую, грузинскую, русскую и украинскую. Читать предпочитаю мемуары и историческую литературу. Хорошо сознаю, что я не специалист культуры. Поэтому

не собираюсь дирижировать оркестром, ставить спектакли, рисовать картины и даже петь и танцевать. Как комсомольский и партийно-советский работник «всему обучен понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Таким образом, я дилетант в культуре, но добросовестный и надеюсь, не самый посредственный. По образованию – юрист, по убеждению – законник, по опыту работы – управленец. Политически, надеюсь, подкован – окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Свою задачу вижу в следующем: улучшение материальной базы и финансового положения сферы культуры; создание новых учреждений, и в первую очередь – музеев, музеев-заповедников, ансамбля народных инструментов, других филармонических коллективов, подготовка и переподготовка кадров. Задачу ставлю для себя такую: сделать все возможное, чтобы через десять лет все работающие в культуре стали специалистами через очную и заочную учебу.

Вопросов ко мне было немного. В числе первых был очень важный, но и столь же неожиданный для меня: с желанием ли я пришел на эту должность.

– И да, и нет, – честно ответил я. – Это, пожалуй, тот случай, когда говорят: и хочется, и колется.

В зале оживились. Тогда целомудрие, во всяком случае на словах, берегли.

– Да – потому, что я люблю культуру, хочу еще глубже ознакомиться с ней и постараться привнести посильный вклад в сохранение и развитие, прежде всего, ее национальной составляющей. Здесь я надеюсь на вашу помощь и поддержку. Сам же буду у вас учиться, внимательно советоваться и учитывать ваше мнение. Нет – потому что хорошо знаю истинное, практически бедственное положение материальной базы учреждений культуры и искусств, нищенскую зарплату большинства из вас, бытовую неустроенность и так далее. Перед нами стоит большая многоплановая задача, справиться с ко-

торой мне одному, конечно, будет не под силу. Отсюда и сомнения даже боязнь.

Однако, мы вместе, а мне сказали, что в сфере культуры принято свыше пяти тысяч пятьсот человек, – большая сила. Нам надо сделать так, чтобы руководство и общественность республики, наконец, повернулись лицом к нуждам культуры.

В одном старом словаре говорится, что слово «культура» впервые в латинском языке стало употребляться в сочетании со словом «агри» – почва, и означало: взрыхлять, улучшать почву, чтобы повысить урожайность. Выходит, что культура изначально подразумевает улучшение качества жизни, а значит, постоянный заботливый и тщательный уход за ней со стороны самого человека. Современная культура требует и больших капитальных вложений. Давайте «обрабатывать» в этом направлении тех, от кого зависит положение культуры сегодня и завтра. Надеюсь, всем здесь понятно, что мы не можем ждать, пока будут созданы перечисленные и другие необходимые условия. Мы должны показать свои творческие силы в уже существующих условиях. И пусть никого не удивит возможность с моей стороны требовательность в этом деле.

Свою «тронную» речь я закончил обращением ко всем руководителям с просьбой подготовить конкретные предложения по улучшению работы в своих коллективах.

– Сутью этих предложений, по-моему, должны быть творческие заявки, то есть, что вы намерены, желаете сделать: поставить новый спектакль, концертную программу, выставку, другие мероприятия, что для их осуществления нужно, срок сдачи и прочее. Только конкретика.

Друзья и знакомые, поздравляя с назначением, выражали немало сочувствия, в основном из-за крайне слабой материальной базы отрасли. «Зато весело будешь жить», – подбадривали одни. «И в окружении красивых женщин», – добавляли другие.

Беседа с гостями из Иордании

Одним из первых пришел поздравить меня Махмуд. Его, как всегда, сопровождала кавалькада молодых людей неизвестного назначения, служебного положения и отношения к культуре. Поклонники, в основном. Он излучал радость, доброту и красноречие – весь арсенал талантливого артиста. Не преминув сообщить своей свите о том, что он не только ученик и не стал артистом балета «из-за своих кривых ног», он также заметил, что именно ему я обязан своим назначением.

– Выходит, это из-за тебя мне полгода выкручивали руки, чтобы я согласился на эту должность? – заметил я. – Восемь лет успешно руководил вторым в республике городом, а здесь, не имея опыта, сижу в это кресло, чувствую себя бесприданницей. Спасибо тебе, учитель.

Махмуд удивленно посмотрел на меня широко открытыми глазами, не зная, как реагировать. Он был выбит из роли, но я тут же подлил ему спасительную мысль.

– Лучше бы ты сам занял это место.

– Да, мне десятки раз предлагали стать министром. Но почему мне это?

Он стал развивать перед присутствующими тему о своей значительности, утверждал при этом, что он один содержит государственную филармонию и чуть ли не все учреждения министерства.

Тут я чуть было не допустил большую оплошность, но перед тем, как открыть рот, вспомнил предостережение одного нашего общего знакомого: «Терпи этого человека, что бы он не говорил и не делал, сумеешь ужиться с ним – все остальное, считай, семечки».

А между тем перед нами в своей обычной манере «выступал» действительно выдающийся артист и великий танцор. Каблуки и папаха делали его, и без того высокую, фигуру еще выше. Удивительно гибкий стан, длинные и постоянно двигающиеся руки, пронзительный взгляд больших рыжеватых глаз запомнился прочно. Значок депутата Верховного Совета СССР и звезда Героя Социалистического труда на лацкане безукоризненного пиджака дополняли образ Махмуда Эсамбаева. Это был артист от Бога. Сама Слава служила ему верно вот уже три десятилетия, побив все мыслимые и немыслимые рекорды.

Человек разительных контрастов, он не признавал ничего среднего, никаких полутонов, никаких повторов, только свое, самое оригинальное – я бы так определил его **внутреннюю самость**.

Артисты – народ эгоистичный. Известность, поклонение, слава – вот их Боги. Искать в них здравый смысл, этику, мораль в обычном понимании бессмысленно. Они чаще всего живут в недуманном каждым в отдельности и всеми вместе мире, называемом богемой – чем-то средним между цыганской романтикой и светской жизнью.

Впрочем, в то время мне еще предстояло все это познать и почувствовать. И Махмуд многому меня учил, сам того не подозревая.

В единую сеть государственных учреждений культуры и искусства на начало 1985 года входило около восьмисот пятидесяти организаций театрально-концертного, клубного, библиотечного, музейного и других типов учреждений художественно-эстетического воспитания населения. Я умышленно употребил слово «воспитание», так оно тогда и было: государство имело свою идеологию и учреждения культуры именно воспитывали людей в духе прекрасного и возвышенного, а не разлагали морально и духовно, как сейчас делает масскультура. В них было занято, как уже отмечалось, свыше пяти тысяч человек. Много это или мало, можно оценить, сравнив с другими республиками. На тысячу жителей у нас приходится всего четыре работника культуры – в два раза меньше, чем в Чувашии, Якутии или Туве, не говоря о других более развитых регионах.

Удивил низкий процент специалистов с высшим и средним специальным образованием. Учебные заведения культуры и искусства окончили всего сорок процентов работающих в отрасли. И это несмотря на то, что в системе Министерства культуры республики находилось два средних специальных учебных заведения – училище искусств и культурно-просветительное училище. Причина была одна: тот, получив образование и отработав положенный по действующему законодательству минимальный срок, молодые специалисты покидали учреждения культуры из-за низкой зарплаты, плохих условий труда и отсутствия социальной поддержки – хотя бы в виде предоставления квартир, земельных участков, банковских ссуд.

Еще хуже обстояло дело с материальной базой.

Три полнокровных театральных коллектива – чеченский, дагестанский и русский – были размещены в одном здании, которое строилось более двадцати лет, и было сдано с большими недоделками, особенно в инженерном обеспечении.

В филармонии, с одним залом на шестьсот мест, без репетиционных, костюмерных и других помещений, ютилось более десятка

коллективов, в том числе симфонический оркестр и театр танца Махмуда Эсамбаева.

Прославленный ансамбль танца «Вайнах» всего полгода впервые за все годы своей деятельности, получил постоянную крышу над головой, однако здание было ветхое и требовало капитального ремонта. В крайне плохих условиях работали оба училища.

В государственную сеть клубных учреждений входило триста шестьдесят городских и районных Домов культуры и сельских клубов. Из них построенных когда-либо специально для культурно-просветительной и досуговой работы помещений было всего с десяток. Остальные размещались в бывших мечетях, конторных складских помещениях, частных домах, крайне непригодных для культурно-воспитательной деятельности.

В годы, когда, по Н.С. Хрущеву, мы должны были жить в условиях материальной базы коммунизма, четверть клубных учреждений размещались в арендованных помещениях, а еще четверть в аварийных.

Не лучше обстояло дело и с библиотеками. Лишь одна республиканская библиотека им. А.П. Чехова размещалась в специально возведенном для нее, внешне красивом, здании. Однако оно было принято в эксплуатацию с грубыми строительными недостатками и имела ограниченные возможности для хранения книг, а тем более увеличения их фондов. Был даже случай, когда в одном из читальных залов обвалился потолок. Из-за плохой вентиляции работники библиотеки не могли нормально использовать подземные хранилища, рассчитанные на пятьсот тысяч томов, тогда как уже к 1985 году здесь было накоплено более миллиона книг. Директор библиотеки Тамара Пацовна Габисова при первом моем официальном посещении рассказывала о своих проблемах лишь по долгу службы откровенно не рассчитывая на то, что в ближайшее время что-либо изменится к лучшему.

Республиканская детская библиотека им. А.П. Гайдара разме-

находилась на первом этаже жилого дома, рядом с Дворцом пионеров. Указания коллектива во главе с директором Маликой Узуевой (Магомедовой) здесь обеспечивался образцовый порядок, максимально использовалось ограниченное пространство для размещения книг и работы с юными читателями. Но это давалось коллективу библиотеки очень непросто. По вине жителей верхних этажей библиотеку нередко заливало. Нетрудно себе представить, каково приходилось работникам после таких «потопов», чтобы навести порядок, проветрить помещение, высушить книги и подготовить библиотеку для дальнейшей работы.

В весьма плачевном положении существовала Республиканская спецбиблиотека для слепых.

Библиотеки в сельской местности размещались в основном в казенных учреждениях и арендованных помещениях, каждое пятое из них нуждалось в капитальном ремонте или находилось в аварийном состоянии.

Невероятно, но факт: Чечено-Ингушетия – древний край с уникальной, полной драматизма историей, переживший череду заледеняющих войн и социальных потрясений, с его неповторимой природной красотой и средневековой архитектурой оставалась малоизвестной исторически, этнографически и археологически, имела, по сути, лишь один музей. Открытый в 1924 году, как историко-археологический и размещенный в национализированном купеческом доме, он все эти годы оставался в том же состоянии.

Не думаю, что кто-нибудь из тех, кто видел настоящие музеи в других местах и кто побывал в нашем музее в те годы, уходил оттуда удовлетворенным. Макет каменной башни, с десяток чучел животных и птиц да некоторые виды холодного оружия – все, что из года в год можно было увидеть здесь в выставленных экспозициях. И это убожество царило не по вине работников музея и не из-за того, что здесь нечего было показать. Музей просто не имел никаких условий для нормальной работы, хотя фонд его составлял более двухсот

тысяч единиц хранения. В полуподвальном помещении, где некогда купец хранил свои товары, десятилетиями теснились памятники материальной и духовной культуры, истории и археологии, по среди которых начинался с IV века до нашей эры. И лишь три-четыре процента из них когда-либо выставлялись напоказ.

Музей Асланбека Шерипова в с. Шатой, тогда еще Советским возрожденный после восстановления республики, как дань политике так музеем и не стал, а оставался агитпропплощадкой, скорее риторизирующей редких посетителей, чем революционно мобилизующей. Обветшавший дом дальних родственников, в котором Шериповы некогда и не жили, редкие фотографии и убогая утварь, имитирующая обстановку горской зажиточной семьи начала XX столетия, не могли отвечать музейным требованиям даже в наших скромных условиях.

Кроме учреждений чисто культурного назначения в структуре министерства состояли и несколько обслуживающих организаций: промкомбинат, ремонтно-строительный участок и автотранспортное предприятие.

Организация с громким названием «Промкомбинат» производила продукцию с не менее обязывающим названием – театральные кресла. Их качество я имел возможность оценить, еще работая в районах. Кресла разваливались, как только высыхал клей, бесцветный лак, нанесенный по сырой древесине, шелушился. Этим, по существу, столярным цехом уже давно руководил весьма аккуратный и вежливый человек по фамилии Даудов. Он добросовестно крутился, как мог, но в тех конкретных условиях жесткого планового распределения фондов на дерево, металл, фурнитуру и лакокрасочные материалы, большего сделать не мог.

Ремонтно-строительный участок под начальством Саидмана Алихаджиева брался за все, но сил его хватало лишь на мелкий ремонт, побелку и покраску. Строить, даже небольшой объект, организации в ранге участка тогда контролирующие органы категорически запрещали. Мы впоследствии многие из этих запретов просто обходили.

Неполучное АТП и в целом транспортная проблема все время моей работы в должности министра оставалась серьезной головной болью. Машин было мало, средств на их содержание выделялось еще меньше. Поэтому, чтобы держать автотранспорт на ходу, приходилось закрывать глаза на «самодеятельность» руководства учреждений и водительского состава.

Нот с таким наследством мне пришлось начать свою работу в новой должности. Признаться честно, теперь я оценивал труд своих предшественников не так строго, как до прихода сюда и в первые дни работы. Древняя, как мир, истина «век живи – век учись» расценивалась мне теперь со всей очевидностью.

И раньше знал, что в нашей республике культура не в особом почете. В лучшем случае роль учреждений культуры сводили к удачному спектаклю и яркому концерту к очередному празднику, «культурному» обслуживанию населения по месту работы и жительства, в конце – в уборочную страду. Отношение к учреждениям культуры у нас я бы сравнил с отношением к праздничному наряду – использовали и положили до следующего раза в сундук, на антресоли или в дальний угол нежилого помещения.

На следующий раз спохватились, а наряд помят, изъеден молью, потерял праздничный вид, однако, не велика беда – погладили, загладили, освежили, использовали и опять в чулан.

И с каждым разом «наряд» нашей национальной культуры терял понемногу свои оригинальные краски, детали, а вместе с ними привлекательность и востребованность, что неизбежно приводило к потерям в ее содержании. Как известно, свято место пусто не бывает. На смену национальной культуре, как требовала официальная идеология и политика, приходила иная, космополитичная, разлагающая и растлевающая.

В обществе, не сформировавшемся еще в гражданское, умные головы уже видели надвигающуюся опасность, но сделать ничего не могли. Работники культуры, ее наиболее активные носители,

творческая интеллигенция оказывались в положении подконвойных, когда шаг влево или вправо приравнивается к бегству и конвой при предупреждении открывает огонь на поражение.

Это не громкие слова, произносимые для пушшего эффекта теперь, когда дозволено. К слову сказать, «дозволено» еще не означает что безопасно. Только теперь ты знаешь, откуда, когда и от кого надо ожидать «выстрела».

Несмотря на все это, я был уверен, что и по действующим «принципам» можно сделать довольно многое по развитию национальной культуры, причем в рамках основополагающей идеологической формулы: «советская социалистическая культура должна быть национальной по форме и социалистической по содержанию».

После тщательного изучения состояния дел в подразделениях министерства, естественно, обнаружилось широкое поле деятельности. Прежде всего следовало начать с наиболее острой проблемы — сохранение культурного наследия и развитие национальной культуры на базе современных гуманистических ценностей. Оставалось поближе познакомиться с теми, с кем предстояло работать, выяснить, на кого из них можно опираться и положиться.

Аппарат Министерства культуры ЧИАССР был небольшим — всего шестнадцать человек. Заместителями министра были Анатолий Георгиевич Митрофанов, курировавший искусство, и Фатима Ибрагимовна Цолоева, являвшаяся одновременно и начальником отдела культурно-творчества.

К моему удивлению, из всех работников аппарата лишь один А.Г. Митрофанов имел специальное образование. Он окончил институт культуры по специальности режиссер народного театра, массовик-затейник. С этой должности он и начал свою трудовую деятельность в Парке культуры и отдыха им. С.М. Кирова в г. Грозный. Общительный, словоохотливый и компанейский парень вскоре стал комсомольским работником, был некоторое время секретарем обкома комсомола. Став заместителем министра культуры, Анатолий

Георгиевич проявил себя грамотным и исполнительным аппаратником, многие вопросы держал в поле зрения, беря их буквально за карандаш и став со временем своеобразным «информбюро» министерства.

Добужие языки шептали, что он информирует соответствующие органы не только о работе министерства, но и о его работниках. Чужо от этого не боялся, ибо тайных мыслей и планов, отличающихся от партийных и советских убеждений, не имел и не допускал. И, тем не менее, его привычка что-то открыто записывать на каких-то листочках в ходе коллегий, на совещаниях и собраниях, вначале довольно раздражала.

Анатолий Георгиевич – худощавый очкарик чуть ниже среднего роста, с пышной, тщательно ухоженной шевелюрой, очень напоминал Шурика из известной кинокомедии. Однако, не в пример тому нещадчивому искателю фольклора, сам был неистощимым анекдотчиком.

В период Ичкерии он сильно удивил знакомых тем, что вдруг занял «советником Президента по делам русскоязычного населения». Мы считали его настырным детдомовцем, а он оказался довольно смелым, если не сказать мужественным, человеком. Позже газеты сообщили, что Митрофанов был выкраден и несколько месяцев томился в плену у боевиков, в заложниках. Несколько позже выяснилось, что его освободили и он, ослепший, находится в одном из социальных учреждений г. Краснодар. К сожалению, война поворачивала судьбы многих из нас.

А тогда, в течение восьми с половиной лет, этот неунывающий персонаж, человек «себе на уме», оставался рядом, аккуратно выполняя свои обязанности.

С Фигимой Цолоевой я был знаком и раньше. У меня были добрые отношения с ее мужем Султаном, работавшим заместителем председателя госбанка, однако с Фигимой Ибрагимовной мы не работали. Мне в заместителях нужна была не дама для предста-

вительских целей, а специалист, знающий культуру, обязательный и инициативный работник. Его я в ней не увидел в течение достаточно длительного времени совместной работы.

Ф.И. Цолоева перешла на преподавательскую работу, защитила кандидатскую диссертацию, чего вряд ли бы сделала, оставаясь в прежней должности.

Очень сложно оказалось решать вопрос с начальником планово-экономического отдела А.И. Кузьминой.

Анна Ивановна работала в этой должности еще с тридцатых годов. Бессменный сотрудник В.А. Татаева и других министров, она знала хозяйство отрасли досконально, но время и дела требовали энергии, быстроты решений, причем на современном уровне. Анна Ивановна давно разменяла восьмой десяток, что само по себе порождало немало проблем.

Мне довелось выехать вместе с ней в свою первую командировку в качестве министра в Москву для защиты проекта бюджета на 1986 год. К поезду она подъехала в сопровождении трех-четырех молодых людей, которые помогли ей занести в вагон с пяток тяжелых коробок и баулов. У старушки в Москве, наверное, внуки, думаю, помогая ей устроиться.

Но в министерстве культуры РСФСР я увидел довольно бурезную картину: старая женщина ходила по кабинетам, таскала большую хозяйственную сумку, и открыто раздавала сотрудникам яблоки, огурцы, помидоры и прочие южные фрукты-овощи. Меня тогда поразило то, как солидные дамы-чиновницы от культуры брали все это из ее рук. Я, разумеется, сбежал подальше от такой сцены.

Начальник управления Александр Алексеевич Понько, узнав об этом, долго смеялся.

— Это уже устоявшийся ритуал. Как защита бюджета, так Анна Ивановна приезжает к нам с гудермесскими помидорами. Твоя бабуля, похоже, думает, что после ее презента ваш бюджет увеличивается. Ничего, ты не смущайся — ей простительна такая

слабость, все же возраст сказывается. Пора ей на покой. Ты только смотри, джигит, не делай резких движений – она же от тебя струсит.

А наших дамочек не стесняйся особенно, – продолжал он, – они не разово, возьмут и помидорами. Я с ними потом поговорю по душам.

Утром я позвонил Анне Ивановне и попросил, как только будет минута:

Сообщите мне, как только закончите раздачу своих гостиниц, а то мы можем в стенах министерства и не встретиться.

Уже к вечеру старушка поймала меня в приемной первого заместителя министра А.И. Шкурко.

Абдулла Ахмадович, тьфу ты, черт, Гарсиевич, я что-то сделала не так? – спросила она, тараща глаза.

Пыручила секретарь приемной, вышедшая из кабинета замминистра.

Александр Иванович ждет вас, – сообщила она мне.

Анна Ивановна, мы поговорим завтра. Давайте встретимся в 10 минут, у лифта. Идите, отдыхайте. Я задержусь.

Александр Иванович Шкурко встретил меня приветливо. В кабинете было накурено.

Ну, как, осваиваетесь? – поинтересовался он, крепко пожав руку, – Что-то долго вас не было после нашего собеседования. Вашу фамилию уже и в телефонный справочник поместили, а вы не объявляетесь.

Я объяснил, что это было связано с неожиданной сменой первых секретарей: горкома, где я работал, и обкома партии.

Вот приехал бюджет защищать, а как это делать, и не знаю.

Да никак, – отрезал А.И. Шкурко. – У вас, да и во многих отношениях, из года в год не осваиваются даже выделяемые средства. Мой совет: сейчас ходите по управлениям больше для знакомства и изучения механизма формирования бюджета, но особенно не расстраивайте, держитесь солидно и достойно. А у себя постарайтесь

в течение девяти месяцев освоить все выделенные на год средства, кроме зарплаты, разумеется. Я уверяю вас, что в конце года мы выделим вам дополнительно больше денег, чем вы сейчас сумеете выпросить ценой собственных нервов и определенных унижений.

– У меня в этом отношении есть некоторый опыт. Только в масштабах города и района, – заметил я.

– Вот и хорошо. Здесь то же самое, только переносится на отрасль.

– Александр Иванович, я знаю, вы историк, специалист по музейному делу. У нас уже несколько лет ведутся работы по созданию музея Л.Н. Толстого в станице Старогладковской Шелковской района. Но на оформительской стадии работы задерживаются из-за плохого финансирования отсюда. Сейчас там работает лишь семейная пара художников из Москвы, да и они грозятся уехать – не платят им за выполненную работу. Помогите начинающему министру. Хотелось бы начать с такого большого для республики дела. Это открытие музея гениальному русскому писателю и мыслителю.

– Хорошее желание. Давайте мы сделаем так. В ближайшее время к вам выедет рабочая группа из Государственного исторического музея. И вы там, на месте, все определите. Помощь обещаю.

– Спасибо. Однако чеченцы с одной просьбой к начальству не ходят.

– Интересно. А сколько их должно быть у чеченцев?

– Это зависит от щедрости дающего. Вторая моя просьба не менее важная, чем та, которую вы уже, будем считать, удовлетворили. Можно сказать, что это имеет исключительное значение для всей культуры Чечено-Ингушетии.

Такое вступление явно заинтересовало замминистра. Он потянулся за сигаретой.

– У нас на один миллион двести пятьдесят тысяч населения всего один музей, размещенный еще в 1924 году в небольшом буцарском доме. Музейный фонд хранится в опасных со всех сторон условиях, в полуподвальном помещении. Через год-два освободится

«И это здание, — положил я перед ним красочную открытку с видом старого здания КПСС Чечено-Ингушского обкома. — Оно было построено для Азово-Черноморского банка в начале XX века. Как видите, для банка с англо-германо-голландским капиталом архитекторы постарались. Вы с министром оба из ЦК, у меня там есть знакомые. Может, составим «тайный заговор» и попробуем получить это здание для Государственного объединенного музея Чечено-Ингушской АССР?»

— А вы с Юрием Серафимовичем говорили об этом? — спросил А. И. Шкурко.

— Нет. Я поделился этим секретом с вами первым. Объект очень ценный, могут перехватить, если своевременно и умно не обратиться поддержкой здесь, на самом верху.

Александр Иванович созвонился по внутренней связи, и мы пошли к министру.

— Что-то затянулось ваше вступление в должность, — заметил министр, выходя из-за стола навстречу. — Я в курсе дела, — предупредил он мои объяснения и предложил сесть. — Мы с вами непременно встретимся и поговорим, а сейчас, извините, коротко — у меня встреча.

Заместитель доложил ему о сути моего предложения и показал открытку. Рассмотрев ее и выслушав краткую справку, Юрий Серафимович пообещал «прощупать почву» на Старой площади.

— Предложение стоящее и своевременное, — сказал он, — мы постараемся убедить руководство ЦК, чтобы здание передали вашему музею.

В министерстве финансов Российской Федерации чиновник редкой фамилией Черномырд нашу просьбу увеличить бюджет встретил с ухмылкой.

— Я и так даю туда немало, — недовольно бросил он.

Я помнил, как наш министр финансов Петр Иванович Голоухин и его заместитель Нина Сергеевна Ерзикова настойчиво сопротивлялись воздержаться в разговоре с этим чиновником от полемики, однако я не выдержал его откровенного высокомерия.

– Вы лично нам ничего не даете, и мы лично у вас ничего не просим. Перед вами лежат расчеты, составленные по нормативам. А если говорить начистоту, то это крохи по сравнению с тем, что задолжали республике за прошедшие годы, особенно если учитывать годы ее незаконной ликвидации, когда культура народа была отброшена далеко назад.

– Ну, это уже политика, – заявил Черномырд. – Я отказываюсь говорить в таком тоне.

– Да, это политика. Политика XX съезда партии и последующих решений руководства страны, направленных на скорейшее восстановление Чечено-Ингушской республики. О каком же восстановлении может идти речь без культуры? Надеюсь, вы это понимаете не хуже моего. Извините.

– Что ж, – явно сдерживаясь, сказал финансист, – доводы веские и убедительные. Согласимся, пожалуй, – не то спросил, не то объяснил он своим товарищам. – Только не забудьте их освоить.

– Вы слышали, надеюсь, анекдот о том, как генералу отвечали солдаты на вопрос, хватает ли им еды? Хватает, хватает, заявили они, еще и остается. А куда деваете остатки, спросил обрадованный генерал. Доедаем, да еще не хватает, признались солдаты. Так и мы в конце года попросим добавки. Только вы не забывайте, что обещали.

– Я? Что-то не припомню таких обещаний, – сделал он удивленный вид, но шутку принял.

– Энергичный у вас коллега, Петр Иванович, – сказал он, обращаясь к Голещихину.

– Молодой еще, – многозначительно заметил Петр Иванович.

– Ну что же вы, Абдулла Гарсиевич, так уж круто с ним? – упрямкнула меня уже в коридоре Нина Сергеевна.

– Все нормально, – вмешался П.И. Голещихин, – нечего нам там смешки строить. Мы и сами смеяться умеем не хуже. А то возомнил себя собственником федерального бюджета.

Мы решили обмыть это дело московскими шами и отправились в министерскую столовую.

Знакомясь с республиканскими учреждениями и организациями, я старался вызвать на откровенный разговор прежде всего творческих работников.

Квартирный вопрос был наиболее острым. О зарплате говорить было вообще стыдно. Певица, музыкант симфонического оркестра, артист балета или актер театра, окончившие институты, получали всего двадцать—сто сорок рублей в месяц. Зарплата увеличивалась на двадцать пять процентов по достижении десятилетнего стажа работы или получения почетного звания.

Тарифная сетка была как бы встроена в штатное расписание театра, филармонии или ансамбля, в котором жестко устанавливалось количество управленцев, творческих работников, техперсонала и общий фонд заработной платы. Даже получив признание зрителей, пройдя через художественный совет, тарификационную комиссию, артист должен был ждать повышения фонда заработной платы, чтобы получить полагающуюся надбавку.

Артисты — натуры эмоциональные. Они и жалуются шумно, и радуются от души. По-моему, артисты больше всего не любят, когда им отказывают в чем-либо и открыто. Выслушай его, даже если он несет несусветную чушь, похвали, даже если не за что, пообещай рассмотреть, помочь, подумать и т.д. и т.п., и он спокойно уходит, если не счастливым, то наверняка удовлетворенным и довольным уже тем, что доказал «этому чинодралу», кто есть кто.

В первое время я много сил и времени тратил на то, чтобы обосновать коллективу или отдельному работнику юридическую, финансовую или творческую несостоятельность предъявляемого требования. Но чем обоснованнее я отказывал тому или иному в общем-то неплохому и весьма заслуженному деятелю, тем острее он высказывал свое неприятие моих доводов.

С Альви Дениевым мы были знакомы по-доброму с тех пор,

как он появился в труппе театра им. Х. Нурадилова. Не любить этого чеченского Чаплина было практически невозможно. Ждать себя он, как говорится, не заставил, явился «под шафэ», шумно вошел в кабинет, побалагурил для разминки и заявил, что пришел за квартирой. Категорично так, без тени сомнения в том, что я ее ему немедленно выделю.

– Как же так? Насколько я знаю, ты человек семейный, не первый раз «замужем» и имеешь квартиру, – начал я.

– А я ушел из семьи, – заявил Альви с вызовом.

– И который раз ты теперь оставил семью, мой друг?

– В третий, – самодовольно ответил артист.

– И теперь ты хочешь квартиру в четвертый раз?

– Выходит так, – насторожился он.

– Не выйдет, друг. Как я, по-твоему, буду смотреть в глаза другим артистам, живущим с семьями в общежитии по десять-пятнадцать лет? Совет такой: помирись с одной из своих бывших жен, вернись в семью, и живи, как люди, в мире и согласии. Если хочешь, я выступлю посредником, ты только скажи, с которой.

На это он не согласился, обиделся и заявил, что не уронит своего достоинства возвращением к жене, которую однажды бросил.

– Ну да, ты хочешь жениться на молоденькой, хочешь поломать судьбу еще одной наивной девушке, но в этом я тебе не помощник. А ведь она чья-то дочь, сестра, подумай об этом. И еще, число детей брошенных тобой, увеличится. Об этом тоже подумай.

Альви ушел обиженный, словно ребенок. У меня остался тяжелый осадок от этого разговора. Следовало ли мне воспитывать взрослого человека и замечательного артиста, ведь жениться – разводиться – его личное дело. Я ожидал случая, чтобы поговорить с ним еще раз. Неожиданная смерть в результате автоаварии помирила нас. Я потерял друга, а республика – выдающегося национального актера. Да простит Аллах нам наши прегрешения!

Дела, связанные с завершением создания музея Льва Нико

женщи Толстого в станице Старогладковской (так написано название станицы на старых картах и в книгах) требовали постоянного внимания и действий министра. Из Москвы приехала группа специалистов. По договоренности с председателем Шелковского райисполкома В.Д. Аралиным на месте был образован штаб. Район и местный колхоз стали активно помогать техникой и людьми, были привлечены коммунальщики и дорожники из Грозного.

Местные жители, особенно казаки, проявляли живой интерес к музею. Он, собственно, был заложен еще в 1964 году при здешней восьмилетней школе учителем истории Иваном Кирилловичем Ридченко и его женой Надеждой Михайловной. Они, вместе с учениками, в течение двух десятков лет собирали документы, литературные свидетельства, связанные с пребыванием здесь Льва Николаевича, оружие и снаряжение казаков, их одежду и предметы домашнего обихода. Музей функционировал сначала как школьный, а потом ему было присвоено звание народный. Советом Министров ЧИАССР еще 31 декабря 1980 года было принято постановление № 640 «О создании в станице Старогладковской Литературно-этнографического музея Л.Н. Толстого – филиала Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея».

Окончательно музей как государственное учреждение был утвержден приказом Министерства культуры РСФСР от 12.02.1981 г. № 82.

Одинко шло время, а дела по реконструкции здания старой школы, выделенного под музей и создание экспозиции, шли очень медленно, в основном из-за плохого финансирования.

Первый приезд в станицу оставил у меня довольно тяжелое впечатление: кругом валялись строительные материалы, мусор, организационно-оформители из Москвы были неприветливы, даже озлоблены. Жили они тут же в нетопленном помещении, обогреваемом электрическим обогревателем, ели всухомятку, покупая продукты в магазине местной сельхозкооператива. А там в то время выбор был довольно скромным.

– Начальства много, а помощи мало, – в сердцах высказалась мне упрек одна ярко накрашенная дама.

– Я, мадам, не начальство для вас, однако отныне помощи музею обещаю.

– Ой, как интересно, – закатила она глаза.

Небритый мужчина, размешивающий краски, одернул женщину и представился.

– Кулешов, художник-реставратор. Эдуард Иванович.

– Заслуженный художник РСФСР, – добавила дамочка.

– Уймись, – приказал он ей.

По моей просьбе он перечислил вопросы, требующие срочного решения.

На обратном пути я заехал в Шелковской райисполком и договорился с Виктором Даниловичем об организации регулярного питания для московских художников и оформителей за счет местного колхоза.

В Министерстве культуры РСФСР была создана рабочая группа для контроля и оказания практической помощи в завершении музея.

Скоро дела здесь пошли довольно успешно. Активную помощь начало оказывать руководство Министерства сельского хозяйства и лично министр Кириллов Сергей Алексеевич, мой товарищ по комсомолу, а теперь и коллега.

На должность директора музея районное руководство рекомендовало молодого выпускника Госуниверситета Загибова Хусейна, работавшего заведующим отделом местной газеты «Строитель коммунизма».

Признаться, при первой встрече он произвел на меня впечатление неуверенного в себе сельского парня. Однако в деле Хусейн проявил себя расторопным хозяйственником и способным организатором. Он невозмутимо выслушивал наши советы, прямо заявляя, если бывал с чем-то несогласен, в срок и четко выполнял намеченные действия и свои обещания.

Уместно добавить, что Хусейн Загибов сделал все возможное и невозможное, чтобы сохранить музей от разрушения и расхищения в ходе военных действий на территории республики. Я очень обрадовался, узнав недавно, что Хусейн стал лауреатом премии имени В. Высоцкого «Своя колея». Вместе с другими знаменитыми деятелями культуры, науки и техники Российской Федерации, в Москве в торжественной обстановке ему были вручены диплом и золотая медаль.

В ходе работ по организации музея возникало много новых идей и предложений. Если вначале планировалось лишь создание постоянной экспозиции, то теперь договорились расширить и благоустроить подобающим образом территорию, создать на ней соответствующий времени пребывания в здешних краях Л.Н. Толстого природный и этнокультурный ландшафт, заказать и поставить перед музеем достойный памятник писателю.

Возникло много претензий к состоянию самой станицы. Плохие дороги, обветшалые дома, заборы, неубранные улицы и подворья были несовместимы с будущим статусом музейного места. В станице не было клубного здания, сельская библиотека размещалась в захудалом помещении, магазины, столовые и другие торгово-бытовые объекты были внешне непрезентабельны, требовали ремонта, нового оформления. С учетом перспективы увеличения числа посетителей Толстовских мест, в том числе из Грозного и районов республики, а также соседних республик и краев, в станице было предусмотрено открыть гостиницу, книжный магазин и другие социальные объекты.

Решение всех этих вопросов требовало дополнительных средств и времени, поэтому открытие музея несколько отодвинулось. Это в результате большой работы, в которой нам самым активным образом помогали Министерство культуры РСФСР, руководство и общественность Шелковского района, в станице Старогладковской жилищно-культурное учреждение культуры не только нашего, Чечено-Ингуш-

ского, но и всероссийского уровня. Теперь это подтверждено временем и пережитым за двадцать прошедших лет.

На завершающем этапе нам активно помогли специалисты Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, Московского Государственного исторического музея. Специальные работы выполнялись работниками Московского комбината декоративно-оформительского искусства.

Выделенное под музей здание старой школы капитально отремонтировали, произвели перепланировку, в соответствии с музейными требованиями, сделали ограждение и благоустроили территорию. Для Старогладковского музея в Москве был заказан и изготовлен величественный памятник Л.Н. Толстого. Он был установлен на площади перед входом в музей.

Я рассматривал создание и открытие музея Л.Н. Толстого и Старогладковской как начало большой работы по музеефикации республики.

Открытие состоялось 9 сентября 1987 года. Музей, по мнению специалистов, получился отличным. Добротное здание, замечательная экспозиция, огражденная и озелененная территория в центре станицы. Здесь же рядом воссоздано казачье подворье с хозяйственными постройками, мебелью и утварью той поры, когда здесь бывал Л.Н. Толстой.

Для проведения праздничного мероприятия были оборудованы гостевые трибуны, сооружена сцена для концерта, определены места для парковки автотранспорта, предусмотрены меры безопасности. День выдался ясным, солнечным, теплым.

Гости собрались дружно, в назначенное время. Торжества открыл заместитель председателя Совета Министров ЧИАССР Т.У. Махмулхаджиева. Она предоставила слово В.К. Фотееву – первому секретарю Чечено-Ингушского обкома партии.

Я ожидал, что он выступит с обычной в таких случаях партийной речью: с политической платформой, со ссылками, цитатами. Но он заговорил простыми словами, без текста.

Чувствовалось, что человек говорил от души, выражал свои мысли, свое отношение и к творчеству Л.Н. Толстого, и к происшедшему событию. С высоты своего довольно крупного роста он смотрел в многотысячную аудиторию удовлетворенно, отмечая как дружно представители всех уголков республики съехались на этот праздник культуры.

Лично мне очень понравилось умное и взволнованное выступление В.К. Фотеева, мало похожее на обычные «правильные» речи крупных партийных чиновников.

В празднике приняла участие и замечательно выступила заместитель министра культуры РСФСР Нина Борисовна Жукова. Бывший секретарь ЦК комсомола умела говорить на публике. Она высоко оценила нашу новую экспозицию и заявила, что этот музей можно смело отнести к лучшим музейным учреждениям России, не говоря уже об общественно-политическом и культурном значении его, как связующего звена в межнациональных отношениях.

1987 год остался памятным в моей жизни и с печальной стороны, 29 марта, на восемьдесят шестом году жизни, умерла наша мать. Я в те дни испытал на себе верность народного поверья о том, что со смертью матери вянет цветок на сердце человека.

Я уже упоминал, что мать родилась в Чечен-Ауле в семье Юнуса и Рахымат из рода ялхой и нарекли ее именем Келимат. Когда она, в 1920 году, вышла за нашего отца, в новой семье ей дали имя Хинжан, так как прежнее имя оказалось созвучным с именем свекрови – Кебират, а по-чеченским обычаем произносить имена ближайших родственников мужа невестке нельзя.

Она выходила за нашего отца по своей воле, по любви. Только вместе их длилось недолго. У отца в гражданскую войну был поврежден позвоночник. С тех пор он жил с дикими болями, а в 1937 году у него случился паралич. Мать выхаживала отца и растила нас, пятерых детей. Она делала это безропотно и стойко. Порядок во всем, идеальная чистота, почтительное и уважительное отношение к окружающим, тру-

долюбие, высокая порядочность и моральная чистота – все эти качества присущие ей самой, мать старалась привить и нам, своим детям.

Аллах даровал нам сознание и душевную готовность понять и оценить человеческий подвиг ее во имя семьи и нашего благополучия. Мы все видели и помнили, как она многие годы с ложки кормила отца, как она бросилась под нацеленные пистолеты энкаведешников в ночь на 24 февраля 1944 года, когда во время выселения в школьном дворе двое офицеров хотели отнять у нас беспомощного отца, якобы для госпитализации и лечения. «Он потом приедет к вам», – говорили, ухмыляясь, один из них.

Мы помнили, как она тянула последние жилы на колхозном поле, а потом и дома, чтобы накормить нас и дать возможность учиться. Она не позволила нам бросить школу, хотя мы настаивали, особенно Барон.

– Нет, – отвечала она, – пока мне Всевышний дает силы, учись. Я верю в вас и вашу судьбу. Только оставайтесь честными во всем и со всеми.

Мы хорошо сознавали, что матери, как и все люди, смертно. Однако было тяжело от того, что она уходит в период, когда ее желания понемногу начали сбываться: мы получили образование, заняли достойное положение, могли обеспечить ей старость.

– Надеюсь, Аллах смилостивится над моей душой и сделает так, чтобы мы встретились там с вашим отцом, – призналась она мне, как младшему из своих детей, незадолго до смерти. – Я расскажу ему о вас. Он обрадуется, что вы выросли достойными его, заботливыми, совестливыми и верующими. Спасибо вам. Берегите друг друга.

Похороны были многолюдными. На них пришли и приехавшие родственники, мои товарищи по работе из Шали, Ножай-Юрта, Гудермеса, Грозного, друзья и знакомые Харона и Барона.

Близкие, желая предостеречь нас от возможных последствий, советовали нам уклониться от публичных соболезнований, выражаемых людьми по мусульманским традициям. Мы, конечно, отчетливо

...иногда, чем рискуем, если кому-то захочется воспользоваться случаем и осуществить какие-то плохие намерения против нас. Довольно разные: кто-то действует из каких-то убеждений, другие мстят из-за чепуховой обиды, третьи – банальной зависти или желания выслужиться перед начальством. В те годы некоторые ответственные работники во время похорон ближайших родственников буквально приталились от людей, желавших выразить им свои соболезнования. Однако мы не уклонились от похоронного и поминального процесса. Мы не могли не отдать дань памяти нашей матери, чего бы ради это не стоило.

И Бог миловал. Никто после завершения похорон нас не погубил.

А обиженные и недовольные мной могли быть. В аппарате министерства, в руководстве учреждений и организаций шла смена кадров. Те, у кого подошел возраст, уходили на пенсию, кто не имел соответствующего образования и квалификации оставляли должности после соответствующих аттестаций, другие делали это добровольно до слез», – так что поводов для обид и недовольства, поверное, хватало. Другой разговор – насколько они были обоснованы.

В любом случае, люди искренне поддержали нас в те горестные дни, и мы будем им благодарны за это, на этом и на том свете.

Мы с почетом проводили на заслуженный отдых Анну Ивановну Кузьмину, накрыли стол, одарили, чтобы как-то поддержать старушку, приняли на техническую работу ее дочь-инвалида.

Начальником планово-экономического и финансового отдела была принята Галина Григорьевна Прохорова, экономист с высшим образованием, опытом работы и, конечно же, член партии. Она, как оказалось, пришлось ко двору: быстро освоила специфику работы и активно сделала для улучшения финансово-экономической работы в министерстве. К сожалению, она погибла в автоаварии в 1991 году.

На работу в аппарат министерства был приглашен выпускник ГИТИСа, сын выдающегося чеченского музыканта Умара

Димаева – Сайд-Эмин. Я знал его еще с той поры, когда он, худой и лопоухий, бегал босиком по улицам Кара-Балты в Киргизии.

После учебы в Москве он преподавал в музыкальном училище, руководил музыкальной школой в Грозном, писал музыку и сочинял стихи. Через некоторое время пребывания в должности начальника отдела искусств я рекомендовал его заместителем министра по искусству. Очень требовательный и категоричный в суждениях, Сайд-Эмин не был легким собеседником. Но искусству, особенно музыке, был предан всецело и до конца. Последний раз мы встречались в 2005 году. Мой младший друг и товарищ потерял в войну все, он был обездолен и болен. Сайд-Эмин Умарович Димаев умер в 2006 году. Уверен, наступит время, когда его музыка будет востребована и по достоинству оценена.

Чем больше и глубже я знакомился с состоянием культуры в республике, тем больше убеждался в необходимости максимальной обострения перед руководством республики и министерством культуры Российской Федерации вопроса о ее бедственном положении.

И обком партии, и Совет Министров республики наконец повернутся лицом к нуждам учреждений и работников культуры или придется будить общественность, решил я после долгих размышлений, бесед с друзьями и товарищами. Среди творческой интеллигенции было много талантливых людей, желающих творить, преданно служить делу своей жизни. Однако здесь большим препятствием была материальная сторона дела. Хотя и в этих условиях театр им. Х. Нурадилова, ансамбль танца «Вайнах», симфонический оркестр, другие филармонические коллективы, музыкальное и культурно-просветительское училища в немыслимо сложных условиях добивались результатов ничуть не худших, чем их коллеги из других регионов страны.

Самодельные художественные коллективы Ножай-Юртговского, Урус-Мартановского, Советского (Шатойского), Шелковского, Надтеречного и Назрановского районов удостаивались звания

конкурсов зональных и общероссийских смотров. Наши писатели, журналисты, мастера художественно-прикладных видов искусств все равно выходили к широкому читателю и зрителю, приобретали известность за пределами республики.

Используя малейший повод и любой случай, чтобы рассказать о трудностях, так и о реальном вкладе учреждений и работников в развитие республики, я искал способы достучаться до сердец вышних начальников. На личных приемах, в своих выступлениях на различных совещаниях и собраниях, в средствах массовой информации я старался обратить их внимание на культуру – эту падчерицу общества, готовую обернуться прекрасной Золушкой.

В.К. Фотеев принял меня с явным равнодушием. Официально мы встретились впервые.

Владимир Константинович, – начал я, – мне бы хотелось доложить Вам о состоянии дел в культуре и, прежде всего, о хороших делах, проводимых мероприятиях и успехах. Однако я этого делать боюсь, так как наши учреждения и работники находятся в крайне тяжелом положении. В республике много сделано и делается по развитию промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи. Строятся больницы, школы. Ежегодно увеличивается число молодых людей, оканчивающих высшие и средние учебные заведения. Все это, разумеется, работает на развитие общей культуры, однако государственная сфера культуры, наши учреждения и организации по-прежнему находятся на остаточном финансировании. Отсюда материально-техническая база учреждений культуры остается крайне слабой и не может обеспечивать задачи, стоящие перед нами. За тридцать лет со дня восстановления республики за счет государственной помощи построено одно театральное здание, Республиканская библиотека имени А.П. Чехова и три районных Дома культуры. Основная, более восьмисот пятидесяти учреждений и организаций культуры и искусства, работают в старых помещениях, девяносто процентов из которых не отвечают элементарным требованиям, а остальные находятся в аварийном состоянии.

В.К. Фотеев слушал внимательно, иногда что-то отмечая в блокноте.

– Вы у нас пятый по счету первый секретарь обкома после восстановления республики. Предыдущие оставили разные следы в памяти о себе. А.С. Трофимов восстанавливал республику, Ф.Е. Титов наводил порядок, С.С. Апрыткин качал нефть, А.В. Власов много строил. Вы же могли бы оставить о себе самую благородную и прочную память, уделив больше, быть может, главное внимание культурному строительству и культурному развитию республики. Этим вы оставили бы самую добрую и самую неизгладимую память о себе. Народ бы остался глубоко благодарным вам надолго.

Первый секретарь обкома внимательно посмотрел на меня из-за толстых стекол очков, хмыкнул и добродушно произнес:

– Ты уж заговорил совсем высоким слогом. Память – оно дело конечно, хорошее. Но где взять средства? Пятилетка-то сверстана все закручено крепко, до предела. Ты же это понимаешь, товарищ бывший председатель горисполкома?

– В Краснодаре и Кабардино-Балкарии к строительству учреждений культуры широко привлекаются предприятия и хозяйства особенно на селе. Много строится хозспособом, – подсказал я.

– Да, я в курсе. Но у них и хозяйства – не сравнить с нашими богатейшие земли, техника, огромные доходы, хотя и у нас не бедные, – вяло заметил В.К. Фотеев.

– Я по Гудермесу знаю, что многие хозяйства, особенно наши совхозы, систематически не осваивают средства, предусмотренные на развитие соцкультбыта. А нельзя ли часть этих средств сосредоточить в объединении «Чеченингушвино», Министерстве сельского хозяйства и целевым назначением направить на строительство клубов, библиотек, детских музыкальных и художественных школ? – продолжил я в форме вопроса.

– Можно, конечно, и давно бы нужно.

Он нажал на кнопку аппарата прямой связи.

Слушаю, Владимир Федорович, – раздался голос М.А. Керимовича

Муса Абдурахманович, у меня министр культуры. Он совершенно смутил меня, рассказывая о состоянии дел в отрасли.

Да, Владимир Федорович, там действительно много проблем, особенно с состоянием материально-технической базы, да вот все новые руки не доходят.

Так, может, пришла пора заняться этим по-серьезному? Давайте договоримся так: минкультуры подготовит свои предложения, а вы подключите Госплан и другие службы, чтобы разработать целевую программу развития всего социально-культурного комплекса, особенно на селе.

Согласен. Так и сделаем.

С Мусой Абдурахмановичем мы не раз обсуждали эту тему, и я не боялся получить от него нагоняй за то, что обратился к первому секретарю голову».

Поставив в известность о состоявшемся разговоре завотделом культуры Р.А. Сайханова, я пошел к М.А. Керимову.

Сразу же была создана рабочая группа по подготовке программы, рассчитанной на всю XII пятилетку. Возглавить группу было поручено Арсамаку Арсамаковичу Мальсагову – председателю Гветшана, а мне была отведена роль его заместителя. Кроме нас в комиссию вошли: министр сельского хозяйства М.А. Арбиев, председатель Государственного комитета ЧИАССР по материально-техническому снабжению А.Б. Шуаипов, председатель Госкомитета ЧИАССР по делам строительства и архитектуры Т.М. Дидигов, начальник Управления капитального строительства Совета Министров ЧИАССР М.А.-К. Магомадов, начальник Производственно-совхозного объединения «Чеченингушвино» А.И. Конев, руководители других ведомств и служб республики.

На разработку и согласование программы ушло почти три месяца. Она была рассмотрена на рабочем совещании в правительстве и

утверждена постановлением Совета Министров ЧИАССР от 13 мая 1986 года «О региональной программе развития материально-технической базы социально-культурного комплекса Чечено-Ингушской АССР в XII пятилетке».

Этой программой было предусмотрено строительство свыше семи сельских Домов культуры общей вместимостью тринадцать тысяч сто пятьдесят мест. Кроме условий для киноконцертной, кружковой и другой досуговой деятельности, в Домах культуры предусматривались помещения для библиотек и спортивных секций. Намечалось строительство Дворца культуры в городе Гудермесе, районных Домов культуры в с. Знаменское Надтеречного района и Толстой-юрт Грозненского района. Причем все учреждения, за исключением последних трех, планировалось построить за счет колхозов и совхозов.

Это был серьезный поворот руководства республики к реальным нуждам учреждений культуры, особенно на селе, поистине революционный шаг, вселявший надежды и уверенность на будущее.

Такой поворот к нуждам культуры в республике был хорошо принят в Министерстве культуры РСФСР. Министр Ю.С. Мелентьев особо отметил значение нашей Программы и поручил своим заместителям оказывать республике помощь оборудованием, инвентарем, а также в подготовке и переподготовке кадров. Такое задание им было дано на заседании коллегии Министерства в присутствии практически всех руководителей органов управления культурой республик, краев и областей Российской Федерации. Юрий Серафимович горячо поддержал мое обращение к коллегам оказать нам возможную помощь, особенно в организации обмена опытом, стажировке наших работников в ведущих учреждениях, оказании методической помощи путем командировок к нам своих ведущих специалистов.

Надо сказать, что большинство моих коллег выразили готовность оказывать возможную помощь на длительную перспективу.

и реально начали оказывать ее. Если что-то и не получилось тогда, то только из-за нерасторопности и неорганизованности с нашей стороны.

Одной из наиболее важных проблем, которую мы тогда начали решать, было создание условий для знаменитого ансамбля театра «Найнах». Законно гордясь таким коллективом, редко кто задумывался над тем, в каких сложнейших условиях он работал все эти годы, с лишним лет со дня возрождения.

И летний театр в парке культуры и отдыха имени С.М. Кирова «Найнах» попросился на один репетиционный сезон 1984 года. Театр давно находился на положении бесхозного, формально числясь собственностью горисполкома. Он давно не ремонтировался, перевернувшись из рук в руки и был обречен на снос.

При более близком знакомстве с этим деревянным строением оригинальной конструкции и архитектуры выяснилась его истинная историческая и культурная ценность. Оказалось, что здание было возведено в 1905 году на средства городского купечества за очень короткий срок – шесть месяцев в ожидании приезда знаменитого певца Федора Ивановича Шаляпина на гастроль в Грозный. Гастроли тогда не состоялись, по легенде, в связи с ограблением Шаляпина в Дарьяльском ущелье знаменитым абреком Зелымханом Чарчосским.

Здание сохранилось каким-то чудом. После долгих переговоров и уговоров, нам удалось заполучить его для ансамбля. Это стало возможным, благодаря поддержке со стороны председателя Грозненского горисполкома Владислава Михайловича Шамардина.

Однако наше ликование сменилось тревожной озабоченностью при изучении его технического состояния.

Деревянное строение без отопления, рассчитанное для концертных выступлений в летнее время, более чем за восемьдесят лет сильно обветшало. Капитального ремонта требовали кровля, ряд несущих конструкций, требовал укрепления фундамент, заново надо

было делать отопительную систему. Институт «Чечинггражданпроект» отказался делать проектно-сметную документацию.

– Капремонт – не наша тема, – заявил его директор А.И. Линей.

Бюро «Чечингкоммунпроект» тоже отказалось: здание ремонту не подлежит. Оставалось надеяться на свои силы, а они у нас к тому времени серьезно прибавились.

Документацию изготовило проектное бюро только что созданного при Министерстве культуры Научно-производственного объединения по реставрации памятников истории, культуры и архитектуры – НПО «Реставрация». За ремонт взялся наш ремонтно-строительный участок – РСУ.

Надо отдать должное всем, кто так или иначе был связан с возрождением здания-памятника. Рискую запомнить кого-то, но самые энергичные действия при этом предприняли: мой заместитель по строительству, ремонту и обеспечению (такая должность была введена впервые) Владимир Васи́льевич Ковтун, начальник НПО «Реставрация» Аэрудзин Омарович Яндаров, начальник РСУ Салман Алихаджиев, директор ансамбля «Вайнах» Арби Усманов, его заместитель по административно-хозяйственным делам Арби Тужаев, инженер министерства Виктор Горюшин.

Очистку и благоустройство территории, а также некоторые виды работ, не требующие особой квалификации, выполнялись артистами и обслуживающим персоналом ансамбля, а также методом субботников с участием сотрудников Министерства культуры и республиканских учреждений, расположенных в Грозном.

Одновременно, к открытию здания ансамбля, готовилась новая программа. Над ней с энтузиазмом работал коллектив во главе с художественным руководителем и главным балетмейстером Ташей Элембаевым.

Ввод в эксплуатацию и передача отреставрированного здания ансамблю «Вайнах» вылились в настоящий праздник. На нем все было впервые. Впервые ансамбль получил свое здание с залом на пятьсот мест, великолепной сценой, костюмерными, примерными

и другими помещениями. Для артистов были сшиты в Москве новые сценические костюмы, в Дагестане изготовлены газыри, пояса и шапки. Новая программа отличалась оригинальностью и изысканностью.

Все это пришлось как нельзя кстати: вскоре коллективу «Фабрики» были предложены месячные гастроли в ГДР по линии обмена культурных связей с социалистическими странами. Возвратившись поездку в Министерстве культуры РСФСР предложили мне, а руководство республики, к моему немалому удивлению, согласилось с этим.

DDR по-русски: давай-давай, работай

Это была первая в моей жизни поездка за границу. В случае какого-либо ЧП мне предстояло держать ответ за каждого из пятидесяти пяти человек выезжающих: артистов балета, музыкантов, обслуживающего персонала.

«Бывалые» люди нашептывали о том, что нас непременно будет сопровождать официальный сотрудник КГБ, намекали, что в самом коллективе давно находятся несколько сексотов, фиксирующих каждый шаг любого из группы. Но ни в Грозном, ни в Москве такого к нам не приставили, со мной никто даже не заговаривал специально на эту тему. Может быть, потому, что мы ехали в дружественную социалистическую страну.

Никаких командировочных нам не дали. Разрешили только взять по две десятирублевые купюры – розовые банкноты с изображением В.И. Ленина. Я решительно не представлял, что на них можно было купить, но, видя, как «старички» аккуратно вкладывают их в свои документы, тоже прихватил на всякий случай.

В Бресте, пока меняли колесные пары вагонов, пограничники устроили тщательную проверку нашего багажа, личных вещей. Многих обыскали. У нашей ведущей солистки обнаружили спря-

тантные деньги и, пока мне стало известно об этом, ее куда-то увезли. Я выскочил из вагона, не зная, что предпринять и куда идти. Пограничники успокоили, сказав, что после оформления протокола ее отпустят. И действительно, понутив голову и пряча глаза, наша прима вернулась в вагон.

Провинившуюся таким образом артистку следовало отправить домой, но это отразилось бы на выступлении ансамбля. Она работала в коллективе около двадцати лет, отличалась прилежной дисциплиной, была задействована практически во всех массовых танцах, к тому же являлась одной из двух русских девушек в составе ансамбля.

– Оставьте ее в покое, – сказал я директору ансамбля Арбу Усманову. – Пусть подумает о своем поступке, а вопрос о наказании решим по возвращении домой. Пусть товарищи сами между собой обсудят и сделают выводы, без наших разборок и собраний.

Должен сказать, что за последующие тридцать суток пребывания в Германской Демократической Республике у нас не было ни одного случая нарушения дисциплины, как в поведенческом, так и в творческом плане.

В Берлине на перроне огромного крытого вокзала нас встретила торжественно и сердечно большая группа немецких товарищей с музыкой и цветами. С приветствием выступили заместитель министра культуры ГДР, представители творческой интеллигенции и общественности. Было много прессы.

Нам представили шефа с немецкой стороны на время гастролей, меня познакомили с личным переводчиком и водителем персонально закрепленной за мной машины.

За месяц мы объехали ГДР с севера на юг – от Ростока, на берегу Балтики, до местечка Зюль, на юге страны, на границе с Австрией, побывали в девятнадцати городах, дали двадцать один концерт. Чисто физически гастроли были трудными. Утром, после завтрака – в автобус и переезд в другой город, занимавший порой четыре-пять

Ремонт, размещение в гостинице, короткий отдых, знакомство с городской концертной площадкой, репетиция, вечером – концерт. Часто от гостиницы в город переезжали по ночам.

И видел, как выкладывались на концертах ребята и девушки. Каждый раз повторялась примерно одинаковая картина. Дисциплинированные немцы уже к первому звонку занимали все места, а выступления проходили в крупных городских культурно-спортивных залах, которые легко и быстро преобразовывались из спортивных в концертные, вместимостью по две-три и более тысяч зрителей.

В абсолютной тишине медленно гасли огромные люстры, начиналась музыка, медленно поднимался занавес. Возможности для светового и звукового обеспечения в немецких залах были великодушны, и Тапа со своими ассистентами выжимал из них все, что только позволила ему творческая фантазия.

На сцене под нежные звуки музыки появлялись первые лучи восходящего солнца, освещая величественные горы Чечено-Ингушетии с силуэтами древних башен. Музыка нарастала, переходя в энергичный ритм, на сцене занимался день, и появлялись стройные девушки и парни в ярких национальных костюмах.

Щёп, щёп, – слышался шепот среди зрителей.

На сцене постепенно разворачивался массовый молодежный танец. Это была демонстрация великолепной гармонии движений, звонкой музыки и ярчайших красок.

Чопорный вначале зал оживлялся, слышались одобрителыные возгласания, раздавались аплодисменты. С третьего-четвертого номера аплодисменты переходили в бурные овации, зрители, что называется, «заводились» по полной программе.

– Хох, хох, – начинали они скандировать стоя и требовали повторения танца криками: «Бис! Bravo!».

Среди местного начальства было немало лиц, получивших образование в СССР и неплохо говоривших по-русски. Были и такие, которые о Чечено-Ингушетии слышали впервые и с трудом

представляли, где находится Северный Кавказ. И те, и другие очень высоко отзывались об артистах «Вайнаха».

Каждый раз, наблюдая за бурной реакцией зрителей, здесь, в центре цивилизованной Европы, я переживал чувство огромной гордости. В памяти всплывали картины бесправного времени, когда мне не позволяли в школьной самодеятельности исполнить чеченский танец в черкеске и папахе своего дяди.

В антрактах и после концертов к нам часто подходили советские туристы и люди, находящиеся в ГДР на службе в рядах Вооруженных Сил или работающие в различных гражданских организациях. Все они, независимо от национальной принадлежности, выражали неподдельную радость от встречи, гордость за наш коллектив и национальную культуру, столь блистательно представленную артистами ансамбля «Вайнаха».

В зале нередко оказывались и наши земляки – солдаты, офицеры и гражданские лица из Чечено-Ингушетии.

В городе Карл-Маркс-Штадт, ныне Жемниц, перед концертом к нам пришел бравый майор. Среднего роста, крепко сбитый, перетянутый портупеей молодой человек неожиданно приветствовал нас по-чеченски:

– Ассалам Галейкум! Марша догИйла шу!

Абубакар Базгиев из Бамута после военного училища служил в Союзе, а последние три года – в ГДР. На момент нашей встречи он был комендантом советского гарнизона в Карл-Маркс-Штадте.

Вечером он пришел на концерт с еще одним чеченцем. Это был Султан Пайзуллаев из села Кошкельды, работающий здесь начальником военторга. Они уделили нам поистине братское внимание, побывали на ряде концертов, приезжая за нами иногда за сотни километров. Советских воинских частей в Восточной Германии тогда было довольно много. Наших военнослужащих и технику можно было встретить почти в каждом городке, на дороге, в лесу.

Коллектив ансамбля выразил желание выступить с шефским

концертом в одной из частей. Через организаторов наших гастролей с немецкой стороны обратились в посольство. К великой радости солдат и офицеров такой концерт состоялся.

В большой зал солдатского клуба строем привели танкистов, артиллеристов, служащих инженерных войск. Присутствовал генерал с большой свитой офицеров. Среди солдат сразу нашлись земляки – ребята из Дагестана, Кабардино-Балкарии, ростовчане.

— Наши приехали, наши! – радовался, как ребенок, один солдат, оказавшийся чеченцем-аккинцем из Хасавюрта.

Каждый номер военные встречали с таким энтузиазмом, что казалось, вот-вот лопнут окна или затрещит потолок.

В одном из последних танцев солист ансамбля Адаш Маматов, раскрутив «юлу», подошел к краю сцены и, вращаясь, слетел вниз. Он опустился на колени прямо перед генералом. Зал ахнул и зашумел. Довольно грузный генерал бросился поднимать «неловкого» танцора. Но Адаш вскочил и тут же по полу зала стал кружиться, высоко подпрыгивая и вновь падая на колени.

Генерал понял, что артист его разыграл, раскатисто рассмеялся и долго мял в своих могучих объятиях маленького Адаша. К сожалению, мои записи тех дней утрачены, и я не могу назвать фамилию того генерала. Он наградил коллектив «Вайнаха» грамотой. Военные накормили нас и тепло проводили.

Перед отъездом нас тепло приняли в посольстве СССР в ГДР. Первый секретарь от имени посла, находившегося в это время в Москве, выразил коллективу благодарность и объявил, что будет добиваться перед Министерством культуры РСФСР о поощрении ансамбля «Вайнаха» за большую и плодотворную работу в Германской Демократической Республике. В последнюю ночь «Вайнаха» дал большой концерт в Советском культурном центре для работников советских учреждений в Берлине.

Хотя и говорили тогда у нас, «курица не птица, а ГДР – не Германия», Восточная Германия произвела на всех нас сильное впечатление.

Здесь дороги, которые мы имели возможность по достоинству оценить, проехав всю страну с севера на юг, были идеальными. Говорили, что построены они были в тридцатые годы, при Гитлере, и сыграли, кроме всего прочего, большую роль в преодолении безработицы. Покрываются они были не асфальтом, как мы привыкли видеть у себя, а сверхпрочным бетоном. Поверх добротного многослойного полотна были уложены огромных размеров плиты. Как бывший председатель горисполкома, я оценил это с точки зрения крепости, надежности и возможности быстрого и качественного ремонта: при необходимости пришедшую в негодность плиту можно быстро заменить новой.

По всем дорогам стояли центры автосервиса – заправки, станции техобслуживания, а также кафе, магазины, игровые площадки для детей. Все продумано и предусмотрено.

Глубокой ночью на участке дороги между Шверино и Ростком что-то случилось с нашей машиной. Шофер – пожилой немец – взглянул под капот и быстро опустил его.

– Айн момент, энтшульдиген зи, – сказал он нам и ушел в темноту.

– Куда это он? – поинтересовался я у переводчицы.

– Звонить, – сказала она и пояснила, что по автобану на частных столбиках установлены телефоны, с которых, в случае необходимости, любой автомобилист может позвонить в соответствующую службу, работники которой быстро придут на помощь. Мобильных телефонов, замечу, тогда и в ГДР не было.

Минут через пять водитель вернулся и, опять извинившись, предложил нам пересечь в автобус. Сам он тоже поехал с нами, оставив свою машину посреди ночи на безжизненной дороге.

На следующее утро его машина, вымытая, стояла перед гостиницей. За ночь сервисная служба отбуксировала ее в Росток, провела необходимый ремонт и доставила владельцу.

– Нормаль, – сказал буднично водитель.

Я представил себе аналогичную ситуацию где-нибудь у нас, на

государственной трассе Ростов – Баку, и грустно улыбнулся. Немец явно осознанно посмотрел на меня, не понимая моей реакции.

Понсюду, где мы проезжали, по обеим сторонам дороги – будь то лес, пастбище или пахотная земля, царили чистота и идеальный порядок. Я заметил, что среди возделанных полей часто мелькали небольшие заросшие лесом или кустарником холмы и бугорки или верши, огражденные аккуратной изгородью. У нас бы их немедленно сравняли мощными бульдозерами, чтобы сделать поле ровным. Мне неужество поправила далекая от земледелия переводчица. Она объяснила, что фермеры делают это, чтобы сохранить диких животных, птиц и земноводных. В этом лесочке могут кормиться, прятаться и отдыхать косули, зайцы и другие зверьки, а в озерах водятся рыба, змеи, лягушки. Таким образом, человек сам живет среди природы и охраняет братьев своих меньших, живущих рядом.

Оставалось позавидовать народу с такой простой и мудрой философией, которую они проповедают не на словах, а на деле, и утверждают своими повседневными делами по охране окружающей среды.

Это же подтверждалось и в городах. На каждом шагу было видно, как трепетно немцы относятся к зелени – будь то деревья, кустарники, трава или цветы. Ухожен и засажен каждый метр земли. В зелени и цветах утопает каждый балкон, стены домов увиты гирляндами ползучих растений, на улицах и в помещениях множество пышных цветов, диковинных растений, в том числе карликовых, за которыми ведется тщательный уход.

В то же время было видно, что живут гедезровцы скромно. Наше внимание обратили здешние легковые машины. Уродливые по форме «Трабанты» с пластиковыми кузовами шумно носились по дорогам ГДР, вызывая досадливые улыбки у самих немцев. Не только по сравнению с западногерманским, но и рядом с советскими автомобилями они выглядели жалко.

– А как живут на той стороне? – указывая взглядом на знаменитую Берлинскую стену, спросил я переводчицу.

— Я не была там, но, судя по тому, что показывают по телеканалам ФРГ, хорошо. Во всяком случае, материально, — подчеркнула она со смыслом, как бы заявляя, что в остальном местные жители чувствуют себя не хуже.

Несомненно, восточные немцы жили качественно лучше нас и ничто не свидетельствовало, что в массе своей они завидуют западным. Аббревиатуру своего государства по-немецки — DDR — они с юмором расшифровывали по-русски — «давай-давай, работай». А работать немцы умели всегда.

Уже дома я рассказывал друзьям, что по-настоящему министром я ощущал себя в ГДР. Куда ни приедешь — встреча на высшем уровне, размещение — по высшему разряду, обращение — «гер министр», банкеты, сувениры и т.д. и т.п.

Но как бы гостеприимны не были немцы на своей обихожённой земле, недели через две захотелось домой, на свою неустроенную но бесконечно дорогую Родину. Об этом говорили все.

За свой ансамбль, за всех ребят я испытывал гордость. Работали они здорово. Артисты танцевального коллектива — большие труженики. Разъезды, репетиции, концерты, недосыпание при коротком отдыхе — все это отнимало немало сил. Но жалоб не было. Примером для младших были старики — солисты Доку Мальсагов, Рамзан Ахмадов, Гапур Темирбулатов, Рамзан Абазов, Апти Гантамиров, Зайн-Абди Эльдиев, Асет Асхабова, Лидия Айдамирова и другие.

Многих из них по-человечески я открыл для себя заново. Ребята умели не только классно танцевать, но хорошо пели, весело шутили, крепко дружили. Среди обывателей бытует мнение, что артисты — народ несерьезный, распущенный, не соблюдающий добрых обычаев народа. Это, конечно, не так. В подавляющем большинстве своем это воспитанные и чуткие люди. Но окружающий мир и людей артисты воспринимают обостренно, как бы под увеличительным стеклом. Они чувствуют не только цвета, запахи и звуки, но и

наиболее тонкие оттенки, тона и полутона. Им чужд и не очень понятен компромисс, быть может, из-за того, что они постоянно вынуждены бороться с ним. Они больше всего любят похвалу, известность и славу. Артист, отнюдь, не герой, но подвержен стихийному героизму. Ему для этого нужен зритель. Настоящий артист – всегда патриот. За свой народ, культуру он готов отдать все: личное благополучие, здоровье, а если потребуется, и жизнь.

Познать жизнь артистов, их внутренний мир во многом позволила мне именно эта поездка.

В зубах «Крокодила»

Дома ждали семья, дела и новые сюрпризы жизни.

С очередной почтой поступила внушительная бандероль с обратным адресом: Заводской РОВД, г. Грозный. В конверте был вложенный плакат-календарь с портретом популярного певца Юрия Антонова. В письме на мое имя сообщалось, что на центральном рынке Грозного сотрудниками Заводского РОВД задержаны работники Госфилармонии, незаконно торговавшие плакатами, изданными в неизвестной типографии без указания выходных данных и установленной государством цены. Вызванный для прояснения ситуации директор филармонии от причастности к изданию и продаже календаря напрочь отрекся.

В установленном законом порядке материал был направлен в прокуратуру для рассмотрения и принятия к виновным соответствующих мер. Шло время, я совершенно забыл о письме из РОВД и анонимном календаре.

Как-то утром ко мне влетел ошеломленный заместитель, держа в руках какой-то журнал. Глаза его бегали под толстыми стеклами очков.

– Читали? – спросил он.

– Что?

– Статью в «Крокодиле». На Вас.

Я взял журнал и стал читать, не понимая ничего. Возникло было вначале напряжение, по мере чтения, спадало, и почти пропало к концу.

– Чепуха, – равнодушно произнес я, возвращая Анатолию Георгиевичу журнал.

– Не скажите, – не согласился мой заместитель. – Журнал «Крокодил» – орган ЦК КПСС, и к нему надо отнестись очень серьезно.

– Чей он орган, значения не имеет, раз в нем напечатали открытую чепуху. Кто такой А. Смелянский? К тебе он приходил?

– Нет, я никого не видел. Я бы сказал, если что, – ступенчатый он.

– Как ты думаешь, я похож на идиота? Только говори правду! – потребовал я.

– Ну что Вы, ей-богу. Нет, конечно. Но тогда в чем дело? Кому понадобилось чернить Вас?

– А ты не догадываешься? Разве твои друзья из филармонии не жаловались тебе, не грозились отомстить мне?

– Нет, нет, Абдулла Гарсиевич, они со мной на эту тему не открывались. Я, правда, слышал, что уголовное дело по календарным им удалось закрыть с большим трудом и обошлось недешево.

– Вот-вот, «с трудом и недешево». Зато теперь его легко и бесплатно откроют заново. Это я обещаю. Ладно, давай работать, – прервал я разговор.

Вскоре зазвонили телефоны. Друзья подбадривали, советовали подать в суд.

– Эй, парень, ты приобретаешь скандальную известность.

Это звонила Зинаида Ахметовна Яндиева, секретарь обкома.

– С квартирами ясно – все знают, что ты сдал квартиру в Грозном, когда направили в Гудермес, и сдал там, когда перенесли обратно. Правильно?

– Точно так.

– А что ты наговорил этой армянке? Это на тебя не похоже. Ажно, давай не по телефону. Подходи, поговорим.

– Все «факты», о которых идет речь – туфта, что легко проверить. Пусть это сделает самая строгая комиссия, мне краснеть не придется, – начал я объясняться у секретаря обкома партии. – Женщина, которой я, якобы, нахамил, заведовала учебно-методическим центром министерства по музыкальным школам. Работала плохо, в пробах не бывала, бегала по магазинам, на замечания не реагировала. Не помогло даже дисциплинарное взыскание. Рассмотрев ее полугодовой отчет, я выразился буквально так: «Это не отчет о проделанной работе, а сплошная хреновина с морковиной». Эти слова не характерны мне, а просто вылетели невпопад и относятся не к собеседнице, а к ее докладу. Причем она тогда не только не обиделась на это выражение, но от души смеялась, кокетливо морщась глаза.

Тут уже расхохоталась Зинаида Ахметовна.

– А она хоть красивая собой? – спросила она, продолжая смеяться.

– Да ничего, вроде симпатичная. Да зачем она мне! Между прочим, я, как цыган, где живу, не ворую.

– Вот! Вот за то, что ты не обратил должного внимания на нее, интеллигентную и симпатичную, она и отомстила тебе. Молодец она. Я ей еще и скажу при встрече.

– Вы что, собираетесь с ней встречаться?

– А как же! На статью надо будет давать официальный ответ. «Проклодин» – орган ЦК.

– Пусть будет так. Но у меня к тебе, Зинаида Ахметовна, одна просьба. Организуй мне встречу на пять минут с первым.

– А почему бы и нет, – сказала она, немного подумав. – Ты на это имеешь полное право.

– Владимир Константинович, – обратилась она к В.К. Фотееву, официальной трубкой внутренней связи, – тут я беседую с Киндаровым,

министром культуры. По-моему, с ним явный перебор. Товарищи в Грозном, и Гудермесе квартиры сдад, причем сам, без напоминаний. Дачи у него не было и нет. Некоторая нетактичность с его стороны в отношении сотрудницы, видимо, имела место. За это мы его накажем. Абдулла Гарсиевич хотел бы зайти к вам минут на пять. Хорошо. Есть.

Она положила трубку.

– Иди, он ждет. Только говори коротко и держись достойно.

– Кому это вы успели насолить за короткое время? – бесстрастным голосом спросил В.К. Фотеев, выходя из-за стола и подывая мне руку.

– Похоже, Владимир Константинович, я кому-то, сам того не подозревая, наступил на большую мозоль. Я пришел просить вас только об одном: назначить самую строгую комиссию, и если подтвердится хотя бы один из названных в статье фактов, я положу мое явление на стол, а вы можете наказать меня строжайшим образом.

– Все?

– Да. Я не хочу отнимать у вас время по поводу своей персоны, но, если позволите, один, чрезвычайно важный, на мой взгляд, вопрос, хотел бы поставить, воспользовавшись случаем.

– Слушаю.

Я коротко рассказал историю республиканского музея, о его нынешнем катастрофическом положении, упомянул о своей беседе в Министерстве культуры РСФСР по вопросу передачи под музей старого здания обкома партии.

– Среди вариантов об использовании старого здания есть и такой вариант. Мы серьезно обсудим его, – пообещал В.К. Фотеев.

Оглядев меня внимательным и оценивающим взглядом, он нажал на кнопку аппарата прямой связи.

– Александр Иванович? Привет, Фотеев. Вы читали последний номер «Крокодила»? Там опубликован материал на министра культуры Киндарова.

– Нет, – ответил Ростов А.И., прокурор республики. – А что же он такое натворил? Парень вроде умный, серьезный.

— Вот я вас и прошу внимательно все изучить и результаты проверки доложить для ответа в журнал.

Я вышел из кабинета первого секретаря с ощущением явного изнеможения.

Заседующий отделом культуры Р.А. Сайханов, к которому я пришел, не стал утешать. Он знал меня давно и хорошо, а главное, доверял.

— Ничего, умнее будешь. А эту красотку ты правильно прогнал. Этого следовало сделать мне, да как-то не успел.

Наш разговор перешел к разработке программы развития материальной базы учреждений культуры.

Будем добиваться строительства клубных учреждений со строгими библиотеками, музыкальными и художественными залами и спортивными залами. Заказчиками, предполагается, будут Министерство сельского хозяйства, объединение «Чеченский ушвинно» и другие ведомства, имеющие подведомственные хозяйства в селах республики. Министерство культуры будет осуществлять контроль от имени правительства республики на всех этапах, — от проектирования до оборудования мебелью, инвентарем и инструментами.

Поделился я с бывшим министром и планами создания в республике собственной реставрационной службы, а также выделения из государственной филармонии эстрадных коллективов в отдельную организацию.

— А не слишком ли много планируешь? — засомневался он. — Где возьмешь столько сил и средств? Я что-то не заметил, чтобы культуру у нас вывели из остаточного принципа финансирования.

— Нет, не много. Когда сватали меня на эту должность, многие обещали помочь. Нельзя упускать момент, а то быстро забудут. Да и время, надеюсь, пришло. Я увидел за это время, что проблемами культуры озабочены многие. Этого нельзя сбрасывать со счетов. Ну и есть собственный мотив для своей лебединой песни: мне скоро отойдет, и ничего не светит, кроме пенсии, если, конечно, преждевременно не скинут. Как видишь, кое-кто уже старается.

– У них ничего не выйдет, – подбодрил меня Руслан Апардинович. – Ты только не проявляй излишних эмоций, покажи, что умеешь держать удар, хотя попадать в зубы «крокодилу» никто бы не захотел.

Он тоже был того мнения, что мне мстят за передачу материальных ценностей о подпольном издании и незаконной продаже с рук плакатов-календарей в прокуратуру.

«Бизнесмены» из филармонии, похоже, потеряли на этом трижды: расходы на издание, упущенная выгода и немалая сумма за закрытие дела.

Прокурорская проверка установила, что «факты», изложенные в статье, высосаны из пальца. Об этом комиссия заявила официально, сделав заключение о том, что я имею право на защиту чести и достоинства в судебном порядке. Однако я посчитал невозможным для себя опускаться до судебной тяжбы с какими-то мелкими жуликами «Придет время, и они проявят себя, вот тогда посмотрим», – решил я. Но оказалось, что был тогда слишком наивным.

25 сентября 1987 года мне официально исполнилось пятидесяти лет. По заведенному в то время порядку, в таком случае должностное лицо моего ранга удостоивалось поощрения в виде правительственной награды или, как минимум, Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета ЧИ АССР. Ни того, ни другого я не получил. Руководство республики сочло разумным после такой статьи в «Крокодиле» мой юбилей замолчать.

Иначе решили в министерстве культуры РСФСР. Из Москвы поступил по спецсвязи большой конверт. В нем оказалась Почетная Грамота министерства культуры РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры и теплый поздравительный адрес. Мой зам А.Г. Митрофанов собрал по этому поводу весь аппарат и торжественно вручил мне грамоту.

Об этом узнали в руководстве республики, мои друзья и коллеги и, конечно же, те, кто начал травлю на меня. В «Крокодиле» появилась вторая заметка с возмущенным от праведного гнева

Вспросом: как это так, человека, скомпрометированного статьей в сатирическом журнале, вместо наказания, поощрили грамотой? Наверное было, что новая статья стала возможной из-за того, что из республики в редакцию журнала своевременно не поступил материал проверки первой статьи. Читатель, естественно, может в таком случае решить, что в республике и министерстве культуры РСФСР я был под защиту зарвавшегося чиновника, то есть меня.

Однако дело обстояло совершенно не так.

По событиям, последовавшим затем, было видно, что на самом первом этапе дали команду найти тех, кто организовал клеветнические статьи. Одного из них установили. Им оказался работник филармонии Юрий Д. Малоприметный хозяйственник, занимавшийся организацией концертов, распространением билетов, с которым я никогда не был связан, оказалось, «возненавидел» меня больше всех. Но здесь было что-то не так. При чем здесь этот тихий рядовой клерк?

Из прокуратуры прислали официальное постановление о признании меня потерпевшим. Оставалось подать заявление в суд. В это время я узнал многое о тайной кухне в филармонии, о существовании которой я и не подозревал. «Левые» концерты, черная бухгалтерия, неучтенные билеты, подпольная печатная продукция, реализуемая из-под полы, и многое другое удивляло своей изобретательностью.

Филармония содержалась за счет скромных государственных субсидий. Музыканты, певцы и танцоры работали за нищенскую зарплату, и руководство, оказалось, имело немалые доходы незаконного происхождения.

Мне было уже кое-что известно и о махинациях с некоторыми гастролирующими в республике коллективами из Москвы. Приезжаешь, к примеру, «звездная» бригада из четырех-шести артистов. Принимающая сторона организует концерты на двух-трех площадках одновременно, бригада приезжих артистов делится тоже на две-три пары и начинается «карусель»: по кругу пары, сменяя друг-друга, за одно и то же время умудряются дать два или три концерта.

Отчитываются, конечно, за один, и то с наполняемостью зала на пятьдесят-шестьдесят процентов. «Навар» делится в зависимости от договоренности. А перед концертами зрителю предлагают очень редкий в то время в нашей глубинке товар: фотографии с автографами концертирующих артистов, сатириков и прочих «лириков», шикарно изданные плакаты, календари, буклеты и прочую рекламную продукцию. Она нигде не учтена, а доходы от ее продажи идут опять же в карманы жуликов. Так зарождалась концертная мафия, которая потом переродилась в шоу-бизнес.

Мне предлагали: давай жить дружно, ты смотришь на некоторые наши действия сквозь пальцы, а за это «будешь кататься как сыр в масле». Так и сказали. Я в ответ лишь посмеялся. Но верно сказано: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Теперь я понимал, что смеялся не последним. Мне предстоял непростой выбор: судиться с клеветниками, проглотить оскорбление или вступить в незаконную сделку с жуликами.

«Статьи в журнале для меня никаких последствий, кроме нервотрепки, не имели, – рассуждал я про себя. – В суде придется говорить об организаторах этих статей, строить бездоказательные догадки о том, почему дважды закрыли дело о плакатах, говорить о незаконной коммерческой деятельности в филармонии и т.д. Словом, возможен длинный шлейф, а за ним – конкретные люди. Основное гнездо лучше не ворошить, а сразу уничтожить».

Пришел с повинной и Заур Д. Я принял его, выслушал покаянное признание и извинения, принесенные по национальным обычаям в присутствии свидетелей и своего родственника.

Чтобы объяснить с редакцией журнала и Министерством культуры РСФСР, я выехал в Москву. Ознакомившись со справкой комиссии и постановлением следователя о признании меня потерпевшим, министр Ю.С. Мелентьев созвонился с главным редактором «Крокодила» известным сатириком Пьяных и договорился о встрече.

– Поехали, – сказал он мне, – надо же, наконец, посмотреть в

автору этих статей, пусть он выложит главному редактору и свои факты.

Главный редактор принял нас любезно. Он оказался довольно приятным человеком лет пятидесяти пяти, с поредевшими рыжими волосками на голове и смешинкой в глазах. Предложив нам кофе, он заявил, что сам предпочитает чай, как уроженец Ташкента и человек по темпераменту и цвету оставшихся на голове волос.

Юрий Серафимович, с плохо скрываемым раздражением, выразил желание встретиться с автором статей, но его не нашли, сказали, нет в Москве.

Я выразил свое недоумение: как можно печатать в журнале ЦК КПСС непроверенные факты, которые могут скомпрометировать честного человека? Почему корреспондент не встретился со мной, не поговорил даже по телефону, прежде чем опубликовать вымысел людей, совершивших уголовно-наказуемые действия? Почему редакция не запросила справку из Министерства культуры РСФСР хотя бы перед тем, как печатать вторую статью?

Редактор ответить на мои вопросы не смог. Он извинился перед нами и обещал опубликовать опровержение.

— Я обещаю вам, — заявил он, — что этот автор с сегодняшнего дня больше сотрудничать с журналом не будет.

Он при нас вызвал ответственного секретаря и отдал соответствующие распоряжения. Требовать большего от журнала «Крокодил» в тех условиях было невозможно.

В очередном номере журнала, действительно, было опубликовано письмо за подписью Министра культуры РСФСР, опровергающее обвинения, изложенные в тех публикациях.

Знакомые поздравляли меня с чудесным вызволением из пасти ядовитого «Крокодила», без увечья и даже царапин. А сколько мне и моим близким пришлось понервничать, в расчет не бралось.

Теперь несложно было «разделить под орех» людей, стоящих за сплетенческими статьями. Они мне были известны и обреченно

ждали своей участи. Но я хорошо знал, стоит мне протянуть к ним руку, как они попытаются скрыться за звездно-флажковой грудью и высокой папахой Махмуда. А допустить того, чтобы между нами пробежала чья-то паршивая кошка, я не мог, как не мог позволить, чтобы хоть в малейшей мере пострадал из-за меня авторитет этого века, чьим именем законно гордилась вся республика.

Организаторы провокационных статей того и хотели: столкнуть нас, у них не было ничего святого, кроме жажды денег, независимо от способа их добывания.

Задача: не выживать, а развиваться

Столкновение с организованной группой своих новых оппонентов меня многому научило, сделало осторожным и более гибким. Я узнал, почему некоторые способные артисты, работающие в филармонии и не входящие в «ближний круг» (их собственное определение), годами живут в общежитии и сидят без аттестации на низких ставках заработной платы. И наоборот. Почему так самодовольны и комплиментарны некоторые посредственности, состоящие в услужении руководства.

Необходимо было во что бы то ни стало установить в коллективе ведущей концертной организации справедливый порядок. Для этого пришлось пересмотреть составы художественных советов, усилить контроль за аттестацией творческого состава, повысить требовательность в решении вопросов о присвоении категорий и званий.

Я и раньше весьма критически относился к действующей у нас практике присвоения званий разным гастролирующим артистам. Теперь же был поражен количеством ходатайств, поступающих в министерство.

Многие певцы и музыканты, обосновавшиеся в Москве, соглашались приехать на гастроли в республику на определенных условиях, часто противоречащих действующим официально нормам и правилам.

Они требовали от организаторов с нашей стороны не только левых концертов, но и почетных званий.

Нередко бывало, что какая-нибудь восходящая или затухающая звезда попадала на прием к нашему начальству, а оттуда, сверху, давали указания подготовить материалы на присвоение почетного звания. В этом вопросе мы в министерстве заняли глухую оборону. Пусть переходит к нам на работу, внесет в культуру республики дополнительный вклад, и тогда мы с удовольствием внесем предложение о присвоении звания, заявляли мы.

На это московские гастролеры не шли. В ответ мы прекратили практику бездумной раздачи званий. Тогда руководство филармонии поняло, что такая жесткость скажется на приезде в республику известных певцов и коллективов, число гастрольных концертов и посещаемость зрителей упадет. Ничего, сказали мы, выдержим. Мы по этим показателям занимали соответственно тридцать третье и двадцатое места среди семидесяти трех регионов РСФСР, тогда как Северная Осетия и Дагестан занимали пятьдесят четвертое и пятьдесят седьмое места, а Ростовская, Волгоградская и Ленинградская области замыкали таблицу.

Одновременно концертные организации и театры начали испытывать новый метод организации зрителя, начатый Грозненским опером. По договору с транспортной организацией в ближайшие окрестные пункты направлялись автобусы с тем, чтобы доставить желающих на вечерний концерт или спектакль с гарантией вернуть их по окончании представления. Жители окрестных сел, часто расположенных в тридцати-пятидесяти километрах от Грозного, особенно из числа местной интеллигенции, стали таким путем активными театралами и зрителями различных концертов, в том числе гастрوليрующих коллективов.

Филармония, в отличие от театров, имела в своем составе более десятка коллективов, причем весьма разнородных и специфических: симфонический оркестр, вокальные группы, концертные бригады и другие. С развитием эстрады сюда вошли весьма шумные и про-

бивные представители современной масс-культуры, которые стали забирать значительную часть выделяемых на филармоническую деятельность дотаций. Вместо поддержки и пропаганды классического наследия в искусстве, мы вынужденно подпитывали эрмитажную культуру, на мой взгляд, пошлую, но всепроникающую.

Было найдено, довольно простое и хорошее решение: в структуре министерства создали отдельную организацию, куда вошли коллективы и солисты-исполнители эстрадного жанра – объединение «Эстрада». В устав нового объединения был включен ряд положений, открывающих им возможность работать на коммерческих началах. Говоря попросту, они теперь могли и должны были сами зарабатывать большую часть средств для своего содержания и развития.

Надо сказать, что такое чисто организационное решение хорошо повлияло и на содержательную сторону дела. В филармонии и объединении возникли новые, весьма интересные и успешные коллективы.

В составе филармонии были созданы женский вокальный ансамбль «Жовхар», мужская хоровая капелла, фольклорный коллектив Шиты Эдисултанова и другие. Таким образом нам удалось бескровно разрезать туго и хитроумно завязанный узел.

За недостатком места в филармонии девушки ансамбля «Жовхар» репетировали в расположенном неподалеку полуподвальном помещении Учебно-методического центра Министерства культуры. Женский ансамбль задумала, собрала и вела Аймани Айдамирова.

Природа щедро одарила эту девушку великолепным голосом, статью и красотой. По направлению министерства она училась очно в Краснодарском институте культуры. Директор УМЦ Адиоб Мазаев оказался невольным слушателем репетиции девушек. Возмущенный услышанным, он не раз предлагал мне послушать их.

Мое появление на репетиции вначале смутило девушек. Пришлось попросить Аймани и остальных певиц сделать вид, что меня здесь нет.

Сейчас не припомню всего первого состава ансамбля, но из его составниц мне запомнились Л. Белаева, М. Саралиева (Эльмурзаева), М. Жигасва (Юпаева), Б. Сайдуллаева и Л. Эльжуркаева.

Я упоминал, что рос в семье, в которой любили песню, но живого исполнения женских лирических песен я не слышал. Девушки были распределены по голосам. Звучание чистое, нежное, гармоничное. Солировала сама Аймани. Ее красивый голос начинал нежно и призывно увлекать подружек. С их вступлением возникала прекрасная гармония. Лица девушек выражали дух песни, готовый, казалось, вырваться из стен этого тесного помещения и улететь куда-то в горы и долины. Девушки показали несколько разных песен задорно-веселого, задумчиво-грустного, шуточно-озорного и лирического характера.

Спойте, пожалуйста, а-капелла, без этого аккордеона, – попросили девушки.

Аймани запела чеченскую мелодическую песню, девушки дружно поддержали ее, и полилась задушевная песня-нослание (песня, тоскующей по любимому).

Когда зачихли голоса певиц, раздались громкие аплодисменты. У открытой двери стояли работники учебно-методического центра.

Вы обратили внимание, как по-другому, очень душевно звучат наши голоса без аккордеона? – спросил я у девушек. – Это инструмент чисто европейский, у него другая тональность, другой строй, лад, звукоряд. У чеченской народной песни иное звучание, свой неповторимый колорит. Наш мелос чисто природный, натуральный, а аккордеон, по моему мнению, грубо искажает его. Поэтому я бы советовал вам чаще петь а-капелла или под гармонию в сопровождении дечиг-пондара, особенно, когда будете выступать в школах, в наших селах.

А у нас нет гармони, – робко произнесла невысокая девушка, держащая огромный аккордеон, за которым виднелись лишь ее шея и ноги.

– Через неделю, максимум две, у вас будет новая национальная гармонь, – пообещал я. – Можете заказать себе по два комплекта сценических костюмов, – расщедрился я, толком не зная, где раздобуду на это деньги. – Это сверх того, что вам сошьют за счет филармонии.

Мне подсказали, что самые лучшие концертные гармони готовит один мастер в Нальчике. Через несколько дней ко мне в кабинет ввели лет тридцати пяти–сорока русского мужчину с большим футляром в руках.

– Русский мастер делает кавказские национальные гармони? – спросил я удивленно.

– Это дело у нас потомственное, я делаю их уже в третьем поколении, – сказал мастер, закидывая ремень красивого инструмента за плечо.

Он начал с кабардинского наигрыша, перешел на осетинский «Симд» и закончил ингушской залихватской пляской.

Мастер запросил за свой инструмент пять тысяч рублей – цену по тем временам, серьезную.

– Деньги наличными, – заявил он.

Это еще более осложняло задачу. Бухгалтер сразу же зарпачилась.

– У нас на эти цели вообще не предусмотрены расходы, – заявила она. – Тем более, где мы возьмем наличными пять тысяч?

Она была готова расплакаться.

Выяснилось, что мастер привез с собой еще одну гармонию.

– Та красивее, красная, – заметил мой водитель Валид.

Принесли и ее. На ней сыграл уже мой заместитель, Саид Эми Димаев. Пройдясь по клавишам, он наиграл знакомую мелодию отто и поднял большой палец.

– Гулять, так гулять, – сказал я, воодушевленный случаем, – берем обе, но по четыре тысячи рублей.

Мастер, подумав, согласился, а озадаченная бухгалтерша наша под дружный смех присутствующих развела руками и ушла искони

песни. Они нашлись. Две замечательные гармонии, вместо одной обещанной, были вручены ансамблю «Жовхар», ставшему вскоре настоящей жемчужиной нашей национальной песенной культуры.

В первый же свой выход на большую сцену коллектив стал Лауреатом Всероссийского фестиваля фольклорной песни в городе Смоленск. С тех пор заслуженный успех сопровождал его до самого обрушения мирной жизни в Чечне. Еще шли военные действия на территории республики, когда большая часть участниц ансамбля собралась на квартире директора филармонии Мовлади Хомдиева и начали репетиции, к сожалению, без Аймани Айдамировой. Она потом собрала вокруг себя новых певиц и создала другой коллектив. Также замечательный.

Очень многообещающим творческим коллективом стала мужская хоровая капелла. История ее создания довольно сложная и показательная. Еще с начала 80-х годов в филармонии возник небольшой мужской вокальный коллектив. Хоровое пение в стиле «илли» (героическая песня) у нас долго оставалось непоощряемым, а иллима (духовная песня) все советские годы оставалась под строгим запретом, как и все, что хотя бы намеком имело отношение к религии.

Идеологические отделы все делали для того, чтобы не допустить на сцену оригинальный стиль музыкально-повествовательного исполнения героических баллад, сказаний и нравоучительных историй. Илли, как жанр, по своей природе и назначению, не был связан с религией, но являл собой мощнейшие возможности эмоционального воздействия на сознание и умонастроения людей, и прежде всего молодежи. Илли – живой рассказ о реальных эпизодах национальной истории, о жизни и деяниях конкретных личностей, живая память народа. В илли важно слово, текст – то, о чем рассказывает. Обычное музыкальное сопровождение на дечиг-пондаре – это не более, чем фон для концентрации слуха, внимания слушателя. Эмоциональный заряд илли очень сильный.

Кто-то мой друг, директор филармонии Сайд-Эми Бердукаев,

поинтересовался моим мнением насчет названия для нового мужского вокального коллектива. Мы выбрали из целого ряда вариантов – «Ишхо». Таким названием решались, как минимум, две задачи: определялось творческое лицо и назначение группы, и делалась попытка легализовать национальный жанр. «Номер» наш прошел, и с тех пор под этим названием выступал ряд небольших, практически камерных, коллективов.

Илли традиционно исполняется сольно (одним певцом), но его истинное звучание и воздействие бывают наиболее полными при хоровом пении. Чеченская школа полифонического пения среди грузинской, имеет древнюю историю.

С большим трудом нам удалось пробить в Москве, а только там могли разрешить данный вопрос, тридцать пять штатных единиц для нового коллектива.

Идеология нашего проекта была такой: у нас есть симфонический оркестр, в ближайших планах – создание оркестра народных инструментов, давно и успешно действует ансамбль танца «Вайнах», а теперь, с организацией мужской хоровой капеллы «Ишхо» и женского вокального ансамбля «Жовхар», создается полный набор профессиональных коллективов, призванных изменить лицо национальной музыкальной, песенной и танцевальной культуры на современном организационном и художественно-эстетическом уровне.

Капеллу возглавил солист филармонии, выпускник Ленинградской консерватории Зайнди Хасанов. К нашей радости, Зайнди быстро показал себя достаточно энергичным и волевым руководителем. Еще до окончания времени, отведенного на творческий протест, о капелле заговорили специалисты из музыкального училища, которых Зайнди привлекал в качестве консультантов при постановке голосов и разбивке по партиям певцов, многие из которых не имели музыкального образования, а были «слушачами», отобранными конкурсной комиссией. Правда, большинство из них мы впоследствии определили в музыкальное училище. Директор училища дирижер

Д. М. Брайловский и сменивший его на этом посту композитор Умар Исмаилов дали коллективу высокую оценку и организовали для новых учащихся гибкий график занятий.

Очень скоро хоровая капелла запела так мощно и красиво, что сразу стала довольно популярной и востребованной у зрителя, как городского, так и сельского. С новым коллективом стали работать профессиональные композиторы, известные мелодисты и аранжировщики музыки, поэты-песенники.

Особенно плодотворно с капеллой работал поэт А. Юсупов. В репертуаре капеллы были песни на стихи высочайшего гражданского звучания Магомеда Мамакаева, замечательно мудрые стихи Ахмеда Сулейманова, любовная лирика Магомеда Сулаева, Арби Мамакаева, Магомеда Дикаева, Магомед-Селаха Гадаева, Недерсултана Бушуева и многих других поэтов.

К сожалению, с началом войны капелла распалась, но записи «Илли» и через двадцать лет пользуются большим спросом у слушателей. До сих пор некоторые артисты, начинавшие петь в капелле, продолжают выступать солистами и в составе групп госфилармонии.

В тот же период возник и коллектив фольклорного характера «Веселый час». Его название красноречиво говорило о творческом лице. Возглавил «Веселый час» самый подходящий для этого артист, мастер на всё – Шита Эдисуланов.

Легкий жанр был его стихией. Учить его или пытаться втиснуть в определенные рамки «серьезного» искусства было бесполезно, да и вредно, наверное. Мастерское копирование сцен из народной комедии, юмор и сатира в экспромтном варианте были его главными козырями на сцене. Это был чеченский Насреддин с музыкальным лицом, хотя иногда, в угоду неискушенной публике, мог согрешить стиропенной халтурой.

Неугомонный и неиссякаемый на выдумку, Шита Эдисуланов продолжал выступать со своим коллективом даже во время острейшего

кризиса, когда артистам перестали платить зарплату. В 2004 году это не стало. Сердце не выдержало пережитое. Шита пришел в искусство в 1957 году. Почти пятьдесят лет на сцене – дело нешуточное.

Пройдя конкурс в возрождаемый ансамбль песни и танца столицы в Алма-Ате, он стал блистательным солистом танца, танцевальная манера которого отличалась народным колоритом, отточенной техникой и широким диапазоном.

В мои министерские годы, к сожалению, уже не было в живых Султана Магомедова, певца талантливого и любимого в народе. Но пел Валид Дагаев, которого я знаю с первых дней возвращения на родину, глубоко ценю и уважаю как талантливого мелодиста и исполнителя, уникального носителя не только песенной, но и многих граней чеченской народной культуры.

Я сожалею, что не обладаю талантом писателя и профессионального музыковеда, чтобы достойно раскрыть природу и глубину дарования этого человека, оценить его вклад в национальную культуру. Я видел, как тяжело ему, ослепшему в служении искусству, разрываться между высоким творчеством и прозаическим бытом. Все поломала война. А годы, между тем, бегут и уходят безвозвратно. Многие уже не вернуть. Но я верю, что найдется человек, который соберет наследие этого великого народного певца и издаст антологию его песен.

Большую и полезную работу на сцене и в пропаганде песенно-музыкальной культуры среди молодежи проводила единственная действующая профессиональная певица с высшим (консерваторским) образованием Лейла Мусаева. Она не часто выступала в концертах, не выпячивала себя, как многие другие, да, скорее всего, и не хотела этого делать в силу своей интеллигентности, но делала большое дело, выступая в составе, так называемых, лекторских групп, на радио и телевидении.

Плодотворно работала в филармонии певица Раиса Кошелева. Ее мягкий лирический голос хорошо передавал прелесть русской народной песни, произведений советских композиторов и старинных

романсов. Много добрых слов заслуживала и другая русская профессиональная певица – Валентина Шилова. Ее голос, манера пения и умение держаться на сцене украшали любой концерт.

Симфонический оркестр в Грозном был образован сразу же после Великой Отечественной войны. Наличие такого серьезного количества музыкантов само по себе свидетельствовало об уровне жизни и музыкальной, в частности, культуры в любом городе. В четырехсоттысячной столице и других населенных пунктах республики было немало любителей симфонической музыки. Однако творческое состояние оркестра не всегда отвечало требованиям публики. У оркестра не было своей сцены и репетиционной базы. Программы составлялись в гардеробной, в фойе, в лучшем случае – на сцене фойе в строго отведенное время. Многие музыканты, получая весьма скромную зарплату, жили в общежитии, снимали углы в частных домах. Дирижеры часто менялись. Пребывание в течение короткого времени в этой должности великолепного маэстро Ярослава Воишки вдохновил и оживил оркестр, на концерты симфонической музыки пошел зритель. В период моей работы оркестром руководил Александр Раевский. Молодой и артистичный дирижер поддерживал оркестр в хорошей творческой форме. У нас сложились довольно хорошие личные отношения. Найдя во мне хотя и не знатока, но большого любителя классической музыки, Раевский все делал, чтобы решить проблемы оркестра. Кое-что нам действительно удалось: изменили тарификационную сетку, что позволило несколько повысить зарплату, лучшие музыканты получили звания, кое-кому улучшили жилищные условия. Оркестр впервые за многие годы побывал на гастролях в Воронежской области, на побережье Черного моря, в Краснодарском и Ставропольском краях.

Немало зрителей обеспечивал постоянный абонемент, введенный и успешно распространенный в городе с помощью местных властей и общественных организаций.

Впервые в истории оркестра был подготовлен целый концерт из проведений чеченских композиторов: Муслима Магомаева,

Аднана Шахбулатова, Умара Бексултанова, Сайд-Эмина Димасева. Это привлекло нового зрителя из числа чечено-ингушского населения. Было немало случаев, когда из окрестных селений и городов Аргунь организовано подвозили людей, желающих послушать чеченскую музыку в исполнении симфонического оркестра. Крайне интересно было наблюдать за реакцией людей, впервые увидевших симфонический оркестр и впервые услышавших родные мелодии в исполнении такого большого числа музыкантов, игравших на инструментах, которых они никогда раньше не видели. Впечатления были сильными.

На себе лично я испытал настоящее потрясение, услышав звучание в составе симфонического оркестра национальной гармонии, на которой блестяще сыграл сольную партию младший сын Умара Димасева – Андарбек.

Любители музыки с большой радостью встретили возвращение в республику ингушской пианистки Тамары Инаркиевой. Она часто выступала с оркестром, давала сольные концерты, преподавала в музыкальном училище. Чувствовалось ее долгое пребывание на своей родине, но она быстро освоилась в новых и непривычных для нее условиях, жадно изучала культуру своего народа, пробовала исполнить в обработке для рояля национальную музыку, а также произведения местных композиторов. Мягкая и очень женственная по натуре Тамара имела твердый характер. У нее были большие планы и способности их успешно осуществить в интересах развития чечено-ингушской музыкальной культуры.

К сожалению, им не суждено оказалось осуществиться. Республике нашу растащили. Тамара, как и многие творчески одаренные дети единой вайнахской семьи, оказалась на перепутье. Надеюсь, ее творческая и личная жизнь сложилась благополучно.

С совершенно неожиданной стороны заиграл оркестр с появлением за дирижерским пультом Мусы Эдисултанова. Профессиональный музыкант, трубач-альтист, он многие годы играл в различных духовых оркестрах, в 80-е годы вернулся в родные края

и первым из чеченцев поступил в состав группы духовых инструментов симфонического оркестра. А. Раевский заметил в Мусе дирижерские качества и стал доверять ему свою палочку на репетициях и концертах. Так, благодаря чуткости главного дирижера, впервые в симфоническом оркестре Чечено-Ингушской государственной филармонии появился дирижер-чеченец.

Муса Эдисултанов, к сожалению, не добился известности вместе с Вероникой Дударовой и Валерия Гергиева, кабардинца Юрия Тимирязева и дагестанца Мурата Кажлаева, но за короткое время придал оркестру классической музыки национальное лицо. К сожалению, судьба дала ему в роли дирижера слишком мало времени и шансов. Симфонический оркестр с началом событий 90-х годов оказался в числе первых. И музыканты, и оркестр, и само искусство это были в условиях начавшихся потрясений слишком незащищенными. Но факт остается фактом, Чечено-Ингушская государственная филармония к началу 90-х годов встала вровень с ведущими филармониями юга России.

В то время перед театральной, музыкальной и танцевальной культурой и искусством республики открывались новые перспективы, их значение получило прочное признание в обществе, руководство все тверже поворачивалось к нуждам художественной интеллигенции, творческих коллективов, учебных заведений.

Но обилию памятников истории и культуры, по количеству мест, связанных с событиями судьбоносного для народа значения, уникальных природных ландшафтов и явлений, Чечено-Ингушетию можно назвать музеем под открытым небом. Однако, в силу различных обстоятельств объективного характера, работа по надлежащему учету, постановке на учет и принятию под защиту государства, созданию сети музеев, музеев-заповедников в республике долгое время находилась в зачаточном состоянии.

В последние десятилетия, в ходе Кавказской войны, последовательности и в ней массового исхода чеченцев и ингушей в Турцию и на Ближний Восток, длительного игнорирования колониальной

администрацией интересов коренного населения Чечено-Ингушской народной культуре был нанесен невосполнимый ущерб.

Были разрушены, сожжены, стерты с лица земли сотни аулов и поселений в горах и на плоскости, исчезли уникальные сооружения военного, хозяйственного, религиозного и бытового назначения, были частью уничтожены, частью вывезены старинные книги и рукописи, редкие изделия местных мастеров из золота, серебра, камня, железа, кожи и дерева. Офицеры и чиновники, кичившиеся своим аристократизмом, в салонах Санкт-Петербурга, Москвы и губернских городов хвастливо демонстрировали свои трофеи, снятые по-мародерски в Чечне. Каждый из тех, кто побывал здесь даже на короткое время, считал за долг увезти что-то на память, а это «что-то» всегда бывало самое лучшее и оригинальное произведение художественно-прикладного искусства.

Новый удар по местной материальной культуре нанесли советская власть, особенно в период коллективизации, когда было развернуто массовое раскулачивание людей. Репрессировались, в основном, самые активные носители культуры, наиболее ревностные хранители материальных, духовных и культурных ценностей народа.

Самый разрушительный удар по чечено-ингушской национальной культуре был нанесен в результате поголовного выселения народа в феврале 1944 года.

Я уже писал, как ворвавшиеся в наш дом, на рассвете 23 февраля, солдаты первым делом свернули и вынесли наше фамильное холодное оружие – сабли, шашки, кинжалы, а потом забрали женские украшения. Никогда не забуду, как мать за миску риса отдавала оставшиеся украшения, как напоследок сняла из ушей свои оригинальные золотые подвески и передала их пожилому какому-то вытарачившему свои узкие глаза, увидев эту изумительную красоту на ладонях своих немых рук.

Там, в выселении, наши люди отдавали за бесценок свои драгоценности, старинные ковры, войлоки и другие предметы национа-

важного быта. А в это время на их родине войска НКВД взрывали гранатовые каменные башни, культовые сооружения, древние жилища горцев под тем предлогом, что их могут использовать немцы, а в руки солдат Берия и скрывавшиеся в горах несчастные люди, ставшие врагами власти не по доброй воле.

Никто не сможет теперь назвать и перечислить даже приблизительно все то, что вывезли из Чечено-Ингушетии офицеры и солдаты войск НКВД тогда, в 1944, и в последующие годы. Холодное оружие, старинные рукописи, книги, уникальные украшения, носильные вещи разошлись по всей стране. Что осталось от военных, стало достоянием людей, хлынувших в опустевшие города, поселки и аулы из соседних территорий. Когда смоленские погорельцы, как они называли себя, покидали наш родовой, выкупленный у них, аул, они увезли многие наши вещи. И мы с матерью не посмели потребовать, чтобы их оставили на месте.

В Пожай-Юрте вернувшимся из выселения единоверцам некоторые дачестанцы не возвращали даже детские люльки, старинные котлы и кумганы для омовения. Они хоть кладбища сохранили. А люди иной веры крушили старинные надмогильные плиты, используя их под фундаменты зданий, для мощения дорог и улиц. Строгательно расписанные надмогильные камни-чурты, к примеру, были использованы для сооружения свинофермы в нашем селе.

Но и то, что осталось после всех перечисленных и неизвестного количества других фактов вандализма, изумляло специалистов Центра. Некоторые из них стали из года в год приезжать в республику, якобы помочь в учете и изучении памятников, а на деле, как выяснилось потом, чемоданами и опечатанными ящиками увозили самое ценное из найденного в безлюдных горах при вскрытии древних захоронений, солнечных могил, раскопках городищ и поселений, представляющие огромную научную и материальную ценность.

К стыду нашему, имели место и факты, когда местные невежественные люди использовали каменные блоки от разрушенных зданий, жилых и культовых сооружений для строительства жилья,

скотских помещений и оград. В башнях и других старинных сооружениях они держали скот, устраивали кострища, мойку овец. Их примеру стали подражать и работники некоторых колхозов и совхозов, ежегодно пригонявшие свой скот на горные выпасы в летнее время.

Надо было принимать срочные и действенные меры, чтобы спасти от полного исчезновения все то, что сохранилось из культурного прошлого народа. Нужно было создавать музеи, заповедники, охранные зоны, брать на учет и госохрану памятники истории и культуры по всей территории республики.

В результате многочисленных обсуждений с учеными-историками, этнографами, археологами, работниками лесного хозяйства и краеведами образовался большой список разумных предложений. Сюда вошли: создание двух историко-культурных, археологических и природных музеев-заповедников (Аргунского – в Чечне и Джейрахско-Ассинского – в Ингушетии) научно-производственного объединения «Рестаурация» с проектной группой, создание музея М.Ю. Лермонтова на хуторе Парабоч, а также музея Терско-Гребенского казачества в станице Червленая в том же Шелковском районе, музея Арби Мамакаева в селе Надтеречное, Магомед Мамакаева в селе Ачхой-Мартан, Сугаипа Гайсумова в селе Богатой Шалинского района, Краеведческого музея в селе Махкеты Веденского района, Гапура Ахриева в селе Фуртуонг Назрановского района, а также ремонта и расширения музеев в городах Малгобек и Назрань, музеев С. Орджоникидзе в селе Мужичи Сунженского района и А. Шерипова в селе Советское (Шатой). В перспективе планировалось создать музеи в каждом районном центре.

Мы имели принципиальную договоренность принять и перевести в ранг государственных прекрасные народные музеи: нефтяников в Старопромысловском районе города Грозный и железнодорожников в городе Гудермес. Кстати, работы по созданию музея М.Ю. Лермонтова были начаты: нам была фактически передана бывшая усадьба помещика А.А. Хастатова, был назначен первый директор – Николай

Бренин, историк, бывший директор Дома пионеров в ст. Шелковская, выполнял работы по восстановлению ограды и парковой зоны. Таким образом, музеификацией охватывалась вся республика. Именно это обстоятельство послужило, видимо, для В.К. Фотеева основанием назвать меня фанатом музеификации Чечено-Ингушетии при встрече с министром культуры РСФСР Ю.М. Мелентьевым.

Год 1988 начался целым «залпом» ввода новых учреждений и организаций культуры. Республиканский историко-краеведческий музей с 1 января был преобразован в Чечено-Ингушский государственный объединенный музей. В его состав, на правах филиалов, были включены Старогладковский литературно-этнографический музей Д.Н. Толстого, музей А. Шерипова в селе Шатой.

Новый статус позволял расширить штаты работников, немного повысить заработную плату, создавать в его составе новые филиалы. Объединение музея повышало его престиж, что также имело немаловажное значение.

С момента ввода театрального здания в нем размещались русский драмтеатр имени М.Ю. Лермонтова и Чечено-Ингушский драмтеатр имени Х. Нурадилова с двумя труппами. Чтобы снять символический момент», здание задолго до меня было передано в эксплуатацию созданной для этого администрации так называемого Республиканского театрально-концертного зала. Такой надстройкой создали трудности как для русского, так и для национального театров. Зданием единолично распоряжался директор РТКЗ. Каждый из двух театров имел возможность работать на сцене лишь по несколько дней. Таким образом, чеченская и ингушская труппы могли воспользоваться сценой лишь по семь дней. Это, естественно, вызвало глухое недовольство.

Было много других неудобств и поводов для взаимных обид, в театральные актеры – публика довольно эмоциональная. В тех условиях некоторые излишне политизированные личности во всех трех труппах старались использовать ситуацию в интересах, не всегда связанных с творчеством.

Мною было принято решение упразднить администрацию

РТЗК, здание передать в управление русскому драмтеатру, а за счет освободившихся штатов создать администрацию ингушского театра. Официально ингушский театр был создан 1 января 1998 г. и размещен вместе с театром кукол в здании бывшего Дома инженерно-технических работников (ДИТР), а после своего создания в 1934 году – чечено-ингушский драмтеатр. Директор РТЗК Владимир Васильевич Ковтун был переведен на новую должность – заместителем Министра культуры по строительству, ремонту и материально-техническому обеспечению учреждений культуры и искусства.

Противников такой реорганизации не было, таким образом и этот, во многом искусственный узел, был развязан.

Чтобы не возвращаться к теме ингушского театра, должен сказать, что за три с половиной года своего существования его коллектив не завершил постановку и не сдал ни один новый спектакль.

Главный режиссер театра Мустафа Беков обладал бесподобной способностью к эффектной позе, но оказался бесплодным как художник. Свою творческую несостоятельность он с лихвой компенсировал, разыгрывая карту отделения «обделенной» Ингушетии от «метрополии» – Чечни. Кстати, как только была создана Республика Ингушетия и театр переехал туда, сама труппа от услуг М. Бекова напрочь отказалась.

Настоящим прорывом, во всяком случае, его началом, было, по-моему твердому убеждению, создание с 1 января 1988 года Научно-производственного объединения по учету, охране и реставрации памятников истории и культуры с производственно-проектным бюро. До тех пор из выявленных и взятых на учет более 1200 памятников истории, культуры, архитектуры и археологии, лишь 13 были в установленном законом порядке взяты под охрану государства.

Уникальные памятники башенной культуры, остатки древних замковых сооружений, культовые объекты, ансамбли (в том числе, религиозного назначения), достопримечательные места, творения, созданные человеком или совместные творения человека и природы,

многочисленные природные ландшафты, места, связанные с жизнью исторических личностей находились на списочном учете, на них не были составлены паспорта, не было решений уполномоченных органов государственной власти и управления о принятии их на учет и охрану.

Приезжавшие к нам из года в год специалисты из Москвы, проводя лето на гостеприимной земле, проводя раскопки в собственных интересах, уезжали с увесистыми багажами, предварительно отправив по почте изрядное число посылок. Никто не знал, что они увезли, что они увезли и куда подевались предметы старины чисто нашего национального культурного наследия.

Производственно-проектная группа и НПО «Реставрация» для нас и создавались, чтобы обеспечивать весь цикл работ по учету, охране и реставрации уникальных памятников истории и культуры на территории республики силами своих местных специалистов.

Директором НПО был назначен Яндаров Аэрудзин. Выпускник Грозненского нефтяного института, он работал в строительных организациях, в последнее время руководил крупной монтажной организацией. Признаться, я был удивлен, когда он согласился возглавить новую организацию с такими специфическими задачами, как реставрация памятников. Предприятие создавалось с нуля, ни в какой степени снабжения включено не было, средства были выделены только на зарплату небольшой группе сотрудников.

«Секрет» вскоре раскрылся с самой приятной стороны. Угрюмый на вид, малоразговорчивый и довольно категоричный Руслан, как его обычно звали, оказался разносторонне образованным, интеллигентным человеком, большим любителем истории и всего, что связано с прошлым своего народа. Он умел прекрасно рисовать, шрифтовать по металлу, выжигать по дереву и конструировать. Кроме того, имея солидный опыт организатора производства, знакомство в среде строителей, он быстро создал вокруг себя команду из специалистов, любящих культуру и готовых работать над сохране-

нием богатого наследия, доставшегося нам ценой огромных утрат и лишений на протяжении долгого времени.

В республике уже были молодые и энергичные ученые: историки, архитекторы, археологи и этнографы, ищущие материальные свидетельства прошлого народа, которого некоторые титулованные чиновники от науки за чеченцами не признавали, а если с чем-то и вынуждены были согласиться, то преподносили это в невыгодном свете, мазали темными красками.

Предстояла большая, крайне тяжелая и длительная работа по поиску, изучению, постановке на учет, государственную охрану, ремонту, консервации, реставрации и использованию тысяч обнаруженных объектов культурного наследия народов республики – чеченцев, ингушей, казаков, кумыков, ногайцев, аварцев и других.

И службу, созданную специально для этого, возглавил человек, глубоко осознающий цели и задачи, знающий, как и что делать, особенно на первом организационном этапе. А. Яндаров был не только толковым специалистом, он представлял славную фамилию, подвинувшую своему народу достойных сынов и дочерей – военных богословов, ученых.

Радовало то, что новая структура сразу же заработала. В Шатойе и Итум-Кале были начаты работы по реставрации старинных боевых башен, мечетей и других объектов.

Скептики утверждали, что в наше время найти в республике мастеров по камню невозможно. Поддавшись этому мнению, мы начали искать строителей в Дагестане. Там башен не было или осталось и специалистов не нашлось. Несколько человек из Кендала, что нынче в Шароевском районе, согласились было работать, но заломили нереально высокую цену.

Мастера нашлись в самом неожиданном месте, в центре республики. На наш призыв в газете «Грозненский рабочий» откликнулись несколько жителей старинного чеченского селения Герменчук. К сожалению, у меня не сохранилась в памяти фамилия того мастера, однако, он, восстановив сторожевую башню у въезда в Шатой, до

решил, что чеченцы не только сами возводили башни, но и способны возродить их через восемь или десять веков.

И не мистик, но с тех пор не могу освободиться от мысли: как странно тогда пошли наши дела по реставрации памятников и как неожиданно все это обрушилось в одночасье, будто взглянула какая-то буднично нечистая сила.

А ведь и впрямь все складывалось здорово.

В 1988 году было принято Постановление Совета Министров ЧИИ АССР, а в Министерстве культуры РСФСР издан приказ о создании на территории Чечено-Ингушетии сразу двух историко-архитектурных и природных музеев-заповедников – Аргунского в Чечне и Джейрахско-Ассинского в Ингушетии.

Аргунский музей-заповедник охватывал территорию пяти районов, бывших до 1944 года в составе ЧИАССР, и призван был обеспечивать учет, охрану, ремонт, реставрацию и использование памятников истории, культуры, архитектуры и природы в верховьях реки Аргун и его притоков Шаро-Аргун и Чанти-Аргун в пределах хребтов Микажойской, Итумкалинско-Хаскалинской, Майстинско-Малкестинской и Ялхорой-Галанчожской котловин, словом, на всем южном широким Чечни.

На территории музея-заповедника было учтено свыше ста пятидесяти каменных башен различного назначения, сотни старинных сооружений с языческими, христианскими и мусульманскими культурными сооружениями различной степени сохранности. Башенные сооружения, укрепления крепостного типа, мавзолеи, некрополи, все это содержали богатейшую знаковую информацию, неизученную до сих пор. Район практически не был исследован археологами, этнографами и природоохранными службами.

Места эти за период заселения подвергались многочисленным войнам завоевателей. О людях, живущих в каменных башнях, а о том, что эти башни подверглись разрушению, писали еще летописцы титро-монгольских завоевателей.

Жесточайшие разрушения были здесь произведены в период

Кавказской завоевательной войны, которую вела царская Россия почти все XIX столетие. После завершения боевых действий башни и другие каменные строения разбирались на сооружение военных учреждений, а потом и крепостей – Шатойской, Евдокимовской и Воздвиженской.

В период коллективизации, в предвоенные и особенно в годы войны с немцами, во время и после выселения чеченцев войска НКВД разрушали все, что, по их мнению, могло быть использовано людьми, скрывавшимися от властей. В результате на огромной территории, где не ступала вражеская нога, не упала ни одна немецкая бомба, не взорвался ни один вражеский снаряд, были взорваны башни, мечети, мавзолеи, склепы, жилые и хозяйственные строения словно враг прошел по нашим горам.

А то, что сотворили федеральные войска, начиная с декабря 1994 года, предстоит еще описать историкам, разгребать архивы, гам и оплакивать «спасенному» в очередной раз «старшим братом» чеченскому народу.

Работа в 2003–2005 годах в аппарате Министерства культуры ЧР, мне довелось участвовать в работе II съезда органов охраны памятников истории и культуры Российской Федерации, проходившего в Санкт-Петербурге.

18 июня 2003 года проходил обмен мнениями – представители министерства и центральных учреждений отвечали на вопросы делегатов. В своем выступлении директор Государственного института искусствознания А.И. Комеч заявил о том, что готовятся к изданию черная, красная и белая книги. Задача этой акции – зафиксировать методом зрительного ряда состояние памятников истории и культуры в Российской Федерации.

За четыре дня съезда о Чеченской Республике и состоянии там дел с охраной культурного наследия не было произнесено ни одного слова. Я воздерживался от выступления и вопросов, чувствуя, что съезд – не место для обнажения чеченских ран: руководство поймет, делегаты промолчат.

А здесь я не удержался и с места задал вопрос:

— Собираетесь ли вы включать в эти книги разрушенные в Чечне памятники Чечни, и если – да, то в какую – черную, красную или белую?

А.И. Комеч ответил в том смысле, что следов вандализма в отношении памятников культуры со стороны российских войск в Чечне нет, на что я заметил:

— Вы считаете, что Грозный, основанный в 1818 году, как российская крепость, памятники Л.Н. Толстому, М.Ю. Лермонтову, А.П. Честому, А.С. Полежаеву, Республиканскую библиотеку с двух с половиной миллионным фондом книг, Государственный музей, перевезенный в 1992 году в великолепное здание – памятник архитектуры, бывший Азово-Черноморский банк, с стапятьюдесятью тысячами единиц хранения, многие десятки древних, совершенно уникальных башен, замков и склепов в горах разрушил святой дух?

Помолчав, Алексей Иванович сказал:

— Башни в горах войсками не разрушались.

— Извините меня, но вы, похоже, не владеете обстановкой или не хотите сказать правду. Вот я передаю вам доказательства.

Тут вмешалась Н.Л. Дементьева, первый заместитель Министерства культуры РФ.

— Давайте здесь без политики, – потребовала она.

— Я задал совершенно конкретный вопрос. Что же до политики, то Чечни, вот уже триста лет, – сплошная политика, – ответил я и сел.

В наступившей тишине А.И. Комеч произнес:

— По сути, я согласен с вами. Мы включим в книгу (он не указав, в какую) один-два снимка. Но, по сути, я с вами согласен.

— И на том спасибо, – с места поблагодарил я известного учебного искусствоведа.

Я видел, как ему передали ксерокопию газетной статьи и обвинительную справку директора Аргунского музея-заповедника Саида Саратова. Статья в Урус-Мартановской газете «Маршо» за 8 февраля 2002 года называлась «Опальные башни». В подзаголовке ставился

вопрос: «Кто ответит за гибель уникальных памятников истории и культуры? Вопрос не праздный». Был опубликован снимок разбитой стрельяной Ушкаловской второй башни.

«Обстрел велся из зенитной установки с расстояния двадцати пяти–тридцати метров. Выпущено восемь снарядов. Рельеф местности таков, что пришлось развернуть зенитную установку на девяносто градусов, чтобы бить по башне прямой наводкой. Это одно из свидетельств того, что обстрел проводился преднамеренно с целью уничтожения башни.

Установлено, что акт вандализма совершен группой солдат из колонны Центрподвоза, следовавшей из Ханкалы в Итум-Кавказ. Руководил колонной подполковник С.К. Карасев. Старшим расчетом являлся старший лейтенант С.В. Абдурашидов, водитель КАМАЗа № 431101 госномер М 46-75 ОЖ зенитной установкой Р.В. Морозов. Все военнослужащие из войсковой части № 63143».

Уже за столом А.И. Комеч внимательно прочитал статью и передал Н.Л. Дементьевой. Та прочитала, покачала головой и отодвинула бумаги в сторону.

В перерыве известные деятели культуры, ученые и функционеры российской культуры останавливали меня, жали руку, говорили слова поддержки, вручали визитки.

Петербургцы подвели меня к столу, на котором стояла университетская коробка.

– Здесь книги, журналы, законодательные и нормативные материалы, регулирующие весь процесс организации и ведения реставрации, – сказали они. – Обращайтесь смело, окажем любую помощь.

– Вы своим невинным вопросом вставили им в одно место горящий фитиль, – громко заявил подошедший бородач. – Я профессор такой-то, вот моя визитка. Позовите – приеду, помогу всем, чем располагаю.

Товарищи из Якутии, Хакасии, Бурятии и Тувы подошли целой гурьбой.

— Готовы быть вам полезными, однако, живем далеко, — с сожалением говорили они.

Я понимал теперь, что люди молчат не потому, что поддерживают политику Ельцина и Ко, а потому, что поставлены властью в положение безмолвного наблюдателя перед случившимся фактом.

Уже дома я узнал, что военные ведут подготовку для строительства и инженерного оборудования городков для десятка пограничных отрядов на территории Аргунского музея-заповедника. Говорить или кричать, что это запрещено законом, губительно для множества памятников, природных ландшафтов, было бесполезно. Призывать руководство республики занять жесткую, бескомпромиссную позицию — бессмысленно.

Случился инфаркт, и пришлось отойти в сторону. Признаться честно, и смелости прежней не было. Пишу эти строки для очистки совести, быть может, полегчает, но вряд ли.

Я привалю свою рукопись в конце 2008 года. Слышал, что на территории Аргунского музея-заповедника построено более десяти пограничных застав. В сторону гор, где еще сохранились некоторые памятники на территории Чечни, до сих пор летают боевые самолеты и вертолеты. Может, грузин пугают, а может, бомбят убежища повстанцев. А что же будет с уникальными памятниками истории и культуры? Кто ответит за их уничтожение на этот раз? Одному Богу известно.

А тогда мы все были полны оптимизма, думали, что поймали и крепко держим в руках бороду собственного будущего.

Ко мне случайно попала ротاپринтная копия постановления Совета Министров ЧИ АССР от 2 января 1989 года № 3 «О передаче памятников истории и культуры на баланс Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры ЧИ АССР».

Этим постановлением на баланс Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры передавалось тринадцать зданий, шесть из которых использовались под

конторы организаций жилищно-коммунального хозяйства, семь правительственные учреждения, в том числе Совет Министров и министерство культуры ЧИАССР.

До принятия этого Постановления на госохране состояло всего тринадцать объектов:

городище «Ханкальское»,
дома, в которых жили А.Д. Шерипов и Н.Ф. Гикало в Грозном,
памятники В.И. Ленину,
обелиск героям гражданской войны,
памятник пожарным, погибшим в годы Великой Отечественной войны (архитектор В.И. Мамилов),
шесть братских могил красноармейцев, павших в г. Грозном в период стодневных боев в Гражданскую войну.

Одновременно, в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 21 ноября 1969 года № 642, в два раза повышались ставки арендной платы за помещения в зданиях-памятниках, находящихся под государственной охраной и сдаваемых в аренду для торговых, промышленных, складских, канцелярских (по-нынешнему – административных, то есть для офисов) целей.

Здесь умышленно указаны даты и годы принятых и действовавших тогда в Российской Федерации законов и нормативных актов с тем, чтобы показать, с каким запозданием пришлось нам реагировать на них в своей республике.

Еще одно событие мы расценивали тогда, как подарок судьбы. Наконец решился вопрос о передаче нам под музей старого здания обкома КПСС.

Этот гордый красавец-особняк, украшавший нашу столицу, был построен в 1905 году для Азово-Черноморского банка, по средствам англо-голландско-немецкой фирмы, разрабатывавшей недра Чечни.

В 1924 году здесь разместился обком партии. Здание могло бы прослужить еще сотню лет, но разбухшему непомерно аппарату обкома потребовались новые апартаменты.

А.В. Власов начал строить новое здание, однако воспользоваться им не успел. Теперь весь девятый этаж занимали новый первый секретарь обкома и его секретариат.

По-моему, как человек, Владимир Константинович Фотеев отличился этой помпезностью, а сменивший его Доку Гапурович прожил за два с лишним года своего секретарства так и не поднялся на этот «капитанский мостик».

Но знаю, сколько было помещений в старом здании, когда здесь размещался банк, но когда его передали министерству культуры, мы получили девяносто четыре кабинета.

Музею, разумеется, требовались просторные залы с переходами, светом и воздухом. Поэтому сразу были начаты работы по разбивке стен и перегородок. Это была тяжелая работа. В трехэтажном здании не было лифтов. Разборка, вынос строительного мусора, погружка его на автомашины – все приходилось делать вручную.

У министерства не было грузовых машин, услуги транспортных компаний нам были не по карману. Приходилось слезно просить друзей и знакомых о помощи.

Без щедро оказало нам Аргунское АТП объединения «Сельхозтехника», где директором был Турко Даудов, а главным диспетчером – мой племянник Бадруддин Киндаров, сын старшего брата Харона.

Трудность заключалась в том, что машины они могли присылать лишь в вечернее и ночное время, так как днем они были заняты на своих работах. Водители, несмотря на усталость, делали по два и три рейса, отвозя на свалку битый кирпич, штукатурку и прочий мусор. Они понимали, в каком важном деле принимают участие, и вместе с нами торопились поскорее очистить заваленный двор будущего главного музея своей республики.

Одновременно с переустройством внутренних помещений разрабатывался проект пристройки, равный по площади старому зданию, чтобы перевести сюда музей изобразительных искусств

имени академика П. Захарова, размещавшийся на первом этаже жилого дома.

В старом музее, готовясь к переезду, производился переучет и ревизия фондов, составлялись планы будущих экспозиций, множились эскизы, отбирались экспонаты.

Мы обратились в министерство культуры РСФСР, в Московские и Ленинградские музеи, а также в музеи Ростова-на-Дону, Воронежа, Краснодара, Ставрополя, Астрахани, Орджоникидзе (Владикавказ), Нальчика, Махачкалы и Элисты с просьбой помочь нам, особенно за счет предметов, так или иначе связанных с Чечено-Ингушетией, ее историей и культурой. Мы выражали готовность принять музейные вещи в дар, обменять, выкупить, соглашались на копии и муляжи.

Мы уже имели принципиальную договоренность с коллегами из Воронежа, Ростова и Херсона о том, что их специалисты окажут помощь нам при создании новых экспозиций.

Однако судьба музея сложилась трагично, о чем я постараюсь рассказать.

В начале января 1989 года меня вместе с министром просвещения Мовтаевым Султаном Махмудовичем направили в Москву на месячные курсы по переподготовке партийных и советских кадров при Академии общественных наук при ЦК КПСС. У меня имелись серьезные планы использовать время пребывания в столице для решения и согласования многих вопросов.

Академия теперь размещалась не на Миусской площади, где мы учились, а на юго-западе Москвы, в новом, специально построенном, городке. Это был целый комплекс с аудиториями, актовыми залами, общежитиями и культурно-спортивными сооружениями.

Большие изменения произошли в учебных планах, методике занятий и в лекторском составе. Среди выступавших перед нами было много новых имен, известных своими трудами, званиями, выступлениями в электронных и печатных средствах массовой информации. Вызвавшие вначале большой интерес и надежду

Ивановы – гласность, перестройка, новое мышление и т.д., не давали никаких результатов, во всяком случае, на местах, порядком повкусили и набили оскомину. Такое мнение разделяли и многие выступавшие перед нами.

Для нас представляли интерес общение с коллегами, выступления с мест, семинарские занятия, ну и, конечно, сама Москва – ее театры, музеи, концертные залы.

Мы с Сулганом жили вместе, у обоих здесь были однокашники, друзья и коллеги по работе, так что наш номер по вечерам представлял интернациональный клуб, интерес к которому подогревало и наше традиционное гостеприимство, разумеется, с коньяками «Павша» и «Эрзи».

Было приятно встретиться с начальником Управления культуры Херсонского облисполкома Виктором Чупрыной, с которым мы крепко подружились, когда прошедшей осенью я находился там, в Грозном, во главе большой делегации.

Уже прошло несколько лет, как Чечено-Ингушетия побраталась с Херсонщиной. Мы ежегодно обменивались делегациями, с радостью принимали общительных, веселых, танцующих, поющих гостей из Украины, и сами ездили к ним с удовольствием.

Хозяева достойны гостей, – говорил Чупрына, – но гости уходят, ибо они уедут.

– Ну, а здесь кто из нас гость, а кто хозяин?

– А здесь хозяев нема, – отвечал он. – Москали они и у нас наши гости, и здесь наши гости – харчи-то всегда наши. Ну, а мы здесь всегда гости.

Виктор Чупрына – известный художник. Он бы расстроился, узнав, что его прекрасная картина «Корзина с виноградом», подаренная мне, сгорела в ночь на 1 января 1995 года вместе с моей квартирой в Грозном. Слишком горячими оказались «приветы» из родной России.

А пока мы наслаждались воздухом гласности, смело критиковали руководство, строили планы на будущее, которое виделось нам

только в единстве всех народов великой страны, в новом сообществе названном советский народ.

Не могу припомнить точную дату, но в последние дни февраля в большом актовом зале Академии проходила встреча слушателей курсов с работниками ЦК КПСС.

В зале-амфитеатре сидели руководители отделов, управлений и министерств всех областей, краев, автономных и союзных республик Советского Союза, занимающихся вопросами культуры и просвещения. За длинным столом на сцене разместились строны и одинаково одетые солидные мужи. Они старались вести себя демократично в соответствии с новым веянием, – улыбались, кивали головами, помахивали руками знакомым в зале. Встречу открыл первый заместитель заведующего организационным отделом ЦК Я.П. Разумов.

– Надеюсь, наш разговор пройдет в духе товарищества и открытости, нам необходимо знать ваше мнение, настроение, а через вас и всей интеллигенции страны, – таков был смысл короткого вступления председательствующего.

Однако встреча проходила по давно накатанной схеме. Докладчики делали самоотчеты, критиковали состояние дел на местах, цитировали классиков, генсека М.С. Горбачева, говорили о новом мышлении, перестройке и т.д. А вот в чем новизна этого мышления, что такое перестройка, на деле понять по-прежнему оставалось сложным. Появившийся было вначале интерес находившихся в зале угасал, люди тихо переговаривались или сидели «при полном отсутствии всякого присутствия».

Один из замзавотделов ЦК в своем выступлении заявил:

– Мы в ЦК серьезно озабочены складывающимися межэтническими отношениями в Чечено-Ингушской АССР. Конкретно – в растущей напряженностью между чеченцами и ингушами.

Мы с Султаном Мовтаевым удивленно переглянулись, а сидящие рядом коллеги стали бросать нам шуточные реплики:

– Что вы там не поделили, может, помочь?

— Этого так оставлять нельзя, — говорю я Султану по-чеченски, выходящую и, перебивая докладчика, спрашиваю:

— Извините, товарищ, но вы только что на всю страну, — окинув взглядом зал, — заявили о том, что в нашей республике межэтнические отношения складываются напряженно. Мы здесь в первом из Чечено-Ингушетии: я — министр культуры, Киндаров той фамилия, и вот министр просвещения Мовтаев. Правда, мы оба чеченцы, но тесно связаны с ингушами по работе и родственными отношениями. Мы ничего подобного тому, что могло бы говорить о какой бы то ни было напряженности между чеченцами и ингушами, по крайней мере, до нашего выезда сюда, не видели, не слышали и не чувствовали. Скажите, откуда у вас такая информация?

Докладчик заметно смутился, но быстро справился с собой и со знакомой вельможной интонацией произнес:

— У нас, в ЦК, много возможностей получать информацию.

— Не сомневаюсь, — вновь перебиваю его, — но здесь много говорили о гласности. Вот я и спрашиваю, откуда у вас именно эта информация. Выходит, что мы — два члена правительства республики, а Султан Махмудович еще и член обкома партии, ничего не знаем о том, что происходит в своей маленькой республике. Но это не так.

Цепляник смотрит на Я.П. Разумова, мол, уймите его, а тот раздраженно замечает:

— Договаривайте, раз начали.

— Мне об этом говорил секретарь обкома партии по идеологии Бокон, — помедлив, произносит докладчик.

— Вот так рождается очередная неправда, — говорю я, обращаясь к залу. — Во-первых, Хажбикар Хакяшевич Бокон уже около десяти лет как работает Председателем Президиума Верховного Совета ЧИ АССР. Во-вторых, если даже допустить, что он нечто подобное и говорил, то этим он бы наговаривал на себя, ибо секретарь обкома по идеологии в первую голову отвечает за межнациональные отношения в республике. Или я ошибаюсь? Думаю, что здесь дело

в другом. Говорить о Чечено-Ингушетии только плохое, видеть у нас только негатив, собирать и сообщать сюда информацию только о недостатках выгодно тем, кого из центра постоянно направляют к нам «на ловлю счастья и чинов».

Взять хотя бы тот факт, что у нас за тридцать два года с момента восстановления республики ни один чеченец или ингуш не были на должностях секретаря обкома по кадрам и оргпартиработы, нефти и промышленности, министра внутренних дел, прокурора республики, председателя Верховного суда, председателя КГБ, военного комиссара, управляющего Госбанком, руководителями многих других важнейших учреждений. И это при том, что чеченцев и ингушей в республике почти восемьдесят процентов, а всего уже более миллиона.

Первым секретарем обкома партии не был ни один представитель коренной национальности за все годы существования Советской власти и парторганизации в республике. Это говорит о политическом недоверии к народу. Мы учимся в одной советской школе, состоим в одной пионерской, а затем комсомольской организации, заканчиваем те же высшие учебные заведения, что и другие. Наконец, состоим в единой Коммунистической партии, но доверие к нам разное.

Чеченцы мужественно воевали в составе российских войск с единоверной Турцией в XIX веке, с Японией и на фронтах первой мировой войны уже в XX столетии. Кто из вас в зале слышал о герое войны с турками Орце Чермоеве, выросшем из рядовых до генерала русской армии? Кто из вас знает, что одним из первых зачинателей партизанской войны против наполеоновских войск был чеченец Александр Чеченский, ставший также генералом Российской армии? Кто слышал о полном генерале Эрисхане Алиеве, чей полк единственный не отступил ни на шаг в русско-японской войне, а потом на основе этого полка была сформирована «Дикая дивизия», разгромившая знаменитую «Железную дивизию» немцев

и обеспечившая в первую мировую прорыв немецкого фронта, названная потом Брусиловским?

Царизм жестоко уничтожал наш народ, но и тогда в русской армии были сотни офицеров, более десяти генералов чечено-ингушской национальности. А за годы Советской власти ни один чеченец ни ингуш не удостоены чести быть генералами Советской армии. Как перевелись достойные? Нет, конечно.

Чеченцы храбро воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Наши национальные полки легли под Ростовом и Сталинградом. А нам подбросили грязную клевету об измене, о каком-то выском коне, якобы подаренном Гитлеру. Кто, где, когда это сделал, это видел, не говорят. И не скажут, ибо этого никогда не было. Уверен, многие из вас даже не знают, что немцы ни одним шагом не ступали на землю Чечено-Ингушетии.

— В Афганистане, — я достал блокнот из внутреннего кармана, — как говорил недавно на заседании Правительства военком республики полковник Куницын, из Чечено-Ингушетии воевало более одной тысячи четыреста шестьдесят юношей, из них во время войны один погиб, сто один ранен, семьдесят пять процентов награждены орденами и медалями. Чеченец Руслан Хачукаев в первые месяцы войны, когда еще не присваивали геройских званий, бесспорно награжден орденом Ленина, ингушу Руслану Аушеву присвоено высокое звание Героя Советского Союза. — В зале уже третий раз аплодировали, но я не мог остановиться. — Однако, я считаю не это главным, а то, что было сказано нашим военкомом раньше.

— Никто из наших ребят не сдался в плен, не пропал без вести и даже не потерял личного оружия. Так именно — «из наших ребят» — сказал военком, кстати, русский по национальности. Вот чем я горжусь.

Теперь дружно зааплодировал, я устало плюхнулся в кресло. Из аплодирующий Султан обнял меня и воскликнул по-чеченски:

— Теперь и смерть не страшна.

В наступившей тишине Я.П. Разумов четко произнес:

– Вы, товарищ Киндаров, говорили об очень серьезных вещах. Я обещаю вам довести вашу озабоченность до сведения секретаря ЦК товарища Разумовского Г.П.

Но тут я безотчетно допустил мальчишескую выходку. Вскочил и бухнул:

– А я в этом как раз и не сомневаюсь!

Сообразив, что получилось как-то двусмысленно, я продолжил:

– Тут я говорил о недоверии, но я имел в виду не лично себя. Мне уже за пятьдесят, и я попал в культуру, а оттуда выходов всего два: на пенсию или вперед ногами.

В зале раздался дружный смех, все захлопали. Сидевший передо мной с серьезным лицом ведущий улыбнулся и развел руками.

В перерыве ко мне бросились товарищи из братских республик, украинцы тесно окружили и пробовали даже покачать. Но отбился.

– Молодец, – коротко сказал министр культуры РСФСР Ю.С. Мелентьев, крепко пожимая мне руку.

Одобрил мое выступление и находившийся с ним рядом министр просвещения РСФСР.

Здесь роль сыграла, конечно, не моя личная смелость. Накопилось, а тут выпал случай. Да и время было другое – гласность все таки. Однако, надо признаться, я был доволен, что не промолчал.

– Интересно, – спрашивал я потом коллегу Султана, – как к этому отнесутся дома? Им, наверное, уже сообщили о моей партизанской выходке?

К моему большому удивлению, дома никто о моем московском экспромте не заговаривал. Лишь новый заворг обкома Александр Васильевич Шаршавых ехидно заметил при встрече:

– Все-таки не удержался, толкнул речь перед широкой аудиторией.

Я сделал вид, что не замечаю подковырку, и коротко сказал:

У тебя совершенно точная информация.

Ни тогда, ни теперь, когда пишу эти строки, у меня не было и нет такой самонадеянности, будто мое выступление могло иметь существенное значение для перемен, начавшихся вскоре в республике.

Министра юстиции Идриса Абуевича Албастова назначили председателем Верховного суда. В КГБ первым заместителем председателя назначили Завалу Исаева. Министром внутренних дел стал У.А. Алисултанов. И уж совсем невиданное и непредвиденное произошло в обкоме КПСС. Впервые за всю коммунистическую историю первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС стал чеченец Доку Гапурович Завгаев. Причем, был избран на альтернативной основе.

Примечательно, что на эту должность ЦК КПСС выдвигал бывшего в начале 80-х годов первым секретарем Грозненского горкома КПСС, а до того заведующим орготделом обкома партии Семенова Николая Ивановича. Он был брошен к нам на укрепление после ингушских событий в 1973 году из города Таганрог. Николай Иванович проявил себя, на мой взгляд, с довольно положительной стороны. Он сделал немало для развития и обустройства Грозного. Как сильного и перспективного работника его от нас направили секретарем ЦК в Калинин, а оттуда он был отозван в Москву, в ЦК.

И уже совершенно интересно лично для меня было то, что на областную конференцию с кандидатурой Н.И. Семенова приехал тот самый Я.П. Разумов.

Но на дворе было лето 1989 года, авторитет ЦК и КПСС в обкоме «великий перестройщик» М.С. Горбачев заболтал и почти повернул, а наши местные, как вайнахи, так и русскоязычные, не прокинулись воспользоваться этим. Я не был избран в новый состав обкома, но о развернувшейся на организационном Пленуме борьбе за пост первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС слышал от непосредственных участников.

Увидя Николая Ивановича Семенова и считая его достойным кандидатом, партийную организацию республики, я был, однако, очень

рад избранию Доку Гапуровича Завгаева, которого по-хорошему знал многие годы. Пройдя все ступени партийно-советской иерархии до второго секретаря обкома партии, он имел достаточный опыт руководства и личные качества, чтобы возглавить республику.

Об этом, при первой же встрече после его избрания, я ему и сказал без тени подхалимажа. Вместе с тем, я не удержался от чистосердечного товарищеского совета.

– Этого без преувеличения исторического события наш народ ждал уже двести лет, и нельзя допустить хотя бы малейшего обмана его надежд. Ты с этим справишься, но при одном неременном условии: подбери себе сильную команду, поставь рядом людей, которые имеют собственное мнение и не побоятся сказать тебе «нет», когда ты будешь неправ или начнешь совершать ошибки, от которых никто не застрахован. Тем более, что теперь тебе могут и «помочь» в этом.

Свидетель тому Господь Бог и здравствующий поныне сам Доку Завгаев.

Он что-то пометил себе в раскрытый блокнот, и спросил:

– А кто, по твоему мнению, в моей команде не на месте?

Я знал, что совершаю ошибку, но решил быть предельно честным перед товарищем.

– Нынешний второй секретарь – человек беспринципный, пьяница и шовинист – ни помощником, ни опорой тебе не будет. Строительство курирует грамотный, подготовленный товарищ, но очень высокомерный, чванливый и грубый чиновник, за что его крепко не любят во всей отрасли. Идеологией занимается опытный аграрий, ученый, выдержанный и воспитанный человек, но никакой не идеолог. Заведовать отделом пропаганды и агитации вы поставили человека крайне национал-шовинистических убеждений, еще с комсомольских лет недояльного к нашему народу, совершенно неподготовленного для работы с интеллигенцией и средствами массовой информации.

Д.Г. Завгаеву я, конечно, называл конкретные фамилии, но

считаю это неактуально, да и не имею я права выдавать тогдашнее свое мнение за истину. Хотя последующие события показали, что я было в чем ошибался.

Но тогда Доку Гапурович неожиданно свернул наш разговор, сообщив, что спешит в район.

О нашей беседе я рассказал человеку, которому доверял, на что получил неожиданное резюме:

— Ты навжил себе, по меньшей мере, недруга. Он такие советы не любит и тебе не простит.

У меня вскоре появилось немало оснований поверить ему. В этот период началась масштабная переделка советского аппарата, а потому, захват его партийными функционерами, как в центре, так и на местах. Д.Г. Завгаев стал Председателем Верховного Совета республики. Теперь чаще всего он находился не в обкоме партии, а в личном кабинете председателя Президиума Верховного Совета, на четвертом этаже здания Совета Министров республики. Здесь с недавних пор председательствовал С.М. Беков, работавший до этого заместителем обкома КПСС по идеологии. Свое отношение к культуре Доку Гапурович начал с того, что забрал у нас старое здание обкома КПСС, которое мы уже заканчивали переоборудовать под музей.

О том, что у нас отбирают здание, я случайно услышал от инструктора обкома партии В.В. Исаева, и не поверил ему. Но через день получил распоряжение председателя Правительства. Ошеломленный новостью, я поспешил к Д.Г. Завгаеву. Тот нехотя принял меня, предупредив, что очень спешит. Я стал уговаривать его отказаться от намерения отнять у культуры полученное с такими трудами, в свое время и с его участием, здание, как нельзя лучше подходящее музею. Мы уже почти два года трудились над его переустройством. Достаточно сказать, что из девятисто четырех кабинетов наши работники вручную сделали четырнадцать залов, вывезли горы мусора, начали сооружать пристройку. И все это без единого рубля государственной помощи, своими силами и собственными руками.

— Тебя никогда не поймут ни работники культуры, а их шесть

тысяч человек, ни интеллигенция, ни в целом народ, не делай этого, – чуть ли не со слезами уговаривал я Доку Гапуровича. Но он остался непреклонным.

– Что ты, Абдулла, так расстраиваешься? Я тебе через пару лет новый музей построю, – улыбаясь, заверил он.

– Но это же нереально! Во всей стране, за все годы Советской власти построено меньше пяти музеев, а на всем юге России – только в Нальчике, и то лишь потому, что тогдашний первый секретарь обкома партии Мальбахов был настоящим патриотом своего народа и его культуры, – с нескрываемым укором заметил я.

Но было бесполезно. Уже отчаявшись совершенно, я заявил:

– Мне стыдно сознавать, что русский В.К. Фотеев помог получить нам это здание под национальный музей, а свой, чеченец, отнимает его под контору, хотя имеет новое девятиэтажное пустое здание обкома, в котором спокойно можно разместить и руководство республики, в том числе и Верховный Совет.

– Решение принято. Я же сказал тебе, что мы построим новый лучший в стране музей. И не забывай, что ты на то и министр, чтобы разъяснить своим работникам, а если потребуется, и населению, целесообразность решения обкома партии и правительства республики, – жестко заявил он.

Несмотря на это, я продолжал доказывать Доку Гапуровичу, что под музеи во всем мире передаются старые особняки, сами являющиеся памятниками истории, культуры и архитектуры. У нас впервые за всю историю появилась возможность разместить музей в одном из лучших зданий на всем Северном Кавказе. У нас богатейшие фонды, позволяющие создать в нем уникальные экспозиции. Новый музей сделает вам честь и славу, и наоборот, если заберете здание у культуры, вас не поймет ни один житель республики, умеющий читать и писать.

Но человека, которого я знал с комсомольских лет, которого считал очень перспективным и достойным на самые высокие должности, избранию которого на самые высокие посты в республике

и радовался от всего сердца, будто подменили. Он возомнил себя полноправным хозяином республики, какими были до него Титов, Абреткин и Власов. Словом, новый хаким был неумолим.

На грани нервного истощения меня положили в больницу. Тогда впервые врачи сказали, что у меня ишемическая болезнь сердца и сахарный диабет, предложили перейти на строгий режим и уменьшить стрессовые нагрузки. Легко сказать!

И, тем не менее, первые шаги нового руководства говорили о его серьезных намерениях по решению самых острых проблем: преодолению безработицы (тогда это называлось обеспечением занятости трудоспособного населения), укреплению материальной базы здравоохранения и народного образования, укреплению законности и правопорядка.

И, ура! Был заказан и включен в план «Ленгипрогор» проект нового здания Чечено-Ингушского государственного объединенного музея.

Прошли действительно демократические выборы в Верховный Совет республики, на альтернативной основе было сформировано правительство. В Верховный Совет СССР, а затем и в Верховный Совет РСФСР, были впервые избраны депутаты, пропорционально представлявшие население по его национальному составу. Среди них были весьма достойные люди, такие, как Абузар Айдамиров, Дами Магомадов и другие.

Многое тогда в нашей жизни было впервые: Саламбек Задиев – министр нефтяной промышленности СССР, Руслан Зуббутов – председатель Верховного Совета РСФСР, Асланбек Абдуханов, генерал МВД – председатель комиссии по безопасности и член Президиума Верховного Совета РСФСР, Джохар Дудиев – генерал Советской Армии.

Впервые в Колонном зале Дома Союзов в Москве состоялась церемония по случаю восьмидесятилетнего юбилея со дня рождения великого чеченского поэта Магомеда Мамакаева.

Этот период, без сомнения, казался триумфальным в жизни чечено-ингушского народа.

Поездка в Сирию и Иорданию

В это время состоялось участие Чечено-Ингушской АССР во Всемирной торговой выставке-ярмарке. Она была назначена на сентябрь 1989 года в городе Дамаск, столице Сирии. Здесь Чечено-Ингушской республике впервые был отведен специальный район. Прежде такой чести редко удостоивались даже союзные республики. Для обеспечения культурной программы на выставке и участия в Международном фестивале фольклорного танца решено было направить в Сирию ансамбль танца «Вайнах», усиленный группой солистов филармонии. Возглавить эту поездку было поручено мне.

Вылетели мы из Москвы. Когда самолет приземлился в аэропорту Дамаска и вырулил к вокзальному терминалу, уже вечерело. Из открывшуюся дверь ворвалась жара. Не успели мы выйти из самолета и перейти в просторное здание аэровокзала, как одежда стала мокрой. Нас встречали Николай Иванович Айдинов, назначенный недавно на должность заместителя Председателя Совета Министров ЧИ АССР и министр пищевой промышленности Лечи Мусульчаев Харсанов. Огромную толпу встречавших нас сирийских чеченцев к нам не подпустили.

На шикарном автобусе нас доставили в центр красочно освещенного древнего города в гостиницу «Шема» – так некогда называли Сирию, так до сих пор называют Дамаск и старики-чеченцы.

У подъезда шумела масса мужчин и женщин, протягивая в нашу сторону руки и пытаясь пробиться к нам сквозь плотный ряд полицейских.

– Нохчи бу, нохчи, – заволновались наши ребята и бросились к выходу.

С трудом задержав их, я попросил строжайше соблюдать порядок, который объявил представитель встречающей стороны.

– Наши братья никуда от нас не уйдут. Предупреждаю, сегодня из гостиницы никому ни шагу. Не заставляйте меня, пожалуйста,

воспитывать вас как маленьких и неразумных детей. Мы здесь пробыли достаточно долго, так что успеем пообщаться.

Нас провели в огромный холл пятизвездочной гостиницы с прохладной тишиной, журчащими фонтанами, множеством зеркал и живых цветов. Ребята выстроились у стойки администрации и выслушали ключи от номеров, когда двери гостиницы с треском распахнулись, и в проем повалила шумная толпа. Они кричали что-то по-арабски, отдельные фразы и слова звучали по-чеченски, кто-то пел, другие смеялись. Через несколько секунд все мы оказались в объятиях. Незнакомцы целовали наши руки, лица, одежду и переплывали, словно живых кукол, от одной группы к другой.

Не посмеявшие ринуться в эту ревуще-стонущую толпу отдельные мужчины стояли, широко улыбаясь и разводя руками. По их щекам текли слезы. Эта сцена продолжалась долго и, должно быть, не окончилась до утра, если бы не вмешался какой-то пожилой по-арабски чин.

— Я понимаю ваши чувства, братья, — перевели его слова в арабском, — я сам из адыгов, черкес, но так долго задерживать гостей и работников гостиницы нельзя.

Затем он резко обратился к встречавшим, и толпа расступилась. Порядок был восстановлен. Вытирая слезы и хлюпая носами, ребята разбрелись по номерам. Многие из них не вышли даже на ужин, так сильно было эмоциональное воздействие от этой встречи.

На открытие Чечено-Ингушского раздела ярмарки-выставки приехал Хажбикар Хакаяшевич Боков — председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Он сообщил, что накануне, 9 сентября 1989 года, во Дворце культуры имени В.И. Ленина в Грозном состоялся ингушский съезд, который принял решение об отделении ингушей от чеченцев с созданием своей автономии. Х.Х. Боков рассказывал об этом с неподдельной болью, и я верил в искренность этого широко образованного и умного человека.

Выходит, тот цекашник что-то знал и проговорился, думал я

ночью, не в состоянии заснуть. Каким же наивным я, должно быть, выглядел тогда в глазах всезнающих работников ЦК!

С большим сожалением встретили известие о разделе единого народа все находившиеся в Дамаске представители нашей республики, а также работники торгово-промышленной палаты и другие союзных ведомств, обслуживающих наши интересы на выставке.

Очень сильно опечалились и в чечено-ингушской диаспоре Сирии. Кстати, в Сирии этнических ингушей оказалось немало, значительно больше, чем в Иордании. В нашем павильоне я совершенно неожиданно встретил Ахмада Кадырова. Он возмужал, отпустил бороду, был одет на манер местных мусульман. Я знал его с начала 80-х годов, в качестве председателя горисполкома беседовал с ним перед его направлением на учебу в Бухарское медресе от только что зарегистрированной общины мусульман города Гудермес.

Потом мы случайно оказались рядом в самолете, летевшем в Ташкент. Я летел на Всесоюзное идеологическое совещание, посвященное усилению воспитательной работы среди верующего населения, в связи с начавшейся регистрацией религиозных объединений, возвращения им церквей и мечетей, а также обеспечения прав граждан в религиозной деятельности. Теперь даже коммунисты могли выбирать: верить им в Бога или оставаться атеистами.

Расстегнув ремень, после набора высоты, я стал снимать пиджак и заметил на коленях сидевшего рядом светловолосого и голубоглазого молодого человека раскрытую тетрадь с арабской вязью. Лицо его мне показалось знакомым, но имени не помнил.

— Я не хотел беспокоить тебя, — назвав меня по имени, сказал молодой человек. — Меня зовут Ахмад Кадыров. Я был направлен на учебу в Бухарское медресе из Гудермеса. Теперь учусь в Ташкенте, в Исламском институте.

Мы приятно проговорили с ним все время полета. В аэропорту меня встретили представители министерства культуры Узбекистана, а его — товарищи по учебе.

Когда мы обменивались телефонами и договаривались встретиться, чтобы побывать в святых местах, по громкой связи объявили:

Прилетевшего из Грозного Киндарова ждут встречающие у справочного бюро.

Объявление повторили.

У справочного бюро к нам подошел приятного вида молодой человек и спросил по-чеченски:

Шу почхи дуй?

Увидев Ахмада, он бросился ему в объятия.

— Это Увайс Магомадов, — представил мне молодого человека Ахмад. — Он врач, кандидат медицинских наук, работает здесь в районской больнице.

Мне позвонили наши общие друзья из Грозного и просили сделать маленький сюрприз — неожиданно встретить тебя в аэропорту, сказал Увайс. — Однако, я смотрю, ты попал в надежные руки.

— Спасибо, друзья, но меня встретили коллеги, не беспокойтесь обо мне, — поблагодарил я ребят и представил им встречавшего меня работника Министерства культуры Узбекистана.

Мы договорились непременно созвониться и разошлись.

Через пару дней, приняв участие в совещании по усилению международной работы, я, в компании новых друзей, посетил мусульманские святилища в Самарканде, Бухаре и Ургенче.

Теперь мы встречались с Ахмадом Кадыровым в далекой Гирно. Здесь на международной выставке он курировал раздел «Ислам — Ингушетия и ислам», а после его завершения должен был вернуться на шариатский факультет Амманского исламского университета, где продолжал учебу.

Открытие Чечено-Ингушского раздела ярмарки-выставки прошло торжественно. Было много гостей: дипломаты из стран Европы, Америки, Африки и Азии, арабские политики и бизнесмены,

одни в безупречных цивильных костюмах, другие – в национальных одеждах. После короткой официальной церемонии открытия был устроен обед в ресторане гостиницы «Семирамида». Нашим артистам предстояло дать концерт в фойе ресторана во время перерыва для смены сервировки и перекура.

Увидев сверкающий мрамором пол, Тапа Элимбаев схватился за голову.

– Да здесь же ребята переломают себе ноги и руки, – шумел он, сверкая глазами. – Все! Я решил: никаких танцев. Пойте, играйте, катайтесь на пузах, но танцевать здесь нельзя, – заявил он категорически.

– Да не расстраивайтесь вы так, Тапа Хамидович, – говорили ему ребята, – канифоль есть, наденем снизу подкладки потоньше и сделаем все, как надо.

Рамзан Ахмадов, Гапур Темирхаджиев, Иса Алимгаджиев и Адаш Мамадаев стояли перед ним, абсолютно уверенные в себе.

Я не вмешивался в разговор, хорошо зная, что Тапа, по своему обыкновению, пошумит и найдет выход.

– Хорошо, хорошо, встали, – похлопал он в ладоши. – Ребята работаете в основном наверху, а внизу – только имитация. Вы меня поняли?

– Начали! И-и-и...

Раздался хохот. Артисты все были в обычной одежде, приехали и то не все, посмотреть площадку. Музыкантов не было вообще. Поняв, в чем дело, балетмейстер махнул рукой и пошел к высшему.

– Здесь можно с ума сойти! Я так не могу работать! Все! И последний раз! – шумел он, размахивая руками, а сзади него пошумели ребята походкой, жестами и мимикой комично изображая своего маэстро.

На обед гостям подали национальные блюда, однако артистам было трудно объяснить, как кушать жижиг-галнаш, шашлык и чепалгаш, им пришлось. Едва рассевшись, все дружно навалились на икру и белугу.

...и потом смели и то, с чего полагалось начинать. Понравился и наш коньяк. Арабы разбавляли его водой, даже сладкой. Вобщем, на концерт публика, состоящая, в основном, из довольно богатых мужчин, выходила в состоянии, как заметил шутник Халил Харришов, «в достаточной кондиции».

В ужасу Тапы в зубах у большинства из них были дымящиеся трубки, сигары и сигареты. Тапа выступил вперед, сделал на лице экстравагантную гримасу, замахал руками и прокричал:

— No smoking, — и добавил по-русски, — не курите, пожалуйста, — пошнеся руки к вытянутым губам, и показал жестами — не курить.

Кто-то понял его, другие проигнорировали, а в это время загремела музыка, ударили в барабаны и по фойе ресторана поплыли танцующие пары в нарядных костюмах. Гости позабыли о трубках и сигаретах, отодвинулись к стенам и стали завороченно смотреть на танцующих.

Панорама фойе не давала артистам по-настоящему развернуться, однако наши парни и девушки быстро приспособились и, выходя в круг парами и по одному, стали выделывать такие выкрутасы, что хотелось броситься в круг.

Особенно выделялись Иса и Адаш. Маленькие, юркие, вертлявые, они крутились волчками на носках, коленях, делали сальто-мертвое и другие сложные трюки.

Топта! Хватит! — сквозь зубы пытался унять ребят балетмейстер, но те уже были во власти танца и музыки и ничего не могли слышать и поделать с собой.

Шел финал заключительного танца. Вдруг из-за спин товарищей выскочил, а потом опустился на мраморный пол прямо на колени Адаш. Все ажнули, полагая, что ему не встать, а тот ослепительно улыбнулся и пошел крутиться по фойе, не вставая с колен. Сделав круг, он вскочил и, разбежавшись, упал на колени и стремительно покатился прямо под ноги Х.Х. Бокова. Тот было отпрянул назад,

но танцор, на миг застыв в полуметре от него, высоко подпрыгнул и, сделав двойной оборот, опустился на пол. Он опирался на одно колено, другая нога его была выброшена вперед, а руки раскинуты в позе лезгинки.

Степенная публика взревела. Хажбикар вытирал глаза платком, вынул стекла очков, широко улыбался и обнимал артистов.

– Баркалла шуна, спасибо вам. Ничего подобного я не видел и такой радости не испытывал давно, – говорил он, благодарил коллектив ансамбля «Вайнах».

Теперь администрация гостиницы «в порядке исключения» свободно пропускала своих граждан из вайнахской диаспоры в номера. Сирийские вайнахи часто забирали к себе в гости наших ребят.

Как-то после обеда ко мне в номер постучали. У дверей стояло двое в штатском.

– Ассаламу алейкум, – поздоровался один из них и заговорил по-русски: – Извините, вы мистер Абдулла Киндаров?

Я кивнул.

– Полковник Абдул-Азиз Оздемир, – представился один из них, протягивая руку.

– Мой друг, генерал Арслан, – представил он товарища.

– Здравствуйте, – поздоровался генерал тоже по-русски.

Полковник Оздемир оказался чеченцем из рода харачой. Основатель его сирийской фамилии ребенком выжил после разрушения Дады-Юрта, с переселенцами попал на Ближний Восток, а тут осел с такими же, как он, бедолагами под горой Эль Кунейтра на Западе Оттоманской империи.

Со временем их поселок превратился в небольшой город тем же названием. В последнюю войну Эль Кунейтру захватили израильтяне и разрушили до основания.

Генерал авиации Арслан оказался этническим черкесом. Они познакомились они с Абдул-Азизом в городе Киев, где оба учились одновременно в военных училищах.

И гостеприимство следующих двух недель Абдул-Азиз и Арслан оказали радушию и гостеприимство, показали достопримечательности своей столицы и его окрестностей.

Трехмиллионному Дамаску, – говорили они, – около трех тысяч лет. Город не только древний, но и прекрасный. Утверждают, что в Прямой улице, пролегающей и ныне по центру Дамаска, упоминается в Библии.

Мы побывали в мечети Омейядов, в мавзолее, где покоится шах Шахид-ад-Дина, великого полководца, разгромившего крестоносцев, посетили совершенно удивительный восточный базар Хамидие.

Хамидие – это город в городе. В его рядах-улицах можно заблудиться. Здесь продается все, что человек ест, пьет, носит, использует в быту. Есть целые улицы, на которых разместились магазины, торгующие только золотом и серебром, другие – холодным оружием, посудой, швейными – тканями и другими товарами со всех частей света – белой, черной и желтой.

Особая достопримечательность города – его жители, люди добродушные, приветливые и толерантные. В городе много мечетей и церквей различных христианских конфессий, на улицах можно видеть группы людей, мирно идущих вместе или беседующих: у первых на головах фески, у других на груди огромных размеров кресты, у третьих на головах – мужские платки.

В огромном здании с белыми мраморными колоннами, построенном еще римлянами, сохранилась беломраморная раковина для египетских ритуальных жертвоприношений. Рядом стоит огромных размеров крест, установленный во время использования здания под христианский храм. Теперь здесь Соборная мечеть, самая большая в Сирии, в которой построен сказочный минбар.

Автомобильное движение на дорогах Дамаска, да и всей Сирии, удивительно схоже с нашим: каждый водитель ведет себя, как мы. Нередко происходят и ЧП, однако мы не видели, чтобы его участники ссорились или устраивали потасовки, чтобы выяснить

отношения. Улыбаясь, похлопывают друг друга по спине, договариваются и тут же разъезжаются. Водители подержанных машин, во всякой большей части, держатся на почтительном расстоянии от дорогих и вымытых до зеркального состояния «Мерседесов», «БМВ» и «Ауди».

Поражало обилие детей и подростков, снующих между потоками машин, предлагающих водителям и пассажирам различные напитки, сигареты, зажигалки, жвачки и прочую мелочь. Набрав в пазуху свой товар, чумазые арабчата смело выходили навстречу мчащимся машинам, выкрикивая звонко: «Мальборо, Мальборо-о-о!» А владельцы многочисленных придорожных магазинчиков и лавчонок следили за ними, лениво отгоняя мух от сладкого чая и пузатых стаканчиках.

Однажды мои новые друзья предупредили, что сегодня идем в ресторан. Я ждал их к вечеру, но они пришли около одиннадцати часов ночи. На мое немое удивление господа сказали, что здесь не принято ходить раньше: жарко, да и дороги забиты.

Машина поднялась на невысокую гору на окраине Дамиска Дорога, ведущая наверх, была утыкана летнего типа рестораничками, утопающими в зелени виноградников, каких-то лианистых растений, роз и других пахучих и причудливых цветов.

У одного из таких заведений машина остановилась. Мы вышли, сразу подбежал человек в униформе, которому генерал отдал ключи. Нас приветливо встретили и посадили за столик, который как я понял, был заранее заказан. Дул приятный ветерок, слышалась негромкая музыка, певица томно повторяла «хабиби», а сколько мог охватить взор, сверкали яркие огни ночного Дамиска. Перед нами были райские картины.

Генералу Арслану принесли кальян. Полковник Абдул-Али не знал родного языка и тяготился этим. Он мечтал приехать в отставку, походить-поездить по отечеству, научиться говорить, читать и писать по-чеченски. Когда я рассказал, что его родовой Харачой расположен

в живописных горах, на берегу светлой горной речки, где много лесов, фруктовых деревьев и высоких трав, глаза его заблестели.

Дыды-Юрт с тех пор, как был разрушен, так и не возродился. Жителей его не осталось, а другие так и не захотели поселиться на развалинах и могилах своих соплеменников. Вечными свидетелями разрушений и хранителями памяти людей остаются безмолвные могилы в долине Терека.

Полковник слушал, затаив дыхание.

И теперь лишен и второй родины, — заметил он грустно. — Израильские нам Кунейтру восстановить не позволяют.

Послушай, Абдул-Азиз, почему Израиль вас постоянно бьет? Не арабы, говорят, сто двадцать миллионов. В самой вашей Сирии тридцать миллионов живет, у вас сильная армия, есть авиация, морской флот. В чем дело?

— Это очень сложный вопрос, — отвечал он. — Арабы сильно разобщены. Америка, да и Европа не дают им объединиться. Израиль, конечно, не продержался бы, не будь за ней США и НАТО.

Часам к двенадцати все места в ресторане были заняты. Небольшой яркий свет. На небольшом подиуме разместился оркестр. Звучала протяжная восточная музыка. В небольшом, немного утопленном в землю, кругу посередине зала появилась танцовщица в довольно свободном наряде, состоящем из лифчика со сплошными вырезами и бикини, поверх которых были кокетливые кружева из белой вуали.

Музыка резко усилилась, потом взвизгнула и полилась в страстном темпе. Не очень молодая и пышнотелая дама начала прыгать и подергивать всеми местами своего роскошного тела.

Человек Востока, принадлежащий к религии этих людей, знакомый с их историей и культурой, я так и не смог понять, в чем здесь талант. Вид полуголой бабы щекочет немного нервы, кого-то, наоборот, возбуждает, но в чем здесь эстетика, культура, если она имеется в виду вообще.

Мои спутники кайфовали откровенно.

– Господа, – обратился я к офицерам, – слышали анекдот про то, как наш земляк, армянин, осадил не в меру горячую даму, когда та сама разделась и легла в постель?

– Нет, – признались они.

– Армянин бросил ей платье и все остальное, и приказал «Не одевайся и сопротивляйся». У нас на Кавказе шашлык делают из молодого барашка, а не из старой буйволятины.

Они посмеялись, но резонно заметили: у каждого народа свои традиции.

Из ресторана мы ушли, когда над Дамаском поднималось солнце. Усталости не было. За ночь на троих мы не выпили и съели пятидесяти граммов коньяку. Пили они так: нальют на донышко высокого стакана с палец толщиной коньяку и доливают доверху воды. Вот этот коктейль и цедят часами. Без тостов и приставочек в стиле «ты меня уважаешь?». Я спросил, не скрывая иронии:

– Вы так здорово выпивать в Киеве научились?

В ответ прозвучал дружный хохот.

– Там мы пили горилку стаканами и закусывали колбасой в чесноком, – признался Арслан.

– На Украине климат другой, располагающий, – добавил Абдул-Азиз.

Полковник Абдул-Азиз и генерал Арслан сделали мне подарок и противоположного порядка, организовав поездку к усыпальнице мавзолею дочери Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, расположенном в сорока километрах от Дамаска.

Зиярат (усыпальница) ныне стоит внутри великолепной мечети и представляет собой круглый шатер из чистого серебра. Вокруг, на уровне глаз среднего человека, гладкая выемка. Мне разъяснили, что она образовалась в результате поглаживания стенки усыпальницы руками паломников, обходящих Зиярат вокруг не менее трех раз. Сколько же правоверных мусульман побывало здесь за прошедшие столетия, чтобы оставить такой след на металле!

Я невольно обратил внимание, что многие паломники совершенно молчаливо, положив перед собой плоские каменные плиточки размером с ладонь, которых они касались лбами, совершая земной поклон.

«Это, — объяснили мне, — так молятся мусульмане-шииты.

При выходе из мечети Абдул-Азиз протянул мне сирийские денги и указал глазами на прозрачный ящик, в прорезь которого верующие опускали добровольные пожертвования. Испытывая неопределенность перед сирийскими друзьями, я просунул банкноту в прорезь ящика, моля Аллаха отблагодарить их за внимание и доброту ко мне.

Сирийская сторона захотела, чтобы ансамбль «Вайнах» дал концерт на родине президента Хафеза Асада, чьи портреты и памятники встречались чуть ли не на каждом доме и площади страны.

Блестяще выступив в фестивальной программе в городе Бусре, мы выехали в губернаторство Алеппо, на побережье Средиземного моря. Выступление предстояло на арене амфитеатра времен римской империи. Огромное сооружение в стороне от поселений было сооружено из больших каменных блоков.

Рисказывали, что этот древний комплекс простоял засыпанный пылью более семисот пятидесяти лет. Его обнаружили лишь в 20-е годы XX столетия французские археологи. От сцены гранитные сиденья сооружения поднимались одно над другим — всего сорок два ряда. С первого верхнего ряда люди на сцене казались лилипутами, но то, что они говорили, было слышно с поразительной четкостью.

К вечеру, когда стала спадать удушающе влажная жара, зрители стали стекаться к театру. Многие шли пешком целыми семьями. У женщин на руках были младенцы, а за длинные подолы их многоярусных платьев держались еще по одному-два смуглых малыша. Другие охотились на всем, что двигалось: ослах, телегах, велосипедах, мотоциклах. Очень много было трехколесных мотороллеров с тележками. Весь этот транспорт был раскрашен в яркие контрастные

цвета, снабжен зеркалами, бубенцами, бахромой. В сочетании с яркой одеждой людей все это представляло такую пестроту красок, что рябило в глазах.

Послышались резкие сигналы автомобильных сирен, из-за поворота появился длинный кортеж машин. Впереди шли два джипа с откинутыми верхами, в них сидели автоматчики в черных очках, торчали пулеметы, установленные на турелях. За джипами шла процессия черных лимузинов, замыкал колонну легкий БТР. Приехали губернатор в окружении охраны, помощников и домашней челяди.

Для них охранялись два ряда в центре, накрытые коврами дорожками. За этими рядами разместился вооруженный спецназ, бесцеремонно согнав оттуда разместившихся людей. То же самое сделали и спереди. Распорядители облегченно сообщили, что концерт можно начинать, а меня пригласили в губернаторскую компанию.

Мужчина лет пятидесяти в генеральской форме приветствовал меня на понятном русском языке и посадил рядом с собой. Он смотрел концерт с большим интересом, энергично хлопал и повторял «Хорошо, красиво». Молоденькая жена его восхищенно радовалась, прикрывая лицо краешком легкого платка.

Аудитория встречала каждый номер с нарастающим ревом. Особенно накалилась обстановка, когда в финальной сюите артисты, одетые в доспехи, довольно эффектно стали «рубиться» на шанках. Обычно на сцене в этот момент выключают основной свет, оставляя подсветку, а здесь такой возможности не оказалось, и ребята стали биться в темноте. Лишь яркие звезды, неправдоподобно висевшие здесь прямо над головами, бледно освещали арену.

Стальные клинки, ударяясь, высекали снопы искр. В их свете по сцене фантастично мелькали фигуры, раздавался боевой клич предводителей «воюющих» групп. В гуще схватки оказалась девушка. Она сняла с головы платок и бросила между соперниками. Сражение прекратилось. Зазвучала танцевальная музыка. Вожак с обеих сторон убрал клинки и, пожимая руки, обнялись.

И тихий было зритель сделал мощный вздох, и в ночное небо поднялся многотысячный возглас одобрения и радости людей, присутствующих мир. Началась стрельба. Генерал-губернатор неподвижно стоя. Встали все. Овации, поддерживаемые стрельбой, продолжались долго, а артисты, кланяясь, ожидали, чтобы закончить концовку. Я пригласил губернатора сесть. Когда зрители успокоились, заиграла музыка, ударили в барабаны, на сцене начался миссовый молодежный танец мира – концовка сюиты «Под небом шайнахов».

Обривав полукруг, танцоры стали выделять на сцене виртуозные трюки. Выходя парами, по трое, четверо, они то плавно скользили ногами, то вихрем кружились, ходили на пальцах ног, вертели на коленях, делали сальто.

В круг на коленях, словно шайба по льду, выкатился Адаш. Он встал и начал столь стремительно вращаться, что стали неразличимы его лицо и руки. Вращаясь, он приближался к краю сцены. Чувствуя, что собирается сделать этот чертенок, я весь напрягся и стал выкрикивать: «Ма, ма (нет, нет)».

Но артист, уже на самой кромке сцены, взмахнул руками, выскочил подпрыгнул и, вращаясь, полетел вниз. Через секунду оттуда поднялись клубы белой пыли. Когда она рассеялась, в свете прожекторов показалась фигура Адаша. Он широко улыбался и сидел на коленях, картинно раскинув руки.

Публика разразилась овацией, долго раскатывавшейся в ночное небо. После концерта нас отвезли на побережье и разместили в палатке прямо у песчаного пляжа. Двое суток ребята провели в воде, вылезая лишь на короткий сон и еду.

В Дамаске ансамбль дал несколько концертов для вайнахской аудитории в Сирии и советских людей, находившихся в стране. Они проходили в зале культурного центра при посольстве СССР в САР.

О нахождении ансамбля «Вайнах» в Сирии быстро проведали в Иорданской диаспоре. Из Аммана в Дамаск приехала целая деле-

гация с тем, чтобы хотя бы на две недели забрать нас в Иорданию. Не знаю, на какие они рычаги нажали для этого, но в посольстве дали согласие.

За нами приехал автобус международного класса. Когда мы выходили из гостиницы, увидели множество людей, теперь уже знакомых и близких, прибывших проводить нас. Они плакали. Даже мужчины не стеснялись слез.

Нам с Арби Усмановым и Тапой Элембаевым с помощью ветеранов коллектива Апти Гантемирова, Рамзана Абазова, Зайнабди Эльдиева и Доку Мальсагова с трудом удалось вырвать своих ребят из объятий сирийских соплеменников и затолкать в автобус. Но и после этого десятки машин следовали за нами до самой сирийско-иорданской границы.

Когда мы после чисто формального досмотра прошли через турникеты таможни, на иорданской стороне, метрах в пятидесяти, увидели большую группу людей, стоящих полукругом. В центре были старики. Я узнал в одном из них шейха Абдул-Баки Джамал, незадолго до этого приехавшего в Чечено-Ингушетию.

Здесь все было организовано четко. При нашем приближении смолкла музыка. Абдул-Баки через громкоговоритель приветствовал нас на чеченском языке. С приветствием выступил президентом официально принимавшего нас клуба «Кавказ» доктор Аднан. После этого нас подвели к старейшинам. Мы немного пообщались. Заиграла музыка, ударили в барабан, захлопали в ладоши, но как-то неумело, не по-нашему. Оказалось, что это местные иорданские юноши и девушки собрались сделать нам сюрприз, исполнив чеченский танец.

Дав команду своим достать инструменты и присоединиться к танцующим, Тапа смотрел на местную самодеятельность морщась, как от зубной боли.

– Плохая дискотека, – сказал он, – ничего, мы их быстро научим.

И сам вышел в круг.

Гармонь в руках Вахи Идрисова заиграла, залилась. Крепкие толчки Турко Хасимикова ударили по барабанной коже, выдавая ритмы, способные разбудить даже мертвого, если, конечно, он был хорошим танцором.

На древней арабской земле, принявшей сто двадцать пять лет назад первых чеченских мухаджиров, их потомки, обретшие здесь новую родину, принимали своих соплеменников из далекого и неведомого им Отечества. Даже старейшие из них родились здесь и до последних лет почти ничего не знали о судьбе тех, кто оставался на далекой прародине.

Приезжие и местные вайнахи подолгу, не стесняясь слез, держали друг друга в объятиях, гладили головы, лица, руки. Я потом часто видел, как местные молодые люди и наши ребята все время держались за руки, даже сидя рядом, они не отпускали их.

Нас разместили в небольшой частной гостинице, в районе компактного проживания чеченцев. К нам свободно пускали в гости. Я тоже облегчил режим для своих, полностью доверившись коллективу. И никто ни в чем не подвел, не расстроил даже ни разу.

Концерты ансамбля проходили в Королевском молодежном Дворце культуры и спорта. Это большой дворцово-парковый комплекс в центре Аммана, построенный в традиционном восточном стиле, но технически оборудованный на самом современном инженерном уровне.

Амман – красивейший город из тех, которых мне довелось видеть. Он расположен на невысоких холмах. Строения здесь содружества и отделаны со вкусом, почти каждый особняк и мечеть, которых по городу множество, в архитектурном и цветовом исполнении неповторимы.

В отличие от Дамаска, в Аммане порядок во всем. Город чист и оазисен. В нем много зелени, света и воздуха. На крышах зданий, балконах и даже стенах разбиты сады и садочки из разных экзотических деревьев, кустов и цветов, запахи которых разносит легкий ветерок, почти постоянно продувающий городские кварталы.

По великолепным дорогам движутся автомашины практически всех мировых марок. Огромные автобусы разукрашены со вкусом, выгодно отличающимся от сирийского. Полицейские одеты, как в Англии, в темно-синюю униформу со шлемами на головах. Они мне постоянно напоминали стрижей, только что не летали. За двенадцать дней пребывания мы не видели ни одного нищего на дорогах, улицах и базарах Аммана, Зарки и других городов Иордании. Здесь милостыню принято отдавать в мечети, а они раздают ее нуждающимся.

Мне лично такой порядок показался наиболее отвечающим милосердию, человеческой морали и интересам государства. Нуждающиеся получали помощь, не унижаясь и не нарушая общественный порядок.

Чеченцы, живущие в Иордании, довольно организованы, в подавляющем большинстве владеют родным языком, сохраняют главные обычаи своего народа.

Традиционно чеченцы состоят здесь на государственной службе: в администрациях различного уровня, в армии, полиции, на железной дороге, в почтовых и других организациях. У молодежи большая тяга к знаниям, современным профессиям, к культуре. Многие учатся в университетах и колледжах США, Европы и арабских стран.

Концерты проходили при переполненном зале, вмещающим две с половиной тысячи зрителей. Их посетили члены королевской семьи, министры, парламентарии, дипломаты, аккредитованные при королевском дворе.

Шефство надо мной взяла семья Бено: братья Муса и Саид и племянники Исмаил и Фатима. Саид Бено – министр строительства и автомобильных дорог, вышедший незадолго до нашего приезда в отставку, знакомил меня со столицей королевства. Мы с ним побывали в парламенте Иордании и пили кофе с его председателем – другом детства Саида и очень приятным человеком.

Среди чеченцев Иордании много выдающихся личностей и талантливых людей, внесших немалый вклад в обеспечение независимости и суверенитета страны, в военном, политическом, экономическом и культурном строительстве. Абдул-Баки Джамо являлся депутатом парламента и министром Королевства. Особенно много любил среди военных. Нас пригласил в гости генерал Ахмад Шашири, которого все называли Якам. В свои неполные тридцать лет он был генерал-лейтенантом, единственным человеком в стране, удостоенным дважды звания Героя Иордании. Второй раз король Хусейн I объявил его героем за десантную операцию по освобождению Аммана от палестинцев, захвативших город после того, как в 1967 году они, потерпев сокрушительное поражение в войне с Израилем, вынужденно отступили в Иорданию.

В Итум-Кали с гостями из Иордании. 1991 г.
Сидит: третий справа – Ахьмад, рядом – Адольф-Мохьаммад.

горных районах и заставили власти республики взглянуть по-новому на проблему перенаселения и острой безработицы в городах. Теперь она из социальной переросла в политическую, и во многом благодаря популизму, которым заболело новое руководство. Оно, этой мой взгляд, неверно повело себя при оказании помощи жителям пострадавших селений Ножай-Юртовского, Веденского и Шатойского районов, связав себя обязательствами предоставления земли для организованного переселения и создания новых селений со своими прежними названиями на перенаселенных землях плоскостной зоны.

По этому вопросу в Совете Министров преобладало другое мнение, а именно: селить пострадавших, главным образом, в городах Грозный, Аргун и Гудермес, а также в затеречной зоне, где есть потребность в рабочих руках, а также имеются свободные земли для застройки и возделывания.

Как член правительства, такого мнения придерживался и я. Проработав многие годы в Ножай-Юрте и Гудермесе, я хорошо знаю тамошнюю обстановку и настроение людей.

– В селах Гудермесского района, в основном, проживают переселенцы из нынешнего Ножай-Юртовского района. После восстановления республики тысячи ножайюртовцев пополнили гудермесские селения, и плотность населения здесь достигала критического уровня. И теперь, коль официально будет им дозволено выбирать, большинство пострадавших пожелают поселиться именно в Гудермесском районе, образовав свои отдельные поселения, – доказывал я. – А земли в Гудермесском районе и для наличного населения катастрофически не хватает.

Председатель Совета Министров АССР М.А. Керимов придерживался такого же мнения. Однако первый его заместитель Н.И. Воронков, в силу своих личных мотивов, все готов был сделать, чтобы не допустить пострадавших на затеречные земли, особенно в Шелковской район. Он потомственный казак, родом из станицы Червленной, сделавший карьеру по протекции своего дяди Полушкина, в одно время переселился

секретаря Шелковского райкома партии, а потом могущественного министра сельского хозяйства ЧИ АССР, не хотел, чтобы за Терекон, на полях некогда их предками-казаками землях, поселились чеченцы. К нашему немалому удивлению, Воронкина А.И. поддержал Д.Г. Завгаев. Это была политика.

В республике все знали слова неформальной атаманши, а официально многолетнего первого секретаря Шелковского райкома партии Веры Георгиевны Табацковой: «За Терекон земли для чеченцев нет!» Она была произнесены публично в период аспраткинщины, когда она находилась в зените славы, стала Героем Социалистического труда, состояла в бюро обкома КПСС, была депутатом Народного Совета республики и заместителем его председателя. Мы с комиссией ездили по Гудермесскому району в поисках места для застройки новых сел. Воронкин дошел до того, что выразил согласие отдать под застройку лучшие пахотные земли, занятые под виноградниками.

Когда он дал согласие отдать участок с плодоносящим виноградом неподалеку от источника Исти-Су, с правой стороны трассы Грозный-Баку, я громко спросил его, чтобы все слышали:

— А известно ли вам, Анатолий Иванович, что под этой полевой землей проходит нефтепровод Баку-Грозный и кабели связи с Грозным? Знаете ли вы, что село Исти-Су до нашего выселения находилось здесь, наверху, в метрах двести пятьдесят-триста отсюда, и оно в 1946 году было полностью разрушено оползнем? Мы эти собираемся этих несведущих людей переселить, как говорится, «куда они да в польмя»?

Чтобы гордалинцы могли понять, о чем речь, я спросил у них по-чеченски:

— Вы слышали дедовскую поговорку «бежавший от дыма упадет в огонь»? Так вот, именно это ожидает вас, если поселитесь здесь. Для нового селения нужна будет земля не только под застройку, но и для приусадебных участков, для общественных нужд: школы, пастбище, посевные площади. Здесь, в районе, такой земли

нет. Она есть там, за Терекком, в Шелковском районе, но этот человек сделает все, чтобы вы туда не поехали.

– Я вижу, Анатолий Иванович, тебе переводят мои слова. Да я подтверждаю по-русски то, что сказал им: ты готов даже отдать на уничтожение сотни гектаров плодоносящих и дорогостоящих виноградников, чтобы не допустить на безлюдные земли за Терекком этих людей.

Эти же слова я повторил на следующий день на заседании правительства. Меня не стали больше привлекать к работе чрезвычайной комиссии. Однако личные неприятности меня еще ожидали до поры.

Гордалинцев посадили на бывшие болота, а напротив поселили бильгинцев. В плотно заселенном Гудермесском районе было образовано пять новых поселений. Здесь свои села образовали ебенойцы, энгенойцы и шуанинцы. Недопустимо по геологиче-ским мест расширился поселок Ойсхара – Новоогрозненский. Случись здесь, не дай бог, новое стихийное бедствие – наводнение или землетрясение, может случиться беда. К счастью, пока что в этом отношении в районе благополучно, если не считать массовую безработицу. Переселение сюда еще десятков тысяч жителей горной зоны эту ситуацию могло довести до взрывоопасного состояния.

К этому времени власть в республике перетекала в Верховный Совет республики. Аппарат обкома утратил прежнее влияние, количество сократился, был упразднен и отдел культуры. Вместо него появился новый «руководящий и направляющий орган» – постоянная комиссия Верховного Совета по культуре и туризму. Председателем комиссии стал Лом-Али Хациев, работавший прежде директором чеченского драмтеатра им. Х. Нурадилова. Лом-Али Хациев, закончив институт культуры, работал в чеченском театре актером, снялся в кино, выдвинулся в директоры. Но в 70-е годы у него что-то не заладилось и он надолго ушел из культуры.

Когда меня с ним познакомили, он работал директором небит-

ной гостиницы «Турист» в поселке Черноречье. За его возвращение в театр настойчиво ходатайствовал Мималт Солцаев, тогдашний главный режиссер театра им. Х. Нурадилова. В то время театру не было с руководством. Хациев вновь возглавил национальный театр, однако искоре повел себя прямо-таки вероломно в отношении театра. Категорически отказавшись принять здание РТКЗ на баланс чеченского театра, он, после передачи его русскому театру, стал говорить об ущемленном положении национального театра. Это было сделано умышленно, в самый разгар националистического удара в республике.

— Ты что делаешь? Как тебя понимать? Еще вчера ты был интернационалистом, женат на русской, а сегодня решил «соскочить с московского поезда», чтобы успеть на другой? — задал я ему востановочный вопрос.

Ответ был невразумительным. Пришлось собрать коллектив театра и цифрами убеждать всех, что финансирование и материальное обеспечение обоих театров ведется строго по нормативам, на справедливой основе.

Использовавшись Положением о праве председателя комиссии Верховного Совета работать на постоянной штатной основе, он перешел туда. Здесь не было никакой драмы, но неожиданно заявление подписал и М. Солцаев. «Ухожу в знак протеста против того, что вы не утвердили Л.-А. Хациева в должности директора театра» — такой была мотивировка его заявления.

Оба заявления я подписал без комментариев. Новым директором, с одобрения коллектива, был назначен актер театра Султан Давсан, работающий в этой должности и поныне, а художественным руководителем стал известный театральный режиссер Руслан Хаевшиев.

Первый укол из Верховного Совета я получил после проведения в Москве юбилея классика чеченской литературы Магомеда Магасаева.

Идея проведения исходила от Министерства культуры, я лично вел переговоры об этом в Союзе писателей и Министерстве культуры РСФСР, договорился о проведении юбилея в Колонном зале Дворца Съездов, готовил вместе с Р.Ш. Хакишевым сценарий, решал все рабочие вопросы, связанные с его подготовкой и проведением, как в Москве, так и в Грозном.

Мероприятие прошло с организационной и творческой стороны на довольно высоком уровне, о чем официально отметили министр культуры СССР Н. Губенко и министр культуры РСФСР Ю. Мелентьев, представители ЦК КПСС и других руководящих органов страны, принявших участие в торжествах.

Правда, настроение участникам юбилея подпортил Р.И. Хабулатов, выступивший с грубыми нападками на Д.Г. Завгаева, совершенно неуместными на празднике чеченской культуры.

По возвращении из Москвы мы с изумлением прочитали Указ Д.Г. Завгаева о присвоении звания «Заслуженный деятель искусств ЧИ АССР» Л-А. Хациеву, хотя тот никакого конкретного участия в подготовке юбилея и не принимал. О роли министерства культуры республики при этом не было произнесено ни слова. Не были поощрены ни Р.Ш. Хакишев, ни кто-нибудь другой из работников культуры и искусства. Второй укол был более чувствительным.

Фестиваль «Терек – река дружбы»

Я давно вынашивал идею проведения в Чечено-Ингушской культурной акции, направленной на улучшение культурных связей с братскими республиками, краями и областями юга России. Свои наброски концепции и сценария проведения фестиваля «Терек – река дружбы» я показал Руслану Хакишеву, который одобрил и выразил готовность доработать их.

Я мыслил этот праздник таким, чтобы все мероприятия в рамках его проведения показали новую жизнь чеченского народа. Помните, у А.С. Пушкина в поэме «Тазит»?

*Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались.
Верхами юные чеченцы,
В тылы несясь во весь опор,
Стрелой шапки пробивают
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют, и гул лесной
Далече вторит их напевы.*

Эти строки были написаны сто тридцать лет тому назад. С тех времен в наших реках много воды утекло. Мы изменились, но со стороны на нас смотрят часто прежними глазами. Фестиваль помогает людям увидеть нас, нашу культуру по-новому, такими, какие мы есть — миролюбивыми, добросердечными, дружелюбными. Так думали мы с Р.Ш. Хакишевым, готовя фестиваль «Терек — река дружбы».

В министерстве культуры РСФСР и в Совете Министров ЧИ АССР высоко оценили и горячо поддержали идею такого фестиваля. Ответом и готовность принять участие в этой акции выразили коллеги из Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, наши Воронежские и Херсонские побратимы. Обещали прислать свои делегации товарищи из Ставропольского и Краснодарского краев и Ростовской области.

Фестиваль был рассчитан на три дня. На сцене драмтеатра планировалось показать спектакли национальных театров соседних республик, а на сцене ансамбля «Вайнах» — выступления танцевальных коллективов.

Праздничные концерты, состязания спортсменов, конные скачки были предусмотрены во всех районах с участием гостей

фестиваля. Основные мероприятия планировалось провести непосредственно на берегу Терека, у моста за селением Толстой Юрты. Здесь была большая чудесная поляна, как будто ее сберегла сама природа для такого праздника. Рядом, поближе к селению Шинградное (Бамат-Юрт), было размечено поле для скачек.

Погода в этот день выдалась, как на заказ, сухой, ясной, теплой. Принять участие в празднике приехали делегации со всех районов республики. К услугам многотысячных зрителей и участников были оборудованы кафе, стояли автолавки, мелкие точки с мороженым и прохладительными напитками.

Праздник начался скачками. Для участия в них привезли много замечательных лошадей. Легко можно было догадаться, что это не совхозные и не колхозные скакуны, но нас это не волновало. Скачки получились зрелищными и прошли без малейшего ЧП, что и было главным.

Было намечено, что фестиваль откроет Д.Г. Завгаев. Но он в назначенному времени не подъехал, и с приветственным словом к гостям и собравшимся обратились Тамара Усамовна Махмудовна Джиоева – заместитель председателя Совета Министров республики и заместитель министра культуры РСФСР Нина Борисовна Жукова специально прилетевшая из Москвы.

Фестиваль был уже в разгаре, когда мне сообщили, что приехал Д.Г. Завгаев.

Он постоял, издали наблюдая за танцующими на сцене, и отказавшись от приглашения пройти на гостевую трибуну, минут через десять уехал.

За ним тенью следовал Л.-А. Хациев. «Представляю, какую информацию ты выдавал шефу по пути сюда», – думал я.

Узнав о блиц-визите Председателя Верховного Совета республики, Тамара Усамовна расстроилась.

– Что мы скажем ей? – кивнула она на гостью. – Неудобно же получается. Ведь по согласованному сценарию открывать фестиваль должен был он.

— Не волнуйся, она поймет. Скажем, дела задержали.

А Нина Борисовна с живым интересом смотрела концерт, на-
всегда и зрителями, среди которых было много мамаш с целыми
армиями детей. Когда звучала танцевальная музыка, детишки
гурьбой выходили, и перед сценой устраивали массовый перепляс.
В паузы в перерывах между выступлениями делегаций стали
приглашать желающих из них на сцену, чтобы показать танец или
песню. Получилось замечательно: сами дети и зрители были в вос-
торге. Призы получали тут же — по мороженому.

К вечеру праздник переместился на левый берег Терека, в
поселок Червленную, к казакам.

Гости из Москвы, Ставрополя, Воронежа и Херсона с инте-
ресом общались с местными жителями, рассматривали настоящую
казацкую одежду гребенских казаков, описанных Л.Н. Толстым.
Весь праздник кипел в Доме культуры, в сквере и во многих дворах
поселков. Звучали мелодичные южно-российские песни и озор-
ные частушки. В нарядах и танцах казаков было много чеченского.

— В их жилах много чеченской крови, — говорила гостье Тама-
ра Мамонина, — также, как и в наших — казачьей. У нас есть целые
родовые фамилии, берущие у казаков свое начало, и никто этому
не удивляется. К сожалению, о нашем общем, о том, что нас объ-
единяет, пишут и говорят мало. Зато раздувают, словно огонь в печи,
каждый фактик, даже едва слышный чих, чтобы указать пальцем на
недружественные, недобрососедские отношения между чеченцами
и русскими». Иногда невольно думаешь, что есть силы, которым
это очень надо.

— В этих условиях очень важно вот так объединять людей в
общем празднике, вне труда, на отдыхе. Он удался на славу, и я вас
за этим поздравляю от души, — сказала Н.Б. Жукова.

Фестиваль «Терек — река дружбы» прошел отлично, без ма-
ленького сбоя и накладки. Уровень его организации и содержания
работали руководители делегаций, рядовые участники, средства

массовой информации всех регионов, приславших сюда своих журналистов.

На коллегии министерства культуры РСФСР высоко оценили фестиваль, подчеркнули его важное общественно-политическое и культурно-воспитательное значение, рекомендовали проводить его регулярно, поочередно в республиках, краях и областях всего Северного Кавказа.

Только наше руководство никак не отреагировало на эту важную акцию. Причина такого умолчания была на виду: фестиваль был задуман и проведен не под «руководством», как бывало раньше, а самостоятельно министерством культуры, его учреждениями и работниками. Газеты, радио и телевидение впервые отметили не руководство, а конкретно тех, кто его подготовил и успешно провел. А это было кое-кому не по вкусу, тем более, что их самолюбие искусно подогревали новые холуи.

Фестиваль становился традиционным и следующий был в 1991 году в Дагестане. Я запомнил свою встречу и продолжительную беседу с мудрым человеком и талантливым поэтом Расулом Гамзатовым.

В Дагестане основные мероприятия проходили в Махачкале. Они были зрелищными и содержательными. Хозяева умело показали свою многонациональную и древнюю культуру.

Был и третий фестиваль. Но тогда в нашем доме уже было неспокойно. Наступил кризис 1991 года.

«Национальная революция», длившаяся три года, привела к войне. О фестивалях пришлось забыть. Несколько лет назад их возобновили под другим названием – «Мир Кавказу». Не знаю почему, но его организаторы не стали упоминать о том, что ему предшествовал фестиваль «Терек – река дружбы».

Но дружбы этой мы не уберегли.

Поворот – к национальной культуре

После открытия музея Л.Н. Толстого в беседе с министром культуры РСФСР Ю.С. Мелентьевым тогдашний первый секретарь обкома КПСС В.К. Фотеев назвал меня фанатом музейного дела. Это было похвалой. Я действительно считал музеефикацию республики делом первостепенной важности. Богатейшему историческому, архитектурному, археологическому и естественно-природному богатству края за долгие годы войн и потрясений был нанесен огромный ущерб.

То, что сохранилось, надо было спасать. Для этого были созданы музеи-заповедники и реставрационные службы. Успешно действовал музей Л.Н. Толстого в станице Старогладковской.

Силами НПО «Реставрация» и с помощью районных организаций был полностью перестроен музей А.Д. Шерипова в селе Шатой с созданием заново всей экспозиции. Здесь музею большую помощь оказали племянники национального героя Сосланбек, Алибек и братья Шериповы, передавшие в фонд важные документы, книги, фотографии и некоторые вещи, связанные с жизнью и именем своего замечательного дяди.

Замечательным событием в жизни горного Веденского района было открытие историко-краеведческого музея в селе Махкеты. Идея его создания принадлежала председателю местного колхоза имени Орджоникидзе Абу-Хасану Арсаевичу Хусаинову. Экспозицию музея было решено разместить в здании бывшей мечети, использовавшемся многие годы под колхозный склад. В этих целях здание было хорошо реставрировано с помощью умельцев села – каменщиков, плотников, мастеров.

Бригада мастеров, во главе со старейшим жителем села Алаудом Тийсумовым, все работы выполняла качественно и доброту. Бывший красный партизан, председатель сельсовета, председатель колхоза, первый строитель дороги Шали–Махкеты был живой ле-

гендой, главным «экспонатом» музея. Реставрационные работы завершались, как вдруг Аллаудин захотел вернуть заново отстроенное здание под мечеть.

Мы, будучи в выселении, жили рядом, через улицу. Аллаудин щедро помогал нашей семье, оставшейся без отца, материально и морально, а теперь мы оказались по разные стороны «баррикады».

Переговоры были трудными.

– Горбачев приказал вернуть верующим мечети, отдавайте, – твоей немногословной и категоричной была позиция старейшин села.

– Раньше членам партии запрещалось верить в Бога, поэтому мы молились и совершали другие обряды скрытно, по домам. Теперь верить – не верить наше дело, отдайте мечеть, – присоединялись к ним и некоторые старые партийцы.

Ситуация, мягко говоря, возникла необычная. Нам все же удалось уговорить махкетинцев открыть музей, хотя отчетливо понимали, что скоро здание придется возвращать верующим. Время изменилось. И это было хорошо!

Праздник по случаю открытия музея в Махкетах совпал с приездом в республику большой группы артистов из Индии, участвовавших в Днях культуры народов этой удивительной страны в СССР. Я решил сделать приятное своим друзьям из Махкеты, Товзену и Хаттуну и повез индийских артистов туда, в горы. Выступление их произвело на здешних жителей огромное впечатление. Там произошел интересный случай. Гости решили удивить местную публику и встали на ходули. Я вспомнил свое детство и попросил одного из индусов дать мне попробовать. Мне удалось с первой же попытки не только устоять на них, но и довольно сноровисто походить и даже пробежаться. Удивиться пришлось индусам.

В центре – пред. колхоза Абу-Хасан Хусаинов; сзади справа – Абдулла Киндаров, Министр культуры ЧИАССР, слева – секретарь Веденского РК КПСС Минтул Мадаев и делегация из Индии в Дни культуры в СССР с. Махкеты

И в конце 1989 года одним приказом я вернул семнадцать зданий, отнятых еще в 30-х годах у верующих, в их числе и мечеть в с. Махкеты. Музей был переведен в новое двухэтажное здание бывшего Совета, построенного в центре села.

Тем же приказом были возвращены мечети в селениях Герзель-юрт, Чечен-аул, Элистанжи, Товзень, Дышни-Ведено, Ца-Ведено, поселке Ойсхар (Новогрозненское), Герзель-аул, Азамат-юрт, Альтаново, Сигошши, Верхние Галашки, Янди и других местах. Ни ЦК партии, ни Верховный Совет, ни правительство республики никаких решений и распоряжений на этот счет не принимали, но и этот приказ отменять не стали.

И село Лаха-Невре (Надтеречное) Надтеречного района, были

начаты работы по созданию мемориального литературного и историко-краеведческого музея поэта Арби Мамакаева. Идея создания его принадлежала сыну поэта Эдуарду Мамакаеву. Министерство культуры и Союз писателей, а также руководство Надтеречного района поддержали ее и начались работы по восстановлению усадьбы Мамакаевых и созданию экспозиции.

Музей был торжественно открыт 25 августа 1988 года. При открытии выступили председатель Союза писателей республики Шайхи Арсанукаев, народный писатель республики, друг поэта Абузар Айдамиров, видный знаток чеченского языка и народного эпоса Зайнди Джамалханов, известные поэты Ахмед Ведиджан, Магомед Сулаев, Ахмед Сулейманов, а также бывшие учителя Арби Мамакаева – А. Базаев, А. Эдиев и одноклассник Ш. Муртаев.

Знаменательно, что музей Арби Мамакаева стараниями его сына и односельчан был сохранен в годы военных действий и сейчас продолжает активно работать.

Были начаты работы по созданию музея великого русского поэта М.Ю. Лермонтова на базе сохранившегося имения генерала в отставке Н.А. Хастатова, доводившегося поэту родственником: он был женат на родной сестре бабушки Лермонтова – Арсеньевой. В этом имении М.Ю. Лермонтов бывал еще в детстве, после – юношей, уже пробовавшим себя в поэзии, а потом, находясь на службе в Чечне и будучи уже известным поэтом.

Дом был построен, когда генерал вышел в отставку и стал помещиком. По некоторым сведениям, он происходил из кизлярских армян и был очень привязан к затеречным просторам, винограду и вину. Хлебосольная родня и здешние места пришлись по душе поэту. Слушая рассказы бывалого генерала, местных казаков, встречающихся с их кунаками-чеченцами, молодой Лермонтов жил в атмосфере кавказской экзотики и романтики. Доподлинно известно, что в имении Хастатовых, здесь, на хуторе Парабоч, юный Мишель написал целый цикл своих ранних стихов, в их числе и знаменитую «Казачью колыбельную».

Поменщиный дом и некоторые хозяйственные постройки, в том числе и добротный винный погреб, чудесным образом сохранились до наших дней. С утверждением советской власти имение было национализировано и передано лесничеству. Людей на хуторе было мало, а лесники – народ хозяйственный и бережливый, и поэтому усадьба сохранилась без больших потерь.

Очень нелегко нам удалось заполучить его с тем, чтобы создать здесь музей. Работы были начаты с большим размахом и не меньшим энтузиазмом. Прежде всего построили ограду. Нам не удалось выяснить, каким она была в оригинале, но по условиям местности, скорее всего, из дерева. С учетом новых обстоятельств и ради прочности решено было выполнить его в металле, в том числе ковочным методом, характерным для того времени.

Объединению «Реставрация» удалось заменить кровлю, почти закончить ограду, но в это время в республике власть переменилась, финансирование прекратилось и работы пришлось остановить. По той же причине были остановлены работы по созданию музея создателя первого чеченского алфавита, известного просветителя и государственного деятеля Сугаипа Гайсумова в селе Белгатой Шалинского района.

Наступивший общественно-политический и финансово-экономический кризис не позволил нам завершить начатые работы, а также приступить к созданию мемориального музея классика чеченской литературы Магомеда Мамакаева в селе Ачхой-Мартан.

И все же к 1991 году в республике было уже одиннадцать действующих государственных музеев, против двух в 1985 году. Это было серьезным достижением в развитии музейного дела, безусловным прорывом в этой важнейшей области национальной культуры. Этот прорыв был бы завершен полностью, если бы у нас так неожиданно не отняли старое здание обкома КПСС.

Следует заметить, что здесь, по приказу Д.Г. Завгаева, были выполнены масштабные работы по завершению пристройки и подшивки всего здания под Верховный Совет Чеченской Советской

социалистической Республики – был у нас короткое время и такой статус. Теперь здание приобрело форму классического четырехугольника восточной архитектуры и еще больше чем прежде украсило нашу столицу.

Мы в министерстве культуры ревностно следили за строительством пристройки к зданию бывшего обкома, не теряя надежды на то, что Д.Г. Завгаев по завершении работ передумает и теперь, уже в качестве своего подарка вернет новый комплекс под национальный музей. Такую идею мы сами настойчиво и пропагандировали.

В это время в Чечне творилось нечто невообразимое. Повсеместно проходили съезды родов, состоялся общенациональный съезд, возник Объединенный конгресс чеченского народа, с первого же дня начавший претендовать на реальную власть. Председателем ОКЧН стал генерал Джохар Дудаев.

Никакой эйфории по этому поводу я не испытывал, а искренне сожалел о развале Союза ССР, именно в период, когда советская власть наконец стала приобретать «человеческое лицо» и могла проявить свою способность сделать жизнь людей обеспеченной материально и защищенной социально, как в странах Европы. Я винил во всем случившемся партийный аппарат. Этот монстр в последнее время дорукочивался до такой степени, что не мог переварить то, что захватил и проедал.

Чиновники партийных органов самого высшего, а потом среднего и районного звеньев, переметывались в государственные и хозяйственные структуры, беззастенчиво захватывали их и начинали мимикрировать политически и экономически словно хамелеоны.

Д. Дудаев, захватив власть в Чеченской Республике, оставался в рядах Коммунистической партии и приверженцем советской власти, хотя в реальной жизни эту власть у нас разрушили в первые же дни политической смуты.

Во всем, что творилось тогда, было все, кроме здравого смысла. В этих условиях разумные люди растерялись: привычные ориентиры

тири разрушили, новых не было, а думать и находить верный путь становилось все труднее. Люди давно разучились.

Собрав членов правительства, других руководителей республиканских органов и учреждений, Дудаев попросил нас «оставаться на своих местах, обеспечивать управление и бесперебойную работу предприятий и организаций, законность и правопорядок в республике».

В свою очередь, я собрал членов Коллегии, руководителей республиканских учреждений и заведующих отделами культуры райгориотделкомов и поставил вопрос о доверии.

Мы все свидетели или участники событий, происходящих в городе и республике, — сказал я. — Чем все это кончится, сказать трудно, так как то же самое творится в Москве и во всем Союзе. Финансирования нет, централизованное снабжение прекращено. Но зато мы, наши учреждения, организации и творческие союзы, есть историческое и культурное достояние народа в музеях, книжные фонды в библиотеках, другие материальные ценности, которые нужно сохранить и передать, если потребуется, в другие руки. Новые власти собрали и попросили нас оставаться на местах и обеспечивать бесперебойное управление всеми отраслями народного хозяйства, работу учреждений и организаций. Однако лично я не могу и не стану оставаться в должности министра, если не буду иметь полного доверия с вашей стороны. Я готов остаться и работать вместе с вами при условии, что получу сегодня не менее двух трети голосов присутствующих. Но это не будет означать, что я готов в ответ ослабить требовательность к руководителям и работникам. Наоборот. Служебная, трудовая, личная дисциплина среди нас должна быть более строгой и неукоснительной. Иначе мы культуру, в ее материальном выражении, потеряем.

Выступили многие участники собрания, говорили коротко, строго по делу. Приняли единогласное решение о полном доверии мне в должности министра.

И пошел к Джохару Дудаеву.

Почти завершенный реконструкцией старый обком оказался как бы ничейным. За него уже разворачивали нешуточные схватки новые политические и экономические группировки.

Я был знаком с Джохаром с тех пор, как он стал майором и командовал эскадрилей. Он доводился родственником моему другу и однокашнику по институту. Каждый раз, когда Джохар присылал в отпуск в новой должности и в новом звании, мы «обмыслили» это событие. Д. Дудаев неизменно оставлял у меня приятное впечатление своей начитанностью и манерами в общении, лишенными солдафонства.

Джохар Дудаев, безусловно, был советским патриотом и интернационалистом, но вовсе не потому, что был женат на русской. Он постоянно интересовался историей и культурой своего народа, великолепно знал и любил творчество М.Ю. Лермонтова, читал наизусть многие его стихи и большие куски из поэм, особенно касающихся темы Кавказа, Чечни и чеченцев.

Выслушав меня, он тут же позвонил госсекретарю Асланбеку Акбулатову и сказал, чтобы вопрос о передаче кому бы то ни было старого здания обкома не рассматривали без него. А потом тут же загорелся желанием немедленно осмотреть здание самому и поспешил к выходу.

Сразу забегала охрана, и мы, под взглядами толпы любопытных, вышли из Президентского Дворца. Идти предстояло метров триста, но проходили мы это расстояние в течение доброго часа. Джохара узнавали и окружали люди, дняющие и ночующие на главной площади Грозного в ожидании новых событий.

Они восторженно приветствовали генерала, поздравляли, задавали вопросы – словом, шел наглядный процесс творения кумира. Видно было, что генералу, долго жившему вдали от своего народа, было приятно ощущать внимание людей в роли их лидера.

Полностью обойдя нижние этажи, мы поднялись на третий и оказались на балконе с ажурной колоннадой, выходящем на площадь.

на В. И. Ленина. Памятника вождю уже не было, его свалили толпы митингующих и куда-то увезли.

Д. Дудаев окинул взглядом пустой пьедестал и неожиданно произнес:

– А я помню, как в августе 1958 года вы, комсомольские работники, отнимали у митингующих микрофон с трибуны возле этого памятника. Мне было тогда тринадцать лет. Мы, учащиеся школы-интерната, что на Старопромысловском шоссе, убежали с уроков, чтобы посмотреть на митинг. Тогда я и запомнил тебя, – удивил он меня. – Передай своим работникам, что это здание возвращается народу, и никто не посмеет вас больше беспокоить. Все, что нужно для его быстрого ввода, сообщи Яраги Мамодаеву и мне – для контроля.

За нашими спинами раздались громкие аплодисменты. Это были музейные и министерские работники, сбежавшие сюда, узнав о приходе Д. Дудаева.

Он ушел, окруженный охраной, а мы еще долго переживали уже случившееся, но еще утром казавшееся невозможным. У Заремы Мусаевой – директора музея, глаза блестели от счастья.

– Ну вот, Абдулла Гарсиевич, – с упреком сказала она, – а вы хотели уйти.

Я пожал плечами:

– Воистину, не знаешь, где потеряешь, а где найдешь. Сейчас самое главное – как можно быстрее перевести весь музейный фонд сюда. Экспозиции будем разворачивать в процессе, не спеша, тем более, что рассчитывать на помощь из Москвы или от соседей сейчас не приходится, – поделился я с товарищами своими мыслями.

– Нужно начинать. Концепция разработана, тематические планы имеются, – заметила Мусаева З. А.

Но поддержали другие работники.

Но торжествовать оказалось рано. На пути создания головного музея республики оказалось еще немало сложностей.

Май, 1992 год. Мне позвонили рано утром и сообщили об ограблении краеведческого музея.

Не заходя на работу, я пошел в старый музей. В хранилище проникли не снаружи, а через внутренние помещения. Для этого грабители взломали замки на трех усиленных дверях и попали в железобетонное хранилище внутри здания, взломав металлическую дверь. Трудно было поверить, что это под силу даже очень крепкому человеку, но никаких следов применения сварки или ножовки по металлу мы не заметили — двери были вскрыты физическим рычагом.

По рассказам женщин-сторожей, во двор музея зашли двое мужчин, один из них в милицейской форме. Ничего не подозревающие сторожа запустили их в дежурку. Милиционер сразу наставил на женщин пистолет, а второй связал им руки, завязал рты и приказал лечь на пол. Потом он вышел и отсутствовал минут двадцать пять–тридцать. Все это время милиционер сидел на стуле, направив пистолет на дрожащих от страха женщин.

Человек в гражданском вернулся, и они ушли, оставив сторожих лежать на полу.

Несчастливым женщинам удалось самостоятельно освободиться, и они позвонили директору музея.

Немедленно были поставлены в известность все правоохранительные службы. В тот же день по радио и телевидению я обратился к населению с просьбой оказать помощь в розыске и возвращении в музей уникальных предметов, представляющих историческую и культурную ценность для республики и народа. Но все было бесполезно.

Грабители проникли в хранилище, собрали и унесли старинные пистолеты, шпаги, царские и советские ордена, монеты и другие дорогостоящие, но ценные вещи. Было похищено тысяча шестьсот пятьдесят семь единиц фондового хранения, в том числе двадцать восемь ранних орденов Ленина, выполненных из золота и платины, тридцать два кинжала с декоративной отделкой из драгметалла — XIX — начала

По данному показателю мы занимали предпоследнее – 72 место среди республик, краев и областей РСФСР. Для сравнения: в Ставропольском крае приходилось 179, в Кабардино-Балкарии – 177, в Камышкии – 166, Северной Осетии – 136 мест, Дагестане – 111 мест.

Долгое время делами кино управлял Государственный Комитет по кинофикации. Председателем его был Г.М. Дегтярев, под началом которого я работал в аппарате Совета Министров республики. Потом кинофикацию передали министерству культуры. На должность начальника нового управления был назначен Хамид Гандалосов, работавший до этого в аппарате обкома партии. Я знал Хамида Илезовича по совместной работе в 70-х годах в оргинструкторском отделе Совета Министров.

Трудности в работе появились, когда были разрешены частные видеосалоны, появившиеся как подснежники после весеннего таяния снегов. Молодежь хлынула туда. В небольших помещенных легче было создать уют и условия для общения, а кассеты появились на любой вкус. Вкус же у большинства неожиданно оказался на всякую клюкву, порнуху и прочую чернуху. Органы культуры не были приспособлены для борьбы с этой заразой и проигрывают «по всему полю».

Несмотря на это, сеть киноустановок росла, а качество обслуживания повышалось. Там, где позволяли условия, мы вернулись к старому опыту, когда перед началом киносеансов играла музыка, выступали артисты, можно было потанцевать, воспользоваться услугами буфета и т.д.

И, тем не менее, телевидение стало отнимать зрителя не только в городах, но и в сельской местности. Тогда мы не знали возможности этого могучего монстра, думали, что оно несет культуру, нравственность и полезную информацию.

А оно в руках частных собственников оказалось источником разложения человеческой морали и духовности, распространителем мещанского эгоизма, пошлости и похоти, мощным орудием моральной эксплуатации человека в угоду всепоглощающего и пожирающего капитала. Если Запад, похоже, что-то предпринимает,

чтобы снизить опасность телевизионной экспансии, то Россия, и мы вместе с ней, еще далеко не достигли дна пропасти, в которую вступим. А сколько понадобится сил и времени, чтобы выбраться оттуда? Сумеют ли наши внуки и ближайшие потомки выстоять? Вопрос не риторический.

Такими вопросами все больше задаются выдающиеся представители научной и творческой интеллигенции, люди умственного труда, религиозные деятели. Но ответов еще нет.

И 80-е годы в республике были уже прочно сформировавшиеся творческие Союзы: писателей, художников, театральных деятелей и кинооператоров. Кроме этого, активно действовал Союз журналистов, отделение Союза кинематографистов и другие объединения людей, профессионально действующих в сфере культуры.

Я хорошо осознавал необходимость налаживания теснейших связей и активного сотрудничества с ними. И надо сказать, что с первого же дня в новой должности у меня установились с руководителями этих Союзов самые теплые и деловые отношения.

Только с одним из них я так и не вступил ни в какой контакт. Это был председатель Союза писателей Чечено-Ингушской республики Е.В. Чебалин. Махровый шовинист, автор античеченской книги «Час двуликого» был лично неприятен своим непомерным высокомерием и гипертрофированным чувством своей значительности. Он был навязан нашим писателям в наказание за то, что они слишком долго и некрасиво грызлись за должность председателя правления Союза. Тогдашний первый секретарь обкома А.В. Власов действительно решил: не хотите принять нашу кандидатуру, получите вместо студентника. Это был цинизм высочайшей пробы, но писатели — чеченцы и ингуши, согласились безропотно, лишь бы не нарушить избрания на новый срок небезызвестной Раисы Ахматовой, которая неизменно руководила Союзом более двадцати лет. Она писала в основном на русском языке. Ее лирические стихи были посвящены красоте родной земли, любви (чаще — неразделенной), судьбе женщины-горянки и другим темам идеологического характера. Как пишет ее биограф А. Кусаев: «Благодаря переводчикам

(в том числе, мастерству поэтов: Н. Озеровой, Т. Русакова, И. Миняка, В. Богданова и т.д.) ее поэзия быстро становилась известной российскому читателю».

Е.В. Чебакин в должности председателя оставался недолго ушел вслед за А.В. Власовым. Его сменил замечательный поэт и душевный человек Шайхи Арсанукаев, с которым я сотрудничал с удовольствием и, надеюсь, с пользой для дела. Главное, мы наладили и широко практиковали государственный заказ: драматургам – пьесы для постановок, поэтам – стихи для песен, а желающим – сценарии для массовых праздников, скетчи, юморески, репризы для конференса и т.п. Мы тесно сотрудничали в этом плане с Магомедом Мусаевым, Билалом Саидовым, Ахмедом Сулеймановым, Саидом Гацаевым, Мусой Ахмадовым и многими другими литераторами.

Шайхи немного старше меня. Он родом из горного Дышни-Ведено. Может, оттого и творчество его пропитано истинно народным духом. Автор многих замечательных стихов о родном крае, его красотах, нелегкой судьбе, обычаях и традициях народа, он пришел ко мне по душе с первой встречи.

Мне приходилось бывать с ним в гостях за пределами республики, участвовать в работе различных собраний, конференций, съездов – и везде Шайхи оставался спокойно-мудрым, добропорядочным, интеллигентным по духу и поведению.

Мне кажется, я неплохо знаю творчество наших писателей и поэтов старшего и среднего поколения. Но такого впечатления, как его поэма «Меч Тимура», на меня не оказывало ни одно другое произведение. Прочитав, я показал ее режиссеру Руслану Хакишеву. Он тоже был восхищен ее колоритным народным духом, напоминающим героическую песню или, прекрасными образами героев и эпизодами, написанными живым и сочным языком.

У нас возникла идея поставить спектакль на основе этой поэмы. Решено было заказать Шайхи пьесу, а театру – постановку спектакля. Расходы на приобретение драматического произведения и постановку министерство брало на себя. Свою часть работы по

выполнил: переработал поэму в пьесу, а мы не успели. Так сильно жалею о чем из упущенного и несделанного за последние годы не переживал.

Надеюсь, еще найдется режиссер, который возьмется за эту постановку. Не сомневаюсь, ему будут благодарны не только современники, но и потомки. Если они еще будут владеть родным языком. Ну, это – от отчаяния.

Заказывали мы пьесу и почтенному Магомеду Мусаеву о славленце Бейбулате Таймиеве. Он написал, мы выкупили ее, но с постановкой на сцене не получилось. Руслан Хакишев, согласившийся сначала поставить спектакль, раздумывал долго. Я даже начал его торопить, допирал по-стариковски ворчал и даже жаловаться стал.

Но шел 1991-й памятный год, все смешалось и перепуталось в нашем отечестве. Прежние кумиры померкли, их низвергли, на их пьедесталы объявились новые имена, но в чем их героизм, никто толком объявить не мог.

Раньше Бейбулат был героем, как сторонник союза с Россией, офицер русской армии, стремившийся объединить чеченцев под российской короной, а теперь оказывалось, что он боролся с империей и ее администрацией в Чечне. За кого же он был на самом деле: за «белых» или за «красных», не мог объяснить никто, даже сам автор.

Я лично и теперь, после большого количества публикаций по истории Чечни, при упоминании имени «славного Бейбулата» (по характеристике А.С. Пушкина) путаюсь в оценке личности и роли этого полумифического героя.

В искусстве очень важно определить и расставить все акценты, когда речь идет о политике и роли личности в истории. Литературный образ, воплощенный в театральной постановке или в кино, как бы приобретает вторую жизнь, становится в сознании большого количества людей реально существующим или существовавшим, а его поступки могут послужить примером для подражания. Хо-

рошо, когда жизнь и поступки были посвящены интересам народа и социальной справедливости, а не личной славе.

Однажды ко мне в министерство пришел стеснительный, сельского вида человек. Он сказал, что приехал из Дышни-Ведень, где учителствует, и хотел бы предложить пьесу для чеченского драмтеатра.

Вспомнив, что из того же села и Шайхи Арсанукаев, я шутиво заметил:

– Что-то много писателей завелось в вашем ауле.

– Наверное, сама природа располагает, – серьезно ответил посетитель.

– Людская или окружающая? – переспросил я.

– И та, и другая. Кругом горы, лес шелестит, внизу речка шумит, днем солнце греет, а ночью звезды горят – хорошо думается.

– Да ты поэт, а говоришь, пьесу написал.

– Есть немножко.

Это был Саид Гацаев. Выглядел он, прямо скажем, не очень складно.

«Очередной чудак, возомнивший себя драматургом», – грозным делом, подумал я.

Договорились, что прочитаю текст и передам его в театр.

– Как там решат на художественном совете, так и будет, – уверил я автора.

В конце рабочего дня, убирая бумаги со стола, заметил папку и начал просматривать плохо отпечатанную на какой-то желтой бумаге пьесу. Так, стоя, я прочитал первый акт, заинтересовался и взял папку с собой. Дома, читая пьесу про себя, я стал смеяться, а потом стал читать вслух, чтобы слышали и домашние.

– Это что, продолжение «Бож-Али»? – спрашивали дети.

– Хороший язык. Написано, будто с природы, – заметила жена. – Юмор по делу и понятный даже нашим городским детям. А сцена с разводом – чудесная находка. Смешно и правдоподобно.

Это была комедия «Чудаки». Пьеса была принята театром и поставлена. До сих пор помню, как здорово играли роль главного героя Бай-Али Вахидов, его соседа-provокатора – Имран Джамаев, и сварливого отца – Ахьяд Гайтукаев.

Потом была еще одна комедия Саида – «Бедовый зять».

А. Кишироп с сыновьями – Асланбеком, Муслимом и племянниками – Турбеком и Зурабом. На руках внучка – Хава, внизу – Айза.

Потом так я получил еще один урок жизни: не суди о человеке по внешнему виду, а постарайся узнать его и понять. Это, как с орехом. В орехе в дереве, он лежит в сморщенной, полугнилой, почерневшей скорлупе, а под ним еще твердая, как кость, скорлупа. И лишь под ней вкусный и полезный плод. Правда, бывает и червивый, но это естественно, подтверждающее утверждение первое, только червь вредит.

Так началось сотрудничество театра с Саидом Гацаевым, ко-

торое, насколько мне известно, продолжается и теперь, после всего того, что произошло с театром и со всеми нами.

Я всегда удивлялся и поражался чеченскому юмору – тонкому, наблюдательному, глубокому, умному, искрометному. Только умный человек обладает настоящим юмором и умеет здраво воспринимать его. Потом, значительно позже, я узнал, что Саид не так прост. Он окончил университет в Грозном, аспирантуру в институте мировой литературы в Москве. О нас, чеченцах, нечеченцами написано много. За редким исключением, там нет правды, а лишь поверхностные наблюдения, даже в тех случаях, когда авторы пытаются оставаться в ладу с совестью.

Им не дано разгадать феномен таких людей, как гацаевские герои – простые труженики и отчаянные юмористы, в любой момент готовые защитить свою честь и достоинство.

Совсем другим человеком был Магомед Сулаев. Меня с ним впервые лично познакомил мой друг Абузар Айдамиров перед читательской конференцией по его книге «Товсултан уходит в горы», состоявшейся в конце 1964 года в новом районном Доме культуры в Ножай-Юрте. Я, в то время секретарь райкома партии, должен был вести встречу М. Сулаева с читателями. Признаться, тот роман не оставил у меня высокого мнения, но положение хозяина сдерживало от критики. А вопросов автору из зала поступало немало, причем довольно острых.

Учитель и поэт Недирсултан Бушуев, помню, не согласился с автором по вопросу о княжеской и другой родовой знати в истории чеченцев.

– У нас князей своих не было, – говорил он, – но рваных сапогов из грязи в князи было немало. Кто из них был опаснее, другой не прос.

Я тоже по молодости не удержался и бросил реплику: почему это ваш герой, разочаровавшись в городской жизни, уходит в горы? Он что, воспитывать нас решил или намерен спрятаться в удаленной тиши и глуши? В таком случае мы его разочаруем. Надеюсь, вы уже поняли, что ножайюртовцы живут вполне современной жизнью, а не

...иногда. Зал встретил мое замечание аплодисментами, а Магомед удивился и стал как школьник оправдываться. С тех пор мы стали друзьями. Лишь узнав его близко, понял, почему этот элегантный, внешне аполитической внешности, отстраненно сдержанный человек позволял публично обращаться к себе с таким сокращенно-ласковым домашним именем Мамед, подобающим детскому возрасту. Это было и характере этого человека, главными чертами которого были воспитанность, благородство, порядочность. Я бы сказал, он был очень чистоплотным человеком. И не только внешне, но и в душе. Мне довелось много общаться с Магомедом в кругу друзей, на разных читательских конференциях, встречах с писателями, в разговорах. И везде он оставался предупредительным и уважительным, совсем по-детски доверчивым и незащищенным.

Мне любил его поэзию. Она не просто лирична и музыкальна. В ней много светлых и добрых мыслей, народной мудрости и гражданских чувств.

Признаться, встретившись с ним впервые, я принял его за простого городского пижона, выросшего в достатке и лени. Оказалось, что нет. Магомед во многом сделал себя сам. Настойчиво учился. В 1940 году окончил медицинский институт и поехал работать в Шум-Кали. По тем временам, это был поступок, требующий не только желания быть полезным своему народу, но и немалого личного мужества. Там, в далеких горах, он встретил войну и не бежал, а вплоть до выселения оставался на своем посту.

Свою молодость я оставил на чужбине, — говорил он.

На многие стихи Магомеда Сулаева написана музыка. Помогает это очень важное достоинство поэзии, когда стихи становятся песнями. Значит, в них есть главное — живая душа, тепло человеческого сердца, сопереживание чувствам других.

Магомед крайне тяжело переживал «чеченскую смуту» 1991 года, переживая за возможные последствия.

Какой-то рок довлеет над нами, — говорил он. — Неужели

нынешнему поколению предстоят тяжелые испытания, которые выпали на нашу долю? Нельзя этого допустить!

Не смогли мы предотвратить беду. На этот раз Магомеду хватило сил пережить даже ее начало. Он умер в 1992 году.

К середине 90-х годов Союз художников имел уже собственную историю, свою организационную структуру, в его состав вошло сорок человек.

Однако союз и сами художники не имели сколько-нибудь увлекательной материальной базы, в виде выставочного зала, мастерских, налаженной системы реализации работ, государственного заказа и т.д.

В составе Союза было очень мало профессионалов из числа чеченцев и ингушей, имеющих специальное образование. В 1985 году среди них, высшее художественное образование не имел никто.

Председателем Союза был Хамур Ахмедов – очень интересный художник, особенно в графике, и замечательный человек. Мне было приятно с ним общаться. Очень простой, обходительный, с мягкими манерами, но с чувством собственного достоинства, Хамур умел слушать и слышать собеседника, уважал товарищей по цеху.

Первый разговор со мной он начал с того, что у многих художников накопились работы, их закупка министерством проводится плохо, нет помощи в организации выставок, не практикуются заказы.

При проверке оказалось, что в бюджете выделяемых на эти цели средств ничтожно мало, да и те не осваиваются, работы не купаются, в основном, у одних и тех же лиц.

Закупочную комиссию мы немедленно пересмотрели, привели туда новых профессионально подготовленных людей. Возглавил ее я сам. За счет экономии средств по другим статьям был значительно увеличен закупочный фонд, сделали двухэтапным и полностью прозрачным сам процесс закупки.

Сначала отбирались предлагаемые художниками работы для просмотра, а затем уже комиссионно производили закупку. Они

процедуры были открытыми, в них могли принять участие все желающие. Так как Министерство не могло выкупить все работы сразу, правление Союза установило очередность выставления художниками своих работ на комиссию. Словом, порядок в этом деле был наведен. Открыли приличный выставочный зал, магазин «Художник», через горисполком помогли целой группе художников получить пустующие помещения под мастерские. Министерство обратилось к республиканским учреждениям, хозяйствующим субъектам с просьбой размещать заказы на художественное оформление служебных помещений, актов залов, а также праздничных мероприятий только через Союз художников.

Одновременно была развернута активная работа по открытию в районах республики художественных мастерских, детских художественных школ, выставок детских рисунков. Группа наиболее талантливых юношей и девушек была по договоренности направлена на учебу в Дагестанское и Северо-Осетинское художественные училища, а также в художественное училище в подмосковное Архангельское.

Впервые были направлены на учебу в Ленинградскую академию живописи и ваяния братья Лечи и Султан Абаевы, а в Тбилисскую академию – первая чеченка-художница Раиса Тесаева. Ее картина «Автопортрет» производила сильное впечатление тонкостью письма и психологизмом в передаче образа современной чеченки, вступающей в новую жизнь, интересную и пугающую одновременно. Раиса будто чувствовала надвигающуюся опасность и свою личную трагедию, связанную с болезнью. Академию художеств по нашему направлению талантливый художник Султан Раисов, работающий сейчас в Великобритании, а также Сайд-Магомед Бицраев, окончивший затем аспирантуру и преподающий теперь в академии в Санкт-Петербурге.

Придет, уверен, день, когда все они вернутся на свою возрожденную родину и послужат процветанию художественной культуры

чеченского народа. Не будет с ними, к сожалению, замечательного художника-самородка Рамзана Мальсагова, погибшего в эту проклятую войну в своей мастерской в родном селении Автуры. Остаётся лишь надеяться, что родственники и друзья художника сохранят то, что осталось из его оригинальных произведений.

К 1991 году в художественных академиях и училищах училось уже десятки наших девушек и юношей. К сожалению, я мало знаю об их дальнейшей личной и творческой судьбе, но уверен, придет время, и потомки с гордостью назовут их имена.

Из тех художников, с кем мне довелось познакомиться поближе, хотел бы самыми добрыми словами упомянуть Шамсуддина Шамурзаева, Мурада Полонкоева, Аманди Асуханова, Шамсуддина Ахмадова, Зелимхана Эсмурзиева, Дарчи Хасаханова и руководителей Союза Хамура Ахмедова и Ваху Умарсултанова. В конце 80-х Ваха сменил Хамура на посту председателя Союза и показал себя энергичным организатором в новых условиях. Должен сказать, что из опыта работы с нашей творческой интеллигенцией я вынес устойчивое мнение, что художники – самые спокойные, трудолюбивые и благодарные люди во всей замечательной и сложной среде деятельности культуры и искусств.

В 2003 году в Москве вышла роскошная книга (на чеченском языке!), изданная на средства профессора Джамалдина Курумова, «Антология чеченской поэзии», составитель Лема Ибрагимов (Книжки). Я несказанно был благодарен спонсору, приславшему мне экземпляр ее с дарственной надписью.

Хорошо зная лично и глубоко уважая членов редколлегии – Абузара Айдамирова, Шайхи Арсанукаева, Ваху Дыхаева, Хасана Турпиева и Алвади Шайхиева, выражая сердечную благодарность всем, кто оказался причастным к собранию и изданию этой сокровищницы чеченской литературы, особо хотел бы отметить работы замечательного художника Шамсуддина Ахмадова, включенные в нее, и украсившие эту очень нужную книгу.

Уверен, творчество Шамсуддина станет достоянием мирового театрального искусства, а имена издателя и составителей книги, безусловно, войдут в историю чеченской литературы и культуры.

Я также рассказывал об участии Чечено-Ингушетии в международной выставке-ярмарке осенью 1989 года в столице Сирии – Дамаске. Хотел бы особо отметить, что по итогам специального конкурса на лучший товарный знак нашей экспозиции комиссия единогласно отдала предпочтение эскизам молодого художника-ингуша Зелимхана Эсмуршева. Очень надеюсь, что замечательное дарование этого человека с годами глазами проявится в ярком и многообразном творчестве.

Если писатели и художники, в большинстве своем, не работали непосредственно в учреждениях культуры, то члены общества театральных деятелей, актеры, режиссеры и другие служили в театре, получали здесь заработную плату и во многом зависели от состояния материальной базы, обстановки в коллективе, режиссера, сценарии и т.д.

А вся эта цепочка не всегда действовала слаженно и согласованно, потому сделать так, чтобы весь механизм театрального дела работал хорошо, было не просто. Сбой в любом звене нарушал ритм и работу всего «конвейера».

Театр – сложная организация. В республиканском (АССР) или областном театре занято, как правило, пятьдесят и больше только творческих работников: режиссеры, актеры, художники т.д. Да обслуживающего и технического персонала столько же. Получается, больше сотни работников. И у каждого по несколько проблем: жилье, роль, категория, звание, зарплата, премия, признание и т.п. Заведется в коллективе двое-трое с норовом – еще проблема. А если каждый актер про себя еще и гений, неповторимая личность – легко себе представить, какой там накапливается взрывоопасный материал.

Рассказывали, что помещение, в котором при создании помещали русский драмтеатр, на площади Орджоникидзе было первоначально крытым городским рынком. Чечено-Ингушский

театр после восстановления республики работал в бывшем клубном помещении.

После ликвидации РТКЗ и перевода ингушского театра в клубный все четыре театра на сцене могли работать по пятнадцать дней в месяц. Но это теоретически. На деле в обоих зданиях часто проводились разного рода республиканские, городские и районные мероприятия, отнимавшие у творческих коллективов драгоценное время, причем, совершенно безвозмездно.

Многие актеры десятилетиями проживали в общежитиях, съемных квартирах. Заработная плата у большинства из них была очень маленькой. Так что сам творческий процесс в них проходил в довольно сложных условиях. Хорошо сознавая это, мы пытались всеми силами поддерживать их, в первую очередь, дотациями, стипендиями и прочими мерами морального и материального характера.

С начала работы министром я стал изучать материалы по истории наших театров.

Созданный в 1931 году чечено-ингушский театр проработал уже более сорока лет (без учета тринадцати лет, пришедшихся на изгнание). В его составе еще работали артисты старшего поколения, живые носители добрых традиций и национального колорита. Но в основном он состоял из профессионалов, получивших театральное образование в ВУЗах Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Воронежа, проработавших под руководством замечательных режиссеров М. Минаева, А. Белолипецкого, П. Харлипа, Х. Батукаева.

Теперь в театре работали свои национальные режиссеры – Мамалт Солцаев и Руслан Хакишев, воспитанники знаменитой Ленинградской театральной школы. Они во многом переосмыслили старый репертуар, который теперь стал действительно национальным по тематике драматургии, характеру образов и сценографии. Для театра плодотворно работали и местные авторы, пробовали свои силы в драматургии сами М. Солцаев и Р. Хакишев. В театре успешно работали ветераны сцены Яраги Зубайраев, Асет Исаева, Асет Ташухаджинова, Тамара Алиева, Хава Хакишева и другие.

В начале 70-х годов в труппу влились выпускники театральных ВУЗов: Хамид Азаев, Раиса Гичаева (Исаева), Нелли Хаджиева, Абдул-Мутелип Давлатмирзаев, Юсуп Идаев, Муса Дудаев, А. Маршутдинов, Бай-Али Вахитов. Замечательными мастерами сцены стали воспитанники студии при театре: Дагун Омаев, Зулай Багалова, Альпин Дениев, Зура Радуева, Хож-Бауди Исраилов и другие.

К началу 90-х национальный театр не избежал известной политической ситуации, но коллектив его остался до конца верным театральному братству, не порвал свои тесные связи с культурой России.

Русский театр в Грозном как профессиональный коллектив начал работать в ноябре 1938 года постановкой спектакля по пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем». К 1985 году театр имени М.Ю. Лермонтова имеет почти полувековую историю. Возглавляла этот театр энергичная Валентина Сергеевна Арская, главным режиссером был Игорь Александрович Гуревич, режиссером – Людмила Хамидовна Куразова.

В труппе работали народный артист РСФСР В. Оглоблин, заслуженные артисты РСФСР М. Слуцкая, И. Жирнов, заслуженные артисты республики В. Панов, Н. Чипиженко, С. Холмский, И. Белоглазов и другие. Театр имел богатый репертуар из русской и зарубежной классики, ставил спектакли по пьесам советских авторов, а в последний период стал активно работать с местными авторами, в том числе с Н. Музаевым, А. Боковым, А. Мальсаговым, С. Чоккиевым и другими.

Надо отметить, что для русского театра в республике зрительная база была ограничена. Русское население проживало в основном в Грозном, а также частично в г. Гудермес, в Наурском, Сунженском и Шелковском районах. Обновлять репертуар с тем, чтобы постоянно обслуживать пять точек, было сложно, ибо средств выделялось лишь на постановку двух-трех спектаклей в год. Преодолевая немалые трудности, мы стали проводить гастроли театра имени М.Ю. Лермонтова за пределами республики – на Ставрополье, в Краснодарском крае, в Ростовской и Воронежской областях. Нам

удалось организовать большое турне театра по Украине, ряду северных и южных российских городов.

В начале 90-х годов начался заметный отток русскоязычного населения из Грозного и республики, а с началом общественно-политического кризиса в конце 1991 года резко ухудшилось финансирование всей сферы культуры и русского театра соответственно. Если чеченцы и ингуши – работники учреждений культуры и искусств – имели в республике родственную базу и получали материальную помощь от родителей и близких, то таких возможностей у русскоязычных коллективов не было.

Театр разваливался. Чтобы спасти хотя бы основной костяк, я бросился в министерство культуры РСФСР с предложением взять русский театр на прямое финансирование из Москвы. Но там меня не поддержали. Видя такое положение дел, И.А. Гуревич бросил театр и уехал, а некоторые члены коллектива, в основном занятые в ролях второго и третьего плана, стали расшатывать творческую и трудовую дисциплину, обвиняя во всех бедах В.С. Арскую.

Мы предпринимали усилия, чтобы объединить желающих работать вокруг Л.Х. Куразовой и В.М. Белоглазова и сохранить театр. Вплоть до самого начала военных действий нам это, в общем-то, удавалось. Однако, в конце первой военной кампании, декабрь 1994 г. – апрель 1995 г., в Грозном из русского театра никого не осталось. Но меня тогда в министерстве уже не было.

Днем создания театра кукол считается 30 ноября 1935 года, когда группой артистов национального драмтеатра был поставлен спектакль «Волшебные галоши», на который были приглашены дети. Сразу же после восстановления республики в 1957 году была образована полноценная чеченская труппа кукольного театра, в которой выступали известные актеры: Тамара Алиева, Асет Ташухаджиева, С. Шаипова, Т. Закриев, М. Албастов, Р. Мехтиева. Театром кукол в разные годы руководили Гарун Батукаев, Билал Саидов, Хасан Шаипов. Мне посчастливилось знать их всех, лично видеть спектакли в их постановках.

В мою бытность министром директорами работали Арби Урманов и Бек Абадиев, а режиссерами были Яраги Делаев и Тамира Исева. В составе театра теперь работали три труппы: чеченская, русская и ингушская, которые проводили огромную работу по художественно-эстетическому воспитанию детей. Кукольники выступали в клубах, школах и дошкольных учреждениях в самых отдаленных уголках республики. Мы старались всемерно поощрять и поддерживать коллектив детского театра. Старейшая актриса театра Роза Хасановна Мехтиева была тогда награждена одним из высших орденов СССР.

С появлением Союза театральных деятелей мы стали лучше знать положение дел в театрах, нужды актеров, проблемы с гастролями, организацией зрителей, совместно планировать и проводить работу по развитию театральной культуры в республике.

Долгие годы председателем Союза был Дагун Омаев. Ведущий актер театра, занятый съемками в кино, депутат Верховного Совета ЧИ АССР, он в 1990 году на очередном съезде настоял на своем освобождении от этой должности. Когда встал вопрос, кого же избрать председателем СТД, неожиданно поднялся Ахмед Закаев, актер театра Х. Нурадилова, и предложил свою кандидатуру. Такое символовыдвижение до сих пор не практиковалось и поэтому явилось для всех полной неожиданностью. Однако делегаты от национального театра практически в полном составе выразили ему поддержку. Я был об Ахмеде вполне положительного мнения, как о человеке, так и актере. Выпускник Воронежского театрального института, фактурный, воспитанный молодой человек, правда, несколько амбициозный, но эту черту в период перестройки уже не считали отрицательной. Поэтому у меня не было основания возражать против его кандидатуры.

Должен, правды ради, отметить, что Ахмед Закаев с первых дней понес дела в СТД довольно активно. Смело ставил назревшие вопросы не только перед министерством культуры, но и перед руко-

водством республики и Союзом театральных деятелей Российской Федерации, решительно поддержал меня при решении вопроса о поездке чеченского театра на Всероссийский фестиваль национальных театров в Чебоксары в январе 1993 года, когда ичкерийские власти практически изолировали Чечню от России.

Весьма небольшим по численности, молодым по возрасту, но уже заявляющим о себе все громче и многообещающе был Союз композиторов. В нем состояли уже утвердившиеся в творческом цехе на российском и всесоюзном уровне композиторы Аднан Шахбулатов, Умар Бексултанов, Сайд-Эми Димаев, Наталья Антоненко, музыковед Светлана Татаева. Заметный вклад в развитие музыкальной культуры республики вносили Рамзан Паскаев, Зайнди Чергезбиев, Али и Амарбек Димаевы, Имран Усманов, Супьян Цугаев и другие музыканты – исполнители и мелодисты. Их мастерство в 80-е и в начале 90-х годов достигло высокого профессионализма, оттачивалось и приобретало широкое признание у любителей и ценителей современной национальной музыки.

В свою очередь Министерство культуры всемерно стремилось создать для композиторов и музыкантов атмосферу общественной потребности их творчества и условия для его развития.

В этих целях была организована закупка произведений, государственный заказ и пропаганда профессиональной национальной музыки. Проводились творческие вечера, концерты симфонического оркестра по произведениям местных авторов. Последний такой концерт перед войной был посвящен творчеству Саид-Эми Димаева.

Мне в конце 2007 года довелось побывать на музыкальном вечере памяти Аднана Шахбулатова в Доме музыки в Москве. Вечер вылился в трогательную встречу музыкантов и любителей музыки из Чечни, проживающих в Москве, в настоящий праздник удивительного дарования замечательного композитора, которому болезнь и ранняя смерть не позволили проявить себя в полную силу.

Москва. Вечер памяти композитора Аднана Шахбулатова. 2007 год.

Меня особенно радовало то, что нам за короткое время удалось узнать число детских музыкальных и художественных школ и школ искусств. К 1991 году их у нас насчитывалось более шестидесяти и в них обучалось более двенадцати тысяч детей. Такие школы работали не только в Грозном, Гудермесе, Аргуне и других райцентрах, но и в отдаленных горных селениях. К примеру, успешно работала музыкальная школа в с. Элистанжи Веденского района, руководимая Саидбеком Евсеевичем – выпускником Краснодарского института культуры. Школа искусств в п. Ойсхара (Новогрозненский), где до сих пор директорствует Аляма Ильясов, была участницей многих зональных и всероссийских выставок, ряд выпускников ее окончили средние и высшие специальные учебные заведения. Хорошо работала музыкальная школа в станице Петровщиповская (директор – Магомед Горчханов).

Настоящим центром детского музыкально-эстетического воспитания стала музыкальная школа в Урус-Мартане. По-настоящему творческий интернациональный коллектив преподавателей во главе с замечательным организатором Валентиной Ивановной Пузиной проводил здесь очень большую работу. При строительстве в городе Урус-Мартан нового Дворца культуры мы добились сооружения специальной пристройки к нему для ДМШ. Более двухсот одаренных мальчиков и девочек обучались здесь музыке в условиях, не уступающих даже московским аналогичным учреждениям.

Детские художественные и музыкальные школы готовили ребят к дальнейшей учебе в наших училищах, а также за пределами республики. Мы ежегодно получали дополнительные квоты для внеконкурсного поступления в училища искусств Махачкалы и Орджоникидзе (ныне Владикавказ), в институты культуры Нахичивана и Краснодара. Также были налажены контакты с Московскими и Ленинградскими средними и высшими учебными заведениями культуры и искусства.

Помимо этого были открыты художественные отделения в культпросветучилище и педагогическом институте. И уже совершенно небывалое до того нигде в Союзе – в Чечено-Ингушском государственном университете им. Л.Н. Толстого был открыт актерский факультет.

Впервые такая идея возникла во время нашей беседы с новым ректором университета Виктором Кан-Каликом. Я посетовал на то, что подготовка актеров для наших театров через национальные студии в других городах проблему не решают. Трудности возникают при отборе, из-за препятствий со стороны родителей, которые не желают отпускать своих детей, сроком на пять лет, особенно девушек, в Москву, Ленинград, Тбилиси, Воронеж.

Проходит отсев во время учебы по разным причинам. Другим, отучившись и получив диплом, находят поводы не возвращаться в республику – женятся, выходят замуж и т.п. По всем перечисленным и другим причинам наши театры вместо двадцати пяти актеров и

актеров с высшим театральным образованием получают лишь пять-шесть молодых специалистов. Другими словами, «коэффициент полезного действия» этого метода подготовки кадров для театрального искусства республики оказывается крайне низким.

Клип-Калик тут же загорелся идеей:

– А что, если мы начнем готовить актеров у себя дома, и откроем для этого в своем университете специальный факультет, вечерский!

Договорились прозондировать почву для такой «авантюры» идеи, я в минкультуре, а В.А. Кан-Калик – в министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР. У Виктора Владимовича идею приняли без особого сопротивления, а в нашем ведомстве уперлись.

– Как это? – удивлялись наши спецы. – Артистов готовить в общеобразовательном ВУЗе?

Очень просто, – отвечали мы. – Наши режиссеры М. Солцаев и Р. Квиншев признаны среди лучших в России и Союзе. Так?

Ну, так, – отвечали нам.

У нас в театрах работают выпускники Ленинградского института театра и кино, Тбилисского театрального института, есть немало преподавателей-гуманитариев в Госуниверситете. А тех, чего недостает, будем приглашать на консультации, факультативы, семинары, мастер-классы из центра. Зато мы у себя дома отберем лучших, они будут при семьях, со всеми вытекающими отсюда выгодами материального и иного характера, смогут в течение всего периода обучения тесно общаться с театральными коллективами, где им предстоит работать, практиковаться, участвовать в репетициях, спектаклях.

Мы учитываем также и то, что при таком подходе снимаются возможности конфликтов между студентами на почве местнических и территориальных отношений.

Не найдя понимания в минкультуре России, заместитель председателя Совета Министров ЧИ АССР Т.У. Махмуджиева и

я пошли на прием к заместителю председателя Совета Министров РСФСР Е.М. Чехарину.

– Кажется, мне знакомо ваше лицо и эти усы, – произнес Евгений Михайлович, приглашая нас за стол.

– У вас хорошая память – я ваш воспитанник по ВПШ – АОН, – под сказал я своему бывшему ректору.

Внимательно выслушав нас, Е.М. Чехарин вызвал начальника отдела культуры Управделами Совмина и поручил подготовить письмо в Министерство культуры СССР о том, что Совет Министров РСФСР, в принципе, поддерживает предложение Чечено-Ингушской республики и просит рассмотреть его в порядке исключения.

В аппарате Минкультуры СССР наше предложение вначале тоже встретили с настороженностью, но мне удалось попасть на прием к министру В.Г. Захарову. Выслушав изложенные доводы, он нашел их достаточно обоснованными и убедительными, написал на наше письмо резолюцию «Не возражаю» и отписал в Главные учебные заведения для согласования с Министерством высшего и среднего образования.

Так в Чечено-Ингушском государственном университете появился новый факультет – актерский. К сожалению, он разделил судьбу всей сферы культуры республики.

В 1992 году был убит В.А. Кан-Калик, потом началась война. В 2004 году я с удовлетворением узнал от бывшей заведующей литературной частью театра им. Х. Нурадилова Хеди Берсанукаевой о том, что факультет возрожден. Кто знает, может, среди нынешних студентов вырастают новые таланты, способные поднять театральное дело в Чечне на новый современный уровень.

Во времена В. Даля понятие «досуг» означало свободное, незанятое время, гуляние, забавы, «простор от дела». В современном мире создали организации с целью объединить людей по интересам, способствовать их общению в процессе организованного отдыха. Другими словами: клубы, библиотеки, парки, кинотеатры, дискотеки

и другие. Этим учреждениям в годы советской власти придавали большое значение, отводили важнейшую роль в идеологическом и культурном воспитании, прежде всего, молодежи. Однако, в нашей республике, в силу разных причин, клубные, библиотечные и другие культурно-воспитательные учреждения поддерживались слабо.

По числу мест в залах постоянных городских кинотеатров Чечено-Ингушская АССР в 1985 году занимала предпоследнее – 72 место в РСФСР. У нас было 65 мест, тогда как в Ставропольском крае – 179, в Кабардино-Балкарии – 177, в Северной Осетии – 136 мест на 10 тысяч жителей. На одну киноустановку у нас приходилось 3145 жителей, а в Калмыкии – 946, Дагестане – 1472, Татарстане – 1494 жителей. Число посадочных мест в зрительных залах клубных учреждений всех ведомств на одну тысячу жителей в нашей республике приходилось всего 71, тогда как в Чувашской Республике их было 133, в Татарстане и в Дагестане – по 130 мест. Среднее число жителей на одно клубное учреждение всех ведомств в Чечено-Ингушской АССР было в 1985 году 1731 человек, в Калмыцкой АССР – 1084, Башкирской – 1292, Дагестанской – 1468. По этому показателю ЧИАССР была на 66 месте.

Еще хуже обстояло дело с качеством материальной базы клубных учреждений, особенно находящихся в собственности предприятий, иначе – в ведении Министерства культуры. Из них двадцать четыре процента нуждалось в срочном капитальном ремонте, то есть находилось в аварийном состоянии. Только у нас были клубные учреждения, размещенные в арендованных частных домах. Разумеется, такие учреждения числились лишь для отчета, реальной пользы людям они не приносили. Каждый житель Чечено-Ингушетии в 1985 году посмотрел кино на стационаре всего десять раз в году, тогда как в той же Калмыкии этот показатель составлял двадцать раз. Здесь, разумеется, сказывалось несколько факторов: соотношение стационарных и передвижных установок, обеспеченность телевидением, иные возможности населения удовлетворить свои культурные потребности.

Так, в Шатойском районе на базе Аргунского музея этнографического музея прошел первый фольклорно-этнографический праздник «Даймохк». В Доме культуры станицы Старогладковской состоялся праздник казачьего народного творчества, а в селе Мужичи – ингушский фольклорный праздник.

В республике заработали национально-культурные центры: ногайский – в станице Воскресенская Шелковского района, кумыкский – в селе Брагуны Гудермесского района и аварский – при базе клуба Кенхи Шатойского (ныне Шаройского) района.

Близким к фольклорным праздникам был и фестиваль культур народов Северного Кавказа «Терек – река дружбы», состоявшийся в республике в сентябре 1990 года.

Всемерно стремясь улучшить деятельность учреждений и организаций культуры и искусств, мы старались координировать свою работу профсоюзных и ведомственных клубных, библиотечных и музейных учреждений, тесно сотрудничать с творческими союзами в первую очередь, писателей и художников.

Постоянная увязка деятельности с ними обеспечивалась организационно тем, что их представители входили в Коллегию министерства, а содержательно – проведением большинства массовых мероприятий совместно.

Фестивали, смотры, конкурсы, выставки, чествования передовиков производства, деятелей культуры и искусства, других заслуженных людей становились доброй традицией.

Город Грозный, к сожалению, имел мало памятников. А те, что были в свое время воздвигнуты, относились в основном к периоду установления Советской власти или были посвящены выдающимся деятелям литературы: М.Ю. Лермонтову, А.И. Полежаеву и А.П. Чехову.

Стараниями научной, писательской и культурной общественности в Грозном был сооружен памятник Л.Н. Толстому, установлены мемориальные доски на домах, в которых жили классики чечено-ингушской литературы: Саид-Бей Арсанов, Саид Бадиев, Джамалдин Яндиев, выдающийся музыкант Умар Димаев, в станице

предложения находились памятники-бюсты Магомеду Мамакаеву, Заурбеку Мальсагову и мемориальная доска А.Х. Хамидову. В этом отношении у нас были большие планы и интересные предложения, однако они не суждено было тогда осуществиться.

В деле увековечивания памяти деятелей культуры часто возникали недоразумения с партийным руководством республики.

Новый секретарь обкома В.К. Фотеев, считавшийся наиболее открытым к национальной культуре, ознакомившись с текстами предложениями к установке мемориальных досок на домах, где жили С.Б. Арсанов и С. Бадугев, резко спросил:

— А кому они известны?

— Чеченскому читателю, — был ответ. — Ведь мемориальные доски устанавливаются не где-нибудь, а у нас, в Грозном.

И, тем не менее, становилось хорошей традицией проведение собраний писателей, художников, артистов, музыкантов и других деятелей культуры. Были широко отмечены юбилеи писателя и драматурга Идриса Базоркина, драматурга Абдул-Хамида Хамидова, поэта Шиида Рашидова, певицы Марьям Айдамировой и музыканта Умара Димаева.

Юбилей Умара Димаева проходил в зале филармонии. Пришло много поклонников его творчества: работники культуры, учащаяся молодежь, жители Грозного, Урус-Мартана и других мест.

Я знал Умара с 1945 года, по совместной жизни в с. Калиновское (Кара-Балты) Фрунзенской области Киргизии, где мы оказались в выселении, и считал себя счастливым человеком оттого, что с детства имел возможность слушать чарующую музыку своего народа в исполнении этого виртуозного мастера. Может быть, это было слишком самонадеянно с моей стороны — не музыкант и не критик — браться за доклад о жизни и творчестве Умара, но я это сделал.

Когда я заговорил на чеченском языке, присутствующие в зале от неожиданности притихли. А когда поняли, что я свое слово в отношении музыканте намерен произнести до конца на родном

языке, раздались бурные аплодисменты. Таким образом, все, кто здесь находился, разделяли мое мнение, что говорить о феномене Умара Димаева как музыканта, как истинно национального мастера можно только на его родном языке. Умар не был оратором и красноречивым человеком вообще, но умел заставить свою гармонию говорить самым возвышенным образом о родном крае, о горах наших и реках, о любимом коне и весенних цветах, объяснить и любви и весело пошутить.

Мне доводилось наблюдать, как в дружеской компании на шуточные обращения товарищей он отвечал музыкальными фразами: то насмешливо, то ворчливо, то душевно, а мог и бранно. И все становилось всем понятно.

Я рассказал одну быль, которая приключилась с Умаром. Место, где мы жили, от Алма-Аты – столицы Казахстана, находилось на расстоянии двухсот пятидесяти километров. Было это уже в то время, когда Сталина не стало, и режим для спецпереселенцев был ослаблен. Чеченцы ожили настолько, что у некоторых завелись личные автомашины, стали проводиться многодневные и хлебосольные свадьбы.

За Умаром приехали сразу на двух самых престижных в то время, машинах. В пути ехали, разумеется, с музыкой. Хозяин «Победы» просил водителя «ЗИМа» не гнать сильно, но тот не слушался. Такую же просьбу высказывал и Умар. В ответ водитель «ЗИМа» насмешливо спросил:

– Что, боишься?

Умара задело такое замечание.

– Ладно, – сказал гармонист, – гони свой «ЗИМ», пока он не взлетит, как утка, а я стану играть, пока гармонь моя не превратится в доску.

К сожалению, в моем переводе на русский самый смак от этих слов на чеченском пропадает.

Случилось так, что в очередной поворот «ЗИМ» не вписался и врезался в телеграфный столб. Машину, ясное дело, покорежило

Умар, выброшенный из нее, отделался ушибами. Зато от его гармони остались одни доски.

Ну что, Кентий (ребята), – назидательно произнес подставивший хозяин «Победь». – Вы добились своего: твоя машина, Мамадуд, валяется, словно подстреленная утка, а от твоей гармони, Умар, и шправду, остались лишь одни досочки.

С тех пор друзья на свадьбах и вечеринках просили его: «Умар, играй, пока гармонь твоя не превратится в доску». На моей памяти это был первый случай, когда о чеченской культуре и деятелях официально говорили на родном языке. Признаться честно, я ожидал получить в свой адрес грозный окрик, но пронесло. Похоже было, времена все же изменились и у нас к лучшему.

В память об этом удивительном мастере игры на гармонии мы ежегодно проводили смотры-конкурсы среди гармонистов республики. Надеюсь, придет время, и эта добрая традиция возродится, привлекая и такое доброе соревнование гармонистов со всего Северного Кавказа. Здесь могло бы проявить себя и наше телевидение, организовав программу типа «Играй, гармонь» на Первом канале ЦТВ.

Пытаясь сохранить традиции национальной музыкальной культуры, министерство систематически проводило республиканские смотры-конкурсы:

- исполнителей на дечиг-пондаре и ладхьокху-пондаре;
- локальных и хоровых народных песен;
- национального танца;
- авторской песни;
- семейных ансамблей;
- локально-инструментальных коллективов.

В целях широкой пропаганды народного художественного творчества были налажены хорошие контакты с телевидением и радио.

Мы исходили из того, что народное художественное творчество – это благодатная почва для возвращения, углубления и развития современной национальной культуры и искусства. Но и на

этой почве нужен работник, знающий и любящий свое дело, иначе ни добрых всходов, ни богатого урожая не получить.

Кадры были для нас проблемой изначальной. В жизни, полной драматизма и лишений, нашему народу приходилось постоянно выживать. Ему нужны были защитники. Ими становились все мужчины, а если нужно, бывало, и женщины. Исторически родившую аристократию заводить чеченцы не пожелали, хотя сегодня все чаще слышны утверждения о том, что у нас раньше все же была своя национальная аристократия. С такими утверждениями можно согласиться, если кабардинских, кумыкских и других кавказских народов князей, которых наши прадеды приглашали в свое время быть посредниками, третейскими судьями при решении межклановых и других земельных споров, признать за этнических чеченцев. Среди чеченцев, вольные от природы, признавали между собой лишь равенство, независимость и свободу.

Шло время, менялись политические и общественные ценности. Многое изменилось и в жизни чеченского народа, однако, то что французы называют престижем – авторитет, влияние, уважение к людям, занимающимся профессионально культурой и искусством в республике не получило должного развития. Поэтому у нас до сих пор так мало артистов, музыкантов, режиссеров, композиторов, художников, скульпторов, имеющих профессиональную подготовку тем более академическую.

Кадры для учреждений культуры и искусства республики готовились в основном в музыкальном училище и училище культурно-просветительской работы. В музыкальном училище обучалось двести пятьдесят пять юношей и девушек, казалось бы, куда спешить. Но среди них юношей и девушек коренной национальности до недавнего времени были единицы, даже к 90-м годам – всего лишь около четверти. Остальные: русские, армяне, евреи, в своем подавляющем большинстве, получив образование, уезжали, выходили замуж, находили любые способы, чтобы не ехать в сельские районы, где они были больше всего нужны.

Чеченки и ингушки, как правило, из семей городской интеллигенции и чиновников, тоже не спешили менять свои новые урбанистические привычки на сельскую слякоть и неудобства.

Выход нам виделся в том, чтобы музыкальное училище имело необходимые условия: современный учебный корпус с общежитием и школой-интернатом для музыкально-одаренных детей.

Но добиться включения в план строительства нового училища нам не удавалось. Приезжаем начальству это было не нужно, а у своих им это не хватало власти, да и воли, честно говоря. Музыкальное училище так и продолжало ютиться, еще с тридцатых годов, в бывшей еврейской синагоге, не имея своего общежития и, тем более, школы-интерната.

В том же положении работало культурно-просветительное училище, где готовились специалисты для клубов, парков и библиотек. Здесь на очном и заочном отделениях обучалось четыреста двадцать восемь человек, остро не хватало классных комнат, не было рекреационных, актовых и спортивных залов, столовой и других видов обслуживания.

На нашу беду, 11 декабря 1989 года в здании музыкального училища произошло замыкание электропроводки и случился пожар. Уроки были прерваны. Выход был найден, казалось, неожиданно простым.

В здании, где размещались культпросветучилище, правое крыло занимало объединение «Чеченингушвино», которое переехало в новое здание. Нам удалось уговорить председателя Совета Министров ЧИ АССР М.А. Керимова и председателя «Чеченингушвинопром» М.А. Арбиева передать освободившиеся помещения освободившемуся музыкальному училищу. По данному вопросу было принято постановление Совета Министров ЧИ АССР от 21 декабря 1989 года № 486 «О передаче помещения бывшего объединения «Чеченингушвино» по ул. Дзержинского, 21 Министерству культуры ЧИ АССР». Теперь часть учебных групп музыкального училища была перенесена туда. Учебный процесс был возобновлен, а в

старом здании начались восстановительные работы. Одновременно улучшились условия для занятий в культпросветучилище. Но наша радость была короткой. Завершался 1991 год – последний мирный год после восстановления республики.

А пока, часто бывая в учреждениях, подолгу беседуя с руководителями и ведущими специалистами, я старался глубже вникнуть в специфику работы, присматривался к работникам, чтобы определить для себя, на кого можно опереться, у кого поучиться. Заодно искал профессионально подготовленных людей для работы в аппарате министерства, выдвижения на управленческие должности.

Подобрать и расставить людей в условиях безраздельного руководства кадровой политикой со стороны партийных органов было довольно сложно. Найти подходящего человека было полдела. Требовалось, чтобы он еще подходил руководству соответствующих партийных органов по восходящей: парторганизации учреждения, райкому, горкому и, наконец, обкому КПСС. Главными достоинствами той или иной кандидатуры были партийность, «гладкая» анкета, положительная характеристика, общее образование и лишь потом возникал вопрос – является ли он специалистом в области культуры.

Главным принципом в кадровой работе для себя я определил следующее: в аппарате министерства и в руководстве республиканских учреждений и отделов культуры в городах и районах неспециалистом культуры останется, и то на время, только один человек – я. Хотя, если говорить без ложной скромности, имея тридцатилетний опыт работы в общественных и государственных органах, будучи юристом и политологом по образованию, имел полное право считаться специалистом управления, чем я собственно и занимался.

Для перелома в управлении сферой культуры мне потребовалось целых два года. За это время я побывал у своих коллег в Краснодаре, Ставрополе, Нальчике, прошел курсы в Москве, изучил состояние дел практически во всех учреждениях республики. Заключение мое было таким: наши работники не хуже других, желают

работать и любить свое дело. Их надо учить и переучивать. А с теми, кто не умсет и не желает учиться, необходимо расстаться. В целях интенсификации процесса был введён жёсткий принцип: кто не имеет высшего образования и не учится, в учреждениях культуры не работает.

Не просто было, особенно в сельских районах, переломить отношение местного начальства к учреждениям культуры как на равнине по трудоустройству своих людей, а к работникам учреждений культуры – как к своим порученцам. Я и по Ножай-Юрту знал и в Гудермесе встречался с практикой использования работников культуры на всевозможных переписях, учетах, обходах, заготовках, а также и качестве обыкновенных посыльных и порученцев некоторыми руководителями на местах.

– А они все равно ничего не делают, – объясняли свое такое отношение к работникам культуры многие из них.

– Мы им и так зря платим зарплату, – говорили другие.

– За это, прежде всего, надо наказывать вас, вплоть до увольнения с работы. Какие же вы руководители после этого? Клуб и библиотека закрыты, а их работников вы гоняете с поручениями, несвязанными с их работой. Кто же виноват, что учреждения работают плохо, как не вы сами? Почему не ставите вопрос об освобождении лишних и случайных людей? Да потому, что они ваши родственники. Вы их используете в своих интересах, а до собственной работы учреждений культуры вам и дела нет! – горячился я.

Мы нередко встречались с практикой экономии и без того очень скромных средств, заложенных в местных бюджетах на культуру, нецелесловому использованию выделенных штатов и прочих привилегий самодурства местных чиновников. В подобных случаях наш районор продолжался в райкомах партии и райисполкомах, и нередко заканчивался на республиканском уровне.

После таких «разборок» вчерашние коллеги ворчали на меня, иногда подолгу.

Вопросы о заведующих отделах культуры районов решались

в соответствии с действующими законами о районном и городском Советах. Их подбирали и, по согласованию с министерством культуры республики, назначали на должность исполкомы соответствующих Советов народных депутатов. После этого они утверждались на сессиях районных Советов.

Таким образом, действовал принцип двойного подчинения среднего звена управления. Все другие работники, в том числе директора сельских клубов, Домов культуры и заведующие библиотеками, назначались приказом заведующего отделом культуры райгорисполкома.

При этом мы поставили вопрос принципиально – отныне в наши учреждения принимаются только лица, имеющие специальное культурное образование или обучающиеся заочно в учебных заведениях культуры.

– Если у вас таких людей нет, приглашайте со стороны, создавайте им условия, спрашивайте за работу, а методическую помощь будем оказывать мы.

В целях обеспечения постоянных рабочих контактов и взаимопонимания, я использовал систематические выезды в районы, а также выступления на республиканских курсах подготовки кадров, где регулярно обучались председатели сельских Советов. Все это приносило свои плоды, но требовало времени, терпения и воли.

Культура, как современная отрасль, состоит из целой сети творческих, образовательных, воспитательных и других учреждений, обеспечивающих сохранность и использование материальных и духовных ценностей, а также предоставляющих людям услуги художественно-эстетического характера.

При советской власти большинство учреждений культуры принадлежали государству и были подчинены соответствующим министерствам Союза ССР, союзных и автономных республик, управлениям и отделам краевых, областных, районных и городских исполнительных комитетов Советов народных депутатов.

Однако культуру, как отрасль, государственная система управ

...и поликом не охватывала. Многие учреждения принадлежали профсоюзам и ведомствам. К тому же культура, в широком смысле, есть показатель материального, социального, духовного, художественного и нравственно-эстетического состояния общества и является продуктом длительного исторического развития. Естественно, она (культура) напрямую зависит от научного и технического прогресса, строительства городов, инженерных коммуникаций, изменений в образе жизни, в мышлении и вкусах, способах и формах объединения людей.

Вопросы эти входили в компетенцию других многочисленных министерств и ведомств. По большому счету развитие культуры, в наше время, и может быть, и особенно, у нас происходило бы гораздо быстрее, глубже и шире, если бы власти смогли лучше координировать и объединять усилия всех, кто, так или иначе, занимался ее различными частями, вопросами и аспектами.

Но могу сказать, что мер таких не предпринималось вообще. Однако они не носили системный и плановый характер, а преследовали больше политические и идеологические цели, мало помогая развитию культуры по существу.

Признаюсь, множество нерешенных вопросов, собственных проблем долго не позволяли мне, как руководителю Министерства, поддерживать деловые контакты с научными и учебными учреждениями, архитекторами, модельерами, специалистами различных видов обслуживания населения.

Но постепенно самые теплые отношения взаимопонимания и сотрудничества сложились у нас с научными коллективами Института истории, социологии и филологии (директор – Манкиев Абубакар Ахмедович) и Чечено-Ингушского государственного университета (директор – Кан-Калик Виктор Абрамович).

И. А. Кан-Калик сам глубоко интересовался вопросами культуры. Я помню его еще школьником, когда он вел детские концерты в саду имени 1 мая и в Зеленом театре парка культуры и отдыха имени С. М. Кирова. Будучи студентом, аспирантом, а затем и пре-

подавателем университета, Виктор Абрамович часто выступал с критическими статьями на спектакли русского и чечено-ингушского драмтеатров, писал сценарии для массовых праздничных мероприятий городского и республиканского уровня, участвовал в роли эксперта при рассмотрении различных вопросов культурного развития республики.

Активное участие в культурной жизни принимали научные сотрудники НИИИСФ, преподаватели университета Агаджанов Ю.Г., Айдаев Ю., Туркаев Х.В., Хасиев С.М., Джамбеков О.Д., Очман А., Верольский Ю. и другие.

В конце 80-х годов мы наладили тесное сотрудничество с Государственным комитетом по делам строительства и архитектуры, где председателем был Дидигов Т.М., его заместителем – Дарсигон Б.Б., главным архитектором города – Кадиев Д.А. Мы совместно обсуждали проекты и эскизы оформления парков, скверов, территорий памятников, памятных мест, мемориальных досок, знаков.

Довольно тесными и продуктивными стали наши отношения с министерствами местной промышленности (министр – Магомадов С.М.) и бытового обслуживания населения (министр – Инуркаев А.Н.).

С Саидом Магомадовичем Магомадовым мы подружился еще в годы комсомольской юности, когда он работал первым секретарем Грозненского горкома комсомола, а я вторым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ. Потом наша дружба перешла к женам и детям, стала семейной, по-человечески теплой и надежной. Первыми, кто в 1995 году протянул руку помощи моей семье, оставшейся без крова и элементарных вещей, были Саид и его супруга Бирлант.

Как-то, еще в первые месяцы моей работы в культуре, Саид Магомадович пригласил меня в объединение «Силуэт», где директоромствовал Муса Дохшукаев.

Мусу я помнил еще по Шали, где он в маленьком деревянном киоске шил популярные в то время фуражки с огромными полями, метко названными в народе «аэродромами». Теперь Муса руководит

крупным швейным объединением и, как говорил министр, справившись с делом довольно успешно.

Мы были приглашены посмотреть подготовленную к открытию первую в республике выставку женского платья.

В большом холле, отведенном под выставку, были вывешены несколько десятков моделей женской одежды. Лично я не мог похвастаться тем, что являюсь знатоком в этом тонком деле. Правда, мне повезлось видеть нечто подобное в Москве, на выставке моделей Юлианы Зайцева, творчество которого ЦК ВЛКСМ широко и долго пропагандировал среди молодежи. В сравнении с той наша выставка, конечно, проигрывала, прежде всего, в оформлении.

Однако, с учетом того, что это был первый в своем роде «выход на публику» наших модельеров, радоваться было чему.

Первое, на что я обратил внимание, было то, что модели нам представляли чеченские девушки. Красивые, прекрасно одетые, уверенно и достойно державшиеся при начальстве, великолепно владевшие родным и русским языками, они прямо восхитили меня. Заметив, как наши «экскурсоводы» умело владеют специальной технической терминологией, я тихо спросил у М. Дохшукаева, есть ли у них специальная подготовка.

— Все три девушки — инженеры-технологи, окончили Московский институт легкой промышленности, — с гордостью ответил генеральный директор. — Наш коллектив в основном женский, и в нем немало специалистов с высшим и средним специальным образованием, в том числе получивших образование по нашим направлениям.

До сих пор среди мастеров пошивочного дела я знал лишь лишь двоих двоюродных сестер: Зину Мачигову — самоучку и Яхиту Бинаварову, окончившую СПТУ. Теперь я видел дело рук чеченок-специалистов высшей квалификации. «Вот с кем нам надо работать, чтобы выработать и пропагандировать современные по стилю и актуальные по духу модели одежды», — думал я тогда.

Вернувшись к себе, я собрал сотрудников и предложил им коллективно посетить выставку в «Силуэте», а потом подготовить долговременную программу по пропаганде новых моделей женской одежды и заодно обговорить совместные действия по подготовке и проведению детской выставки одежды.

– Давайте вместе с художниками и швейниками подумаем над эскизами и экспериментальными моделями не только платья, но и национальных головных уборов. Узбеки, татары, грузины и другие народы имеют свои оригинальные головные уборы: тюбетейки, фески и т.д. А чем хуже мы? – делился я своими мыслями.

Кое-что после этого мы совместно начали делать. Провели выездные выставки в Домах культуры Аргуна, Шали, на культурно-этнографических праздниках в Шатойском, Урус-Мартановском, Шелковском и других районах. Активизировал работу по разработке современного женского платья грозненский Дом Моды во главе с директором Адуевой Зарган. К несчастью, работу нашу прервала война. Сейчас, когда руководство и общественность республики все острее сознаёт потребность в возрождении национальной народной культуры в общежитии, поведении, одежде и других сферах жизни, думается, такие формы работы было бы полезно возобновить.

В структуре министерства местной промышленности в те же годы была построена и введена Дубаюртовская керамическая фабрика, создан Грозненский комбинат художественных промыслов.

Создание этих предприятий и выпуск первой продукции пробудили у молодежи большой интерес к художественным промыслам к историческим корням творчества чеченцев и ингушей в этой части народной культуры.

До сих пор «казенные» ученые типа В.Б. Виноградова указывали нам в праве иметь свое историческое лицо в культуре, в том числе и в художественных промыслах. Они утверждали, что предметы старины из золота, серебра, бронзы и даже керамики, которые археологи во множестве находили на территории Чечено-Ингушетии, имеют иноземное происхождение, что у нас-де кровно

из овечьей кожи, грубого сукна из шерсти и холодного оружия ничего не проходило.

Однако молодежь сердцами чувствовала генетическую связь с традиционной культурой своих далеких предков и стремилась ее вернуть. Десятки человек уже учились в Дагестане, Северной Осетии, Грузии, а также в подмосковном Абрамцево, Строгановском училище декоративно-прикладного искусства и других местах.

Удивлял своим мастерством художник-резчик по дереву Ильяс Дутаев. Я не раз бывал в его мастерской на Окружной улице, подолгу беседовал с этим интересным человеком с тонким художественным вкусом, острым чутьем и широким кругозором. Искусство Дутаева было глубоко национальным. В нем отражалась народная жизнь, славя трудом, эмоциональных чувств и юмора.

Не раз мы говорили об открытии в его мастерской детской художественной школы. За преподавание тогда платили гроши, и это поддерживало его. Мы оба знали, как решить проблему. Необходимо было построить новую мастерскую с учебными классами на двадцать пять–тридцать ученических мест, но ни у него, ни у нас не было для этого средств. Планировали построить ее в тринадцатой квартире, но этому, оказалось, не суждено было осуществиться.

В то время у нас появилась на редкость одаренная личность – Борха Амарханов. Он был олицетворением природного дарования, профессионального мастерства, человеческой скромности и какой-то детской невинности.

В республику он приехал после окончания архитектурного института в Ташкенте и работал в институте «Чечинггражданпроект». В свободное время рисовал, лепил великолепные фигурки из глины.

Когда я впервые увидел его небольшую композицию – старик с арбой, запряженной парой буйволов – у меня защемило сердце. До того точно была воспроизведена картина из моего детства. Такие композиции я видел много раз на проселочной дороге, пролежавшей

мимо нашего села на Аргун, куда колхозники отвозили кукурузу в заготзерно. Пучеглазые и толстопузые буйволы обреченно-равнодушно тянули арбы, нагруженные доверху золотистыми початками кукурузы, легко вытаскивая их из глубоких ямин, заполненных грязевой жижей.

Борхе удавалось поразительно тонко и точно передать человеческое настроение. Иногда задумчивые, иногда грустные, а чаще озорные и веселые лица его героев восхищали естественной живостью образов, настроений. Казалось, по их лицам можно читать слова, готовые вылететь из уст героев.

Борха Амерханов быстро приобрел известность, получил одностороннее признание товарищей по цеху. Его творения выставлялись на республиканских, зональных и всероссийских выставках, были приобретены для музеев. Но Борха не выглядел счастливым.

Осенью 1990 года мне довелось быть в Ташкенте. Узбекские коллеги, показывая восстановленный после страшного землетрясения город, обратили мое внимание на высотное здание – центральный почтамт.

– Его спроектировал ваш земляк – Борха Амерханов, еще будучи студентом пятого курса архитектурного института, – сказал один из его приятелей. – Я его знаю по совместной учебе – талантливый парень. Ему предлагали остаться в Ташкенте, обещали интересную работу, квартиру, но он уехал домой. Жалко. Вы не знакомы с ним? Как он, интересно, там устроился? Он рвался к себе, как будто там его ждали золотые горы.

– Я немного знаком с ним. Борха работает в проектной организации, рисует, лепит фигурки, выставляется, – коротко ответил я.

Дома, когда я передал ему о нашем ташкентском разговоре, Борха протер обеими ладонями лицо, словно прогоняя неприятные воспоминания, и тихо заметил:

– Тогда думалось, что я здесь буду нужным и полезным.

– Почему ты так говоришь? Разве ты не работаешь по специальности? – спросил я.

— Я архитектор, а меня используют как чертежника, но и за это я обязан благодарить свое начальство, — тяжело выдохнул Борха, и, вздохнув рукой, ушел.

При встрече в правительстве я специально поинтересовался вопросом о Б. Амерханове у директора Института «Чечинггражданпроект» А.И. Липей.

— Да работает у нас такой тихий парень, — только и сказал тот.

Я встретил его в 1995 году, после первой войны, как принято считать новейшую историю Чечни. Борха выглядел бомжем, был перепит и опустошен, отрешенным. Через некоторое время я узнал о его смерти. Как это случилось, мне неизвестно. Но я знаю одно: не стало очень талантливого человека, уход которого — большая утрата для нашей республики.

Война унесла режиссера Хусейна Гузуева, танцора Адаша Магомедова, писателя Ахмеда Сулейманова, немало других одаренных людей, которые делали для нашей культуры очень много, а в будущем могли сделать еще больше.

Ахмеда Сулейманова в последний раз мы с Бароном видели еще после начала военных действий на квартире его старшего брата Мутуша в Грозном. Поэт был прикован к постели, выглядел опустошенным и покинутым. Впрочем, как и его брат. Барон, как врач, осмотрел обоих, дал какие-то рекомендации. От наших услуг Сулеймановы отказались и настойчиво попросили нас покинуть Грозный: город обстреливался, время было вечернее, а нам надо было добираться в родное село. Не могу забыть наше расставание. Да простит нам Аллах наши грехи.

Мне раньше казалось, что министерство культуры решает все вопросы культурной жизни на территории республики. На деле же оказалось не так.

Мы занимались лишь учреждениями и организациями культуры и искусства, непосредственно подчиненными министерству и финансируемыми из госбюджета. А в республике десятки клубных,

библиотечных и парковых учреждений и даже музеев принадлежали профсоюзным органам, заводам, объединениям, прочим хозяйствующим субъектам, руководство которых зорко охраняло их от вмешательства».

Союзные и республиканские (РСФСР) ведомства, чьи предприятия действовали в ЧИ АССР, чаще стремились замкнуть свои учреждения на своих трудовых коллективах, отсекая население районов дислокации. Или вообще уклонялись от строительства новых клубов, библиотек, парков культуры и других учреждений, предусмотренных планом размещения их производств в республике. Так, на улице Ленина объединением «Грознефть» было начато строительство Дворца Культуры, науки и техники, однако после завершения нулевого цикла строительство его было заморожено, причем искусственно.

— А как бы вы поступили, если бы этот Дворец планировался в Ереване? — задал я однажды на заседании правительства вице-гендиректору Хачатурову Р.М., сознательно рассчитывая задеть его самолюбие. Рафаэль Минасович клятвенно заверил тогда завершить строительство ДКНТ, но...

К началу 90-х годов нам стали предлагать принять безвозмездно на баланс Дворец культуры имени С.М. Кирова, ДК им. Н.К. Крупской и ДК Химиков в Октябрьском районе, ДК им. Прометеева и ДК объединения «Оргтехника» в Старопромысловском районе другие крупнейшие учреждения. Но у нас не было средств на их содержание. Тяжело было видеть после боев в Грозном развалины этих красивейших сооружений — памятников советских пятилеток, когда бурно развивался нефтяной Грозный.

Мечты, мечты, где ваша сладость?

Сейчас, после того, что случилось со всеми нами, конечно, легко быть умным и рассуждать смело. Но и тогда я добивался, чтобы в республике, где более восьмидесяти процентов населения

и чеченцы и ингуши, культура развивалась с ярко выраженным национальным лицом, основывалась на родном языке, национальных обычаях и традициях своего народа. Внешне казалось, что ничто этому не мешало.

Официальная установка «Культура должна быть национальной по форме и социалистической по содержанию» не выполнялась. Но виноваты в этом были не работники культуры. Социалистическое содержание на практике чаще всего превращало национальную форму культуры в некую карикатуру, я бы сказал, уродливую и комическую одновременно. Из нее всячески вычищалась, выжигалась и выпаривалась этнокультурная составляющая, в то время как в сознании и быту абсолютного большинства чечено-ингушского населения обычаи и традиции имели фундаментальное значение. В книгах, на сцене, в картинах и песнях изображалась другая жизнь, для собственно народной культуры не оставалось места. Многих это отталкивало от современной культуры вообще.

Говоря образно, «обезжиренная», «обезвоженная» и «препарированная» всеми способами официальная культура мало воздействовала на среднее и старшее поколение людей, зато разлагающе влияла на молодежь.

В первую очередь космополитичная массовая культура отщипала, разлагала и душила национальный язык.

Мягкий, сочный, образный, меткий и жизнерадостный чеченский язык, объявленный Конституцией государственным, активно вытеснялся из общественной жизни. Даже в семьях его заменяла какая-то языковая мешанина, в которой, быть может, было больше информации, но не было живой души, человеческого тепла и красоты мысли.

В регионах, где действовали официальные запреты и ограничения, цинци отцы и матери бережно сохранили родной язык, учили детей пользоваться им, сами заботились о его чистоте и оригинальности. Теперь, когда были объявлены гражданские свободы, когда выбор во многом стал зависеть от нас самих, многие стали почему-

то пренебрегать родным языком, легко переходить на откровенную тарабарщину, безродный и космополитичный сленг героев нового (западного) кино, дешевых (и опять-таки западных) телешоу, рекламных заставок и щитов, безликой и бездушной улицы и толпы.

Стыдно слушать некоторых современных политиков, чиновников, бизнесменов и даже журналистов, день и ночь говорящих с трибун и экранов, демонстрирующих мускулы, сытость и самовольство, но никак не культуру родного языка и речи.

Понятно и простительно, когда человек, выросший вне родины, говорит по-чеченски, подбирая слова и коряво выражая мысли. Совершенно другое дело, когда человек, владея родным языком откровенно или бездумно пренебрегает им и, в стремлении быть замеченным кем-то и понятным кому-то, переходит на «великий и могучий». Я это говорю искренне любя и уважая русский язык. Но когда речь идет об удушении и умирании родного языка, я не могу молчать, просто не хочу, чтобы мои внуки и правнуки забыли его.

Чеченский язык – на удивление мелодичный, он легко ложится на музыку, не теряя красоту романтики и эпической философии мысли. Наша песня зиждется на почве народного творчества, породившего жанр поэтически-музыкального повествования и формы героической песни – илли, религиозной – назмы и лирической – вати. Эти формы песенной культуры существовали века и дожили до наших дней, формируя национальное самосознание, художественной литературный и музыкальный вкус многих поколений.

Время, межнациональные и международные контакты, меняющие наш мир и нас вместе с ним, привносят в нашу культуру много нового. И это хорошо. Выделились люди, сделавшие песню и исполнение музыки делом жизни, способом зарабатывания на жизнь. Появились профессии писателей, поэтов и композиторов. У нас этот процесс исторически складывался весьма драматически.

Войны сделали чеченскую песню серьезным оружием, средством героизации отцов, носителем памяти о прошлом. Однопреступно она до сих пор исполняла роль эстафетного факела, передающего

нового поколения — символ-наказ: не допустить, чтобы погас очаг национальной самобытной культуры.

Крошится история народа на протяжении двух последних веков — она служила горючим материалом, поддерживающим горение того факела, если не в руках, то в душах людей.

Это привело к тому, что народ жил как бы в двух культурных мирах-пространствах: в одном — легальном, вынужденно уживаясь с повелевающей идеологией, и другом — нелегальном, с неистребимым духом свободолюбия и глубоко протестным характером.

Политически и морально угнетенный, с кучей национальной-культурной автономией народ хранил протест в своем языке и культуре. Он накапливался, готовый однажды достичь критического уровня, способного взорвать общественно-политическую обстановку. Эту обстановку надо было менять, менять быстро и кардинально, чтобы «сравить» энергию, накопившуюся за многие годы. И, прежде всего через культуру, используя ее мирный, гуманистический потенциал, каналы и возможности для расширения связей с общероссийской и, прежде всего, русской культурой.

Преследуя именно эти цели, министерство культуры ЧИ АССР в начале 90-х предложило новую культурную политику, отвечающую духу времени.

Но руководство республики не оценило ни роли культуры и творческой интеллигенции, ни наших начинаний. Приоритет был вложен пропаганде реальных и мнимых успехов. Впереди оказались шарашки, всемерно пытавшиеся формировать внутри республики и вне ее мнение о Чечено-Ингушетии как о регионе мирного взаимодействия, процветания и дружбы народов. А в это время инстинкты отделились, начался парад этнических съездов, на которых изображались вожаки родовых кланов и фамильных объединений. И повсюду звучали на них совсем другие, чаще вынутые из неслетлых страниц недоброй памяти народа.

Народная песня о доблести героев, традициях отцов, любви к родному краю, дружбе и любви на глазах у изумленной публики

стала заменяться откровенной халтурой на потребу дня. На каждом шагу открывались студии звукозаписи, видеосалоны, пункты проката кассет. Появилось множество самодельных композиторов, откуда и вылупились новые «барды». Но мер по защите оглушенного народа, особенно детей и молодежи, никто не принимал. А у министерства культуры не было на это ни сил, ни средств, ни прав.

Образовавшийся вакуум стараются заполнить со всех сторон. Индийские стенания, арабские рыдания, турецкое томление, откровенная эротика и пошлость, неумело заимствованные у западных звезд и российских див, раскрученных в еврейских телешоу, вперемешку с базарным чеченским репертуаром – вот лицо нашей песенной культуры сегодня.

Недавно в Грозном я пережил состояние шока. Из одного киоска на всю катушку звучал религиозный гимн – назма, рядом вопили о страсти нечеловеческой, а неподалеку певица с ясным юным голосом умоляла кого-то о тайной встрече.

Песни на любую потребу. Вопрос лишь во вкусах слушателей. Реальность такова, что нынешнее состояние чеченской песни может стать началом конца всей нашей уникальной песенной культуры. Дело не только в том, что чужая музыка, мелодии и ритмы оттесняют наш национальный мелос. Одновременно вытесняется песенный чеченский язык. Родному языку стали изменять даже вторичная сцена. Что тогда можно ожидать от молодых?

То же самое можно сказать и о чеченском танце. Он не придуман, не создан умозрительно кем-то, а сотворен самой нашей неповторимой природой.

Когда я вижу чеченский танец, в воображении возникает волшебная картина. На поляну выходят два благородных оленя. Он и Она. Окинув друг друга зоркими взглядами, они приближаются на расстояние дыхания и движутся рядом по кругу – божественный символ жизни. Они грациозно представляются.

– Гляди, каков я, – говорит Он.

– А вот какова я, – отвечает Она.

Между ними начинается объяснение.

Ты прекрасна. Я беру тебя под свою защиту, – заявляет Он.

Нидо посмотреть и подумать, – не поднимая глаз, говорит

Ты

Ты не пожалеешь. Мы будем прекрасной парой. Соглашай-
шетмет на ухо Он.

У нее кружится голова. Он обходит ее, показывая свои крепкие
широкую грудь, статное тело, мускулистые ноги и решитель-
ные талии.

Ну, как тебе такой жених? – приближается Он.

Она озорно увертывается и начинает плавно двигаться по кру-
ску, ловко улавливая каждое его движение едва заметным взглядом,
давая ему возможность осмотреть и оценить себя.

Это – признание в любви.

В чеченском танце весь национальный характер: эмоциональ-
ный порыв, темперамент, открытость и соперничество.

Я старался подтолкнуть хореографов и танцоров к тому, чтобы
они ставили не только массовые и зрелищные танцы для сцены, с
многообразными движениями и эффектными трюками, но и такие
архивные и сценки, которые могли бы запомнить и воспроизвести
в своей среде наши молодые люди.

Чеченский танец – это, прежде всего, отражение вековой
структуры общения мужчины с женщиной, гимн человеческому телу,
его грациозности и пластике. Но он сегодня подвергается такой же
агрессивной атаке со стороны массовой культуры, как язык и песня.
В наши дни можно видеть элементы некогда модных на Западе танцев:
свинг, буги-вуги, рок-н-ролл, а также спортивных движений от
аэробики до тхэквандо, сексуальные выверты, вместо сдержан-
ности – ризвязанность, разнузданность и полное пренебрежение к
партнерше, но не грацию чеченского танца.

Критика состояния дел в нашей языковой, песенной и тан-
цевальной культуре вовсе не означает, что здесь все так плохо и
безнадёжно. Речь идет о тенденции, а она сильно настораживает.

Так что же делать, ведь перечислением недостатков и констатацией фактов дела не исправишь?

Необходимые меры видятся следующими:

1. Открыть Научно-исследовательский институт языка, литературы, культуры и искусства – НИИЯЛКИ в г. Грозный;
2. Внести в Конституцию Чеченской Республики изменения признающие чеченский язык, наряду с русским, не только государственным, но и языком делопроизводства во всех органах, в том числе государственной власти и управления, включая суды, а также в учреждениях и организациях, независимо от форм собственности расположенных на территории Чеченской Республики;
3. Законодательно установить обязательное и одинаковое владение чеченским и русским языками для всех государственных служащих на региональном (республиканском) уровне, а также служащих муниципальных органов и местного самоуправления;
4. Принять Закон о чеченском языке;
5. Законодательно распространить юрисдикцию Министерства культуры ЧР в вопросах сохранения и развития культуры на все ведомства, учреждения и организации.

Перечисленные пять пунктов, при соответствующей воле руководства, уверен, послужат основой для более полной Государственной программы развития языка, литературы, культуры и искусства в Чеченской Республике на долговременную (двадцать-двадцать пять лет) перспективу.

Уверен, что такой путь развития культуры в Чечне – самый верный и послужит нашему национальному возрождению. Культура обеспечивает народу, достаточно полно овладевшему ею, не только благоденствие и процветание, но и несет важнейшую миротворческую миссию, становится мощным ресурсом свободного развития народа, независимо от его государственно-правового статуса.

Такое понимание роли культуры наше министерство ставило перед руководством ЧИ АССР. Не могу сказать, что мы не находим

оценивания, однако, наверное, другие, такие же нерешенные проблемы, откладывали эти вопросы «до лучших времен». Главным же образом дело тормозил злополучный остаточный принцип выделения средств на культуру.

Мы, было, обрадовались перестройке, но к началу последнего десятилетия прошедшего века все программы по отрасли культуры стали сворачиваться. В 1989 году из запланированных пяти клубных учреждений на одну тысячу семьсот мест не было построено ни одного. В 1990 году практически не велись работы на строительстве городского Дворца культуры в Гудермесе и районного Дворца культуры в селе Знаменское. Правда, за это же время были построены вне региональной программы пять сельских клубов за счет колхозов и совхозов.

Более того, стали сокращаться средства на содержание действующих учреждений, начались перебои в выплате заработной платы, чего не было за все время после 1957 года.

С внедрением, под видом демократизации общества, выборов руководителей, началась кадровая чехарда. В ряде учреждений стали брать разного рода делеги и демагоги.

В русском драмтеатре имени М.Ю. Лермонтова им удалось сместить с должности директора В.С Арскую – толкового администратора и хозяйственника. Валентина Сергеевна была требовательной, умела держать в коллективе дисциплину и творческую атмосферу. Однако нашлось несколько несостоявшихся «художников», решивших представить дело таким образом, что в новых условиях русскому театру в республике уделяется мало внимания, а В.С. Арская мирится с этим и не принимает должных мер.

Но далеко не случайному совпадению именно в это время в ингушском театре стали говорить о привилегированном положении русского театра в ущерб национальному.

В ингушском театре вместо творческой работы кипели страсти по вопросу выхода ингушей из состава единой республики, ежеднев-

но проводились собрания, часто менялись директора, выдвигались разные требования к министерству и правительству республики, но правило, нарочито нереальные для удовлетворения.

Вскоре выяснилось, что эту «бурю в стакане» режиссер театра М. Беков поднимал по общему «сценарию», предназначенному оправдать односторонний выход Ингушетии из состава Чечено-Ингушской АССР. Ставили, так сказать, дымовую завесу.

После образования республики Ингушетия театр некоторое время продолжал оставаться в Грозном, а его руководителю никак не удавалось выйти из образа воображаемой им самим политической фигуры. Действия своего худрука разделяли далеко не все актеры ингушского театра. Многие из них долгие годы работали в составе единого чечено-ингушского театра, сдружились и породнились между собой.

Замечательные люди и ведущие мастера сцены Магомед Цинкиев, Магомед-Гири Хадзиев, Султан Гайсанов, Тамара Яндиева и другие всемерно старались смягчить обстановку, призывали своих товарищей учитывать реальную обстановку и возможности при выдвигании требований. Они разделяли с нами главную мысль: разделяясь, мы должны оставаться народами-братьями, ибо неразделимы наши этнические и культурные корни.

Запомнился звонок Исы Костоева, известного юриста и политика, обеспокоенного судьбой театра. Пришлось объяснить ему, что ингушский театр создан еще при единой республике, он размещен в бывшем помещении чечено-ингушского театра, имеет лучшие условия, чем чеченский и русский театры, и никто в его творческую деятельность не вмешивается.

— Однако, — честно сказал я, — уже прошло достаточно времени, как образована новая республика, но ее руководство не проявляет заботу о переводе театра в Назрань, финансировании его деятельности и т.д. Мы никого не торопим, но театр, как организация, принадлежащая другой республике, не может больше оставаться в составе нашего министерства, хотя бы по той причине, что ни кто

высказание нам больше не выделяют бюджетных средств. Возможно, у тебя, Иса, другая информация. В таком случае приглашаю тебя в Грозный, чтобы самому прояснить ситуацию на месте и принять лично гостеприимство. А в какой ситуации мы сами находимся, думаю, ты представляешь достаточно хорошо, говорил я тогда своему сыну по профессии.

Начало кризиса

К тому времени обстановка в Грозном быстро менялась и с каждым днем становилась все тревожней и непредсказуемой. Появились первые митинги.

В Союзе ССР назревали серьезные перемены. Оказавшись, после быстрой смерти подряд трех Генсеков, у руля огромной державы, М.С. Горбачев объявил гласность и перестройку. На местах новая политика, непонятная основной массе населения, буксовала и принимала уродливые формы. Увидев в зеркале гласности свою предательскую физиономию, партийный аппарат стал лихорадочно искать способ дискредитации новой политики с тем, чтобы вернуть прежние методы управления во всем. Возник ГКЧП. Он поставил плохой самодеятельный спектакль о том, что случается, когда судьба мощнейшей державы оказывается в руках безвольных и порочных людей, способных лишь забалтывать дела с доведением до абсурда самой идеи гласности и перестройки.

В Чечено-Ингушской Республике, впрочем, как и в других республиках страны, все и вся было сфокусировано на личности одного человека – первого секретаря обкома партии и председателя Верховного Совета республики одновременно.

В республике действительно кое-что делалось, а еще больше начиналось, но не доводилось до конца. В это время структура и кадры власти перекрашивались и перестраивались, при этом к руководству приходили люди не по деловым и моральным качествам, а по прищипкам землячества и личной преданности.

В народе все больше зрела уверенность в том, что в Чечне Ингушетии все продается и покупается, власть узурпирована криминально-родовыми кланами, законность и права граждан грубо попираются.

Средства массовой информации, весь идеологический аппарат и административный ресурс были сориентированы на то, чтобы поддерживать эйфорию, возникшую в результате неожиданного прихода к руководству республикой национальной номенклатуры. Но массы людей внизу, ожидавшие после этого немедленных результатов в улучшении своей жизни и не получившие ничего, начинали все громче роптать. Не замечать этого, казалось бы, уже невозможно, но в Грозном продолжали звучать победные фанфары.

В культуре и искусстве ничего быстро и по указке сверху не появляется, разве что идеи и образы, но чтобы их материализовать, нужны средства и время.

Культура есть энергетика общества, его совесть, мощный потенциал духовных сил, с помощью которого лучше, качественнее решаются любые экономические и социальные задачи. Лишь культура способна обеспечить возрождение нации и поддерживать его развитие на протяжении исторически длительного времени. Об этом свидетельствует множество примеров, когда те или иные народы захватывали огромные территории, но, будучи в культурном отношении беднее поработенных этносов, растворялись в них. В истории немало и других примеров, когда небольшие народы, благодаря своей развитой культуре, доминировали над численно превосходящими их завоевателями, навязывали им свою политику и власть. Путь к свободе и равенству для малых и небольших народов в современных условиях лежит только через культурное развитие.

Но чтобы обеспечить культурное оздоровление общества, необходимы не только воля, но и более совершенные условия для самореализации личности, его способностей и дарований.

В этих целях министерством культуры республики были под

готовился проект Государственной программы развития культуры и искусства на длительный период.

В качестве конкретных, первоочередных мер предлагалось:

1. Обеспечить реконструкцию здания кукольного театра, в котором раньше работал Чечено-Ингушский драмтеатр.

2. Передать министерству культуры ЧИР блок «Б» нового здания Чечено-Ингушского обкома КПСС (актовый зал) для размещения в нем симфонического оркестра и вновь создаваемого оркестра народных инструментов.

3. Передать Министерству культуры здание Дома политического просвещения обкома КПСС для размещения в нем Государственной филармонии.

4. Капитально отремонтировать здание филармонии и вернуть туда республиканский русский драматический театр имени М. Ю. Дермонтова.

5. Обеспечить немедленное выполнение Минсельхозпродуктом ЧИР постановления Совета Министров ЧИР от 21 декабря 1989 года № 486 в части вывода из здания по ул. Дзержинского, 22 оставшихся служб объединения «Чеченингушвино».

6. Выделить училищу культпросветработы и музыкальному училищу помещения для общежитий на двести-триста мест каждому.

7. В целях целенаправленной подготовки детей для поступления в высшие и средние специальные учебные заведения культуры и искусства перепрофилировать школу-интернат № 2 в г. Грозный в школу-интернат для творчески одаренных детей.

С директором его, Асланбеком Домбаевым, у нас было достигнуто полное понимание и договоренность.

8. С целью решения острейшей жилищной проблемы для работников культуры и искусства обеспечить в XIII пятилетке строительство в гор. Грозном жилого дома на сто двадцать квартир.

9. Учитывая реальную угрозу гибели уникальных фондов Чечено-Ингушского объединенного музея, выделить музею соот-

ветствующее помещение на срок до строительства нового музея проектируемого Ленинградским филиалом «Гипроттеатр».

Принятие и осуществление этой программы, несомненно, дали бы чеченскому народу вступить в XXI век достаточно развитым в культурном отношении, а значит – более свободным и независимым морально и духовно. Тогда, возможно, кризис 1991 года и его последствия удалось бы избежать.

1991 год для работников культуры и искусства в Чечено-Ингушетии заканчивался в усиленной подготовке к проведению в Москве большого национального праздника – Дней литературы и искусства Чечено-Ингушской АССР. Это была всецело идея Д.Г. Завгаева чисто политического содержания. В культурном плане это мероприятие мало что давало, так как со времени проведения в той же Москве юбилея М. Мамакаева, в рамках которого мы показали практически все свои достижения, не прошло и года. А за такой срок в культуре мало что могло измениться.

Мы, конечно, не знали о том, что доживаем последние месяцы в стране Советов, в которой родились, учились, трудились, переживали тяжелые периоды, но не теряли веру в счастливое будущее. Счастье каждому представлялось по-разному: кто-то его видел в коммунизме, кто-то в обеспеченной и справедливой жизни, кому-то было достаточно «лишь бы не было войны».

Я относил себя к той части граждан, которые мечтали о том периоде, когда наш народ поднимется вровень с другими во всем, и в первую очередь – в образовании, науке, литературе, искусстве. Словом, в культуре.

Вместе с тем Дни литературы и искусства могли явиться не столько отчетом о достигнутом, сколько политическим упрямом наглядной демонстрацией того, как мало дала чечено-ингушскому народу его большая Родина – Российская Федерация, как сильно она должна перед ним советская власть.

Одновременно важным казалось показать, как много сделано по возрождению своей культуры нашим народом за короткое время, а во

сам спросится сам. И он (вывод), казалось, не мог быть иным – надо срочно и серьезно помочь Чечено-Ингушетии.

С такой верой-надеждой мы готовились к творческому отчету в Москве. У меня в сельском доме случайно сохранились рабочие наброски от руки:

I. Предварительный состав участников Дней литературы и искусства Чечено-Ингушетии в Москве;

II. Предварительная смета расходов на проведение Дней литературы и искусства Чечено-Ингушетии в Москве;

III. Планируется задействовать:

1. Чеченский драмтеатр им. Х. Нурадилова – 50 человек;

2. Ансамбль танца «Вайнах» – 50 человек;

3. Коллективы Госфилармонии:

«Жовхар» – 10;

«Илли» – 35;

Хоровая капелла – 30;

4. Исполнители:

Эмиль Хасанов, певец;

Тамира Дадашева, певица;

Имран Усманов, певец, композитор;

Викентина Шилова, певица;

Султан Байсултанов, певец;

Борис Базоркин, певец;

Ибрагим Беков, актер, певец;

Руслан Наурбиев, актер, певец;

Тамира Инаркиева, пианистка;

Владимир Белоглазов, актер, гитарист, певец;

Хусейн Расаев, эстрадный певец;

Лида Ахматова, эстрадная певица.

Такие известные артисты, как Валид Дагаев, Сулейман Токаев, Айманн Айдамирова и другие были в составах коллективов «Илли» и «Жовхар».

5. Самодеятельные и другие коллективы:

Назрановского района – 30;
Ассиновский казачий хор – 30;
Ногайский фольклорный коллектив – 15;
Армянский национальный оркестр – 10;
Делегация Союза писателей – 15;
Делегация Союза художников – 10;
Делегация Союза композиторов – 3.

Всего в мероприятиях по программе Дней литературы и искусства Чечено-Ингушетии в Москве планировалось занять трехсот представителей культуры, провести двенадцать встреч с московскими зрителями на одиннадцати площадках.

Открытие Дней литературы и искусства Чечено-Ингушетии планировалось на 21 октября 1991 года в Колонном Зале Дома Советов – главной сценической площадке страны.

Подготовка и проведение культурной акции такого масштаба и на таком уровне требует больших физических сил и творческой отдачи непосредственно от тех, кто представляет свои достижения, кто все это организует и обеспечивает. И здесь никто не жалел ни сил, ни времени. Само собой разумеется, что к таким важным событиям шьются новые сценические костюмы, приобретаются музыкальные инструменты, обновляется реквизит.

Однако нашим планам не суждено было сбыться. В августе 1991 года начались митинги, переросшие в уличную вакханалию, а затем в затяжной политический кризис. Античеченским силами (с обеих сторон), как внутри, так и вне Чечни, удалось сделать так, чтобы вместо ожидаемых рукоплесканий в Москве мы получили у себя дома лязг танковых гусениц, рев авиационных моторов, разрывы снарядов, страшные разрушения, смерть тысяч и тысяч мирных людей.

Наверное, двести лет упорного сопротивления, гибель целых поколений, несколько тотальных разрушений на всей территории Отечества нашего было недостаточно для новых пассионариев, чтобы подтвердить простую истину: война не рождает сыновей и

дверей, и лишь убивает их, война не строит жилища, города и села, а лишь разрушает их. Слов нет, чеченцы и на этот раз восхитили мир своим мужеством и волей к свободе. Они одержали великую моральную победу, но цену заплатили невероятную.

Если утверждения российского руководства, что в результате освобождения Чечни России грозила опасность развала, то можно смело утверждать, что Чечня и чеченцы, приняв военный вызов Ельцина и его окружения в начале 90-х годов, спасли ее. Только за одно это чеченские власти должны быть признательны Чечне и чеченцам, и поблагодарить им в кратчайшие сроки восстановить все разрушенное, и, в первую очередь, материальную базу культуры республики.

А тогда обстановка в Грозном и в некоторых районных центрах с каждым днем становилась все тревожней и непредсказуемой. Мы уже стали привыкать к многолюдным митингам, собирающимся ежедневно на большой площади между новым зданием обкома КПСС и Советом Министров республики, в левом крыле которого на третьем этаже размещалось и Министерство культуры.

Вначале его участники с наступлением темноты расходились по домам и квартирам своих родственников и знакомых, живущих в городе, а многие разъезжались по селам. Днем подъезд к Министерству и Грозненскому горисполкому (на втором этаже) оказывался полностью забитым машинами и людьми так, что пройти к себе на работу оказывалось делом непростым. Поэтому я приходил к себе раньше.

Однажды утром инспектор по кадрам Жовзан Зайналабдиева сообщила, что у входа в Совет Министров на раскладушке лежит инспектор отдела культуры Шалинского райисполкома Есита Абдулкамидова.

Она объявила бессрочную голодовку в знак протеста против того, что ее не назначают заведующей отделом, – волнуясь, сообщила Жовзан.

— Мы же приказом возложили на нее исполнение обязанностей, причем здесь голодовка? — удивился я.

– Говорит, что первый секретарь Шалинского райкома КПС С А.Б. Паскачев и председатель райисполкома Б.С. Джамалиханов назначили на эту должность своего человека, бывшего секретаря райкома ВЛКСМ Ахмеда Гутаева.

– А он что, работник культуры?

– Нет. Но он член партии, работал секретарем райкома ВЛКСМ в местный к тому же, – изложил мнение Еситы вошедший во время нашего разговора А.Т. Митрофанов, который только что разговаривал с голодающей.

В разговоре по телефону оба руководителя района в один голос отвергли Е. Абдулхамидову.

– Она специалист, но без какой-либо практической отдачи в работе, не пользуется никаким авторитетом среди работников культуры, очень груба с товарищами, – заявили они.

– В общем-то, они правы, – подтвердили такую характеристику сотрудники отдела культпросветработы. – Есита действительно довольно нервный и конфликтный человек.

Голодовка продолжалась несколько дней. Все это время с молодой женщиной, расположившейся с семилетней дочерью на многолюдной площади, беседовали многие наши работники, но безрезультатно.

– В приемной журналистка Вахидова, – почему-то шепотом и с испугом на лице сообщила секретарь, плотно закрывая за собой дверь.

– Ну и что? Пусть войдет. А ты что испугалась? – спрашивала ее.

– Как это? Ведь она с этими, что митингуют.

– Это ее дело. Проси, – прервал я ее. – И принеси мне привкус по Абдулхамидовой.

Ставшая за короткое время скандально известной М. Вахидова вошла довольно вальяжно. Оценивающе оглядела кабинет и, поправляясь, села за приставной столик.

— А у вас скромно, — были ее первые слова. — Вам секретарша понравилась? — уверенно спросила журналистка, закидывая носу на ногу. — Я Вахидова.

— Да, — ответил я. — А вы точно знали, к кому идете, так что мы теперь знакомы. Я слушаю вас.

— На площади уже неделю находится ваш работник, объявивший голодовку, но министерство на это никак не реагирует. Вы считаете это нормальным?

— По большому счету, это вполне нормально. Мы вступаем в демократию, а она представляет каждому право действовать в своих или общественных интересах любым способом, не нарушающим действующий закон и общественный порядок. Есита, похоже, первая решила доказать публично, что демократия, наконец, пришла и в наши горы.

Журналистка с интересом посмотрела на меня, не зная, шучу я или говорю всерьез.

— А что касается нашего отношения, сообщая: работники министерства — от инспекторов до министра — все эти дни беседовали с ней, носили еду и питье.

— Вы тоже говорили с ней? Когда? Интересно, о чем? — спросила она за ручку.

— Да. Нынче утром. Просто сказал ей, что она валяет дурочку. Она работает по специальности. На руководящую должность назначается не через голодовку, а по делам, результатам работы. А она уже нет. Поэтому посоветовал ей прекратить этот «спектакль», потому что «зрители» собрались на площади по другому поводу. А это касается позиции министерства, вот она.

Я подал журналистке свой приказ.

— По закону отдел культуры находится в структуре районного совета, и его заведующий назначается и освобождается исполкомом по утверждению районным Советом народных депутатов. Можете почитать, — я положил перед ней Закон о районном

Совете. – А вот и положение о министерстве культуры. Я читал ваши статьи, они довольно острые по языку и смелые по суждениям. Но вы в погоне за популярностью больше нажимаете на эмоции, а не на факты и аргументы. Если будете писать, прошу вас быть объективной. У меня все.

Вопросов ко мне не последовало, но статью М. Вахидова вы же написала. Она называлась «Очередная голодовка» и была, в общем, довольно объективной.

Противостояние

Массовый митинг в центре Грозного не прекращался. Трибуну устанавливали каждый раз на новом месте: то на крыльце Совета Министров, то на бортах спаренных грузовиков, то на пандусе обкома КПСС. Каждое утро по мосту через Сунжу к остававшимся на ночь на площади людям колоннами присоединялись жители окрестных сел и отдаленных районов. Шли они с самодельными флагами, выкрикивая лозунги политического содержания и отвечая на призыв «Такбир!» троекратным «Аллаху Акбар!».

Впереди колонны шли старейшины, многие с белыми лентами вокруг папах и ушанок. Потом я слышал, как Дудаев называл их «мои матросы».

Позвонил Лечи Магомадов, работавший в то время председателем Государственного комитета республики по ценам. Он попросил зайти к нему. Госкомцен находился в пристройке во дворе Союзинста на третьем этаже.

У Лечи Добачевича собралось с десятков известных в республике интеллигентов: преподавателей университета, нефтяного и педагогического институтов. Все они были мне хорошо знакомы, с некоторыми был в приятельских отношениях. Речь шла о проведении параллельного митинга сторонников сохранения республики в составе России в Грозном и подготовке обращения к участникам продолжающегося митинга.

Когда мы туда подошли, митинг был в разгаре. Из театра были вынесены и расставлены кресла, на лестничной площадке у входа восседал президиум, была установлена трибуна с микрофоном. Среди удобно устроившихся в креслах было много участников того митинга. Они живо реагировали на выступления ораторов, громко выкрикивали язвительные реплики, смеялись.

Позади полукругом, покуривая, стояли знакомые люди в кожаных куртках и дорогих костюмах, в шляпах, с модными стрижками. Это были представители чиновного и торгово-обслуживающего «сословия».

Нас, похоже, заметили устроители митинга. Подошедший молодой человек поименно позвал нас внутрь здания театрально-концертного зала. В директорской были Саламбек Хаджиев и некоторые из «бывших».

Подтвердив свое прежнее отношение к антимитингу, я передал новый текст обращения и обратил внимание присутствующих на состав участников здешнего митинга.

– Места в «партере» заняты разведчиками с того митинга, а позади них стоят наши «сиротинушки» – торгаши и бытовики. Сейчас разведчики вернутся туда и расскажут об увиденном, да в лицах изобразят. Как бы это не обозлило еще сильнее участников того митинга и не подстегнуло наиболее горячие головы из них на агрессивные действия.

– Ничего, мы тоже не без мужских достоинств, – был ответ.

Противостояние нарастало, принимая с каждым часом все более непримиримый характер. Как показали дальнейшие события, мирить чеченцев никто не собирался. Ждали удобного момента и повода, чтобы вмешаться и развязать кровавую бойню.

Возвратившись в министерство, я стал звонить в свои учреждения. Специальным приказом везде было установлено круглосуточное дежурство. Ответы отовсюду были успокаивающими: никаких ЧП за прошедшую ночь не было.

В это время с улицы послышался раскатистый рев. Наши окна

выходили на реку Сунжу, а не на площадь, поэтому мы вышли, чтобы выслушать, в чем дело. Оказалось, с театральной площади прибыли гонимые и рассказывали о происходящем на том митинге.

Там собрались все, кто сменил папахи на шляпы, продажные офицеры и спекулянты, сосавшие нашу кровь, — неистово кричал с трибуны худощавый мужчина с заросшим лицом и выпученными глазами.

Забитая до отказа площадь взрывалась гневным ревом вслед за каждой фразой оратора-разведчика. Раздались крики:

— Надо их разогнать пинками! Пойдемте, разобьем им морды и кровь!

Были и другие голоса:

— Ничего, они вечером разойдутся. Эти люди привыкли хорошо постеть, вовремя поспать в чистых и теплых постелях. Пускай погощат и посмеются. Потом они у нас поплачут. Нам сначала надо вот этих повыкуривать, — кивали они на здание Совета Министров.

Я вернулся в кабинет, озабоченный услышанным и реакцией на него стризо-ванной массы.

А мои сотрудники собрались в бухгалтерии и делились своими впечатлениями. Когда я открыл дверь, им что-то веселое рассказывали Жовзан.

— Жанна, расскажи Абдулле Гарсиевичу, — попросили ее.

Та стала отнекиваться, а потом, преодолев смущение, начала:

— Мы с Гангой Эльмурзаевой пробивались сквозь плотную толпу, мужчины вежливо расступались, хотя и не скрывали свое недоброжелательство. И вдруг один тощий, длинный, волосатый, с козлиной бородкой как закричит: «Посмотрите на этих пиявок, вьющихся между нами, мужчинами!». А Ганга спокойно ему отвечает: «Извини, брат, мы и не заметили, что ты мужчина». Слава Богу, окружающие расхохотались и быстро оттеснили того парня от нас.

Когда стих смех сотрудниц, я серьезно предостерег их от хождений по площади.

— Учтите, толпа безлика, в ней люди чувствуют себя безна-

казанными. Обидят кого из вас, кому я должен буду мстить? – по-лушутя спросил я.

– Пусть попробуют, – дружно вскричали мои женщины, – мы им глаза повыцарапаем.

На какое-то время я остался в кабинете один. Шум с улицы несколько стих, видимо, многие разошлись на полуденную молитву.

Позвонила жена. Тамара беспокоилась тем, что я задерживаюсь на обед.

– У нас Борис, – сообщила она. Так жена звала моего брата Барона. – Он ждет тебя.

– Как считаешь, объявят в городе чрезвычайное положение? – спросил брат, когда я пришел домой. – У меня на складах много всего на случай войны. Боюсь, что молодые люди решат, что там есть оружие и попытаются проникнуть туда. А охрана слабая.

– А что ты можешь сделать? Надо доложить руководству и попросить усилить охрану. Чрезвычайное положение еще не введено. Идут слухи, что гарнизон отказался вмешиваться. Даже милиции запретили выходить на улицы.

Очень похоже, что нынешняя ситуация в республике кем-то направляется и корректируется. Сначала нас разделили с ингушами, а теперь кому-то очень хочется стравить нас друг с другом. Ты замечаешь, по какому принципу формируются нынешние политические группировки? По родоплеменному: здесь – горцы, там – плоскогорные. Ситуация такая, что и в стороне нельзя оставаться, ведь речь идет о судьбе народа, и участвовать в какой-то группировке не хочется, ибо это прямой путь к внутривеченскому противостоянию, а это чревато длительными кровавыми столкновениями, войной, не дай Бог.

Мы ни при каких обстоятельствах не станем участвовать в борьбе за власть ни на чьей стороне, ибо для нас важнее всего мир и спокойствие в республике, решили мы с братом.

Если память не изменяет, 25 августа 1991 года, рано утром раздался непривычно громкий и протяжный телефонный звонок

Дожурный по Совету Министров республики от имени С.М. Бекова потребовал срочно прибыть туда.

Перед правительством шел многолюдный митинг, люди просто стояли здесь всю ночь и явно готовились к каким-то действиям. Я увидел Тамару Махмудхаджиеву, нерешительно ожидавшую, когда ее пропустят в здание.

Мимо проходил Зелимхан Яндарбиев, отдавая на ходу какие-то распоряжения молодым людям с повязками на рукавах. Я схватил его за рукав и потянул к себе. Он оглянулся.

– Нас вызвали сюда, и нам нужно пройти, – сказал я, не здороваясь.

Зелимхан посмотрел строго, подумал немного и приказал одному из парней:

– Проведи их.

В кабинете С.М. Бекова находился Д.Г. Завгаев. Руки он держал в карманах брюк, до колен забрызганных грязью. Здесь же молча стояли братья Бай-Али и Лом-Али Хациевы и Умар Арсанукаев – министр жилищно-коммунального хозяйства.

Отвечив коротко на приветствие, Завгаев спросил:

– Как думаешь, Абдулла, что нам делать, какие меры надо предпринять, чтобы утихомирить эту толпу?

– Я и некоторые другие члены правительства, вот уже две недели, ждем встречи с вами. Сейчас, думаю, не время для длинных разговоров. – Скажу одно. Против них, – я кивнул в сторону площади, – чрезвычайных мер предпринимать не следует, привлекать для их разгона милицию, тем более, войска, нельзя. Мы все эти дни находились среди митингующих и убедились, что они готовы к решительным действиям. Кое у кого уже есть оружие, другие отважатся броситься под танки и БТРы, если они появятся. Не дай Бог, прольется первая кровь, тогда этих людей уже никто и ничто не остановит. Как же мы после этого будем жить?

– Что же делать? – недовольно перебивает Завгаев.

– Выйти к ним, поговорить. Достоинo, без оскорблений, разъяснить. Искать компромисс, хотя бы временный.

Тамара Усамовна с плачем бросается к Завгаеву и навзрыд умоляет:

– Доку Гапурович, миленький, только не надо вводить чрезвычайного положения, не надо войск.

– Никто не собирается вводить чрезвычайного положения и проливать кровь, но с этой толпой деклассированных элементов, пьяниц и наркоманов говорить не о чем.

– Среди них есть и достойные люди, может быть, обманутые, дезинформированные и обиженные. В любом случае, все они наши люди, драться надо не с ними, а за них, – настаиваю я на своем.

В это время доложили, что в приемной собрались другие, также экстренно вызванные члены правительства, руководители республиканских органов управления, депутаты Верховного Совета республики.

Мы с Тамарой Усамовной вышли в приемную. У меня усилились сердечные боли, и я стал искать воду, чтобы запить лекарство.

Внезапно по громкоговорителю заговорил Д.Г. Завгаев. Обращаясь к собравшимся на площади, он довольно резко потребовал, чтобы они немедленно разошлись, применив в отношении участников митинга такие выражения, как пьяницы, наркоманы и тунеядствующие элементы.

Митингующие на какое-то время смолкли, слушая Д.Г. Завгаева, а потом вся эта масса людей разом взревела и пришла в движение.

– Не знаю, как ты, Тамара, а я ухожу. Наше пребывание здесь бессмысленно, ибо ни одна сторона не слышит другую.

Мы спустились в холл первого этажа, но теперь нас отказались выпускать. Я видел сквозь стеклянные двери, как, размахивая руками, выступал с крыльца здания З. Яндарбиев.

Один из небритых и нестриженных парней, с двустволкой на плечом, похоже, узнав нас, с ухмылкой бросает:

– Мы же не хотели вас пускать сюда, а теперь ждите, пока мы вас всех не выкурим отсюда.

В это время меня кто-то окликнул из другого конца коридора. Ко мне бежали ребята из нашего села, среди которых были и мои родственники.

– Что вы здесь делаете, как вы сюда попали? – удивился я.

– некогда разговаривать, давай выбираться отсюда, остальные ждут нас там, – кивнул один из них на улицу.

Теперь нас никто задерживать не стал. На площади, оказалось, меня ждал Барон с большой группой белгатовцев. Проводив меня до дома, они ушли. Сердце беспокоило все сильнее. На следующее утро врачи уложили меня в больницу.

С Зелимханом Яндарбиевым я познакомился в бытность еще секретарем обкома комсомола. Он учился в пединституте и начал «пробовать перо» в тогдашней газете «Комсомольское племя». Потом возникло нашумевшее дело по студенческому журналу «Пехармат», где фигурировало его имя. Работая в Ножай-Юрте, мне доводилось слышать о нем, как о перспективном поэте, от его дяди Абдуллы Яндарбиева, работавшего некоторое время председателем райисполкома, довольно порядочного человека.

В один из дней секретарь доложила, что в приемной поэт Яндарбиев Зелимхан, он приехал из Москвы, где учится в Литературном институте, и хотел бы поговорить со мной по личному вопросу.

– Приси, – ответил я и вышел навстречу гостю.

Поздоровались, сели за приставной столик. Я попросил принести нам чаю.

– Что-то, Зелимхан, ты выглядишь не по-горски – появилась моровская бледность, похудел. Наверное, трудно учиться на поэта? – попытался я снять заметную скованность в начале разговора.

– Учиться не трудно, сложно содержать семью, которая осталась дома, – преодолевая неловкость, заговорил он.

Тут я заметил, что и одет поэт довольно скромно. Я тут же выразил искреннюю готовность помочь ему всем, чем смогу.

– Можно заключить договор на пьесу, сценарий праздника, можно также заказать стихи для песен, а если есть написанные, ку-

пить, – предложил я ему. – Тем более, что на твои стихи уже поют песни, их охотно исполняют профессиональные и самодеятельные артисты на радио и телевидении.

Зелимхан оживился, поднял лицо. Взгляд его стал открытым и прямым, появилась улыбка.

– Пьесу я, наверное, не смогу написать, – сказал он, – а вот стихи для песен предложил бы.

Тут же была приглашена инспектор отдела искусств. Я представил Фатиме Абубакаровой Зелимхана, объяснил, в чем дело, и сделал поручение: дать ему зеленую улицу, пока автор учится.

На общенациональном конгрессе, проходившем в здании парка 24–25 ноября 1990 года, а потом на митингах, Зелимхан проявил большую активность, причем с наиболее радикальной стороны. Как-то, возвращаясь домой, я узнал в человеке, идущем впереди Зелимхана. Он зашел в Союз писателей. Решив поговорить с ним, спросить, сознает ли он, куда они могут завести республику и народ, какую на себя берут ответственность, я зашел за ним в отделение Союза писателей. Небольшой холл был пуст, двери кабинетов открыты, но и там никого не было. В одном из боковых помещений я услышал голос и открыл дверь. Расстелив на полу свой пиджак, Зелимхан истово молился.

«Должно быть, у этого человека свои твердые убеждения и мои слова вряд ли он воспримет», – подумал я и, закрыв дверь, ушел.

Мне тоже предстояло совершить обеденный намаз. Вот только об одном ли мы молили Всевышнего в тот час и день? О том, что просил Зелимхан, ведомо теперь одному лишь Аллаху. Я же просил Создателя даровать народу моему мудрость и терпение, уберечь его от новых бед и испытаний.

Ночь я провел очень плохо: остро кололо в сердце, был частый пульс, не хватало воздуха. Утром мы с Тamarой пошли в специализированную клинику, расположенную неподалеку, на нашей же Коммунистической улице.

Врачи поставили диагноз: ишемическая болезнь сердца, сердечно-сосудисто-вегетативная дистония, диабет. По поводу моих «сердечных

тогда врачи делали разные предостережения и раньше, но о диабете я узнал впервые.

— А что это такое? — поинтересовался я у врача Исаковой.

— У вас нарушен обмен веществ из-за того, что поджелудочная железа не вырабатывает достаточное количество инсулина. В результате повышается сахар в крови и моче, отсюда слабость, зуд, головокружение и плохое самочувствие. По этой причине у вас могут быть осложнения на сердце, зрение и другие органы. Надо лечь и обследоваться.

Это же подтвердила и ведущий терапевт Синицына Нина Николаевна. Пришлось лечь в стационар спецполиклиники, ныне больница № 10.

Здесь меня навестил мой друг из Иордании Исмаат Бено. Нас находили очень похожими друг на друга и мы подружились довольно тесно и надолго.

1990 г. Исмаат Бено (в центре) в гостях у Киндаровых

В это время в больнице находились ответственные работники обкома, Совета Министров, министерств и ведомств. К нам постоянно приходили родственники и друзья, поэтому мы были в курсе всех городских событий и живо обсуждали их.

Мнения расходились. Одни считали, что ситуация требует объявления чрезвычайного положения, разгона незаконного митинга и ареста его организаторов. Другие беспокоились, что это приведет к кровавому столкновению, будут жертвы, волнения могут охватить всю республику. Многие винили московские власти, которые сами увязли в борьбе за власть и подстрекают чеченцев и ингушей к незаконным действиям, чтобы сместить с поста первого чеченца на высшей должности в республике.

Большинство возлагали ответственность за хаос в общественно-политической жизни с непредсказуемыми последствиями на Д.Г. Завгаева, Р.И. Хасбулатова и Д.М. Дудаева. Все они были знаковыми фигурами в нынешней истории чеченского народа, продвинувшиеся в силу своих личных качеств.

Все они родились в простых трудовых семьях, росли на чужбине с клеймом врагов советской власти, учились, состояли в пионерском комсомоле, стали членами КПСС и сумели продвинуться высоко по служебной лестнице: один – партаппаратчик, второй – ученый, а третий – военный.

Доку Гапурович первым из чеченцев возглавил республику, став впервые за шестидесятипятилетнюю историю РКП(б), ВКП(б), а затем и КПСС, первым секретарем Чечено-Ингушского Обкома, потом и Председателем Верховного Совета ЧИ АССР.

Никогда чеченцам, в том числе и нам, находящимся в партийно-советской номенклатуре, так сказать, в доверии у власти, в голову не могло прийти, хотя бы маленькая, пусть даже шальная мысль, что кто-либо из чеченцев может оказаться вторым лицом в руководстве самой России. А Русланбек, сын Имрана Хасбулатова из старинного чеченского селения Дойкур-Эвла (Толстой-Юрт), стал Председателем Верховного Совета Российской Федерации.

Во все годы Советской власти чеченцам был заказан путь в высший командный состав Красной, а затем и Советской Армии, по причине политического недоверия. Однако Джохар Дудаев, родом из высокогорного Ялхороя, первым из чеченцев стал советским генералом. Народ искренне гордился каждым из них. Впервые за шестидесяти лет нахождения в составе России чеченцы почувствовали перемену в отношениях Московской власти к себе, поверили в нее, в завтра, и в свое будущее.

Но этот народ опять жестоко и цинично обманывали. Стряпчие новой политической кухни России самонадеянно считали, что демократия только для них, они могут в одностороннем порядке объявить государственный суверенитет и выйти из состава СССР, решавив тем самым великую державу, давшую, после долгих лет политических ограничений и репрессий, равноправие народам, объединившим в нее.

Чеченские лидеры вновь оказались политически недалекими, не сумели уберечь покоренный войной полтора столетия назад и с тех пор находящийся в моральном угнетении народ от новой катастрофы.

Вместо того, чтобы объединиться, возглавить свой наивно-доверчивый и политически неграмотный народ, повести его по верному пути постепенного развития, они раскололи его на три части и поставили перед опасной неизвестностью.

Может быть, они этого и не хотели.

Но что же получилось в реальной жизни? Именно эти трое, лучшие из лучших, молодые, умные, образованные, отмеченные доверием государства, вступили в схватку за безраздельное управление республикой, каждый – в интересах собственного клана.

Всем разумно мыслящим жителям Чечни с первых же дней конфликта было совершенно ясно: помирись эти трое, протяни они друг другу руки, и никто, никакая сила не сможет вмешаться в чеченские дела в недобрых целях, все усмирится и уляжется в русло мирной жизни.

Однако им всем троим в одинаковой мере помешали пойти на мировую прежде всего их непомерные амбиции. И Д.Г. Завгаев, и Р.И. Хазбулатов, и Д.М. Дудаев, к сожалению, не смогли подняться над личными интересами во имя общенациональных. И случилось то, что не могло не случиться – большая национальная беда.

Утром 6 сентября 1991 года по палатам прошел слух о том, что в доме политического просвещения собрался на свое заседание Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР, но здание блокировано сторонниками ОКЧН, которые готовятся его захватить, а депутатов разогнать.

Пренебрегая опасностью и вопреки запретам врачей, многие из нас покинули территорию больницы и вышли к улице Красных фронтовиков. Она оказалась плотно забитой возбужденной толпой. Многие были вооружены палками, металлическими прутьями, охотничьими ружьями и кинжалами.

Внутри что-то определенно происходило: слышались крики, глухие звуки. Вдруг дверные створки распахнулись, и из здания плотной массой стали выходить люди. Среди них я разглядел знакомые лица из числа депутатов и членов правительства.

Показался Д.Г. Завгаев. Его тесно окружали родственники, сотрудники министерства внутренних дел, известные спортсмены. Толпа расступилась. Завгаевская группа пересекла улицу и мимо нас прошла к дому обкома партии, в котором жил и первый секретарь. Внешне он выглядел опрятным, держался хорошо, лишь на слегка бледном лице выделялись порозовевшие щеки.

Никто его группу не преследовал. Толпа вокруг захваченного здания притихла. Люди стояли, точно осознав, что стали участниками какого-то непонятного им до конца, но в любом случае нехорошего дела. Лишь горстка небритых, явно сельского вида, мужчин нарочито громко поддерживали друг друга, похваляясь, как они вышвырнули этих «гипутатов». «Ги» с чеченского переводится как «хребет», и в таком чечено-русском слиянии слово это можно было бы понимать как «захребетники».

Распространился слух, что во время потасовки в зале, где заседали депутаты Верховного Совета, из окна второго этажа выпрыгнул первый секретарь Грозненского горкома КПСС Виталий Александрович Куценко, который при падении получил травму головы и теперь находится в тяжелом состоянии в первой городской больнице.

Барон по службе много лет был тесно связан с его старшим братом подполковником Юрием Александровичем Куценко – заместителем начальника штаба гражданской обороны ЧИ АССР. Узнав о случившемся, он поспешил в больницу.

Пострадавший был в сознании, но требовалось срочное хирургическое вмешательство. Дежурившие нейрохирурги Дауд Ахмадов и сын Барона – Заур были уже готовы к операции. Барон, как практикующий хирург, вызвался помочь, но жена и дочь В.А. Куценко категорически запретили оперировать больного.

– Ваши чеченцы ударили его по голове и выбросили из окна, – заявила жена. – Я вам не доверяю.

Присутствовавший при этом старший Куценко покраснел и стал уговаривать женщин, но потом развел руками и произнес:

– Извините, ребята, но они его семья.

Родственники пострадавшего настояли на вызове врача Прохоренко. Он оказался на каком-то праздничном мероприятии. Пока он приехал, прошло много времени. Помогать ему взялся анестезиолог Руденко.

Операцию сделали лишь к ночи, прошла она неудачно, и В.А. Куценко скончался.

Свидетели происшедшего в Доме политпросвещения клятвенно утверждали, что ворвавшиеся в зал люди до первых рядов, где убит сидел В.А. Куценко, и не доходили. Сразу же, как началась потасовка, он и еще один довольно крупного и крепкого телосложения парень русской внешности (возможно, негласный телохранитель В.А. Куценко) открыли окно и выпрыгнули наружу. Рассказывали,

что какой-то светловолосый парень, тяжело хромя, перелез через ограду во двор детского сада по соседству и скрылся. Сам Куценко повис на подоконнике второго этажа. Пытаясь спрыгнуть, он зацепился за открытое окно первого этажа, перевернулся и упал, ударившись головой.

В.А. Куценко был карьерным партработником. Выше среднего роста, сухощавый, с нервным лицом, он не отличался общительностью, держался подчеркнуто официально, даже высокомерно.

Его личных друзей никто из сослуживцев и знакомых не знал. Среди митингующих и ворвавшихся в зал вряд ли кто знал его по имени и испытывал к первому секретарю горкома КПСС личную неприязнь до такой степени, чтобы посягнуть на его жизнь. В любом случае, это была одна из первых жертв начавшегося в республике общественно-политического противостояния, перешедшего через три года в длительную и кровавую войну, унесшую многие десятки тысяч жизней, как русских, так и чеченцев.

Врачи удерживали меня в больнице еще две недели. Каждый день меня навещали мои заместители Анатолий Митрофанов, Иса Мержоев, Сайд-Эмин Димаев, другие сотрудники. Анатолий Георгиевич всегда имел про запас анекдот по случаю, но теперь ограничивался лишь намеками.

– Новые власти, говорят, всерьез обдумывают, как сделать, чтобы люди работали бесплатно, а пенсионное обеспечение отменить. Так что домой не спешите и на работу тоже. Нас никто не беспокоит, никуда не вызывают и отчетов не требуют: полная культурная автономия.

Он продолжал шутить, но сквозь толстые очки его смотрели настороженные глаза.

«А у этого беззащитного на вид детдомовца не слабый дух, – подумал я, слушая своего товарища, – другие русскоязычные бегут, а он бодрится».

Министерство культуры превратилось в штаб по охране

подведомственных учреждений и организаций от захватчиков. Не проходило и дня, чтобы на какое-нибудь здание или помещение не объявлялись претенденты – «прихватизаторы», как называл их сам Д. Дудаев.

Вновь назначенный исполняющим обязанности Председателя Правительства Яраги Мамодаев своим распоряжением передал нам Дом политического просвещения. Его можно было легко приспособить под государственную филармонию. Мы уже договорились с Борхой Амерхановым и Русланом Яндаровым сделать проект на его переоборудование, как туда явилась вооруженная группа бородатых людей во главе с неким Майрбеком-хаджи.

– Здесь будет Исламский институт, – категорически заявили они.

– Но здесь же до сих пор влабивали людям атеизм, то есть безбожие, – попытались мы их напугать.

В ответ они шумно задышали сквозь зубы и предъявили манифест за подписью Дудаева и того же Мамодаева.

Так в бывшем главном центре безбожников стали готовить исламских проповедников.

«Может, в этом и есть некая справедливость», – думал я, добавив все-таки, что это величественное здание в центре города не достанется культуре.

На старое здание Чечено-Ингушского обкома было особенно много претендентов, а среди

Основатель нашей фамилии
Киндар Сатуев

них наиболее опасным для нас – муфтият. Однако, слава Аллаху, и муфтием Махмудом Гаркаевым из Новых Атагов мы были в родственных отношениях: его бабушка по матери была родной сестрой нашего деда Киндара. При всей твердости религиозных убеждений и личного характера Махмуд был разумным человеком и большим патриотом республики. Нам удалось договориться с ним в политех Чеченского государственного музея. Так мой предок протянул мне руку помощи с того света.

С какими только проектами и прожектками не приходилось нам в тот период сталкиваться. Новые общественно-политические объединения, движения, партии, фонды, центры росли, словно крапива под забором.

Больше всего меня удивил объявившийся вдруг фонд имени шейха Мансура, обратившийся напрямую к Д. Дудаеву с просьбой передать ему не какое-то там помещение, а целиком республиканскую детскую библиотеку имени А. Гайдара. Удивляло не само обращение, а тот, кто с ним выступал. Это был известный в республике ученый, доктор наук, профессор и т.д., причем гуманитарий. Не хочу называть его имени, тем более, что тот проект не был осуществлен, а библиотека впоследствии разрушена в результате бомбардировки города Грозный.

Где-то через недели три после разгона Верховного Совета чинов прежнего правительства попросили собраться в зале заседаний Совета Министров. К назначенному времени пришли многие, но к нам долго никто не выходил. Мы сидели, размышляя каждый о своем, как в зал вошло целое отделение вооруженных автоматами молодых людей. Они молча встали по четырем углам просторного помещения и замерли, не глядя на нас.

– Ассалам алейкум, – раздался четкий голос сзади.

Это было что-то новенькое – никогда прежде здесь не приветствовали нас такими словами. Мы невольно оглянулись.

Войдя в зал и словно не решаясь пройти к столу председателю,

стоял Д.М. Дудаев. Приняв вразнобой приветствие генерала, мы подползли. Джохар был в цивильном костюме, явно смущался в новой роли и, подойдя к столу, не стал садиться. Поблагодарив всех за повышенное уважение, Дудаев попросил каждого из присутствующих продолжать исполнение своих служебных обязанностей.

– У нас нет ни к кому из вас претензий, работайте, пожалуйста. Знакомиться будем по ходу дела. А пока прошу обеспечить во всех подразделениях, – выразился генерал по-военному, – слаженность в управлении и четкость в действиях.

На этом наша первая встреча с провозглашенным на митинге новым главой республики закончилась. Почти до конца года нас, во всяком случае, министерство культуры, новое начальство не беспокоило. Мы сидели, заняв круговую оборону с тем, чтобы защитить свои помещения, имущество и оборудование. Каждое утро в министерстве собирались руководители республиканских учреждений и организаций: директора музеев – З. Мусаева и Н. Ширяева; руководители театров – В.С. Арская, Л.Х. Куразова, С. Дакаев, Р. Хакишев, М. Хомдиев, Я. Делаев; Госфилармонии – В. Скларов; ансамбля «Вайнак» – А. Усманов, Т. Элимбаев; ансамбля «Нохчо» – А. Мажидов, Д. Мухкаев; республиканских библиотек – Т.П. Габисова, М.Н. Удиева; музыкального и культпросветительного училищ – У. Бексултинов, В. Темуркаев; фольклорного центра – С.М. Хасиев; учебно-методического – Т. Мадаева; промкомбината – А. Мазаев; НПО «Реставрация» – А. Яндаров; РСУ – С. Алихаджиев и другие.

Именно эти люди обеспечивали сохранность имущества и дисциплину в трудовых коллективах, несмотря на прекращение финансирования.

Работники аппарата министерства А.Г. Митрофанов, И. Мерзоев, С-Э. Димаев, З. Богатырева, Ж. Зайналабдиева, Ф. Абубакарова, В. Ковалева, И. Евтушенко, Е. Мальсагова, Ш. Бекмурзаева, Р. Юсупова и другие единодушно поддерживали меня в это трудное время, ежедневно бывали в учреждениях и организациях, постоянно

держали в курсе всех событий, обеспечивали четкое управление всеми подведомственными учреждениями, организациями и предприятиями. Ни на день не теряли связи с министерством и отделом культуры райгорисполкомов.

В конце декабря 1991 года меня пригласили на общественную кадровую комиссию. Я твердо решил не ходить туда, так как уже имел представление об опасном векторе политической линии Дудаева и его окружения. Об этом я прямо заявил на очередном заседании штаба. Разговор был трудным. Товарищи просили меня пойти на комиссию и постараться остаться «на посту» ради сохранения учреждений и основного состава работников культуры.

– Случайные люди от нас уже ушли. Что нам делать, разбогатеть?

– Если уйдешь сейчас, – сказали мне, – будем считать дезертиром или еще хуже.

– Хуже не надо, – взмолился я, – хуже не бывает. С детства не люблю этого слова. Чтобы вы не сочли меня трусом, готов хоть волку в пасть.

Комиссия заседала в актовом зале, теперь уже бывшего обкома КПСС в последние дни января 1992 года. В нетопленном помещении было холодно и сыро. Разношерстная публика в верхней одежде заполняла зал, а на подиуме за столом разместился президиум. Первым на что я обратил внимание – он состоял в основном из спортсменов. Меня попросили подняться и занять свободное место за столом. Один из членов президиума стал зачитывать мою анкету.

Среди находившихся в зале я увидел лишь два-три знакомых лица. В первом ряду сидела Эльза Шерипова, будущий генеральный прокурор Ичкерии.

«Вот судьба! – подумал я. – Племянница Асланбека Шерипова, сама пламенная комсомолка, работник обкома ВЛКСМ и прокуратуры республики, а теперь... – Тут же спросил у себя: – Сам-то что здесь делаешь?».

Мне предложили рассказать о себе.

– Родился в селе Белгатой Шалинского района, мне пятьдесят пять лет, женат, имею троих детей. Вся трудовая жизнь прошла на комсомольской, партийной и советской работе. Ни о чем не жалею, ничего не стыжусь. Всегда старался быть полезным своей республике, жить честно. Последние семь лет был министром культуры. Сюда пришел не просить вас оставить меня в должности. Если мне суждено остаться (я паразитил по-чеченски дословно так: Нагахь санна суна Дала кхузахь ринкха деллехь), продолжу честно и добросовестно работать. Если нет, буду искать свой хлеб насущный в другом месте.

Я остановился в ожидании вопросов.

– Считайте, что этот человек прошел комиссию, – громко закричал один из бородатых мужчин из зала: мы все – за!

– Разрешите несколько слов, – поднялся с первого ряда хорошо одетый молодой человек, единственный, кто сидел без пальто и шапки.

– Я Муса Темишев, редактор Гудермесской городской газеты, – представился он.

Я удивленно посмотрел на незнакомого мне журналиста, за подписью которого в последнее время выходило много острых статей политического содержания. Говорили, что он сводный брат Мошадди Удугова – главного идеолога Ичкерии.

Муса Темишев начал с того, что лично со мной до сих пор не был знаком, но много хорошего слышал по работе в Гудермесе.

И горкома партии не боялся, и заставил всех считать с горисполкомом, верующих поддерживал, бедным помогал и т.д. и т.п., неожиданно расхвалил он меня.

В общем, комиссия единогласно одобрила мою кандидатуру на должность министра культуры с последующей рекомендацией Президенту и парламенту на утверждение. Через несколько дней государственный секретарь – министр Правительства Чеченской республики Ичкерия Асланбек Акбулатов по телефону сообщил,

что я утвержден Президентом Д. Дудаевым в качестве одной из альтернативных кандидатур для внесения в парламент. Как действующий министр, я должен был пройти процедуру утверждения первым. Мне предстояло предстать перед парламентом 4 февраля с программой будущих действий на посту министра.

«Кому нужна программа, если нет денег, и неизвестно, когда они будут и будут ли вообще в ближайшие годы», – думал я, размышляя над своим выступлением.

Во всяком случае, рассчитывать на Москву не приходилось. Об этом мне дали ясно понять в последнюю поездку в столицу «бывшей метрополии», как ее теперь называли вожди Ичкерии.

Обычно приветливый министр Соломин Юрий Мефодьевич, несмотря на всю свою интеллигентность, смотрел как бы сквозь меня и произносил общие слова. В театральном управлении, когда речь зашла о спасении русского драмтеатра имени М.Ю. Лермонтова в Грозном, прямо заявили: заварили кашу – сами расхлебывайте.

В назначенный день в парламент меня не пригласили. Утром следующего дня в кабинет с почтой вошла секретарь приемной. Очень воспитанная и сдержанная молодая женщина сегодня горбилась и странно хлюпала носом, прикрывая лицо рукой.

– Ты нездорова, Фатима? – спросил я ее.

Она отвернулась. Плечи ее вздрагивали.

– Да ты, никак, плачешь? Что случилось? Девочка заболела?

– Нет, – сквозь слезы заговорила она. – А вы что, ничего не знаете?

– Да что случилось? Что я должен знать?

– Вчера ночью к нам министром назначили Махмуда Эсамбаева.

– И всего-то? Тебе радоваться надо – он же твой односельчанин. А может, и родня? Признавайся! – шутиливо повысил я голос.

Фатима вышла.

Однако, интересная новость! Но зачем это Махмуду в свои

шестьдесят восемь лет? Здесь что-то не так! За ним кто-то стоит, хотя тут и гадать не приходится.

Размышляя так, я стоял у окна, когда вошли мои заместители.

– Ну что, с новым начальством вас! – приветствовал я их.

Оба стояли молча.

– Мой друг Виктор Чигишев из Рязани говаривал: все, что ни делается Господь, к лучшему. Лично я к этому давно готов, и теперь никто не скажет, что министр дезертировал.

Набрав номер телефона Госсекретаря А. Акбулатова, я спросил:

– Я теперь свободен?

– А в чем дело? Почему ты задаешь такой вопрос? – удивился

тот.

– Как почему? Мне вот сейчас сообщили, что министром культуры назначен другой человек. Можно было бы мне хотя бы позвонить, а то неудобно узнавать, что тебя «ушли», через улицу.

– А тебя в парламент вызывали? – спросил госсекретарь.

– В том-то и дело, что нет, хотя должны были рассмотреть мою кандидатуру первой.

– Ничего не понимаю. Подожди, я сейчас разберусь и позвоню, – сказал А. Акбулатов.

– Ради бога, Асланбек, уволь меня. Это, может, и хорошо, что именно так получилось. Так что, спасибо новой власти. Желаю процветать.

Я положил трубку.

– Ну что, мужики?

– Здесь что-то не так, – скребя заросший затылок, замечает Анатолий Георгиевич. – Зачем это Махмуду в таком возрасте и при своем положении? К тому же, теперь он не депутат Верховного Совета СССР, Звезда Героя денег ему не принесет, да и мы нищие...

– Это уже его проблемы, – прервал я его. – Вот вам, ребята, ключи, я все свое отсюда давно снес домой. Бывайте. За все спасибо. Искренне, от души.

– Да подожди ты, ведь еще ничего неизвестно, – заговорил Иса Мержоев.

– А я и знать больше ничего не хочу. Захотите увидеть, и дома.

Я ушел почти по-английски, не прощаясь больше ни с кем. Не хотел слышать женские охи и ахи, ни искренних, ни, тем более, притворных. Понимал, что так поступать нехорошо, несолидно, но иначе не мог. Я гордился своим аппаратом, уважал каждого из сотрудников, хотя был с ними и достаточно строгим и, быть может, именно поэтому в глубине души не хотел прощаться с ними навсегда.

Что было дальше, я сам не видел. Пишу, как рассказали мне депутаты парламента и работники министерства культуры.

Поздно вечером 4 февраля в парламенте действительно рассматривалась кандидатура Махмуда Эсамбаева на должность министра культуры. Депутаты вежливо выслушали его уверенные обещания выбить в Москве средства на культуру «столько, сколько будет нужно», похвалили за огромный вклад в культуру «не только нашей республики, но и всей страны», однако голосовать при нем не стали.

Уверенный в том, что решение парламента будет положительным, он на следующий день пришел в министерство со своей командой, причем без сопровождающего представителя правительства республики, который по протоколу должен был его представлять. Аппарат министерства встретил его вежливым молчанием.

В это время в РТКЗ собрались руководители всех республиканских учреждений и многие заведующие отделами культуры райгорисполкомов, заявившие единодушное и категорическое несогласие с тем, что парламента не рассмотрел первой кандидатуру действующего министра. Стало известно также, что парламента по данному вопросу никакого решения вообще не принимал, а значит, не будет и Указа Президента.

Я продолжал сидеть дома.

В центральной печати и по российским телеканалам говорили о Чечне с нескрываемым имперским высокомерием и все чаще оскорбительно. В чеченских газетах и передачах отвечали с не меньшим ожесточением. С обеих сторон дело вели к большой беде.

Многие спешно уезжали. Первыми внезапно и организовано уехали из Грозного горские евреи – таты. Они жили здесь давно, образовав компактный микрорайон одноэтажных жилых домов, тесно прижавшихся друг к другу с многочисленными задворками и внутренними лабиринтами переходов. Заняты они были в основном в торговле и бытовом обслуживании, но среди татов была и интеллигентская прослойка, а также лица, занимавшие определенное положение на государственной службе и местном управлении. Иосиф Швацков возглавлял отдел культуры грозненского горисполкома, был на хорошем счету у городского начальства и у нас в министерстве.

Он зашел ко мне перед отъездом.

– Здесь похоронены мои предки в нескольких поколениях, но приходится уезжать, – говорил он. – В городе много незнакомых людей с оружием, есть случаи притеснений, угроз в наш адрес. У наших людей появились серьезные опасения за свое будущее.

– Не зря, выходит, говорят, что ваш брат еврей беду чувствует влочно до ее прихода, – попробовал я пошутить.

– Для того, чтобы понять, что чеченцев тянут все ближе к краю пропасти, не нужно быть евреем, – серьезно ответил Иосиф Асанилович. – Дай Бог, чтобы все это закончилось миром.

Каждый день из Грозного уезжали друзья, товарищи по работе. Спешно уехали главный режиссер русского драмтеатра И. Гуревич, главный дирижер симфонического оркестра А. Раевский, директор музыкального училища Л. Брайловский и другие русскоязычные деятели культуры и искусства республики.

Перед отъездом некоторые заходили попрощаться, другие звонили по телефону. Тяжело было расставаться с друзьями и прощаться с хорошими людьми, сделавшими очень много для республики

и народа, тем более сознавать, что среди нас нашлись глупцы и невежды, так или иначе способствовавшие тому, чтобы они покинули Грозный.

Прошла неделя моей самоизоляции. Ежедневно ко мне приходили товарищи по министерству, руководители учреждений. Все они утверждали, в том числе от имени официальных лиц, что я никем не освобожден с работы и должен вернуться на свое место.

Позвонил помощник Дудаева Мовлен Саламов и удивленно спрашивал, почему я дома, не заболел ли.

Перед чеченской революцией он работал помощником первого секретаря обкома партии. Мы с ним познакомились лет пятнадцать назад в бытность его слушателем Высшей партийной школы в Ростове-на-Дону. Я проходил там переподготовку. Очень компанейский и подвижный Мовлен умел расположить к себе, имел много друзей и знакомых.

– Меня кинули, – ответил я.

– Что? Кто? Когда? Почему мы ничего не знаем? – завелся он.

– Вы, – серьезно сказал я, – после тридцати пяти лет добросовестной работы, не посчитали нужным даже позвонить.

– Ничего не понимаю. Ты совсем заморочил мне голову. В чем, наконец, дело? Говори яснее.

– Вы же сделали представление на должность министра другого человека?

– А-а-а, ты об этом. Но ведь представление было и на тебя.

– Мне об этом неизвестно. В таком случае считайте, что я сам ушел, подал в отставку.

– Ты это, Абдулла, оставь. Сейчас не время обижаться. Кто же будет работать, если мы все уйдем? Давай, выходи сейчас же на работу. К девяти часам тебя ждет госсекретарь по поручению генерала.

В министерство я не пошел, и в президентский дворец тоже. Так теперь называли новое здание обкома КПСС.

Вечером позвонил А. Акбулатов.

— Получилось, действительно, нехорошо, — говорил он, — и, прежде всего, по вине сотрудников аппарата Парламента. Я попрошу руководство разобраться. Об этом знает Джохар Мусаевич. Он согласен и просит тебя подойти утром, чтобы лично поговорить и извиниться перед тобой.

— Да кто я такой, чтобы извиняться? Лучше сейчас закончить со мной, раз начали. Я человек старой советской школы и переделываться не хочу, — не согласился я.

— А мы с Мовленом кто, по-твоему? О нем ты сам знаешь. А я, в твоем сведении, еще год назад был освобожденным секретарем парткома на крупном Ленинградском заводе, считай, секретарем райкома. И не где-нибудь, а в самом Питере. Кто же будет республику и город защищать от наших дорвавшихся до оружия невежд и по-детски бабьих «революционеров»? — в сердцах сказал он. — Мне тебя характеризовали, как твердого патриота, так оставайся им до конца.

Последние замечания озадачили меня. На самом деле, что же получится: мы, кто все эти тридцать пять лет пахали и сеяли, рвали сердце и последние нервы, бросаем дело своей жизни и отдаем введенный в опасное заблуждение народ в руки безответственных авантюристов?

Утром я поднялся на седьмой этаж и уже входил в первую приемную, когда оттуда появились вооруженные бородачи в черном, а за ними Джохар.

Увидев меня, он подошел, обнял меня и по-чеченски громко сказал:

— Ваша, извини нас за досадную накладку. Я прошу выйти на работу, больше тебя никто не побеспокоит.

— Не стоит, Джохар. Я простой чиновник, которого легко можно заменить.

— Нет, я хочу, чтобы ты оставался на своем месте. Договорились? — спросил он, заглядывая в глаза.

— Хорошо, — ответил я, — но не ради должности, а ...

– Вот и договорились. Спасибо.

А потом произнес по-чеченски: «Дала дукха вахавойла хьа Къинтера валалахь тхуна», – и быстро ушел.

Поразительно, но в министерстве уже знали о нашем разговоре. Входя в зал заседаний, где собрались мои коллеги, я чувствовал себя неловко, как чеченский зять при первой встрече с родителями жены. Откровенно говоря, боялся, что кто-нибудь из собравшихся здесь людей может подумать, что я цепляюсь за должность. Я это прямо и сказал своим товарищам.

– На этот раз вы настояли на своем. Но, боюсь, что из этого ничего путного не выйдет. А пока давайте держаться вместе и всемерно стараться сохранить наши учреждения, профессиональную честь и собственное достоинство.

Это было сказано не ради фразы. Пользуясь неустойчивым положением в общественном порядке, подняло голову всякое ворье. Не брезговали ничем. Похищали музыкальные инструменты, электрооборудование, музейные экспонаты, транспортные средства.

Однажды я возвращался с обеда по улице Полежаева мимо памятника генералу Ермолову и республиканской детской библиотеки имени А. Гайдара.

По противоположной стороне улицы в мою сторону бежал молодой человек, за которым гнались двое сотрудников музея изобразительных искусств имени А. Захарова. Увидев меня, они закричали:

– Абдулла Гарсиевич, задержите этого парня, он украл в музее картину!

Пока я сообразил, в чем дело, парень проскочил. Я бросился за ним. По счастливой случайности парня схватили люди, увидевшие погоню. У молодого человека из-за пазухи вынули небольшую картину.

– Это же Куинджи, – вздохнула облегченно сотрудница музея, принимая ее.

Шария сдали милиции, но суда над ним не было. Его поступок был детской шалостью на фоне того, что творилось в тот период в Грозном.

Было очевидно, что мне с новой властью не ужиться. Но уйти мне хотелось по своей воле, не дожидаясь, когда меня «турнут». Этим мнением я поделился с Майрбеком Мугадаевым – первым заместителем председателя Кабинета Министров ЧРИ, своим соседом и давним знакомым. Но он ответил вопросом:

– А что, по-твоему, лучше: отойти в сторону и наблюдать за тем, что здесь творится или помогать своему народу пережить этот кризис по мере своих сил и возможностей?

Так я вновь остался в этой, теперь уже во многом формальной, должности: отрасль не финансировалась, работники не получали зарплату. Мы все исполняли роль коллективной охраны зданий, помещений и имущества. Это была сложная и небезопасная задача.

Новая власть оказалась плодовитой и нарожала так много органов, что не стало хватать помещений для их размещения.

Одновременно в Грозном пытались обосноваться учреждения вновь возрожденных районов. В этой связи хочу привести один весьма оригинальный документ – Постановление кабинета министров Чеченской Республики от 7 декабря 1992 года № 448 «О передаче помещения». Вот его полный текст в оригинале.

В связи с Постановлением Парламента Чеченской Республики «О восстановлении горных районов» № 152 от 14.05.1992 г. и созданием при министерстве сельского хозяйства и питания ЧР Грозногорского зонального управления Агропромышленного комплекса, Кабинет Министров Чеченской Республики постановляет:

Министру культуры Чеченской Республики (Киндаров) передать в установленном порядке здание, ранее принадлежащее объединению «Чеченингушвино» в г. Грозном по ул. Дзержинского, 21, Министерству сельского хозяйства и питания (Бисултанов) для

размещения Галанчожского зонального управления Агропромышленного комплекса.

*Первый заместитель Председателя
Кабинета Министров Чеченской
Республики*

Я. Мамадов

*И.О. Статс-секретаря
Кабинета Министров – министр
Чеченской Республики*

Ш. Гадаев

Данное постановление осталось на бумаге – в тех помещениях шли занятия двух наших училищ. Нам совместными усилиями удалось защитить свою «суверенную» территорию. Однако попытку отнять у нас это злополучное здание предприняли с другой, более неожиданной, стороны.

Кто-то, видимо, подсказал председателю новоиспеченного Конституционного суда ЧР Ихвану Гериханову и его заместителю С. Асаеву, что легче всего будет отнять подходящее помещение у министерства культуры. Разборчивые судьи бросились занимать бывшее здание обкома КПСС, рассчитывая хотя бы потоптаться здесь, «пустить волну», как отвлекающий маневр. Но здесь уже было занято, да и скандал музейщики готовы были закатить нешуточный.

Тогда они бросились отнимать более скромные «апартаменты» – бывшее здание «Чеченингушвино».

Не говоря Дудаеву Д.М. ничего о том, что помещение еще два года тому назад отдано Министерству культуры под музыкальное училище и здесь идут занятия, слуги закона подсунули президенту (он же и председатель Кабинета министров) проект распоряжения, который гласил:

«Во исполнение Закона «О конституционном суде Чеченской республики» и в целях обеспечения ее деятельности:

1. Передать на баланс Конституционного суда Чеченской

республики здание бывшего «Чечингвино», расположенное по ул. Таймиева, 21 (бывшая ул. Дзержинского. – А.К.).

2. Министерством сельского хозяйства, питания и культуры передать на баланс Конституционного суда Чеченской республики следующее здание».

Д. Дудаев

Такое, мягко скажем, не очень грамотное распоряжение было подписано 14 апреля 1993 года за № 80.

Получив его, я снял трубку и выразил свое естественное недоумение Джохару Мусаевичу.

Раз так, пошли их... – было резюме генерал-президент-председателя.

Многo были переданы соответствующие распоряжения директору училища Умару Бексултанову.

Умар – человек интеллигентный, композитор, однако, как бывший детдомовец родом из чеченаульских цонтаройцев, а это высшая степень, если не стойкости, то, во всяком случае, упрямства, в свои помещения судей не пустил.

Тогда заместитель председателя Конституционного суда ЧР С. Асаев разразился в адрес директора училища письмом следующего содержания:

Директору музыкального училища.

В соответствии с распоряжением Председателя Кабинета Министров Чеченской Республики № 80 от 14 апреля предлагаю Вам освободить переданное на баланс Конституционного суда Чеченской республики здание бывшего «Чечингвино», расположенное по ул. Таймиева, 21, до 12 часов 20 апреля сего года.

В противном случае распоряжение председателя Кабинета Министров Чеченской Республики будет выполнено в принудительном порядке.

*Заместитель председателя
Конституционного суда
Чеченской Республики*

С. Асаев

Письмо было датировано девятнадцатым числом апреля месяца. На следующий день, точно в оговоренный письмом срок, люди Гериханова и Асаева под руководством некоего А. Абдурзакова пришли в училище и, взломав замки от входной двери, проникли в помещение. Подоспевшие преподаватели и учащиеся музыкального училища и соседнего культурпросветучилища быстро выдворили их.

После такого фиаско С. Асаев в сопровождении довольно эмоциональной дамы, которую он представил то ли заместителем председателя, то ли членом Конституционного суда, пришел в министерство. Разговор наш был нервным, но достаточно корректным.

Показав судьям акт о взломе замка на дверях музыкального училища их работниками, я заявил, что министерство культуры примет все усилия для того, чтобы обратить внимание общественности не только внутри республики, но и за ее пределами на действия столь высокого суда против культуры собственного народа.

– Тогда вы увидите, что она (культура) не столь беззащитна, как вам, похоже, представляется, – закончил я наш разговор.

Чтобы продемонстрировать двум грамотным юристам глубину благоглупостей, допускаемых новой властью вокруг этого помещения, я показал им записку-поручение статс-секретаря министра того же Кабинета Министров Чеченской Республики Э. Мадиева, подписанную 13 апреля 1993 года и поступившее на мое имя 21.04.1993 года, то есть через неделю.

К записке было приложено постановление № 448 от 7 декабря 1992 года. «Н-т Киндаров А., – гласила резолюция статс-секретаря, – прошу обеспечить исполнение постановления Кабинета Министров № 448 от 07.12.1992 года».

Я долго ломал голову над тем, чтобы расшифровать сокращение «Н-т» перед своей фамилией, пока не решил, что оно обозначает «накбость», то есть, «товарищ», но по-чеченски. «И то хорошо, – подумал я, – товарищем считают, хотя бы в сокращенном виде, зато по-родному».

Озабоченные, но не отказавшиеся от претензий на наши помещения, члены Конституционного суда ЧР ушли, а я решил обратиться лично к председателю суда Ихвану Гериханову. Он часто и горячо выступал тогда публично, всячески выставляя себя патриотом. «Быть может, председатель и не знает, что делают его подчиненные», — думал я.

Я написал письмо следующего содержания.

*Председателю Конституционного суда
Чеченской Республики
Гериханову Ихвану*

Мы, в министерстве культуры ЧР, как и все работники культуры и искусства республики, были уверены, что с созданием в республике Конституционного суда обрели, наконец, авторитетного и наделенного верховной судебной властью защитника интересов обездоленной культуры. Основание полагать, что именно Конституционный суд станет заинтересованным сторонником культуры и ее учреждений, нам всем давали лично Ваши публичные выступления ученого юриста и депутата парламента, в которых было много верных рассуждений о причинах, приведших республику к политическому, экономическому и социальному кризису, и путях выхода из этого сложнейшего положения.

Однако возглавляемый вами Конституционный суд свою практическую деятельность начал с посягательств на государственную музей. К чести своей, вы отступили от этого намерения. Но не успели мы вместе с музейными работниками передохнуть, как вышло распоряжение председателя кабинета Министров ЧР Д. Дудаева от 14 апреля 1993 года № 80 о передаче на баланс Конституционного суда здания республиканского музыкального училища по ул. Таймиева (Дзержинского), 21.

К распоряжению приложено грозное и категоричное письмо первого заместителя С. Асаева, по стилю и тону более подходящее конституционному суду. Видимо, сказывается прежний опыт.

Более того, угрозы немедленно приведены в действие: помещения музыкального училища захвачены, вскрыты кабинеты, дверей поставлены автоматчики.

Не правда ли, блестящая победа Конституционного суда над будущими музыкантами и их преподавателями!

Думаю, излишне говорить что-то по данному поводу, однако считаю должным, обратить Ваше внимание на следующее.

Во-первых, предпринятые силовые действия не делают ни Конституционному суду, ни вам лично ни чести, ни имени.

Во-вторых, эта акция, от распоряжения и до захвата здания предпринята в нарушение Конституции ЧР, элементарных норм закона и этики.

Здание принадлежит музыкальному училищу. Оно ему необходимо для подготовки специалистов культуры. Распоряжение принято без согласования с Министерством культуры. Помещение занято силой и незаконно.

На основании изложенного требуем:

– здание музыкального училища немедленно освободить и вернуть законному владельцу; дальнейшие посягательства Конституционного суда на учреждения культуры прекратить.

В случае невыполнения настоящего требования обратимся в общественности республики.

Настоящее письмо обсуждено и утверждено на коллегии министерства.

Министр культуры ЧР,
председатель коллегии

А.Г. Киндров

Так подробно об этом инциденте я рассказываю для того, чтобы показать, как тяжело приходилось в те смутные дни обеспечивать сохранность учреждений, имущества и материальных ценностей культуры от посягательств новых структур власти и вооруженных групп. Шла тяжелая и опасная борьба.

Из президентского дворца мне сообщили, что я включен в комиссию по переводу чеченского алфавита с кириллицы на латиницу. Голос, звонившей мне, показался знакомым, и я спросил, кто это такой говорит.

– Зулай Хамидова, – был ответ. – Советник Президента по культуре.

– Поздравляю тебя, – сказал я Зулай, и помедлив, добавил, – и себя.

– А себя с чем? – спросила она озадаченно.

– Раньше мою работу контролировали две дамы – одна из совмина, другая из совмина. Теперь будет одна, и та лишь в роли советника. Все же легче.

– Смейся, смейся. А не боишься, что я за двоих справлюсь? – поддразнила мою шутку Зулай.

В составе комиссии было много знакомых. Кроме Зулай Хамидовой здесь присутствовали профессор Кати Чокаев и мой бывший шеф по Ножай-Юрту Ваха Янгульбаев.

Практически все эти новые «реформаторы» еще пару лет назад соревновались за первенство в приверженности к русской культуре, письменности и языку, считали переход чеченского письма сперва с арабской на латинскую графику (1924 г.), а затем с латинской на русскую (кириллицу) (1936 г.) революционной и в высшей степени прогрессивной мерой. Теперь знаки менялись с плюса на минус. И сразу было ясно, что это политический заказ. Сама по себе смена графики не открывала волшебные двери для чеченцев на верхний этаж мировой культуры, но гарантированно обещала много трудностей и постоянную головную боль из-за возможных, со стопроцентной вероятностью, осложнений с Россией.

В своем первом и последнем выступлении на комиссии я так и сказал.

– Даже если гипотетически допустить, что Россия согласится с нашим отделением, мы все равно остаемся в теснейшем ее окруже-

нии, как в физическом, так и в культурно-политическом отношении. Мы что, в небо взлетим или в землю зароемся? Или кто-то решил, что огромной страны с практически неисчерпаемыми ресурсами уже нет? Это же наивно!

Может быть, латиница, как в целом, и вся западная культура ближе нам по истории, ментальности и духу? Ничуть! Вы не хотите, чтобы я вам объясню, что смена в продолжение жизни одного поколения трех график равносильна трем разрывам единственной тонкой нити, связующей время жизни нашего народа, то есть его историческую память. Четвертого разрыва этой нити наша национальная культура не выдержит, – заявил я и отказался сотрудничать в данной комиссии.

К месту будет замечено, большинство из этих «реформаторов» после первых же разрывов российских бомб и ракет оказались в Москве – как заметил В.В. Путин, «ногами проголосовали» за Россию с ее кириллицей. Там все годы, пока в Чечне шла истребительная война, они писали книги, печатались и защищали ученые степени на вновь ставшей им привычно-родной кириллице.

Но что поделаешь? Нам всем хотелось все и сразу. Мы были уверены, что стали составной частью, если не основой, национальной интеллигенции, старались позабыть, что мы еще остаемся детьми неграмотных крестьян и лишь заглянули в мир большой политики. Туда, где гладко на бумаге, да велики и опасны враги. Меня на комиссию больше не приглашали, и уже этим мое выступление оказалось полезным.

Я продолжал работать, уже не надеясь на вызов в парламент на утверждение. Но этот случай все же наступил.

– Киндарова мы знаем, и думаю, нет необходимости подробно расспрашивать его о биографии и прежней работе. Давайте поговорим о сегодняшних делах в культуре, ближайших планах и перспективах развития, – начал председательствующий Хусейн Ахмадов.

Говорили, что он историк, работал преподавателем в средней школе селения Джалка, но, работая восемь лет в Гудермесе, мне не удалось познакомиться с ним. Вел он себя на новой должности совершенно, официально и, по сравнению с другими «ястребами» и «единителями нации», неожиданно оказавшимися наверху, выглядел «голубем».

Я рассказал о структуре министерства культуры. Сказал, что это мощный потенциал национального возрождения, однако крайне плохо используемый и оказавшийся сейчас на грани развала. Причина одна – отсутствие финансирования. Задолженность только по архивам по нашим учреждениям – от четырех до шести месяцев. Специалисты уходят, особенно из числа русскоязычных, в основном по двум причинам – невыплата зарплаты и необеспечение личной безопасности.

Оставшиеся озабочены тем, как сохранить здания, помещения и имущество учреждений от посягательств новых деловых людей, групп и кланов с «прихватизаторскими» аппетитами и уголовными связками.

Культура, развитие которой на протяжении всего советского времени зависело от средств из бюджета Российской Федерации, осталась без средств и защиты, в почти полной изоляции, испытывает трудности, чреватые опасностью деградации.

Я пришел сюда сказать вам, депутатам парламента Чеченской республики именно об этом, а не просить об оставлении в должности. Сомной у вас никаких проблем не будет: решите утвердить – буду работать, нет – найду себе другое применение. Думаю, что найду. У меня все. Спасибо за внимание.

Голосование было тайным и меня попросили на это время покинуть зал.

Минут через десять-пятнадцать пригласили и зачитали протокол.

– За – двадцать семь, против – семь, – объявил председатель счетной комиссии.

Вот так из советского меня переименовали в ичкерийского министра. Эту чужеродную, иноязычную приписку к названию республики я возненавидел с тех пор, как она появилась в печати, как отрыжку царского колониального прошлого в нашей истории.

В конце Кавказской войны, в целях управления завоеванным краем, была образована Терская область с генерал-губернатором в главе. Область разделили на семь административных округов:

Кабардинский,
Осетинский,
Назрановский (Ингушевский – так было написано),
Аргунский,
Чеченский,
Ичкерийский,
Кумыкский.

Ичыг ари – внутренняя земля (край), так по-тюрски сначала чингисхановские, а позже и тимуровские картографы занесли в свои карты район земли по верховьям рек Ямансу и Яссе, граничащий с Андийским хребтом. Так этот край Чечни называют и доныне соседние кумыки. От них и русские освоили это название одним словом – Ичкерия.

Никогда чеченцы не идентифицировали себя с этим названием. Сами жители этого края и жители других районов Чечни называли этот край Нохч-Мохк, а жителей – нохчмахкахой или чохъхара нах, то есть земля нохчи, внутренние люди или люди, живущие внутри гор. Ичкерия большей частью ныне входит в состав Ножай-Юртовского района, часть селений на западе переданы в Курчалойский район, на юге – в Веденский. Наша фамилия берет начало из аула Белгатта Веденского района. Это большое старинное селение в ходе последней войны полностью разрушено, и с 2005 года там никто не живет. Лишь воют одичавшие собаки, да кабаны роются в огородах.

Так вот, никогда прежде я не слышал, чтобы кто-то из нашей семьи или хотя бы один житель Ножай-Юртовского района назвал себя ичкерийцем. А тут приспичило обозвать Ичкерией всю республику.

Произошло это довольно банально. Известно, что Джохар Дудаев был большим поклонником М.Ю. Лермонтова. Я не раз слышал, как Джохар декламировал строки из знаменитой поэмы «Валерик»:

*Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удалцов...*

Даже из этих трех поэтических строк вытекает, что Ичкерия и Чечня — отдельные, далекие друг от друга уголки, районы единого края.

Прежнее название — Чеченская Республика — сепаратистам нужно было переименовать исключительно в политических целях. Вот и решили романтический образ «Ичкерии далекой» бездумно переименовать в «революционное» сегодня и назвать новое «независимое и суверенное государство» Чеченской Республикой Ичкерия.

А то обстоятельство, что в названии нового национального государства, состоящем из трех слов, нет ни одного на языке титульной, то есть самой чеченской, нации, никого не смущало, а может быть, об этом никто и не задумывался. Если кто и вспомнил, благоразумно промолчал. Я написал тогда статью «Не хочу быть ичкерийцем», но она не была опубликована. Возможно, российские газеты и напечатали бы ее, но я сознательно не стал им предлагать. Просто не захотел добрыми словами в поддерживаемый ими у нас пожар и свою вязанку шкурости. Даст Бог, она когда-нибудь будет опубликована.

А между тем события внутри и вокруг Чечни развивались стремительно и опасно.

Промышленное и сельскохозяйственное производство катастрофически падало. Большинство предприятий вынужденно отправляли рабочих и специалистов в отпуск без содержания, сокращалось число занятых не только в промышленности, но и в строительстве, на транспорте, в сфере обслуживания. Шел массовый отток населения, и не только за счет русскоязычного, но и собственно чеченского. Уезжали, кто куда мог: в Тюменскую, Волгоградскую, Ростовскую, Астраханскую области, обратно в Казахстан и Киргизию.

Извне реальной помощи не было. В Грозный прилетали и приезжали множество делегаций из различных стран. Эмиссары из Прибалтики, Ближнего Востока мелькали в кабинетах Президентского дворца и Правительственного здания. Были даже гости из Поднебесной и страны Восходящего солнца – Китая и Японии. Оказались востребованными и чеченцы из зарубежных диаспор. Один из них даже занимал пост министра иностранных дел. Иорданские чеченцы, услышав это имя, как-то стыдливо кривились. Потом выяснилось, что шеф ичкерийского МИДа там, на своей родине, был кузнецом, ковал железные ворота для состоятельных арабов. Говорили, что у нас он проявил себя неплохим «специалистом» по личному обогащению.

А между тем ельцинская команда вела в Чечне преднамеренную политику нагнетания напряженности, всячески провоцируя и оскорбляя ичкерийские власти и чеченцев вообще.

Пренебрежительный тон, оскорбительные высказывания через общероссийские СМИ всех, кто по какой-то причине хотел лягнуть чеченцев за давнее и сугубо личное. Кого-то в школьные или студенческие годы обидели, у кого-то девушку отбили, а кто-то в армии портянки им стирал.

Появились «спецы» по чеченскому вопросу, вроде Полторанина, Жириновского, Шахрая, Егорова и прочих. Похоже было, что все они имели какие-то личные обиды на чеченцев. В античеченской истерике объединились все: коммунисты, демократы, патриоты и казнокрады. У каждой группы были свои интересы, но объединял их один – устроить где-нибудь «заваруху» и списать свои собственные грехи: коммунисты – за развал СССР, демократы – за обман народа и неспособность управлять, казнокрады – за разграбление и «прихватизацию» огромных богатств страны.

«Заваруха» эта не обязательно должна была начаться в Чечне. Она могла состояться и в Татарстане, и в Дагестане, и в любом другом регионе, где были условия, чтобы «каша» заварилась как можно круче.

Устроители ее все рассчитали хладнокровно и верно. Чеченцы платят давние счета с царской Россией и Советской властью. В их душах засыпает месть, ее нужно разбудить, устроив в домах их новый пожар. Сделать это будет несложно именно сейчас, в момент, когда народ оглушен неожиданной, хотя и кажущейся, возможностью взять свою судьбу в собственные руки и приобрести, наконец, долгожданную свободу.

Уверен, так или в этом духе рассудили ельцинисты, готовя военную операцию в Чечне.

И она им удалась. Безжалостно разрушив всю экономику, социальную сферу и культуру республики, уничтожив физически и морально, разметав по свету больше половины ее населения, новая Россия отбросила чеченский народ на десятки лет назад. Это уже третий, за последние двести лет, по счету тотальный геноцид России против народа, вся вина которого лишь в одном: он хочет жить свободно и независимо.

Лично я не разделяю тот взгляд, что отделение от России любой ценой обеспечило бы нам свободу и процветание. Политическую свободу, но и то, чисто гипотетически, мы могли бы обрести лишь в двух случаях:

- 1) Россия, как держава, перестанет существовать;
- 2) она по своей доброй воле согласится предоставить Чечне независимость.

На российском политическом горизонте ни тогда, ни сейчас ничего похожего не маячит.

Но и получив эту свободу, мы были бы зависимы экономически от той же России. Если не от нее, то от Ирана или Турции. А может быть, согласно давно и устойчиво бытующему в народе мифу, однажды чеченцы окажутся под властью Энглис-пачхьалкх, то бишь Англии. Но какая разница? Как говорится у русских – хрен редьки не слаще. При царе-батюшке, да и при Сталине (Хрущеве, Брежнев) нам хоть говорить по-чеченски, записаться в паспортах чеченцами разрешалось.

В Турции, Иордании, Америке и Англии мы бы и эту возможность не имели. Правда, теперь и в России введена эта «демократическая» фигня – не указывать национальную принадлежность. В связи с этим припоминается старая байка, как жаловался старик еврей: бьют-то не по паспорту, а по морде.

О том, какие национальные права имеют в единоверной Турции чеченцы, проживающие там с середины XIX столетия, я видел лично. Никаких. Такое же положение в Сирии и Иордании.

В начале сентября 1992 года мне позвонила Зулай Хамидова, наш куратор из администрации Президента и сообщила, что меня включили в состав правительственной делегации, направляющейся в Турцию с целью налаживания культурных связей.

Первая мысль была: а зачем? Какие у нас при полной изоляции и нищете могут быть собственные культурные связи с дальним зарубежьем?

Принесли распоряжение правительства. С ним я пошел к Я. Мамодаяву, выполнявшему премьерские обязанности в решении вопросов экономики и социально-культурной сферы. Прочитав документ, он написал напротив моей фамилии «руководитель делегации». Я стал совершенно искренне просить его оставить распоряжение в прежнем виде.

– Ты где видел, чтобы министрами командовали советники? – спросил он. – Да нас не поймут и в Турции. Это же не Франция!

В делегацию были включены: министр образования и науки Яндаров Андарбек, сотрудник аппарата правительства Ханкишиев Джабраил, кинорежиссер Татаев Ильяс, дочь Татаева, в качестве помощника режиссера, и еще одна девушка – секретарь (?) З. Хамидовой.

– Программа вашего пребывания будет у господина Юксели, который встретит Вас в Стамбуле. На месте будете действовать по обстоятельствам, ведь сам знаешь, в плане международного протокола вы едете неофициально. Правда, наш генерал желает, чтобы все выглядело по-настоящему, но это пока нереально, – заметил вице-премьер.

Однако «по-настоящему» в нашей поездке не было ничего. В тринадцатом вагоне поезда из Ростова мы приехали в Баку, и там, без мороки, приобрели билеты на переполненный спекулянтами самолет в Стамбул. Заплатив по десять долларов США на таможне, мы оказались на турецкой земле.

Юксель оказался этническим чеченцем, свободно владеющим родным языком, а также английским, арабским и, естественно, турецким. Как мы могли понять, он был крупным коммерсантом и руководил какой-то новой общественной организацией, имеющей целью наладить чечено-турецкие деловые отношения.

Помощником Юкселя был расторопный молодой человек, назвавшийся его младшим братом с чеченским именем Лечи. На швейцарских «Мерседесах» последней модели братья домчали нас до центральной гостиницы.

Поездка оказалась очень интересной с точки зрения ознакомительно-познавательной, но совершенно безрезультатной в деловом отношении. В Стамбуле нам показали историко-культурные достопримечательности, провезли по знаменитым мостам через пролив Босфор, показали музеи, мечети, базары, ночной город.

Описать Стамбул я не берусь – для этого нужно быть историком, архитектором, художником и писателем одновременно. Охватить и объять его многоликий образ простому смертному невозможно, не хватит, наверное, и целой жизни. За почти трехтысячелетнюю историю город назывался Византией, Константинополем, а с 1453 года он – Истамбул, Стамбул в русском написании.

По обе стороны пролива Босфор в мегаполисе проживает почти семь миллионов человек, представляющих разные цивилизации, народы, конфессии и культуры. Мы привычно произносим фразы типа «Париж стоит мессы» или «увидеть Париж и умереть». Увидев Стамбул, человек без предрассудков откроет для себя древний, ослепительный, мудрый и могучий Восток. И умирать не захочется.

У нас было немало встреч с официальными лицами: депутата-

ми Великого национального Собрания, чиновниками министерств образования, культуры, спорта и туризма.

Нас пригласили в клуб «Кавказ», являющийся одновременно чеченским этнокультурным центром, созданным незадолго до этого. Здесь нас озадачили одной просьбой, которую высказал рабочий-столяр от имени всей чеченской диаспоры.

– Я здесь родился и вырос, в свой час умру и буду похоронен. Всю жизнь я гордился тем, что родился чеченцем – меня уважали и с мнением моим считались турки. Теперь я стесняюсь говорить им, что я чеченец. И знаете почему? Из-за женщин из Чечни, заполнивших здешние базары и лавки. Не потому, что они покупают и продают, а за поведение некоторых из них. Пожалуйста, если можете, остановите их, иначе скоро у вас не останется здесь соплеменников, называющих себя чеченцами.

Даже по прошествии шестнадцати лет мне неловко вспомнить и писать об этом эпизоде, но, как говорится, из песни слона не выкинешь.

Потом мы были в столице Турции – Анкаре. Городу почти три тысячи лет, но в нем осталось мало следов старины. В современном живописном городе около трех миллионов жителей. Здесь размещены парламент и правительство республики. Огромное впечатление оставила соборная мечеть Анкары, которую посетили мы с Андарбеком Яндаровым.

В один из дней, когда мы собрались в холле гостиницы перед очередной встречей с турецкими коллегами, к нам подошел стройный офицер в красивой форме и на приличном русском языке, что нас хотел бы видеть генерал турецкой армии.

– Но в наши планы контакты с военными не входят, – заявил я.
Офицер растолковал:

– Генерал просит нанести ему гостевой визит. Он из чеченцев – его бабушка была дочерью известного у вас авлия Кунта хаджи.

Отказаться от столь почетного приглашения мы не могли.

В назначенный час за нами зашел уже знакомый полковник и на каком-то навороченном микроавтобусе доставил нас в парк удивительной красоты с ажурной металлической оградой. В глубине стоял дворец. Часовые встали по стойке «на караул».

Нас приветливо встретил крупного роста пожилой генерал. Говорил он по-турецки. Человек в штатском, появившийся из-за генеральской спины, стал переводить на чистый, без малейшего акцента, чеченский язык. Улучив момент, я спросил его, не с берегов ли он Терека.

Удивленно вскинув брови, переводчик ответил:

– Да, я из Надтеречного.

– У вас говор, характерный для надтеречных чеченцев, – заметил я. Он оказался одним из тех, кто в войну попал в плен к немцам, а потом не захотел возвращаться в Союз, чтобы не угодить в лагерь или присоединиться к землякам, высланным на спецпоселение в Казахстан и Среднюю Азию.

За столом разговор вел в основном генерал Доган Гюнеш, называясь, что не запомнил его имя. Говорил он медленно, оставляя время для перевода и наблюдая за нашей реакцией.

Воспользовавшись паузой, Зулай Хамидова передала генералу привет от нашего президента – генерала Джохара Дудаева». Однако, турок, не реагируя на это, развивал тему мирного сожительства чеченцев с другими народами в составе новой России.

– Я бывал в России, – говорил он, – летал из Дальнего Востока в Ленинград и Москву. Какая это огромная страна! Мы летели над ней целых двенадцать часов! Мы, военные, знали, что СССР располагает почти половиной оружия, накопленного в мире. Сейчас оно почти полностью у России. Разве можно с ней ссориться? Турция не раз воевала с Россией, побеждали и мы, и они, но в современных условиях война есть безумие. Вы что, лучше, умнее, чем дагестанцы, абардинцы или другие кавказцы? Не думаю. Когда это было, чтобы чеченец стал вторым человеком в России?

Хасан перевел это, как полупарь – ахпадчяхь. Мне доводилось когда-то от стариков слышать такое чеченское словосочетание.

– Я недавно встречался с Русланбеком Хасбулатовым – председателем Верховного Совета Российской Федерации. Это умный человек, крупный ученый, большой политик. Держитесь за него, слушайте и поддерживайте его. Россия – огромная страна. Ее хватит на всех. Вы, говорят, очень энергичные и предприимчивые люди. Живите в составе России, используйте ее богатство и не ссорьтесь с ней.

Таковыми были советы главного генерала Турции, правнука Кунта-хаджи.

Сразу по возвращении домой я написал отчет о поездке в Турцию нашей делегации и подробно изложил советы генерала Д. Гюнеш. Под текстом я поставил три фамилии с указанием должностей: свою, Яндарова и Хамидовой. До сих пор не могу понять почему, но оба они отказались подписывать его.

Тогда я за своей подписью сдал отчет в канцелярию Президента. Реакции не было долго, но как-то в пылу полемики Д. Дудайев бросил:

– Вот мы послали свою делегацию за границу, а нам вместо конкретных соглашений привезли какие-то советы.

В другой раз он стал упрекать членов правительства в отсутствии инициативы и слабой исполнительности.

– У меня создается впечатление, что некоторые из вас умышленно саботируют наши решения. Вот, например, министр транспорта и дорог Эдиев все развалил, у него растаскивают машины, но он сидит здесь и ухмыляется. Вот я позову сюда своих матросов, – он жестом указал на открытое окно, через которое слышались ритмичные звуки многолюдного зикра, – и объявлю исламскую республику, тогда вы запоете по-другому.

Это уже было слишком. Первым вскочил Сайд-Али Эдиев. Говорил он по-чеченски.

– Что это ты, Джохар, себе позволяешь? Развалил, ухмыляется. Это ты развалил целую республику и ведешь бедный народ в прошсть. Ты, Джохар Дудаев, виноват во всем, что у нас творится.

Невысокий крепыш Сайд-Али раскраснелся невероятно, его трясло от гнева, он мог наговорить еще много. Пришлось успокаивать его.

Дудаев, похоже, не ожидал такого отпора. Он удивленно посмотрел на С-А. Эдиева, потом на других членов правительства, собрал бумаги со стола, встал и пошел к выходу.

– Джохар, я прошу тебя подождать, – громко попросил я, оставая. – В последнее время стало правилом: ты не приходишь на заседания правительства, а если приходишь, делаешь резкие замечания и, не выслушав нас, уходишь. Не знаю, как другие, но я лично таким порядком не согласен. Если мне, я говорю за себя, нет доверия, ты об этом мне прямо и скажи. Даю слово: повторять не придется, я уступлю место любому, к кому ты испытываешь свое доверие. И еще. Почему ты решил, что все мы боимся своего народа и своей религии? Давай, зови стариков и объявляй исламскую республику! Только где мы возьмем аятоллу Хомейни? Да и неизвестно еще, кого народ первым из нас выкинет.

– Вапа, Ваша, – протянул он ко мне руку, – я не тебя имел в виду, – и ушел. Охрана и несколько близких соратников поспешили за ним.

За столом президиума продолжал задумчиво сидеть заместитель председателя Правительства ЧРИ Майрбек Мугадаев.

– Не знаю, как ты, но я эту контору намерен оставить, – заявил я, подойдя к нему.

К нам подошли еще некоторые коллеги.

– Не надо спешить и горячиться. Джохару тяжело, все хотят что-то урвать для себя, а помогать, брать ответственность на себя никто не желает, – сказал он.

Я понял так, что это было сказано не столько мне в ответ,

сколько для тех, кто еще оставался в зале и мог передать наш разговор людям генерала.

Но никто не поддержал его и не возразил. Все были удручены случившимся и уходили, не прощаясь и не глядя друг другу в глаза.

Мы в министерстве продолжали выполнять роль штаба по охране учреждений культуры, вели подсчет кадровых потерь и времени, в течение которого не получали зарплату. Но творческие коллективы и в этих условиях продолжали работать. Театральные труппы и концертные бригады безотказно выезжали в села, выступали на предприятиях. Только теперь они ставили условие: доставка к месту и обратно – транспортом заказчика или заправка за его счет, а иногда намекали, что будет неплохо, если артистов и покормят.

Мне нередко самому приходилось драться за оплату хотя бы «правительственных» или «гостевых» спектаклей и концертов, ибо все норовили получить культурные услуги бесплатно. А гостей тогда в Ичкерии валом валило – с востока, запада, особенно Прибалтики, даже китайцы и японцы появлялись, улыбаясь да приглядываясь сквозь щелочки глаз за тем, что здесь творилось. Неожиданно воспылали братскими чувствами к непокорной Чечне и соседи – казачки. Заключались договоры о сотрудничестве, взаимных поставках и т.д., хотя все понимали, что это игра.

Однако, гостеприимство на Кавказе – дело святое, поэтому после обильной трапезы следовало гостей и повеселить.

Да что гости? Неожиданно воспылали любовью к искусству объявившиеся вдруг новые отцы Ичкерии, доморощенные нувориши, полковники, бригадные и дивизионные генералы. Они устраивали многолюдные презентации своих новых особняков и дворцов, шумные свадьбы, дни рождения, отмечали внеочередные звания и новые должности. Тогда из уст генерала-президента народ впервые услышал жаргонное слово казарменного происхождения – «гужбан». Его быстро подобрали, сначала в свите, затем в журналистской среде, а потом по всей пировавшей Ичкерии.

Зима 1992–1993 годов была холодной и тревожной. Люди жили в ожидании ввода российских войск. Мнения на этот счет были разные. Одна часть рассуждала так:

– Этот бардак не кончится, пока русские не придут и не наведут порядок.

– Да, – говорили другие, – но они наведут свой порядок, и при этом прольется немало крови. Русские никогда не разбирались, а теперь и подавно не станут разбираться, кто из нас мирный, кто за Россию, а кто – нет. Для них мы все чурки, враги России, прямо с козаками. Почитай, что о нас пишут в газетах, послушай, что говорят по радио и телевидению.

И то было верно: российские политики и военные как будто соревновались, кто сильнее оскорбит национальное достоинство и честь чеченского народа.

Генерал Грачев обещал взять Грозный одним десантным полком в два часа, либерал-демократы Жириновский и Митрофанов предлагали бросить на Чечню атомную бомбу, а чистый либерал правого толка Песков считал, что Чечню надо разделить на мирную – плоскостную и помирную – горную, огородив последнюю колючей проволокой и военным поясом.

Им вторили молодые российские ястребы: Шахрай, Бурбулис, Бортани. Пробуя свои когти и клювы, они соревновались, чье предложение по «умиротворению Чечни» окажется круче.

Я держался подальше от политики, ни в одну партию или оппозиционную группировку не входил, но и не убежал никуда. У меня всегда была своя партия, причем самая крупная по численности, самая стойкая и убежденная в правоте своего дела. Это была партия работников культуры, в которой еще оставалось более пяти тысяч человек. Быть может, я слишком самонадеянно думал тогда, давно и сейчас, что в этой партии меня уважали, здесь я был нужен и полезен. Это меня и держало, хотя чувствовал, что руководство Шварца и избившись бы от меня с облегчением.

Над, министров социального блока, уже редко вызывали на

заседания, однако постановления правительства ЧРИ за подписью Дудаева, Мамодаева, Мугадаева и других выходили. Кто, где и как их принимал, мы не знали.

Д. Дудаев все чаще набрасывался на министра нефтяной промышленности Зайнди Дурдиева, грозился поставить на заседании его отчет, не раз назначались даты. Каждый раз Зайнди приходил со схемами и планшетами, развешивал их в зале, но отчет отклонялся.

На третий или четвертый раз министру все же дали сделать доклад. С горячностью бывшего комсомольского работника он рассказал, куда, сколько и когда откачана нефть и кто подписал соответствующее распоряжение. В основном повторялись фамилии Дудаева и Мамодаева.

Обсуждение доклада, не начиная, отложили. Вскоре отношения между двумя основными лидерами ЧРИ резко ухудшились, а потом и разорвались. Мамодаев, как появился внезапно, так и внезапно исчез из Грозного.

Перед тем он пригласил меня на встречу в один из кабинетов министерства финансов. С ним находились еще двое незнакомых мне людей в милицейской форме с подполковничьими погонами. После взаимных приветствий Я. Мамодаев доверительным тоном заявил, что собирается создать правительство национального согласия, и предложил мне войти в него в качестве заместителя председателя. Не раздумывая, я отказался, заявив, что ни в партии, ни в блоке, ни в правительстве, с помощью которых чеченцы окажутся разделенными и будут бороться за власть в республике, участвовать не намерен.

— Я вырос в выселении, в далекой Киргизии, мечтая вернуться на Родину, и здесь тридцать пять лет добросовестно служил своему народу и только ему. И теперь, под старость, не могу оказаться на стороне одной части чеченцев, хорошо сознавая, что меня возненавидит другая часть.

Помолчав, Яраги произнес:

— Дай бог тебе, Абдулла, здоровья и благополучия. Я это говорю искренне.

— И вам всем успехов в хороших делах, — прощаясь, ответил я. Больше нам встречаться не довелось.

У меня созрело твердое намерение: выйти из игры в этом драматическом спектакле под вывеской «Кабинет министров Чеченской Республики Ичкерия».

Но в это время из министерства культуры Российской Федерации поступило приглашение Чеченскому Государственному театру принять участие в фестивале-конкурсе национальных театров Российской Федерации в г. Чебоксары — столице Чувашской Республики. Мы обсудили этот вопрос с главным режиссером Русваном Хакишевым, а затем и с труппой.

Решение было единогласное: ехать! Но как получить разрешение властей, которые и слушать об участии в каких-то общероссийских мероприятиях не хотели? И где взять деньги, если будет разрешение? Договорились так: я иду к Дудаеву.

Наша довода: у нас отличная труппа и мы, безусловно, победим, а это будет лучшим доказательством благополучия в Чеченской республике. Отсюда вывод, очевидный для всех: античеченские СМИ и политики врут.

Президент согласился и дал указание выделить нам деньги по полной программе: на проезд, питание, гостиницу. Мне было поручено возглавить поездку. Однако было поставлено жесткое условие: наш театр участвует вне конкурса.

В труппе было веселое оживление, актеры давно никуда не выезжали и соскучились по общению с коллегами, новым местам и впечатлениям.

В Чебоксары мы прибыли за полночь, но нас встречали с хлебом-солью, цыганами и музыкой, разместили в добротной гостинице и сразу дали почувствовать, что мы здесь желанные гости.

Для показа на сцене Академического драматического театра Чувашии был выбран спектакль по трагедии испанского поэта и драматурга Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» с участием Д. Омаева, А.-М. Давлетмирзаева, Н. Хаджиевой, Р. Гичаевой (Исаевой) и других ведущих мастеров.

Эта трагедия со сложным, во многом схожим с нашим национальным социально-философским содержанием, была поставлена Р. Хакишевым еще в конце 60-х годов и с тех пор шла у нас дома с неизменным успехом. Режиссер ввел в спектакль новых действующих лиц – чтецов, создающих настроение у зрителя с помощью стихов Лорки, играющих потом пантомиму вешего сна. Персонажи, которых автор назвал Луной и Смертью, теперь превращаются в родовых старейшин, управляющих свадебным весельем. А раз свадьба, то у чеченцев она немислима без танцев, и Р. Хакишев нанял танцора. Его профессионально сыграл балетмейстер молодежного ансамбля «Нохчо» Дикалу Музакаев, прекрасно исполнивший испано-аргентинский танец пастухов-гаучо. §

Таким образом, испанская трагедия творческими нововведениями режиссера была приближена по своему духу к чеченской действительности. Теперь этот спектакль по праву мог считаться нашим. Его очень хорошо приняли не только чувашские зрители, но и московские специалисты, а также актеры других пятнадцати национальных театров Российской Федерации, участвовавших в фестивале национальных театров.

Нам было очень приятно, когда решением жюри Чеченский государственный драматический театр имени Х. Нурадилова был признан победителем с вручением Диплома первой степени и ценного подарка.

Председатель жюри, главный режиссер Чувашского Академического драматического театра имени К.В. Иванова народный артист СССР Валерий Николаевич Яковлев преподнес нам неожиданный сюрприз. Он, уверен, из самых добрых намерений, предложил пере-

чить нашему театру все средства, вырученные за продажу билетов на все фестивальные спектакли. Они, наверное, составляли солидную сумму, однако мы не могли принять эти деньги. Я не только опасался излишне политизированной реакции новых властей Чечни, ревниво охраняющих «суверенность» республики, но лично считал невозможным принять роль бедного родственника. Но как это сделать, не обижая хозяев и не вызывая особого внимания прессы, готовой подмигивать по любому поводу, а когда касалось Чечни, то и без всякого повода?

Перед вручением диплома я сказал Р.Ш. Хакишеву:

— Извини, Руслан, твое право сегодня торжествовать победу, но на сцену выйду я. Ты же понимаешь, мы не можем взять эти деньги.

— Нет никаких проблем, Абдулла, — ответил Руслан. — Ты действуюшь правильно — нам милостыня не положена: мы не сироты какие-нибудь.

Приняв диплом и выждав, пока стихнут бурные аплодисменты в зале, я выступил с ответным словом.

Мы были счастливы провести в гостеприимной Чувашии вместе с коллегами со всей Российской Федерации эти фестивальные две недели. Выражаем сердечную благодарность министерству культуры России и оргкомитету фестиваля за приглашение, за внимание и доброту, проявленные к нам с первых минут нахождения здесь. Поверьте: нам очень дорога ваша столь высокая оценка нашему спектаклю, как показателю высокого творческого уровня Чеченского национального театра.

Мы с нескрываемой радостью приняли этот высокий Диплом, но не можем принять предложение, высказанное здесь многоуважаемым Валерием Николаевичем. Вернее будет так, — поднял я руку, призывая оживившийся зал к вниманию. — Считайте, что мы приняли эти средства и единодушно решили отдать их одному из детских домов Чувашии. Думаю, так будет справедливее.

Зал встретил эти слова дружными аплодисментами и похвалами:

– Bravo! Правильно! Молодцы!

– А что касается нас, то в Чеченской Республике не все так плохо, как пишут в газетах. Было бы иначе – нас бы здесь не было. Мир всем нам и благополучия! Спасибо!

Я сходил со сцены под одобрительные рукоплескания присутствующих. Когда в зале стихло, начальник театрального управления минкультуры РФ В.В. Подгородинский сказал:

– Я знал, что ты вывернешься из этого щекотливого положения, но что ты это сделаешь так деликатно и с таким достоинством извини, не ожидал.

– Выходит, не зря я целых восемь лет у вас, евреев, учился, ответил я и протянул руку.

Тот обхватил мою ладонь обеими руками и прижал к своей груди.

Вечером братья-чуваши устроили прощальный ужин. Столы были накрыты в большом зале, играл оркестр. Казалось, все внимание хозяев и гостей было уделено только нам. Нас поздравляли, за нас провозглашались тосты, у наших актеров брали автографы.

А в ответ ребята пели чеченские песни.

Напоследок мы, естественно, устроили настоящий чеченский перепляс. Уже в поезде, на обратном пути, Руслан Хакишев утверждал, что мы экспромтом создали настоящий музыкальный спектакль.

Но у меня было ощущение, что в моей жизни заканчивается очень важный этап, впереди полная тревоги неизвестность.

В Москву поезд шел целый день и прибыл поздно ночью. Наш вагон отцепили и загнали в дальний тупик – поезд на Грозный был лишь утром следующего дня.

Несмотря на поздний час, несколько человек стали отпрашиваться в город, обещая быть к утру. Среди них был и Ахмед Закаев – председатель Союза театральных деятелей. Под его ответственность артиста

Взгляд опущены. Оставшиеся в вагоне уже спали, когда они возвратились в вагон будить товарищей.

– Нам ждет гостиница и ужин в ресторане, – сообщили они.

Ну кого из артистов можно удержать от такого соблазна? Конечно, только безнадежно больного, ответил бы любой, кто мало-мальски знаком с этой публикой. Пришлось отпустить. Однако поехать туда пожелали не все – некоторые предпочли поспать.

С ними решил остаться и я – мало ли что может случиться на перомной железнодорожной московской станции ночью.

Но через час ребята вернулись снова и увезли нас в гостиницу «Славянская». Здесь шел настоящий пир. Меня представили молодому человеку с длинными волосами, недельной бородкой, толстой цепочкой на открытой шее и в блестящем костюме заграничной моды.

Я задал традиционный чеченский вопрос: откуда он родом.

– Я веденский, – как-то неуверенно ответил московский «братан».

Мне указали на свободный столик впереди, но я пожелал устроиться подальше от оркестра и попросил что-нибудь горячего и чаю.

– В вагоне было холодно, и я немного продрог, – объяснил я свой заказ.

«Веденский» сделал едва заметный знак и человек, стоявший за ним, исчез и появился с бутылкой с яркими наклейками. Наш заказчик насупился, и человек проворно принес другую. Лишь на третий раз молодой человек согласно кивнул головой.

Быстро поев, я пожелал отдохнуть. Меня отвели в номер.

Прошли годы, позади две войны и более десяти лет разрухи и хаоса. Чечня осталась в составе Российской Федерации и представлена в высших органах власти. И каждый раз, увидев в телевизоре одного из этих представителей, я не могу отделаться от ощущения знакомства с ним и вспоминаю тот поздний ужин. Правда, теперь не видно той массивной золотой цепочки на его шее.

По приезду домой я пошел в Президентский дворец с отчетом. Дудаев не скрывал своего удовлетворения, громко стучал по столу, переходя со строевого на танцевальный ритм.

– Молодцы! Ах, какие молодцы! – восклицал он. – Передаю артистам мою благодарность. Я с ними обязательно встречу.

В кабинет вошел один из «вождей» Ичкерии. Джохар в момент изменился. Улыбка сошла с его лица, взгляд ушел куда-то мимо, он молча протянул руку.

Я и раньше замечал, как Джохар был предельно вежливым, обязательным и внимательным в беседах тет-а-тет и как он резко менялся во время официального разговора, особенно в присутствии третьего лица или на публике. Вот и на этот раз: зашел его соратник – и он сразу же изменился, превратившись во властного генерал-президента.

Вскоре до меня дошли слухи, что некоторые ичкерийские идеологи выразили свое категорическое недовольство по поводу участия чеченского драмтеатра во Всероссийском театральном фестивале, как акции, противоречащей «суверенному положению» Чечни в отношениях с Россией. Говорили также, что при этом называли мою фамилию, как главного инициатора и организатора поездки театра в Чебоксары.

«Ну что же, этого и следовало ожидать. Зато мы громко и красиво сказали свое веское слово в этом безумном представлении», – размышлял я, ожидая развязки в своем нынешнем положении.

В коридоре президентского дворца меня остановила незнакомая VIP-дама.

– Меня зовут Тамара Мазаева, я приехала из Ленинграда, – смело представилась она. – Я слышала о вас много хорошего. О Вас отзываются как о человеке, компетентном в культуре, высокопорядочном и честном. Поэтому и я хочу быть перед вами честной. Меня выгнали, чтобы предложить вашу должность. Я по образованию искусствовед, достаточно устроена в жизни, имею свою квартиру и дело в Ленинграде, но от предложения работать на Родине не отказалась.

Мне понравились ее открытость и то, как она говорила и держалась при этом. Это был честный поступок, на который способен далеко не каждый мужчина.

– Вот хорошо, – ответил я. – Давно жду вас, извините, не вас лично, а человека, который снимет с меня эту ношу. Вы специалист культуры – как раз тот человек, который нужен. Спасибо, что предупредили меня. На мой счет не беспокойтесь, в любой день готов сдать вам «пост».

Я говорил совершенно искренне, ибо устал, а главное: не видел смысла в дальнейшем пребывании в этой должности.

Вечером мне позвонил один из друзей и сказал, что есть две новости.

– Начни с хорошей, – попросил я.

– Барон назначен министром, то есть начальником Департамента труда и социального обеспечения, – сообщил он.

– Хорошо. Хотя лично я ничего хорошего в этом не вижу. А стария?

– Твое министерство тоже преобразовано в Департамент.

– Дальше можешь не продолжать: я знаю, кто назначен начальником. Соблезнования не принимаются, скорее наоборот. Приходи с бутылкой.

– Ты же давно не пьешь! – удивился друг.

– Надеюсь, Бог простит. Выпить за свободу – небольшой грех. Раз не мы не за нее боремся? – мрачно пошутил я.

Утром в министерстве собрались почти все руководители республиканских учреждений и районных отделов культуры. Некоторые стали делать громкие заявления, мол, не допустим, почему вы нами не посоветовались и т.п.

Принялось прервать их.

– Вся эта возня всем надоела и должна, наконец, закончиться. Спасибо вам за дружбу и сотрудничество. Давайте простимся спокойно, достойно, по-доброму.

За восемь с половиной лет работы в должности министра пришлось пережить многое. Были трудные моменты. Особенно тяжело я переживал, когда встречался с откровенной недооценкой культуры со стороны должностных лиц, от которых, по существу, зависела судьба: принять решение, включить в план, выделить средства и т. д. Однако пресловутый «остаточный принцип» в отношении культуры не был исключительной особенностью Чечено-Ингушского руководства, а начинался с головы – с центра. Но у нас косности было больше, чем объективных трудностей.

И все же поворот к культуре в республике был очевидным, давал все больше результатов.

Я чувствовал реальную и постоянную поддержку со стороны руководителей республиканских учреждений и организаций, ведущих отделами культуры райгорисполкомов, многих опытных работников культуры и искусства. Боясь кого-то запямятовать и обидеть, я все же хочу назвать некоторых из них, своих коллег:

Это Виктор (Абдул-Хамид) Темуркаев – директор культурно-просветительного училища, Леонид Брайлковский и Умар Бексултанов – директора музыкального училища, Тамара Габисова – директор библиотеки им. А.П. Чехова, Малика Узуева (Магомадова) – директор детской библиотеки им. А.П. Гайдара, Зарема Мусаева – директор Объединенного государственного музея, Виктор Скляр – директор Госфилармонии, Валентина Арская – директор русского драмтеатра им. М.Ю. Лермонтова, Султан Дакаев – директор чеченского драмтеатра им. Х. Нурадилова, Арби Усманов – директор ансамбля танца «Вайнах», Мовлади Хамдиев – директор театра кукол, Адлоб Мазаев – директор промкомбината, Сайд-Магомед Каруев – директор Комбината художественных промыслов, Салман Ади-хаджиев – начальник РСУ, Руслан (Аэрудзин) Яндаров – начальник ИПО «Реставрация».

Особо хочу отметить тот факт, что каждый из них был специалистом своего дела, находился на своем месте, имел собственное мнение и человеческое достоинство. Подлиз и прислужников я не любил и рядом с собой старался не иметь.

У меня остались самые добрые воспоминания о руководителях моих с наиболее трудной, на мой взгляд, и наименее благодарной судьбой – заведующих отделами культуры исполкомов городских и районных советов. Трижды пережив судьбу районщика, испытав на собственной шкуре, как тяжело знать, что и как делать, но не иметь возможности это сделать, я особенно близко принимал их заботы и проблемы.

В городе Аргун учреждение культуры возглавляла старательная Ира Миназаева, в Ачхой-Мартане – энергичный Саламу Умалатов, в Ведено – инициативный Руслан Чатаев, в Надтеречном – цепкий и настойчивый Руслан Гириев, в Сунже – интеллигентная Нина Ибраимова, в Науре – моторная Раиса Шуда, в Ножай-Юрте – бескомпромиссный Султан Даудов, в Урус-Мартане – принципиальный Сайд-Хасан Карусев, в Шелковском – трудолюбивый Исрапил Салгириев, в Шали – щепетильный Лечи Гарсаев, в Шатое – поклонник фольклора Лечи Гадиев, в Назрани – знаток языка и истории края Муса Аушев, в Грозном – опытный Иосиф Шаулов, в Гудермесе – профессионал Абдул-Хамид Гайсумов.

Каждый из них имел свой характер, слабые и сильные стороны, но все они были преданы делу, которое называется служение культуре. Моя бы воля – приравнивал работников культуры к государственным служащим вместе с учителями и врачами, особенно работающих на селе и в малых городах.

Итак, в середине 1993 года меня «ушли» с должности. Я сожалел, что не сам это сделал. Между нами, некоторыми членами правительства, не раз возникали разговоры о совместном уходе, но никто не захотел возглавить такой групповой протест, боялись обвинения в заговоре и возможных последствий.

Юрист поневоле

Уже вторую неделю сидел дома, читал днем газеты, книги, по вечерам смотрел телевизор, а по ночам слушал радио «Свобода». И решительно не знал, что делать, как жить и чем зарабатывать на жизнь в сложившихся условиях. До пенсии было еще пять лет. Но и ее у нас уже давно не выдавали. Ичкерийские власти сделали сенсационное открытие!

– Наши деды и прадеды пенсий не получали и жили по-княжески, проживем и мы, – заявили они через послушных «старейшин», которые кормились из их рук.

Мы, чеченцы, все же неисправимые юмористы. Услышав о дудаевских золотых краниках с верблюжьим молоком, они не удивились, но юмор оценили. Долго смеялись над генеральской шуткой.

– Да, но тогда у наших дедов была хоть какая-то собственность: земельный надел, скотина, птица, наконец. А теперь что, жвачку жевать, так из чего? – удивленно спрашивали наиболее непонятливые, несклонные к юмору.

В размышлениях, где найти себе применение, проходили дни. Между тем, жена намекала на то, что совсем скоро нам следует ожидать сватов. Дочь уже три года как окончила Пятигорский фармацевтический институт и работала провизором в аптеке.

Боже мой, как быстро летит время! Как будто вчера было, когда она родилась, и мой друг Магомед Дикаев настоял на имени Зарема.

– Она, наверное, хорошо подумала, прежде чем решиться на такой серьезный шаг? – спросил я жену. – Мы, конечно, не станем ей мешать, пусть сама определяет свою судьбу. Но ведь мы совершенно не знаем, с кем нам предстоит породниться.

Семья Мадаевых валерикских корней оказалась хорошей родней. Магомед-Хаджи и Шумисат очень хорошо приняли нашу

дочь в свою многодетную семью. К сожалению, они оба ушли из жизни, не выдержав всего, что пришлось пережить в эту проклятую войну. Но у нас теперь четверо внуков: Малика, Орца, Аниса и Берс, настоящие горные аккинцы, прекрасно адаптировавшиеся к московской жизни.

Мой старший сын – Асланбек, окончив инженерно-экономический факультет Краснодарского политехнического института, работал на хлебокомбинате, домой приходил поздно.

Младший, Муслим, отслужив в армии, поступил на экономический факультет нефтяного института, но бросил и мечтал о профессии юриста.

– Ты уж, друг мой, решай, наконец, кем хочешь стать. У русских есть неглупая поговорка: лучше синица в руках, чем журавль в небе. По-моему, ты зря ушел из института: экономист – основная профессия ближайшего и отдаленного будущего.

– Экономист у нас уже есть, а я хочу быть юристом. Да и кто-то из нас должен продолжить отцовское дело, – отбивался сын.

– Тоже мне, нашел пример для подражания. Какой же я юрист? – ворчал я, внутренне одобряя намерение сына.

В один из вечеров позвонил Идрис Албастов. Он жил в другом подъезде нашего дома и предложил прогуляться перед сном.

Идрис Абуевич одним из первых чеченцев окончил юридический институт, причем очно и с отличием. Работал следователем и прокурором района, заместителем прокурора республики, министром юстиции. В 1989 году его назначили председателем Верховного Суда республики. Новые власти с ним считались, а он умело держал дистанцию в вопросах политики. Мы с ним были знакомы в первые лет восстановления ЧИАССР и поддерживали дружеские отношения.

– Ты что это закрылся в квартире, не звонишь, не заходишь? – начал он разговор. – Так же не может долго продолжаться. Что собираешься делать? Какое-нибудь предложение они тебе сделали?

– Нет. Никто даже не позвонил. Да и что они могут мне предложить? Я с ними ничего общего не намерен больше иметь.

– Тс-с, мы во дворе дома, в котором проживает добрая сотня семей, – одернул он меня. – Вот что, давай прямо завтра приходи ко мне и приступай к работе. Должность найдем. Какой у тебя был министерский оклад?

Я напомнил ему размер министерского оклада.

– Теперь будет больше, – пообещал Идрис.

– Ну да, ведь сейчас наши деньги с нулями, как турецкая лира, – пошутил я.

– Будет больше не по нулям, а по покупательной способности. И финансируют нас напрямую из Москвы, – заметил он.

Я поднялся в свою квартиру на четвертом этаже, не вызывая лифта. Как говорится, на едином вздохе.

– Не возгордись, жена, но я опять оказываюсь в долгу перед вами, атагинцами, – сообщил я Тамаре.

– Я об этом всегда твержу тебе. Мы, атагинские, люди добрые и щедрые. Что же случилось на этот раз? Я вижу, тебя Идрис чем-то взбодрил?

– Да, и не слабо: он предложил мне работу в Верховном Суде. Интересно получается: выходит, мне было суждено под старость стать все-таки настоящим юристом, хотя и поневоле. Поздноато, правда, начинать с нуля, но я рад. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

– Ничего себе, с нуля. Ты же будешь работать в Верховном Суде, а не где-нибудь в Ножай-Юрте или даже в Шали, – не согласились сыновья.

На следующее утро секретарь приемной председателя откликнулась на мое приветствие вопросом:

– Если я не ошибаюсь, вы Киндаров Абдулла Гарсиевич? Проходите, Идрис Абуевич ждет вас.

– Однако, школа у тебя чувствуется, – заметил я, входя к Аббастову И.А.

В кабинете оказались его заместители И.Д. Эдилов и А.З. Чаниев. Обоих я знал хорошо: с Исой Джабраиловичем мы даже учились вместе в институте. Все трое тепло встретили меня и попросили, чтобы я чувствовал себя свободно и уверенно.

– Здесь твои друзья, – заверили они.

Иса Эдилов теперь был известным юристом. После окончания Всесоюзного юридического заочного института – ВЮЗИ, он работал заместителем министра юстиции ЧИ АССР, состоял членом Верховного Суда РСФСР. Такой чести в советский период, да и в истории царской, а теперь и «демократической» России, никто из чеченцев не удостоивался. Ису Джабраиловича это не изменило, он был скромным, всегда обходительным и внимательным человеком, таким и оставался.

Азамата Лорсовича Чаниева я больше знал по сотрудничеству в различных комиссиях и бригадах в бытность мою депутатом Верховного Совета ЧИ АССР, а также по неофициальным встречам в разных компаниях. Интеллигентный и учтивый Азамат тонко знал чечено-ингушский этикет и в любых условиях придерживался его.

А пока мы общались, Идрис Абуевич поручил собрать сотрудников. В кабинет входили люди, со многими из которых так или иначе меня сталкивала жизнь и работа. Среди них были мои старые друзья Султан Межидов и Муса Сатаев.

Когда вошел Михаил Алексеевич Кузнецов, я вскочил с места и бросился к нему. Он удивленно вскинул брови, внимательно посмотрел на меня сквозь очки и крепко обнял.

Я глубоко уважал этого человека. Сразу после окончания школы в 1941 году его определили в летное училище, но всю войну он прошел в полевой разведке. После окончания войны стал юристом.

Кузнецовы жили в Кизляре, когда после упразднения Чечено-Ингушской АССР город оказался в составе Грозненской области. Работал следователем в Старых Атагах (тогда Предгорное), прокурором в Грозном, председателем Октябрьского райисполкома, долго

возглавлял Верховный Суд Чечено-Ингушской АССР. Мы близко узнали друг друга с тех пор, как после известных «ингушских событий» в январе 1973 года его освободили с должности председателя Верховного суда ЧИ АССР за недостаточную твердость и перенесли заведующим организационно-инструкторским отделом Управления делами Совета Министров ЧИ АССР.

Михаил Алексеевич был одним из самых добропорядочнейших людей, которых я знал.

Мы с ним хорошо понимали друг друга. Я, неисправимый искатель правды, заядлый спорщик с ироническим характером, «далеко не подарок на 8 марта», как говаривали мои начальники «и даже на 23 февраля», добавлял я сам. И он всегда объективный в оценках людей, событий, спокойный, рассудительный, логичный в доводах. Он стремился к самой правде, к существу вопроса, умело доказывал свою точку зрения. При этом Михаил Алексеевич не допускал чванливого высокомерия, не терпящего возражения тона, не применял «ресурс» своего должностного положения, как бы выразились сегодня, и как часто и не стеснясь делали другие представители «старшего брата».

Мы с Михаилом Алексеевичем так обнявшись и сели у самых дверей.

– Вот как встречаются старые друзья, – заметил Идрис Абуевич, – Но мне тут свое совминовское землячество не разводите, – предупредил он, вызвав улыбки на лицах присутствующих.

– Я пригласил вас, чтобы представить нового сотрудника. С сегодняшнего дня Абдулла Гарсиевич Киндаров будет работать с нами в должности старшего консультанта. Прошу любить и жаловать. А вас, Михаил Алексеевич, прошу позаботиться о рабочем месте, и вообще, введите его в курс дела. Уверен, вы по старой дружбе сделаете это лучше других.

– Конечно, – отвечал мой бывший шеф.

Мне было здесь интересно. Я, естественно, юристом был весьма условным. Окончить институт, даже очень успешно, совершенно

недостаточно, тем более, заочно. К тому же я не работал на чисто юридической работе. А тут мне поручают такое важное дело, как анализ и обобщение судебной практики районного и городского суда.

Несколько помогало то, что я все эти годы старался быть в курсе нового в законодательстве, выписывал юридические издания, особенно регулярно читал популярный журнал «Закон и жизнь», следил за литературой, а также постоянно поддерживал дружеские связи с однокашниками и коллегами. Среди моих наиболее близких друзей всегда оставались Асланбек Сардалов, Супьян Исмаилов, Абдул-Вахаб Гадуев, Мовсар Асабаев, Замбек (Абдулла) Хамзаев и другие юристы.

Мне стали охотно помогать старые работники Верховного Суда.

Первую мою аналитическую справку И.А. Албастов расчистил вконец.

— Это не анализ, а лишь беглый обзор. Нужно изучить рассмотренные в районных судах дела с точки зрения правильности применения судами процессуальных норм и применения статей уголовного кодекса по фактически доказанным составам преступлений. Ты не волнуйся, не спеши, нас никто не подгоняет. И не стесняйся спросить и посоветоваться с опытными товарищами.

С переработанной справкой председатель согласился и предложил мне самому выступить с ней на совещании судей.

— И чтобы надо мной все дружно посмеялись? — испуганно спросил я.

— Нет, — ответил он, — чтобы наши судьи поняли, что отныне я постоянно и бескомпромиссно будет опекать, контролировать грамотный и независимый человек. А опыт — дело наживное.

— Ты действительно так думаешь?

— Да. Зачем мне говорить тебе неправду? С этим материалом можешь выступать смело.

Доклад слушали внимательно, вопросов было немного. Азамат Чаниев похвалил меня.

– Обзор был грамотным по содержанию и по форме. И подача была нестандартной.

– Анализ грамотный и изложен убедительно. Немного поработаешь над терминологией и тебя возьмут в судьи, – не то, шутя, не то всерьез сказал один из районных судей – моих однокашников по ВЮЗИ.

– Мне это не нужно было раньше, а теперь и подавно. Лучше буду искать ошибки у вас, – огрызнулся я.

– Все комсомолишь? Ну, ну. А в это время другие, которые, как ты помнишь, со второго или третьего раза сдавали простейшие зачеты, имеют по несколько квартир, дачи и дома в родовых поселениях, ездят на шикарных машинах с вооруженной охраной. Ты, хотя бы теперь, проснись.

– Я все вижу, но ни с кем из тех, о ком ты говоришь, меняться бы не стал, видит Бог. Зачем ты испортил мне настроение? – бросил я в сердцах и ушел к себе. Мою перемену заметил Михаил Алексеевич.

– Ты только что выглядел довольным, а сейчас помрачнел. Кто тебе испортил настроение? Ты не слушай никого. Я сам слышал похвальные отзывы председателя и его заместителей, а они грамотные юристы. Так что, поздравляю. Считаю, что ты принят в корпорацию юристов. Но я бы, на твоём месте, не пошел в судьи.

– А с чего вы решили, что я этого хочу? Мне до пенсии – всего ничего, я и здесь пересажу. Да и неизвестно еще, во что весь этот бардак выльется.

– Тебе известно, зачем к нам приходил этот поэт?

– А это кто?

– Как кто? Зелимхан Яндарбиев.

Мой друг избегал любых разговоров на политические темы, но здесь он не выдержал.

– Был он вчера здесь. Как я понял, они затевают публичный суд над... «колониальной политикой России в Чечне», – выдавил он.

— Это как же?

— Не знаю, но это уже за пределами всякого здравого смысла.

Через некоторое время З. Яндарбиев вновь появился с большой охраной, осмотрел зал судебных заседаний, давал какие-то заметки И.А. Албастову. Тот слушал его, что-то говорил в ответ. По выражению его лица и ссутулившейся фигуре было видно, что все это Идрису очень неприятно.

Зелимхан, одетый во все национальное – сапоги, бешмет, рубашки с застегнутым стоячим воротником, в папахе и с небольшой бородкой, лишь кивнул мне.

— Интересно узнать, кому и зачем нужен этот политический фарс? Отдает ли кто из его организаторов отчет в том, что сам процесс может сильно оскорбить Россию? В любом случае, Ельцин и его команда используют этот суд, как сильный козырь, чтобы наказать нас всех, без разбору, – не смог я сдержаться, когда встретился с председателем один на один.

— Ты прав. Я все предпринял, чтобы он не состоялся, но мои попытки не приняты. А теперь пусть будет, что будет.

На том процессе я не был. Видел, как нагнали телевизионщиков, прессу, в зале были какие-то люди.

Если по такому поводу вообще можно говорить образно, то этот процесс был голом в собственные ворота. Ичкерийцы поставили такой спектакль. Я не читал российскую прессу по этому поводу. По моему, его в России просто проигнорировали. И правильно сделали.

А пока Верховный Суд республики был загружен работой. Суды руководствовались неотменным советским, а также вновь принятым российским законодательством и немногочисленными нормативными актами, принятыми Парламентом ЧРИ.

Меня произвели в начальники вновь созданного отдела по изучению и обобщению судебной практики с одновременным присвоением чина – государственный советник юстиции первого класса.

– Если так пойдет дело, то скоро будешь генералом, – шутили друзья.

– Как хорошо быть генералом, – напевал я, пытаюсь выглядеть бодрым перед женой и детьми. А зарплату, между тем, стали не давать все реже, да и цены выросли.

Накануне

Мой неизменный друг Саид Магомадов, бывший министр местной промышленности, а теперь начальник управления «Грознефтегаз», предложил мне работу юрисконсульта по совместительству. Чувствуя себя крайне неловко, я сказал об этом И.А. Албастову. На мое удивление, он отнесся к этой идее с пониманием.

– А что тут такого? – сказал он, – Пиши заявление, подпиши, но на полставки, больше закон не разрешает.

Так у меня появилась и вторая работа, сыгравшая немаловажное значение для моего семейного «бюджета».

Какими-то неизвестными путями нефтяники умудрялись более-менее регулярно давать зарплату своим работникам. Мне довелось проработать в этой рабочей среде ровно четыре года. Всю свою сознательную жизнь я стремился быть полезным простым людям. А тут была возможность помогать им напрямую и непосредственно. Мой прямой начальник, Саид Магомадович, не только давал такую возможность, но и поощрял, создавая условия.

Мы начали с того, что стали систематически разъяснять работникам их трудовые права. Для этого еженедельно на планерках в управлении и в цехах я выступал перед работниками: операторами, сварщиками, слесарями, обходчиками с разъяснением их прав по вопросам охраны труда и заработной платы.

Сначала к такому новшеству в условиях хаоса в республике работяги отнеслись поговорке: мели Емея... А потом прислушались, стали задавать и ставить вопросы все смелее и резче. Мы

и свою очередь, старались отвечать на них также прямо и честно, быстро реагировать и решать там, где было это в наших силах, давали разъяснения, где оказывались бессильными.

Нам не раз приходилось защищать интересы рабочих и предприятия в целом перед руководством объединения «Грознефть», значило в светских судах, а потом и в шариатском. Это была замечательная школа, сравнимая с университетской. К сожалению, мне пришлось проходить ее в финале своей трудовой деятельности.

А обстановка в городе, между тем, накалялась. От Дудаева отделился Б. Гантемиров, который контролировал городское собрание и имел свой вооруженный отряд. Летом дудаевцы среди бела дня расстреляли городское собрание из орудий, были многочисленные жертвы.

Собрание размещалось в бывшем здании Ленинского райкома КПСС, находившимся на расстоянии каких-то ста-ста пятидесяти метров от нашего дома, через улицу Красных Фронтвиков. В тот момент я оказался дома, был обеденный перерыв.

Вспомнилось, как, совершенно близко от дома, что-то громыхнуло со страшной силой. Эхо разнеслось по нашим дворам, стекла вдребезжали, двери на закрытой лоджии распахнулись настежь.

Выскочил на балкон. Через наш двор, со стороны улицы Красных Фронтвиков, пробегали люди с автоматами. Со стороны площади В.И. Ленина слышалась частая стрельба. Я пошел к двери, но дочь обхватила сзади за плечи и удерживала, заклиная не выходить.

Скоро с улицы по балконам разнеслось сообщение: дудаевцы расстреляли из артиллерийского орудия городское собрание, десятки людей убиты и ранены.

Ригором городского собрания показал, что режим Ичкерии не установится ни перед чем, чтобы ликвидировать самым жестким способом любую оппозицию.

То в одном, то в другом районе Чечни объявлялись противники

новому режиму, возникали вооруженные стычки. Часто проходили слухи о похищениях и убийствах людей. Но виновных никто не искал, дела об их привлечении к ответственности, если и возбуждались, до суда не доходили.

Из Москвы раздавались угрозы вперемешку с отвлекающими жестами и заявлениями о миролюбии и уважении к чеченскому народу.

В свою очередь ичкерийцы старались не уступать в изобретательности и маневренности, как в пропаганде, так и в контрпропаганде.

Многие из бывших коллег, партийных и государственных чиновников, работников умственного и творческого труда выехали из республики. Среди нас, троих братьев, такой вопрос не вставал и не обсуждался. Что бы не случилось, мы останемся на Родине, хватит того, что мы оставили отца, сестру и многих близких в далекой Азии – таков был наш выбор. Дети отказались покидать нас.

30 октября 1994 года отряды оппозиции вошли в город. Прошел слух, что они уже взяли Президентский Дворец и ряд важнейших объектов в городе. Но уже на следующий день они ушли, оставив противников режима в полном недоумении. Потом, значительно позже, люди узнали, что это было сделано по команде из Москвы. Говорили, что там не захотели допустить к руководству Чечней Р.И. Хасбулатова, ставшего к этому времени личным врагом Ельцина. Позорный провал нового похода в ноябре того же года, захват российских солдат и офицеров с трансляцией московскими СМИ всех подробностей из подвала Президентского Дворца Ельцина и его окружение, судя по реакции в российской прессе, восприняли как личное унижение, вроде политической пощечины.

Ситуацию усугубил Д. Дудаев, объявивший Россию «колоссом на глиняных ногах». А судьба большей части чеченского народа, не скрывавшего своих желаний оставаться в мире и дружбе со всеми российскими народами в составе единой России, никого не интере-

говинна. Чеченцы вновь по определению были объявлены врагами России, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В Верховном Суде работы не убавлялось. У меня в отделе появились три новых сотрудника. Теперь нам поручили осуществлять надзор за деятельностью районных судов.

В это время новым членом Верховного Суда был назначен мой друг Абдул-Вахаб Гадуев, работавший начальником отдела в Прокуратуре республики, располагающейся рядом. Через короткое время И.А. Албастова перебросили в прокуратуру, а А.-В.Г. Гадуева назначили председателем Верховного Суда. Мое внимание привлекло то, что Указом Д. Дудаева Идрис Албастов назначался исполняющим обязанности. Какой смысл и что за этим? – возникали вопросы.

Албастов был уже министром юстиции и председателем Верховного Суда, перестановка его на прокурорский пост вполне логична, но почему только исполняющим обязанности?

Я задавал эти вопросы ему лично. Идрис ответил, что в разговоре с президентом речь шла о назначении прокурором, а формулировка и.о. для него самого неожиданность.

Логично было предположить, что его намерены использовать на какое-то время.

– Ну, и хрен с ними, – в сердцах выговорил он, – я устал. Похоже, друг, наши мечты служить до конца своему народу разбились вдребезги. Сейчас балом правит уголовщина с политической окраской. Ты себе не представляешь, как они повязаны, что там, в Москве, что здесь, в Грозном. Давай все же обмоем этот кабинет. Здесь же сидел сам Александр Иванович Ростов. У него разрыв сердца случится, когда узнает, что здесь сидит теперь чеченец. Уже само это многого стоит! Может быть, целой жизни! Жаль, что это произошло при более благоприятных условиях.

Мы выпили «вино с печалью пополам».

В должности и.о. прокурора И.А. Албастов пробыл недолго.

Его сменил управляющий Национальным банком ЧРИ Имаев. Тотого молодого человека в чиновной среде республики никто не

знал. Говорили, что он работал в каком-то посольстве секретарем или атташе по культуре, а некоторые утверждали, что всего лишь состоял в охране посольства, а значит... Молодой, прилично одетый, говорливый, он производил некоторое впечатление, однако его округлые пассажи не содержали ясной мысли и четкой позиции. В нем было много позы.

Абдул-Вахаб Гадуев радости от своей новой должности никак не выказывал. Уверен, он ее и не испытывал, ибо был умный и практичный человек, вполне способный вовремя увидеть вектор движения Ичкерии в чрезвычайно опасном направлении.

Иногда я не удерживался и начинал критиковать действия режима, больше рассчитанные на прессу, чем на результат.

– Да оставь ты эту политику, – кривился он, как от кислотности. – Что нам больше не о чем поговорить что ли?

– Лично я давно отошел от политики, думал, здесь не достанет, но с каждым днем глупости, совершаемые нашими «домашними революционерами», затягивают нас всех все глубже в погибельную бездну. Как же молчать?

В аппарате Верховного Суда, конечно, знали о нашей давней дружбе. В судейском корпусе работали однокашники по Краснодарскому факультету ВЮЗИ. Чтобы не создавать кривотолков, я старался держать дистанцию с председателем, без вызова не ходил к нему, в обращении при коллегах держался строго официально.

– Ну, ты, Киндаров, даешь, – сказал он однажды. – Ты иногда держисься, будто мы едва знакомы. Не зря ты в культуре проработал, артист.

– Гадуев, вся наша жизнь – театр, а мы в ней – артисты. Это моя мысль. Сейчас мы играем драму, грозящую в финале перейти в трагедию.

В неофициальном общении мы называли друг друга не по именам, а по фамилиям. Эту манеру мы переняли у покойного Сайд-Али Даурбекова, бывшего нашим шефом – первым секретарем райкома

ИПСС в Ножай-Юрте, которого мы оба горячо уважали и память о котором берегли.

– Ты опять?

Я поднял руки и ушел к себе.

Тучи с севера сгустились. Среди русскоязычного населения начался массовый исход. Дудаевцы спешно готовились принять новую Конституцию ЧРИ, будто она могла оградить от нависающей опасности и гарантировать суверенитет Ичкерии.

Зайдя к нам в кабинет, председатель сказал:

– Завтра вечером на телевидении должен состояться круглый стол по обсуждению проекта новой Конституции республики. Прошу тебя принять в нем участие в качестве представителя Верховного Совета республики.

– Но ведь у тебя есть заместители для этого. Да и не хочу я туда идти и вести бесполезную полемику с людьми, которые никого, кроме себя, не слышат. Да и никому в рот заглядывать, подбирать слова в стиле «чего изволите-с» тоже не стану.

– Этого от тебя и не требуется. Говори, что сочтешь нужным, но в рамках разумности.

Я был озадачен. Надо было найти повод, чтобы увернуться от участия в этой телепытке. Но какой?

М. А. Кузнецов лишь широко развел руками на мой красноречивый взгляд с немым вопросом.

Шеф и на второй день повторил свою просьбу, причем, очень тактично.

«Круглым» стол не получился – кроме меня и двух представителей муфтията пришел, насколько я помню, еще один молодой человек от «науки».

Директор Исламского института Майрбек-хаджи, одетый в свое непривычный тогда, расшитый золотом халат с чалмой на шапке, сделал пространное вступление, доказывая необходимость вхождения в новую Конституцию ЧРИ положения об исламе, как государственной религии.

– В таком случае, по логике вещей, следующим актом придется вводить у нас шариат. Я не специалист по религии, но возникает вопрос: готов ли к этому наш народ? Мы прожили при коммунистической идеологии почти семьдесят пять лет, за это время появились новые поколения, совершенно незнающие религии. Одновременно ушли из жизни ученые-арабисты и богословы.

– Их уничтожили ваши коммунисты, – перебил меня Маирбек-хаджи.

– Коммунисты моего поколения никого не уничтожали, и не устанавливали республику, – парировал я. – Насколько помню из книги шариат в Чечне пытались ввести Ушурма, Шамиль, Альбиг-хаджи, Узум-хаджи и даже Моцу Шуанинский, уже в советские годы. И каждый раз это заканчивалось трагично для народа. Неужели вы думаете, что нынешние власти России допустят, чтобы у них носом появилась исламская республика? Это опасное заблуждение! Стоит нам принять такую Конституцию, как Россия немедленноотреагирует самым жестким образом, – доказывал я.

Было это 4 декабря 1994 года, а 11 декабря в Чечню были введены войска, и начались бомбардировки Грозного.

Я отвез семью в село, но почти ежедневно со старшим сыном Асланбеком навещался в Грозный. Федеральные войска медленно входили в город с северной стороны, а южное направление оставалось свободным для выезда и въезда.

В последний наш приезд Верховный Суд был взят под усиленную охрану. А-В.Г. Гадуев оказался у себя и меня пропустил внутрь.

Абдул-Вахаб сосредоточенно перебирал папки с бумагами.

– Ты почему здесь? – спросил он. – Немедленно забирай семью и уезжай. Здесь, похоже, будет жарко.

– А твои? – спросил я.

– Они уехали в Ачхой-Мартан. Я тоже уеду за ними. Давай, давай, уезжай, – буквально вытолкал он меня из кабинета.

После тридцати шести лет безупречной дружбы мы расстаемся, не зная, встретимся ли когда-нибудь вновь.

Но дворе нашего дома было пусто и тихо. Звуки от разрыва рывков со стороны аэропорта доносились четко.

С балкона четвертого этажа второго подъезда меня окликнул знакомый голос. Это был Сайд-Ахмад Лорсанукаев, собственный корреспондент газеты «Сельская жизнь» по Северному Кавказу.

— Эй, товарищ, — крикнул он, — ты не туда пошел. Мужчины здесь, иди сюда.

Я велел сыну зайти в квартиру, а сам пошел к Сайд-Ахмаду. При всех квартир на площадке четвертого этажа были открыты, они перекликались между собой Идрис Албастов и Майрбек Байрамов — бывший второй секретарь Грозненского горкома КПСС, затем председатель горисполкома.

— Входи, дорогой, гостем будешь, — обнял меня Сайд-Ахмад. — Эй, Идрис, здесь Абдулла Киндаров, сейчас придет Лечи Магомадов, давайте сюда. Сейчас загудим, пока разрывы снарядов не покажутся игрой на рабине.

— Твой коньяк кончается, дорогой, — заметил подошедший Идрис, показывая хозяину на полупустую бутылку.

— А когда у этих журналистов водились запасы? — поддержал Сайд-Ахмад Идриса.

— Что? Да у нас всегда найдется, чем угостить гостей, — сказал Идрис и пошел к двери боковой комнаты, но она оказалась запертой. И дверь в кладовку тоже не поддавалась. Ребята ехидно засмеялись.

— Вах, — удивился Сайд-Ахмад, — это жена все закрыла.

— Конечно, — поддержали его друзья, — ты тут, рискуя жизнью, привнес квартиру с добром, а она унесла ключи от кладовки.

— Нет, парни, вы не правы. Она поступила вполне трезво. Война кончится, а вы опять придете в гости, где возьмем коньяк?

Сайд-Ахмад резким ударом ноги вышиб двери и вынес из кладовки почти полный ящик бутылок с золотыми наклейками.

Мощный снаряд разорвался совсем близко, похоже, в районе завода «Красный Молот». Задрожал весь дом, зазвенели стекла окон.

– Все, ребята. Давайте не будем испытывать судьбу и попытаемся засветло выбраться из города, – предложил Лечи.

Мы расстались, пожелав друг другу благополучия и скорой встречи в Грозном.

Я пошел в свою квартиру, но сына там не было.

Мы прожили здесь восемь, в общем-то, вполне благополучных и счастливых лет. Все было родное, честно нажитое. Моей особой гордостью были большая библиотека и личный архив, который собирал еще со школьных лет.

Алиев Шарпуддин Амирович,
первый доктор медицинских наук
из чеченцев.

В ожидании сына, я сидел у кровати, большое покрывало и расстелив на полу, стал укладывать костюмчики и платица, подаренные родственниками и друзьями моей первой внучке Лале, родившейся семь месяцев назад – 18 мая 1994 года. Их было не меньше полусотни.

– Магазин можно открывать, – грустно произнес я про себя.

Бросив сверху доху, кожанку и еще несколько вещей невестки Тамилы, я стал стягивать концы покрывала в тугий узел.

В это время вошел сын.

– Папа, ничего не бери, в машине места нет, – сказал он.

Я удивленно посмотрел на него.

— Я выезжал к Алиевым. Они, оказалось, не смогли уехать, тетьа Гиви и Тахир больны. Я их забрал с собой.

— Да, но багажник...

— Туда пришлось сложить их постели.

Тик и остались лежать кучей на полу вещи моей внучки и невестки. Но, видит Бог, я о них не пожалел. Меня в это время оверпопняла гордость за сына, не бросившего в беде своих друзей и всю семью нашего большого и незабвенного друга профессора Шарфуддина Амировича Алиева, скончавшегося незадолго до событий 1991 года.

Доставив Алиевых в свой дом в Чечен-ауле, мы с Асланбеком до наступления темноты благополучно добрались до родного Балатоя.

Со стороны Грозного нарастал гул от разрывов бомб и ракет.

Так началась для нас эта жестокая и нескончаемая война, названная потом официальной Москвой «чеченской», хотя развязали ее российские политики и генералы, а чеченцы в ней мужественно сражались, кто бы и что бы не говорил и не писал.

Об этом хочется поговорить особо и отдельно.

(Конец второй книги)

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Слово к открывающему книгу	3
Гудермес – город доброй памяти	8
Авторитет Советов растет	89
Снова в армейской шинели	123
А дома все по-прежнему	138
Кризис районного масштаба	150

Часть II

Культура: судьба или призвание	168
DDR – давай, давай, работай	199
В зубах «Крокодила»	207
Задача: не выживать, а развиваться	216
Поездка в Сирию и Иорданию	254
Все началось с оползней	273
Фестиваль «Терек – река дружбы»	278
Поворот – к национальной культуре	283
Мечты, мечты, где ваша сладость?	336
Начало кризиса	343
Противостояние	354
Юрист поневоле	412
Накануне	420

Абдулла Киндаров

ИСПОВЕДЬ ЧЕЧЕНЦА

(Воспоминания и размышления)

Книга вторая

Главный редактор **Бураева Т.И.**

Редактор *Ирисханов И.А.*
Корректор *Бексултанова З.С.*
Верстка – *Бицалова А.Т.*

Подписано в печать 25.12.2008 г. Формат 70х90 1/16.

Бумага офсетная № 1. 65 г/м². Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,59.

Знак № 2347. Тираж 2000 экз.